LEO STERNBERG

[P. ii]
[P. i is blank]

GILYAKS
OROCHS, GOLDS, NEGIDALS, AINU

WORKS AND MATERIALS

1933 — DALGIZ — HABAROVSCK

1: Shternberg RX2 Gilyak

77

Shternberg, Lev Iakovlevich

Л. Я. ШТЕРНБЕРГ

Giliaki

ГИЛЯКИ
ОРОЧИ, ГОЛЬДЫ, НЕГИДАЛЬЦЫ, АЙНЫ

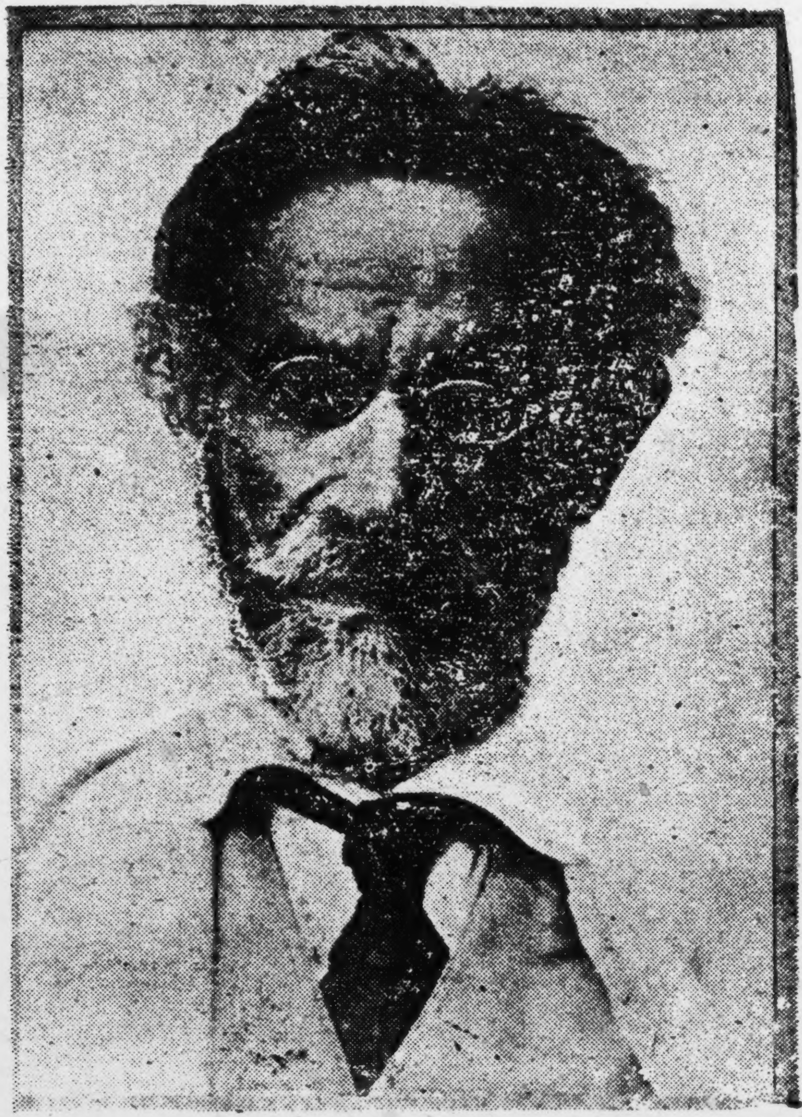
СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Я. П. АЛЬКОР (КОШКИНА)

Title Page 2

1933 — ДАЛЬГИЗ — ХАБАРОВСК

DK758
.S5



Л. Я. Штернберг.

[P Vi is blank]

СОДЕРЖАНИЕ.

Я. П. Алькор (Кошкин) Л. Я. Штернберг как исследователь народов Дальнего Востока XI

1. Классификация коренного населения Приамурского края.

2. Гиляки.

I. Территория. — Изолированность в лингвистическом отношении. Происхождение 13
II. Окружающий мир. — Тип. — Внешний быт 22
III. Система родства. — Нормы брака и влияние их на семейно-родовой строй 30
IV. Некоторые выводы из норм гиляцкого брака 45
V. Религия гиляков 49
VI. Род 81
VII. Механизм рода 109
VIII. Междуродовые отношения 121

3. Социальная организация гиляков.

I. Введение 129
II. Термины и форма родства..132
III. Классификационная система родства и нормы полового общения и брака 149
IV. Моральные и психические последствия половых норм......182
V. Генезис гиляцких норм брака и терминологии родства......190
VI. Динамика разрушительных условий 203
VII. Фратрия и ее генезис....209
VIII. Кузенный брак 214
IX. Гиляцкая система родства и гипотеза Моргана 223

CONTENTS.

J. P. Koshkin, L. Sternberg, as explorer of the peoples of the Far East of Asia XI

1. Classification of the aboriginal population of the Amurregion

2. Gilyaks.

I. Territory. Linguistical isolation. Origin 13
II. Environment. Type. External life 22
III. System of relationship. Marriage norms and their influence on the family and genslife 30
IV. Some conclusions from the norms of the gilyakmarriage . . . 45
V. Religion of the Gilyaks . . . 49
VI. The Gens 81
VII. Mechanism of the gens . . 109
VIII. Relation between the gentes 121

3. Social organization of the Gilyaks.

I. Introduction 129
II. Terms and forms of relationship 132
III. The classificatory system of relationship and norms of sexual and marriage inter course 149
IV. Moral and psychological consequences of the sexual norms . . 182
V. The genesis of the Gilyak marriage norms and the terminology of relationship 190
VI. Dynamics of de[illegible]ctive conditions 203
VII. The phratry and its genesis 209
VIII. Cousinmarriage 214
IX. The Gilyak marriage system and Morgan's hypothesis 223

X. Черты классификационной системы у других народов северо-восточной Азии 235
XI. Половая жизнь 246
XII. Способы добывания жены..258
XIII. Термины вступления в брак и пережитки материнитета. 262
XIV. Формы заключения брака 267

4. Отдельные материалы по этнографии амурских гиляков.

I. Племенной и родовой состав населения низовьев Амура 285
II. Предание о Пилаво 291
III. Преданья о прошлом......295
IV. Слияние родов и медвежий праздник 297
V. Рабы 299
VI. Семья и род 301
VII. Религия 306
VIII. Верования и обряды, связанные с охотой и рыбной ловлей 311
IX. Представления о животных .314
X. Постройка дома, его план и связанные с ним обряды......315
XI. Разное 319

5. Отдельные материалы по этнографии сахалинских гиляков.

I. Религия 320
II. Охота и рыболовство 332
III. Постройка дома и связанные с домом обряды и представления 334
IV. Женщина, роды и дети....335
V. Спасание утопающего 338
VI. Игры 339
VII. Разное 341
VIII. Фольклор..................344

6. Сахалинские гиляки.

I. Происхождение гиляков и черты их внешнего быта........347
II. Семейно-родовые отношения 351

X. Traits of the classificatory system among other peoples of northeast Asia 235
XI. Sexual life 246
XII. Methods of gaining wive . 258
XIII. Marriage terms and survivals of maternitat 262
XIV. Forms of marriage conclusion 267

4. Different materials about the ethnography of the Amurgilyaks

I. The national and gencomposition of the population of the lower Amur 285
II. Legend about Pilavo . . . 291
III. Legend about the past . . 295
IV. Union of gentes. The bear-feast 297
V. Glaves 299
VI. The family and gens 301
VII. Religion 306
VIII. Beliefs and rites concerning fishing and hunting 311
IX. Ideas concerning the animals 314
X. Construction of a house its plan and rites concerning it . . . 315
XI. Miscellanea 319

5. Different materials about the ethnography of the Sahalin-gilyaks

I. Religion 320
II. Hunting and fishing 332
III. Construction of a house, ideas and rites bound with it 331
IV. The woman, delivery and children 335
V. Saving of a drowning 338
VI. Games 339
VII. Miscellanea 341
VIII. Folklore 344

6. The Sahalingilyaks

I. The origin of the gilyaks and their external life 347
II. Receprocal relations between families and gentes 351

III. Религиозные воззрения 364
IV. Юридический быт 370
V. Статистические данные 384

7. Орочи Татарского пролива.

I. Номенклатура и самоназвание 391
II. Происхождение 403
III. Семейно-половые отношения и классификационная система родства 410
IV. Род и родовые отношения 418
V. Религия 425

8. Орочский этнографический словарь.

9. Гольды.

10. Отдельные материалы по этнографии гольдов

I. Представления о загробном мире и связанные с ними обряды 478
II. Различные дополнительные записи, относящиеся к представлению о загробном мире 490
III. Анимизм. Культ природы и животных 496
IV. Легенды о животных 501
V. Месть. Суд 504
VI. Рабство 506
VII. Разные записки 507

11. Гольдский этнографический словарь и грамматические заметки по гольдскому языку.

12. Негидальцы.

I. Роды 529
II. История и быт. 531
III. Сватовство и брачные нормы 532
IV. Религия 533
V. Оморочка 538
VI. Тунгусская сказка 539

13. Негидальский этнографический словарь.

14. Айнская проблема.

I. Введение 555
II. Откуда пришли айны 558

III. Religious conceptions . . . 364
IV. Juridical life 370
V. Statistic data 384

7. The Orochs of the Tartar strait

I. Nomenklature and self namination 391
II. Origin 403
III. Family and sexual relation and the classificatory system of relationship 410
IV. The gens and relations between gentes 418
V. Religion 425

8. Oroch ethnographical dictionary

9. Golds

10. Different materials about the ethnography of the Golds

I. Conceptions about the other world and the rites connected with them 478
II. Different supplementary notes about the other world 490
III. Animism. Cult of the nature and animals 496
IV. Legends about animals . . . 501
V. Vengeance. Justice 504
VI. Slavery 506
VII. Different notes 507

11. Gold ethnographical dictionary

12. Negidals

I. Gentes 529
II. History and mode of life . . 531
III. Matchmaking and marriage norms 532
IV. Religion 533
V. Omorochka 538
VI. A tungustale 541

13. Negidal dictionary

14. The Ainu problem

I. Introduction 555
II. From where are the Ainu coming 558

III. Доказательства из области материальной культуры австронезийского происхождения айнов 559
IV. Доказательства из области орнамента. Культ змей 567
V. Другие доказательства из области культа 577
VI. Культ инау и пр. 579
VII. Доказательства из области социальной жизни 584
VIII. Доказательства лингвистические 584
IX. Доказательства антропологические 590

15. Культ инау у племени айну.

16. Антропологические исследования Л. Я. Штернберга на Дальнем Востоке.

I. Предисловие 637
II. Введение 639
III. Методика обработки 644
IV. Физический тип исследованных народностей по литературным данным 648
V. Общая характеристика материала 663
VII. Описательные признаки 665
VIII. Измерительные признаки 713

17. Краткая программа для собирания этнографических сведений применительно к народам Сибири.

III. Arguments out of the material culture for the austronesian origin of the Ainu 559
IV. Arguments out of the ornamental oblasti. The snakecult . . . 567
V. Other proofs out of the religions cult 577
VI. The inau cult and other forms of cult 579
VII. Proofs out the social culture 584
VIII. Linguistis proofs 584
IX. Anthropological proofs . . . 590

15. The inau cult among the Ainu

16. L. Sternberg's anthropological investigations in the Far East

I. Preface 637
II. Introduction 639
III. Method of working the materials 644
IV. The physical type of the investigated peoples according to literary data 648
V. General characteristic of the materials 663
VI. Descriptive marks 665
VII. Measuring marks 713

17. A brief program to collect ethnographical data among the peoples of Siberia.

1: Shternberg RX2 Gilyak

[R XI]

Л. Я. ШТЕРНБЕРГ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Я. П. АЛЬКОР (КОШКИН)

Изучению народов Дальнего Востока Л. Я. Штернберг посвятил значительную часть своей жизни. Изучением гиляков на Сахалине началась (в 1890 г.) его научная деятельность, докладом об «Аинской проблеме» в Академии наук СССР (в 1927 г.), по возвращении с III Тихоокеанского конгресса в Токио, она так преждевременно закончилась.

В молодости Штернберг не думал о научной деятельности. Еще на гимназической скамье он мечтал отдать всю свою жизнь «на благо народа». Будучи студентом физико-математического факультета Петербургского университета и потом юридического факультета Новороссийского университета, Штернберг принимал участие в революционной деятельности, которой и отдал свои лучшие молодые годы. За активное участие в партии «Народная воля» он был арестован в 1886 г. и весной 1889 г., после трехлетней «отсидки» в Одесской центральной тюрьме, выслан на десятилетнее поселение на остров Сахалин, где и началась его этнографическая работа. Таким образом, на путь ученого Штернберга толкнули совершенно непредвиденно для него царская тюрьма и ссылка.

Правда, вопросами первобытной истории и социологии Штернберг интересовался еще до ареста и ссылки, но решающий толчок в этом направлении он получил в одесской тюрьме, когда, благодаря счастливой случайности, познакомился с книгой Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» на немецком языке. Книга эта, как мы увидим дальше, чрезвычайно облегчила начало изысканий Штернберга по истории семейно-родовых отношений и оказала весьма значительное влияние на его первые работы.

I.

Отправляясь в ссылку, Штернберг питал надежду, что и в далеком изгнании он сумеет так или иначе быть полезным общественности, но об этнографической работе среди местных «инородцев» (по тогдашней терминологии) он совершенно не думал. С первым «инородцем» Штернберг встретился в посту Александровском, т. е. в пункте своего первоначального поселения, через три месяца после своего прибытия на Сахалин. О впечатлении, которое произвела эта встреча на Штернберга, имеется характерная запись в его дневнике от 12 августа 1889 г.: «Я видел на улице старого шамана-гиляка в лохмотьях, с растрепанными сединами, с глуповатой добродушно-лукавой улыбкой на лице. Его окружали мальчики и кричали: «Смотрите старого шамана, он вам погадает». Я подошел. Невысокого роста старик в почтенных сединах, с высоким могучим лбом и добродушной физиономией стоял беспомощно среди них и смотрел на меня. Я отошел с грустью от этого зрелища»... Заканчивает Штернберг свою запись в дневнике многозначительной фразой: «Я еще когда-нибудь займусь их изучением».[1]

Очень скоро, через шесть месяцев после этой встречи с гиляцким шаманом, сахалинская администрация «позаботилась» дать Штернбергу возможность изучать гиляков. Дело в том, что в феврале 1890 г. за систематические выступления в защиту своих товарищей – политических каторжан, к которым стали применять телесные наказания и т. п. меры, он был выслан в изолированный кордон Виахту, расположенный в 100 км к северу от Александровска, в полупустынной местности на берегу Татарского пролива. Здесь, в отгороженном досками углу общей со стражниками избы-казармы, Штернберг оборудовал «научный кабинет» и начал свою этнографическую работу. Неподалеку (в 2 км) от кордона находился маленький гиляцкий поселок, который Штернберг стал часто посещать и внимательно наблюдать жизнь его обитателей. Очень скоро, после вдумчивого и углубленного исследования, ему удалось обнаружить своеобразный семейно-родовой строй гиляков. На кордоне же, расположенном близ проезжего тракта, он впервые встретился и со случайно проезжавшими тунгусами.

К более широкому и систематическому изучению гиляков Штернберг приступил в начале февраля 1891 г., когда администрация, узнав о его занятиях с гиляками, предложила ему произвести посемейную перепись северо-западных гиляков Сахалина, от селения Аркыво до мыса Марии.

---

[1] Л. Я. Штернберг как полевой этнограф. ж. «Природа и люди» № 17/18 и 19. Стр. 33. Ленинград. 1931 г.

Во время этого путешествия Штернберг открыл у гиляков групповой брак и классификаторскую систему родства. Параллельно с этим он тщательно изучил родовые установления и религиозные воззрения гиляков. Уместно отметить, что перед началом своих научных исследований он не имел даже возможности ознакомиться с основными трудами того времени по этнографии Дальнего Востока. Вот что он пишет в предисловии к своим «Материалам»: «По условиям моего пребывания на Сахалине, очень долго для меня оставались недоступными и работы Шренка об истории и материальном быте приамурских народов...[1] Из внимательного анализа литературного наследства Штернберга и первых его печатных трудов видно, что он во время первого своего путешествия к гилякам не имел возможности ознакомиться не только с книгой Шренка «Об инородцах Амурского края», но и с моргановским „Ancient Society" („Древнее общество"), тэйлоровской «Первобытной культурой» и другими работами по истории первобытного общества. Зато тюремное знакомство с классической работой Фр. Энгельса не пропало для Штернберга даром. Несомненно, благодаря этой работе он сумел в такой поразительно короткий срок открыть у гиляков групповой брак и классификаторскую систему родства и в основном ясно представить себе все значение этого открытия. Так, в письме от 19 мая 1891 г. к своему другу и соратнику по революционной деятельности, М. А. Кролю, Штернберг пишет:[2] «Я открыл у них (гиляков) родственную терминологию и семейно-родовые права, тождественные с таковыми же у ирокезов и в знаменитой punalua-family (на Сандвичевых островах), словом, остатки той формы брака, на которой Морган основал свою теорию и которая служила исходным пунктом брошюры Маркса и Энгельса „Der Ursprung der Familie, des Staates u. s. w.". Но в этой системе покоится интересное родовое устройство гиляков. Сначала я сам опасался верить своему открытию, но когда я во время переписи не пропустил ни одной семьи, ни одной юрты без подробных расспросов, как зовут друг друга разные члены рода семьи и какие кто имеет права, я убедился наконец.[3] В литературе, мне известной, никто этой стороной вопроса не интересовался, хотя имеются довольно обширные исследования о гиляках».

---

[1] Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, т. I, стр. VIII, Петроград, 1908, изд. Академии наук.

[2] Любезности вдовы покойного, С. А. Ратнер-Штернберг я обязан ознакомлением с содержанием этого письма.

[3] Несколько выше в том же письме Штернберг сообщает, что он переписал 1040 гиляков.

После обследования гиляков северо-западного побережья следует ряд других его путешествий, давших в результате полное изучение в этнографическом отношении всего Сахалина. Так, в июне 1891 г. он произвел перепись гиляков и ороков р. Тыми и восточного побережья Сахалина, а также частично тунгусов. Зимой 1891 г. он познакомился с ольчами, приезжавшими поздней осенью для обменных операций на Сахалин. Лето 1892 года он посвятил путешествию по р. Поронаю и всей южной части Сахалина до с. Косуная, где попутно с айнами и ороками переписывал и изучал также и гиляков. Летом 1893 г. Штернберг обследовал западные берега Сахалина, от Аркiаво до Сортуная, и изучал гиляков. В 1894 г. он совершил вторичное летнее путешествие к гилякам вдоль западного берега северного Сахалина и занимался изучением остатков каменного века и детально обследовал изменение состава населения по сравнению с 1891 годом.

В 1895 г. Штернберг получил разрешение переехать на время с научной целью с Сахалина на материк, но при условии передвижения в ограниченном районе, точно определенном администрацией. Летом того же года он выехал на пароходе «Владимир» из Александровского поста во Владивосток. Даже проезд на пароходе не пропал даром для него в отношении этнографических изысканий: на палубе парохода он нашел несколько орочей из Даты и Императорской гавани и установил их самоназвание нани.

Позднее время не позволило Штернбергу посетить в том же году низовья Амура, и он воспользовался коротким периодом, оставшимся до закрытия навигации, для общего ознакомления со страной между Хабаровском и Благовещенском. В Благовещенске Штернберг посетил известного знатока гольдского языка Протодиаконова, который передал Штернбергу орочско-русский словарик, испещренный собственноручными гольдскими переводами. От Протодиаконова Штернберг узнал, что гольды себя именуют нанай и здесь у него возникла мысль, что ороки, ольчи, орочи и гольды одно племя, поскольку они носят одинаковые самоназвания.

В конце июня 1896 г. Штернберг предпринял путешествие к амурским гилякам. Одновременно с этим ему представился случай попутно посетить и ту часть Татарского пролива, которая заселена орочами. Хотя в его распоряжении было очень мало времени, и орочам он мог уделить не больше месяца, он все же решил воспользоваться этим случаем. За время пребывания у орочей Штернберг посетил их селения в Императорской гавани и в бухтах Уи и Дюанка, с. Дату, все селения по реке Тумни до Мули-дата и во время экспедиции встречался с орочами и более отдаленных районов.

Закончив обследование орочей, Штернберг в августе того же года отправился из Императорской гавани в низовья Амура, где на ряду с изучением гиляков знакомился с ольчами. В этом путешествии он объехал низовья Амура до Софийского, а также морское побережье к северу от устья Амура до р. Коль и к югу до с. Чомы.

Зиму 1896—1897 г. Штернберг снова провел на Сахалине, продолжая заниматься изучением языка, фольклора и быта гиляков, а также проверкой прежних своих наблюдений.

В мае 1897 г. Штернберг, попав под амнистию, согласно манифесту 1895 г., досрочно покинул Сахалин и выехал на родину, получив в придачу 3 года гласного надзора полиции.[1]

Таким образом за восьмилетнее пребывание в ссылке Штернберг подробно исследовал общественный строй, религиозные воззрения и обычное право гиляков сахалинских и амурских и, кроме того, основательно изучил гиляцкий язык и фольклор. Изучил он также орочей, ороков, сахалинских тунгусов, айну, ольчей и частично негидальцев по случайным встречам в низовьях Амура.

После путешествия 1896 г. целых 13 лет длился перерыв в экспедиционной деятельности Штернберга. Лишь в 1910 г. по командировке Русского комитета по изучению Восточной и Средней Азии Штернбергу удалось вновь проехать на Амур и Сахалин, теперь уже в качестве признанного ученого.

Главной целью этой экспедиции было продолжение его прежних лингвистических и этнографических работ среди гиляков низовьев Амура и о. Сахалина. Среди гольдов и ольчей Штернберг имел в виду задержаться только на короткое время для того, чтобы ознакомиться с их жизнью лишь постольку, поскольку это могло иметь значение для лучшего понимания некоторых сторон жизни и истории гиляков. Но вышло не совсем так, как было намечено, ибо большая часть экспедиционного времени ушла на изучение гольдов и на попутное знакомство с негидальцами, анюйскими удэ (по его тогдашней терминологии орочонами) и ольчами. Этой экспедицией Штернберг закончил полевое изучение народов Амурского бассейна и Сахалина.

---

[1] Согласно манифесту, срок ссылки должен был быть сокращен на одну треть, т. е. на 3 года 3 месяца и 10 дней, но, благодаря «заботливости» местной администрации, сокращение свелось к 1 году 5 месяцам.

II.

Прежде чем приступить к рассмотрению трудов Л. Я. Штернберга по изучению народов Дальнего Востока, для правильного их понимания совершенно необходимо, хотя бы в самых кратких чертах, остановиться на характеристике его философских взглядов.

В те годы, когда у Штернберга складывалось общее мировоззрение, он был народником и как таковой являлся сторонником так называемой русской субъективной школы в социологии, вождями которой были П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский, а идейным отцом Бруно Бауэр.

Согласно установкам субъективных социологов, в корне противоположным установкам марксизма, основной причиной общественных явлений служат идеалы и цели людей, что и выделяет, по их мнению, социальную эволюцию из эволюции естественно-исторической и требует ее изучения с помощью особого «субъективного» метода, заключающегося в рассматривании и оценке всего прошлого и настоящего с точки зрения идеального общественного строя, вполне соответствующего требованиям человеческой природы. Из этого следует, что для надлежащего понимания прошлого и изменения существующего необходимо создание общих идеалов, утопий, чем и были заняты субъективные социологи. Их совершенно не смущало то, что «взгляд, согласно которому идеями и представлениями людей созданы условия их жизни, а не наоборот, опровергается всей историей, в которой до сих пор всегда достигалось нечто иное, чем то, чего желали, а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противоположное».[1]

Таким образом отличительной чертой субъективистов является то, что «мир должного, мир истинного и справедливого» стоит у них «вне всякой связи с объективным ходом исторического развития: здесь — «должное», там «действительное», и эти две области отделены одна от другой целой пропастью»,[1] и поэтому они не смогли ни объяснить прошлое, ни предложить реальные меры к изменению настоящего.

---

[1] Фр. Энгельс. Приложение к «Анти-Дюрингу». Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. XIV, стр. 364.

Из вышеизложенного становится также понятной огромная роль «критически мыслящих» личностей, которую им приписывали субъективисты, по выработке соответствующих идеалов и направлению хода истории по желательному пути. Объективного критерия таких идеалов, по взглядам субъективистов, нет, ибо мнение большинства не может служить мерилом истины.[2] Субъективные социологи совершенно не уяснили себе роль личности в истории и поэтому находили возможным обвинять марксистов в игнорировании личности, не понимая, что лишь марксизм объясняет действительную роль и значение личности. Преувеличение роли личности, непонимание ее действительной роли проходит красной нитью и через все работы Штернберга.

Для субъективных социологов не существует классового понятия общественно-экономической формации, они ищут развития общества вообще, выдумывают разные формулы прогресса, ведут споры о сущности и цели общества и т. д. В таком же духе составлено и определение общества, даваемое Л. Я. Штернбергом. «Общество, — пишет он в своих лекциях по «Эволюции социальной культуры», — агрегат людей... перманентный, непреходящий и притом связанный узами биологическими, в обширном смысле этого слова, т. е. теми насущными, непреходящими интересами, которые возникают в самой природе человека».

Возражая субъективистам, Ленин пишет: «Начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс, — значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации, в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений.[1]

---

[1] Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Собр. соч., т. VII, стр. 102.

[2] С марксистской точки зрения такое понимание объективного абсурдно. «Большинство», «толпа» и т. д. состоит из людей, а взгляды людей всегда субъективны, представляя одно из свойств субъекта. Объективны не взгляды «толпы», объективны те отношения в природе или обществе, которые выражаются в этих взглядах. Критерий истины лежит не во мне, а в отношениях, существующих вне меня. Истинны взгляды, правильно представляющие эти отношения; ошибочны взгляды, искажающие их» (Плеханов, указ. соч., стр. 226).

Субъективным социологам, в том числе Л. Я. Штернбергу, невдомек, что «вместо изучения и объяснения такие приемы дают только подсовывание под понятие общества либо буржуазных идей английского торгаша, либо мещанско-социалистических идеалов российского демократа, — и ничего больше».[2] И действительно, их теория явилась лишь выражением общественных идей русской мелкобуржуазной интеллигенции определенного периода и ни на шаг не подвинула человечество к пониманию реальных общественных отношений, а не тех, которые «соответствуют человеческой природе».

Общеизвестно и желание субъективных социологов подниматься над вопросом о классовой борьбе и рассматривать все общественные явления с надклассовой точки зрения отвлеченной справедливости. Исходя из этого, субъективисты вели ожесточенную борьбу с марксистским пониманием теории классовой борьбы, в частности выдвигая теорию об «искусственности» капитализма в России и об абсолютной возможности от русской деревенской общины XIX века перейти к социализму. Нет классовой борьбы и в работах Штернберга. Все вопросы в них рассматриваются с некоей надклассовой точки зрения. В качестве характерного примера можно привести следующее поучение Штернберга гилякам, при выборе ими своего судьи: «Судья должен быть беспристрастным к богатому и к бедному, другу и врагу, судить по совести».[3] Но и от Штернберга все же не могли ускользнуть факты эксплоатации среди гиляков, о чем свидетельствует следующая запись в одном из его дневников: «Эти (гиляцкие) кулаки эксплоатируют не хуже цивилизованных».[4] Однако в его печатных работах мы напрасно стали бы искать изложения того, как в разлагающемся гиляцком родовом обществе проявляется классовое расслоение и эксплоатация. Более того, сквозь все его работы проходит идеализация гиляцкого общества. Так, описывая гиляцких богачей (ызей), он говорит: «что такое ызь, как не та же цельная личность в ее высшем проявлении индивидуальности. Влияние ызя поэтому чисто фактическое, моральное, между ним и беднейшим из его сородичей нет еще никакой пропасти ни в умственном, ни в экономическом отношении, и в то же время над всеми доминирует высшая братская связь религиозно-социального союза рода.

---

[1] Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Собр. соч. Ленина, т. 1, стр. 74.

[2] Там же, стр. 75.

[3] Дневник первого путешествия к гилякам в феврале 1891 г. (рук.).

[4] Дневник путешествия к восточным гилякам, в июне 1891 г. (рук.).

Известны нелепые стремления субъективистов истолковать марксизм как «экономический материализм», якобы отрицающий всякие другие стороны общественной жизни, кроме экономической, несмотря на совершенно определенные указания основоположников марксизма, что нет какого-то автоматического действия экономического положения, как это иногда воображают. Марксизм не отрицает разных сторон общественной жизни, тем более их взаимоотношений, но показывает, что в последнем счете решающими являются экономические отношения. Находя взгляды марксистов односторонними, субъективные социологи выдвинули свою теорию взаимодействия факторов, не понимая, что взаимодействие само по себе ничего не объясняет, а, наоборот, нуждается в объяснении при помощи объективного критерия, каким может быть лишь экономическая структура общества.

Штернберг в своих трудах также призывает к плюрализму, рассмотрению разных сторон общественной жизни в их равноценной связи.

Неумение выделить в развитии общества важные и неважные явления и неумение найти объективный критерий и представляет корень субъективизма в социологии.

Нужно также отметить методически совершенно неправильный прием субъективных социологов, в том числе и Штернберга, биологизировать ряд общественных явлений. Так, сплошь и рядом в его работах мы можем найти «инстинкт симпатии», «потребность сотрудничества» и т. д. В особенности заметно это в области истолкования религиозных феноменов. Так, в своих рукописных лекциях по «эволюции религиозных верований» он религию определяет как «одну из форм борьбы за существование, в тех областях, где обычные средства не применимы». Глубоко прав Ленин, указывая, что «нет ничего легче, как наклеить «энергетический» или «биолого-социалистический» ярлык на явления в роде кризисов революций, борьбы классов и т. п. Но нет ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие». Из определения религии Штернбергом без остатка выхолощена ее эксплоататорская сущность. Помимо того, это определение позволяет Штернбергу в конце концов не делать никакой грани между религией и философией. Так, в неоконченном варианте об анимизме он пишет: «С ростом знания, когда слабеет сознание зависимости человека от сил, ему неизвестных... религия все больше теряет свою власть и уступает свое место чистому умозрению... Человеку, освободившемуся от элементарных, самых грубых тягот борьбы за существование, еще остается самая мучительная сторона его существования, тоска по вечности, скорбь за неизбежное страдание, венчаемая тайной смерти. Ему нужен мир... не мир, который люди тысячелетиями привыкли получать от практики религии, а мир внутренний, какой бы ценой он ни достался. И философия пытается дать ему этот мир теми средствами, на которые она способна. Каковы бы ни были эти ответы, будет ли это мужественный агностицизм, будет ли это безутешный пантеизм, будет ли это делающий bonne mine au mauvais jeu пессимизм, будет ли это материализм или спиритуализм, но всякий ответ для многих и надолго будет лучше, нежели ничем не разрешимая загадка. Таким образом, философия в этом смысле вполне подходит под наше определение религии, ибо она пытается облегчить человеческое существование в тех областях, в которых обычные средства борьбы за существование бессильны».

Наконец, нужно отметить, что субъективная школа в социологии в своих взглядах не придерживалась философского монизма. Субъективистам позволялось «брать хорошее отовсюду». Поэтому-то они считали в праве в своих работах применять и другие методы, кроме субъективного, однако, с тем, «чтобы высший контроль в социологии принадлежал субъективному». Ясно, что этим открывались беспредельные просторы эклектизму. Эклектизмом страдают и все основные теоретические построения Штернберга.

Все же, для исчерпывающего понимания взглядов Штернберга нужно принять во внимание и то, что он был не только субъективным социологом, но и выдающимся представителем так называемой классической школы в этнологии (точнее — психолого-эволюционистского направления в социологии), основанной Бастианом, Тэйлором и др. Этнографическое учение Штернберга представляет своеобразное сочетание субъективно-социологических и психолого-эволюционистских установок. Такое сочетание для Штернберга тем более было легким, что исходным пунктом для обеих школ служила человеческая психика.

Из представления Штернберга об обществе вытекает его определение этнографии, как «науки о человечестве и культуре». В более подробном виде это определение выглядит так: «этнография — наука, изучающая... человеческую культуру, и не культуру одних так называемых дикарей, а культуру всех народов и на основании сравнения этих различных культур строящая картину и законы эволюции человеческой культуры вообще». «И только тот, добавляет далее Штернберг, кто усвоил теоретические основы этнографии, в состоянии правильно изучать культуры отдельных народов, на какой бы степени развития они ни стояли».[1] «Социология народов, по словам Штернберга, хотя и претендует на самостоятельное значение, но когда мы вникаем в круг трактуемых ею явлений, нам начинает казаться, что она не составляет науки отдельной от этнографии».[2]

Для нас такое определение этнографии абсолютно неприемлемо, ибо в понимании Штернберга этнография превращена в социологию и в качестве таковой противопоставляется историческому материализму, единственной научной социологии.

В определении этнографии Штернберг вкратце выразил и свои воззрения на культуру и ее эволюцию.

Особо нужно отметить взгляды Штернберга на культуру, как на объект этнографического изучения. «Культура, — говорит Штернберг, — сумма всех ценностей, которые созданы самим человеком, его интеллектом. С психологической точки зрения она продукт индивидуальных открытий и изобретений, с динамической же — продукт постепенного накопления этих изобретений всеми прошлыми поколениями. Культура не биологическое, а социальное наследство прошлых поколений, и поэтому уровень культуры находится в зависимости исключительно от количества унаследованных изобретений и открытий, а не от эволюции физической природы самого человека. Настоящими культурными ценностями нужно считать только сами открытия и изобретения в виде знания и навыков, но не те вещественные объекты, в которые они время от времени воплощаются».

Со всей очевидностью здесь выступает идеалистическая сущность взглядов Штернберга на культуру, и поэтому нет надобности детальнее на этом останавливаться.

Штернберг, подобно остальным эволюционистам, а также субъективным социологам, отрицательно относился к диалектическому методу, приписывая марксизму шаблонное применение гегелевских триад, не понимая, что «диалектическим методом... Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается, как живой, находящийся в постоянном движении организм... для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, изучение законов ее функционирования и развития».[1]

---

[1] Этнография и народное хозяйство (рук.).

[2] Там же.

Штернберг счел возможным при исследовании общественных явлений ограничиться лишь применением сравнительного метода. Превалирующее значение, которое он придавал этому методу, нашло яркое выражение уже в вышеприведенном его определении этнографии как науки. В этой связи уместно привести слова Гегеля об относительном значении сравнительного метода. Останавливаясь на обрисовке некоторых значительных успехов, достигнутых сравнительной анатомией и сравнительным языкознанием, Гегель говорит: «при этом, однако, мы не только должны заметить, что ученые заходили слишком далеко, предполагая, что этот сравнительный метод можно применять с одинаковым успехом во всех областях познания, но должны в особенности еще, кроме того, подчеркнуть, что одно лишь сравнение не может дать полного удовлетворения научной потребности и что достигнутые этим методом результаты должны рассматриваться лишь как хотя и необходимые, но все-таки подготовительные работы для подлинно постигающего познания».[2] И это правильно, ибо с помощью сравнительного метода невозможно вскрыть сущность явлений.

Значительный интерес представляют взгляды Штернберга на развитие культуры. «В результате своего сравнительного изучения культуры, — говорит он, — этнография ведет нас к тому заключению, что творчество культуры везде и всегда шло по одним и тем же законам, что человеческая психика в своем творчестве едина, что человеческая культура так же едина, как един его творец — человечество в целом, и что все различия в культуре — результат не психических различий, а различий в географических и исторических условиях, чисто внешних и переменчивого характера». «Идеал культуры — коллективное творчество и равномерное распределение культурных ценностей. Всякая культура имеет тенденцию к распространению: конечная цель — универсализм и единство человеческой культуры».[1]

---

[1] Ленин. Ук. соч., стр. 93.

[2] Энциклопедия философских наук. Соч. Гегеля. Ч. I, т. I, М.-Л. 1929, стр. 200—201.

Эта установка дала ему возможность вести решительную борьбу с расовой теорией в этнологии, утверждавшей неравноценность различных рас и народов. С другой стороны, именно эта установка позволила Штернбергу, в ряде случаев объяснения тех или иных общественных явлений, приблизиться к точке зрения диалектического материализма.

Как виднейший представитель эволюционной школы в России, Штернберг вел борьбу с реакционной культурно-исторической школой, возглавляемой патерами Шмидтом и Копперсом, против ее теорий диффузии (культурных заимствований), культурных кругов, изначальности единобожия, индивидуального брака и частной собственности. Говоря о патере, теперь кардинале, В. Шмидте и его культурно-исторических взглядах, Штернберг указывает, что «в течение многих лет он (Шмидт) тенденциозно пропагандирует эти воззрения в своем влиятельном журнале „Anthropos“, который, благодаря богатым издательским средствам, сумел привлечь к себе сотрудничество, помимо целого ряда исследователей-миссионеров, также очень выдающихся этнологов.[2]

Не будет лишним заметить, что, стойко защищая свои психолого-эволюционистские установки, Штернберг вел борьбу с модными буржуазными теориями Маррета (о преанимизме), Леви-Брюля (о дологическом мышлении), Фрейда (о сексуальном начале всех общественных явлений) и т. д. В этом отношении его материалы и сейчас имеют значительную ценность.

Все же самой важной стороной научной деятельности Штернберга нужно считать то, что он был одним из крупнейших последователей знаменитого американского этнолога Л. Моргана, заново открывшего, по словам Энгельса, материалистическое понимание истории. Штернберг подкрепил и развил теорию Моргана своими замечательными открытиями классификаторской системы родства и группового брака у народов Дальнего Востока а также рядом своих исследований в области доистории. В качестве морганиста Штернберг был отмечен и Энгельсом, переведшим на немецкий язык отчет об одной из его работ и написавшим ему личное письмо, о чем речь пойдет дальше.

---

[1] Введение в этнографию (рук.).

[2] Современная этнография, ж. Этнография. № 1—2. стр. 24—25 М.-Л. 1926

III.

Вкратце ознакомившись с теоретическими взглядами Л. Я. Штернберга и приступая к обзору его трудов по изучению народов Дальнего Востока, необходимо прежде всего оговориться, что подвергнуть подробному критическому рассмотрению все эти работы не позволяют размеры настоящей статьи, и мы остановимся лишь на главнейших моментах.

До сих пор опубликованы не все работы Штернберга по Дальнему Востоку, да и то, что появилось в свет, разбросано по многочисленным труднодоступным в настоящее время журналам и сборникам. Лишь настоящее издание, предпринятое и осуществленное по инициативе общественности Дальнего Востока, представляет возможность ознакомиться с главнейшими работами Штернберга, написанными им о народах Дальнего Востока, в том числе и с публикуемыми впервые рукописями.

Основными печатными работами Штернберга по этнографии Дальнего Востока являются: 1) Сахалинские гиляки (Этнографическое обозрение, кн. 2, М., 1893 г.); 2) Орочи Татарского пролива (сокращенное изложение в еженедельнике «Владивосток» № 47, 48, 50, 51 за 1896 г.); 3) Гиляки (Этнографическое обозрение, кн. 60, 61 и 63 за 1904 г., отд. оттиск, М., 1905 г); 4) Культ инау у племени айну (Ежегодник Русского антропологического общества при Петербургском университете, Пет., 1908); 5) The Turano-Ganowanian System and the nations of the Nord-East Asia (Proceedings of the XVIII International Congress of the Americanists, London, 1912; 6) Divine election in primitive religions (Proceedings of the XXV International Congress of Americanists, 1925, русское дополненное издание под названием «Избранничество в религии», помещено в «Этнографии» № 1 за 1927 год); 7) Айнская проблема (посмертная работа, помещена в Сборнике Музея антропологии и этнографии Академии наук, т. VIII, Ленинград, 1929). Из этих работ в настоящем издании не помещены: The Turano-Ganowanian System и Избранничество в религии, зато впервые напечатаны: Социальная организация гиляков, Гольды (незаконченный отчет по экспедиции 1910 г.) и Классификация народов Дальнего Востока.

По языкам Дальнего Востока Л. Я. Штернбергом опубликованы следующие работы: 1) Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора (Известия Академии наук, т. XIII, № 4, П.-т., 1900); 2) Bemerkungen über die Beziehungen zwischen der Morphologie der giljakischen und amerikanischen Sprachen (XIV Internationaler Amerikanisher Congress, Stuttgart, 1904; 3) Материалы по изучению гиляцкого яыка и фольклора, т. I, ч. 1 (изд. Академии наук, Пет., 1908). Оставшиеся не напечатанными материалы по гиляцкому языку и фольклору предположены к изданию Академией наук СССР. В настоящем издании из языкового наследства Штернберга помещены следующие материалы по тунгусо-манджурским языкам: 1) Орочский этнографический словарь, 2) Гольдский этнографический словарь с грамматической заметкой, 3) Негидальский этнографический словарь, 4) Грамматические заметки по негидальскому языку.

Из сделанного нами в I главе описания путешествий Л. Я. Штернберга мы видели, что большую часть своих полевых исследований он производил у гиляков, в соответствии с чем его основные печатные труды по этнографии и языкознанию Дальнего Востока посвящены именно этой народности.

Работы Штернберга по гилякам распадаются на две группы: одна из них отведена вопросам социального строя и религиозных верований, другая — фольклору и языку. Из работ первой группы основными являются: «Сахалинские гиляки», «Гиляки», «Турано-ганованская система и народы северо-восточной Азии»[1] и появляющаяся ныне впервые в печати «Социальная организация гиляков». В первой из перечисленных работ мы находим, так сказать, в зародыше почти все то, что в остальных из перечисленных работ дано им потом в более углубленном и разработанном виде.

Особенно следует отметить то, что в этом первом очерке, написанном в 1891 г., т. е. в результате короткого сравнительно периода наблюдений, имеется уже совершенно ясное описание открытого им у гиляков группового брака и классификаторской системы родства, основных черт их родового строя и т. д. Рукопись этой работы Штернбергу удалось отправить тогда в Москву, где она была сначала зачитана в виде доклада в Обществе изучения естествознания, антропологии и этнографии (10 октября 1892 года) секретарем общества Н. Я. Янчуком. Уже через несколько дней после доклада, в «Русских ведомостях» появился отчет с довольно подробным изложением I и II глав рукописи. Новизна и большая теоретическая значимость материала вызвали всеобщее внимание в научных кругах, интересующихся историей первобытного общества. Этой работой заинтересовался также и Фридрих Энгельс, тщательно следивший за русской политической и общественно-научной литературой, и поместил в „Die Neue Zeit" (XI Jahrgang, B. I., 1893) полный перевод газетного отчета о работе Штернберга со своими вступительными замечаниями под заглавием „Ein neuentdeckter Fall in der Geschichte der Ehe".[1] Особенно большое значение Фр. Энгельс придавал подтверждению существования группового брака на гиляцком материале. В виду огромного методологического значения приводим эти замечания Энгельса полностью. «В последнее время, — пишет он, — у некоторых рационалистических этнографов опять вошло в моду отрицать существование группового брака. В виду этого представляет большой интерес следующий отчет, который я перевожу из «Русских ведомостей» (Москва, 14 октября 1892 г., старого стиля). Он не только определенно подтверждает существование группового брака, т. е. права взаимных половых сношений между определенной группой мужчин и группой женщин, но и приводит пример такой его формы, которая тесно примыкает к пуналуальному браку гавайцев, т. е. к наиболее развитой классической форме группового брака. В то время как типичная пуналуальная семья состоит из ряда братьев (единоутробных или более отдаленных по родству), которые находятся в брачном сожительстве с некоторым числом единоутробных или более отдаленных по родству сестер, мы видим на острове Сахалине, что мужчина находится в браке со всеми женами своих братьев и всеми сестрами своей жены, а это означает, если рассматривать это явление с женской стороны, что его жена имеет право половых сношений с братьями мужа и мужьями своих сестер. Отличие от типичной формы пуналуального брака состоит, следовательно, только в том, что братья мужа и мужья сестер не являются необходимо одними и теми же лицами. Следует еще заметить, что в этом случае подтверждается то, что я писал в «Происхождении семьи», 4 изд., стр 28-29: «Этот групповой брак далеко не выглядит так ужасно, как его рисует себе привыкшая к проституции и домам терпимости фантазия наших филистеров». «Дикари, живущие в групповом браке, далеко не ведут ту развратную жизнь, которую эти филистеры ведут под покровом тайны.

---

[1] Proceedings of the XVIII International Congress of the Americanists. London 1912.

---

[1] Впервые по-русски эта статья Энгельса появилась лишь в 1922 г. в приложении к изданной «Московским рабочим» в «Библиотеке коммуниста», книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 123-125.

Эта форма брака (по крайней мере, во встречающихся еще теперь случаях на практике) отличается от свободного парного брака или многоженства только тем, что дозволяются нравами половые сношения в ряде таких случаев, которые, при других условиях, влекут за собой строгое наказание. То обстоятельство, что использование этих прав на практике вымирает, доказывает только, что сама эта форма брака осуждена давно на вымирание, как это подтверждается и редкостью следов ее существования».

«Кроме того весь рассказ интересен еще тем, что он снова показывает, как сходны, даже тождественны в своих основных чертах, общественные учреждения таких первобытных народов, находящихся на почти одинаковой ступени развития. Большая часть того, что рассказывается в этом отчете о Сахалине, вполне применима к дравидийским племенам Индии, к жителям тихоокеанских островов, в эпоху их открытия, к краснокожим».

В заключение Энгельс приводит полностью перевод газетного отчета о статье Штернберга. По поводу материалов, выявленных из газетного отчета, Фр. Энгельс написал Л. Я. Штернбергу письмо, как об этом последний мне сообщил в личной беседе. К сожалению, предпринятые поиски этого письма в архиве Штернберга не дали пока никаких результатов. Полностью в печати «Сахалинские гиляки» появились в журнале «Этнографическое обозрение» за 1893 г. В этой работе Штернберга чувствуется сильное влияние книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Влияние Энгельса в значительной степени нейтрализовало психологический подход Штернберга, и «Сахалинские гиляки» безусловно являются наиболее материалистической книгой, вышедшей из-под его пера.

Открытие Штернбергом у гиляков группового брака и классификаторской системы родства, сохранившей к тому некоторые термины, утерянные в менее примитивных системах, блестяще подтвердило взгляды Энгельса, смотревшего на групповой брак, как на определенную всеобщую ступень в истории брака и на классификаторскую систему, как на верный показатель ранее существовавших половых норм. Описанная Штернбергом классификаторская система родства у гиляков оказалась по типу сходной с турано-ганованской. Мало того, «это лучший образец туранской системы, — говорит сам Штернберг, — к тому же лучше всего сохранившийся и дающий наилучшую корреляцию[1]. Этим открытием Штернберг заполнил пробел в научной литературе по первобытным общественным отношениям, не имевшей никаких данных о социальном строе и половых нормах у приамурских народов. Этих данных не было и у Моргана, и он лишь догадывался о существовании классификаторской системы у приамурских народов, как промежуточного звена между народами Индии и Северной Америки.

---

[1] The Turano-Ganowanian System. p. 323.

Вплоть до настоящего времени эти открытия Штернберга упорно замалчиваются сторонниками клерикальной историко-культурной школы (ярыми противниками марксизма и теории Моргана), так как они неопровержимо на живом примере доказывают существование группового брака, столь неприятного католическим патерам, утверждающим извечность индивидуального брака, частной собственности и единобожия.

Как уже было выше указано, при составлении «Сахалинских гиляков» Штернберг не имел возможности ознакомиться с основной литературой по народам Дальнего Востока, и у него вкрались досадные неточности; так, он совершенно неправильно пишет, очевидно следуя устным рассказам русского населения, «что гиляки нижнего Амура говорят тем же языком, что и тунгусы». В действительности здесь речь идет не о гиляках, а об ульчах (ольчах), имеющих язык, близкий к тунгусскому. Далее, нужно принять во внимание, что он называет сахалинских ороков орочонами, согласно местному русскому названию.

Монография «Гиляки», и «Социальная организация гиляков», являющаяся расширенным и углубленным изданием III и глав «Гиляков», написаны Штернбергом уже после возвращения из ссылки. При составлении этих работ Штернберг имел уже под рукой всю основную литературу, и вопросы, исследуемые им, разработаны весьма обстоятельно. В этих работах выявлен ряд новых моментов социального строя гиляков, что Штернбергом с успехом сопоставляется с австралийскими материалами и частично помогает их разъяснению. Но обе эти работы, не в пример «Сахалинским гилякам» и «Орочам», как и все остальные работы Штернберга после ссылки, носят более отчетливо выраженный идеалистический характер.

Особенно тщательно в этих трудах разработан вопрос о кузенном браке. В этом отношении Штернберг обогатил историю брака ценным материалом, весьма тонко им проанализированным. Однако, тогда, когда Штернберг пытается вывести кузенный брак из группового брака, он впадает в противоречие с са мим собою и становится на антиморгановскую и заодно и антиэнгельсовскую точку зрения. Признание того, что кузенный брак предшествовал групповому, логически ведет за собой вывод о том, что кузенному браку предшествовал брак индивидуальный. Также совершенно идеалистическим является рассуждение Штернберга о причинах перехода брака между сестрами и братьями в кузенный брак.

С большой обстоятельностью Штернберг выявил родовой характер группового брака гиляков, а также установил принципы трех- и четырехродовой фратрии. Безусловно, правильными являются выводы Штернберга о предшествовании перекрестного одностороннему кузенному браку.

Весьма важное значение имеет также для подтверждения существования группового брака вскрытый Штернбергом у гиляков институт избегания (avoidance), по которому лица, не имеющие взаимных половых прав, должны избегать взаимных взглядов, разговоров и пр. Переживания этого института у народов, уже вышедших из стадии группового брака, он считал лишним доказательством ее прежнего существования.

Далее, в работах Штернберга дана яркая картина родового быта гиляков и основных норм обычного права. Говоря о роде, нужно, кстати, подчеркнуть правильность критики Штернбергом Кунова, отрицающего, вопреки Энгельсу, существование родового строя у австралийцев.

Довольно подробно Штернберг останавливается на хлай-нивухах и совершенно правильно объясняет, что они рекрутируются из ызей (богачей), но мы напрасно ждем от него ответа на вопрос о причинах разложения рода и появления ызей. Вместе с этим, нужно сказать, что факт существования богачей у современных так называемых первобытных народов, и в особенности их социальная роль, обходились молчанием в этнографической литературе, и лишь Штернберг был одним из немногих этнографов — немарксистов, который обратил на это внимание. Несмотря, однако, на то, что приведенный Штернбергом материал весьма убедительно свидетельствует о начатках классового расслоения у гиляков, он этого не вскрыл, вследствие того что смотрел через очки народников и видел в появлении классового расслоения проявление не имманентных экономических законов каждого общества, а лишь влияние на гиляков их соседей — русских.

Значительная часть монографии посвящена религии гиляков.

Здесь во всю ширь развернуты концепции Штернберга о хозяевах, впервые высказанные им в «Сахалинских гиляках», «Каждая стихия имеет своего «хозяина», который есть «бог», но, подобно тому, как в каждом роде имеются выдающиеся люди-богачи, из которых один наиболее богатый («хозяин» по бытовой терминологии гиляков), так и у духов, которые по воззрениям гиляков также живут родами, имеются свои «хозяева». Этой концепцией Штернберг подчеркивает отражение общественного строя в религиозных представлениях. Заслуживают внимания также взгляды Штернберга о связи тотемизма с родовым обществом. По мнению Штернберга «...не тотемизм, т. е. не вера в происхождение от того или другого вида животного, как это принято думать, создал родовых богов, а наоборот: родовые боги создали тотемизм. Не чем иным нельзя объяснить запреты тотемистов употреблять в пищу мясо тотемов, как страхом убить какого-нибудь сородича, превратившегося в тотемного животного».

Штернберг оспаривает мнение о том, что страх создал бога, и выдвигает свое соображение о том, что культ ряда животных (напр., медведя и касатки) вызывается кажущимся покровительственным отношением их к человеку.

В «Гиляках» Штернберг также впервые сформулировал свое мнение о том, что шаман является избранником божьим.

Вторую группу работ Штернберга по гиляковедению составляют «Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора» и «Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора», сюда же относится конспект доклада на XIV конгрессе американистов в Штутгарте „Bemerkungen über die Beziehung zwischen der Morphologie der giljakischen und amerikanischen Sprachen", где он доказывает грамматическое сходство гиляцкого языка с некоторыми языками американских индейцев. Появившиеся в свет данные по гиляцкому фольклору и языку составляют лишь часть собранного им материала. Он при жизни так и не собрался выпустить гиляцкую грамматику, словарь и дополнительные фольклорные материалы, но и то, что им опубликовано по изучению этого исключительно трудного языка вместе с указанными выше открытиями по изучению родового и семейного строя гиляков, настолько значительно, что в истории этнологии и лингвистики за Штернбергом по праву останется имя крупнейшего гиляковеда и первого серьезного исследователя и знатока гиляцкого языка.

Следующую область работы Штернберга, как дальневосточного этнолога, представляло изучение тунгусо-манджурских народов. Из коренного населения Амурского края он прежде всего обследовал орочей Татарского пролива. И хотя он уделил им всего один месяц, он и тут успел сделать ряд важных наблюдений и открытий, которые и опубликовал в статье «Орочи Татарского пролива», полностью появляющейся лишь в настоящем издании. И у орочей он нашел групповой брак и классификаторскую систему родства (кстати сказать, эта система совпадает в основном с системой гольдской и тунгусской), но при этом он в их брачных нормах обнаружил черты, указывающие на более раннюю стадию по сравнению с гиляцкими. Именно здесь еще бытовало право на брак и половые сношения между отдельными категориями лиц безразлично как восходящих, так и нисходящих поколений, что послужило сугубым подтверждением правильности моргановской теории и что дало Штернбергу неопровержимые доводы для критики антимарксистской теории Каутского, утверждавшего, что классификаторская система родства служит лишь для наименования поколений и что, следовательно, она отнюдь не говорит о наличии группового брака.

Далее, в этой работе, впервые в этнографической литературе, дано описание орочского рода. Однако, следует тут же отметить, что определение рода как «родственно-религиозного союза, внутри которого брак и половые сношения не допускаются», совершенно недостаточно, ибо оно не вскрывает экономической структуры родового общества.

Из многочисленных собранных Штернбергом материалов о религии и шаманстве орочей наиболее интересно указание, что представление о верховном божестве Эндури заимствовано ими у их более культурных соседей — манджуров и китайцев, при посредстве гольдов. «Чего нет в общественной жизни, — говорит Штернберг, — именно верховной власти, того они (орочи) не могли внести в мир богов. Но дело сделано, идея эта у них уже привилась... но она не их идея, и до сих пор она стоит одиноко среди их системы богов».

Особое внимание в этой работе Штернберг обращает на выяснение самоназвания орочей и опровержение мнения Шренка о происхождении термина орочи. Констатированное им самоназвание нани оказалось общим для целой группы амурских племен — орочей, гольдов и ороков — и убедило его, что эти племена общего происхождения. Опираясь на собственные данные, Штернберг, в противовес Шренку, выдвинул гипотезу о приходе орочей на их теперешнее место жительства с севера. Гипотеза Штернберга вполне убедительно показывает оленеводческое прошлое орочей, но она совершенно неприменима к разъяснению истории хозяйства удэ, которых Штернберг тогда неправильно идентифицировал с орочами, несмотря на то, что у удэ отличный язык и формы хозяйства. Все данные, имеющиеся теперь об удэ, дают отрицательный материал в отношении их оленеводческого прошлого.

Следующая работа Штернберга по тунгусо-манджурским народностям «Гольды» представляет собой неоконченный отчет об его экспедиции 1910 г. на Амур. Большой интерес представляет вопрос, поднятый Штернбергом о догольдском населении Амура. Для освещения этого вопроса он впервые привлек и фольклорные материалы. Собранный Штернбергом материал позволяет считать ха (название догольдского населения Амура) дючерами, о проживании которых в XVII веке на Амуре имеются достаточные исторические данные. Мои материалы также подтверждают, что ха являлись дючерами, или, как их гольды называли, иргэнь (житель), что по-манджурски значит население, не несущее воинской повинности. Следовательно, дючеры являлись непривилегированной частью манджурского народа.

Говоря о составе и истории гольдских родов, Штернберг устанавливает, что, несмотря на сходство самоназвания, языка, обычаев, религиозных воззрений и т. д., гольды представляют конгломерат родов самого различного происхождения и что образование этого конгломерата происходит путем постоянного притока чужеродных пришельцев. Штернберг придает слишком большое значение биологическим моментам и поэтому не обращает никакого внимания на экономические предпосылки образования гольдской народности. Наши материалы позволяют судить, что большинство гольдов — бывшие оленеводы, осевшие на Амуре и под влиянием местных условий заменившие оленеводство рыболовством и собаководством. В соответствии с изменением хозяйственного образа жизни, тунгусский язык и религиозные верования кочевых оленеводов были заменены языком и религией рыболовов.

Большой интерес также представляет описание института джангиней (судей), открытого им у гольдов, а еще раньше у орочей.

Третьей работой по тунгусским народам является «Классификация и номенклатура коренного населения Амурского края». Она состоит из двух глав — классификации и номенклатуры. Первая глава вполне закончена Штернбергом, а из второй главы он успел написать лишь раздел об ороках. Из дневников и других рукописей удалось сделать выборку заметок этнонимического значения, из которых и составились дополнительные разделы об ольчах, ороках и гольдах.

Материалы по классификации в свое время имели бы большое значение для исправления шренковской классификации. В настоящее время они имеют лишь историческое значение.[1] Этнонимические материалы и сейчас еще не утратили своего значения. В особенности важно то, что Штернбергу удалось выяснить, что нгатку — негидальское название для манджурских племен с небритой передней частью лба (следовательно, ольчей и низовых гольдов), а гольды — название племен с бритой передней частью лба, что являлось признаком манджурского подданства (верховских гольдов). Это имеет большое значение для расшифровки казацких отписок о завоевании Амурского края. Нужно также указать, что Штернберг здесь первый правильно разъяснил название ольча (ульча), произведя его из ольчского слова уля — олень.

Публикуемые здесь словари орочского, гольдского и негидальского языков дают довольно значительное количество технических, социальных и религиозных терминов, а заметка о негидальском языке представляет собой первый в лингвистической литературе грамматический обзор этого малоисследованного языка.

Таким образом мы видим, что и в области изучения тунгусо-манджурских племен Штернбергом сделано не мало, и он по праву считался, после Шренка, авторитетнейшим тунгусоведом, несмотря на то, что из своих богатых материалов, собранных им по этим народностям, он обработал лишь небольшую часть. Большой заслугой его является и то, что, благодаря ему, ряд молодых исследователей направил свои изыскания в сторону тунгусоведения: он широко делился своим опытом, своими знаниями и мыслями со своими учениками и своим энтузиазмом вдохновлял их на работу.

---

[1] При ознакомлении с классификацией Штернберга должна быть принята во внимание современная классификация тунгусо-манджурских племен, принадлежащая автору настоящей статьи: 1. Тунгусская или северная группа: а) эвенки — собственно тунгусы (тунгусы, орочоны, манегры, солоны, бирары), б) эвены — ламуты (камчатские и охотские орочоны, орочоны, северо-якутские ламуты), элкэмбэйе — негидальцы (амгунцы), 2. Маньчжурская или южная группа: а) собственно маньчжуры, б) ганэй — гольды, (ходзены, самагиры, кили), в) нанэй, — ульчи (ольчи, ороки), г) нани (орочи), д) удэ (кякары).

Другой дальневосточной народности — айну — Штернберг посвятил хотя гораздо меньше времени, чем гилякам, но все же он успел изучить ее довольно основательно, что видно из его предсмертной выдающейся работы «Аинская проблема», где затронуты разнообразные стороны жизни айну и привлечены материалы историко-культурные, антропологические, археологические, лингвистические и пр. Штернберг в этой работе показал, что айну не монголы и не палеоазиты, каковыми их считали, а связаны в культурном, языковом и антропологическом отношениях с народами Индонезии или Австронезии. Эта гипотеза в связи с новыми открытиями в области былых миграций и сношений тихоокеанских народов, раскрывала перед ним широкие перспективы в смысле выяснения прошлых судеб тихоокеанских народов, в том числе и наших дальневосточных народов, но неожиданная кончина его пресекла эти широкие научные планы.

В работе «Культ инау у племени айну» Штернберг дает подробное описание этого своеобразного культового явления и выдвигает остроумное предположение о том, что инау (заструженные палочки) не жертвоприношения, как это предполагали раньше, а посредники между богами и человеком. Тут следует еще отметить интересную мысль Штернберга о связи этого культа (а также культа близнецов) с индийскими культами.

⁂

Своими многосторонними исследованиями семейно-родовых отношений, обычного права, религиозных верований, первобытного искусства, национальных языков и фольклора, а также археологии и антропологии Дальнего Востока Л. Я. Штернберг вполне заслуженно завоевал себе имя лучшего знатока народов Дальнего Востока и вместе с тем и лучшего русского этнографа своего времени.

Весьма заметную роль Штернберг сыграл в деле этнографического изучения Дальнего Востока и как организатор и педагог. Долгие годы он фактически руководил Музеем этнографии и антропологии Академии наук, и благодаря ему и его сотрудникам и ученикам музей обогатился, в частности, дальневосточными коллекциями, не говоря уже о том, что при нем музей приобрел свое международное значение. Далее Штернберг организовал этнографический факультет Географического института (в дальнейшем превратившийся в этнографическое отделение Ленинградского государственного университета), которым и руководил со дня его основания до своей кончины, и который дал ряд исследователей и практических работников среди культурно-отсталых народов СССР, в том числе и среди народов Дальнего Востока.

Напечатанные в этом издании работы Штернберга представляют значительный интерес с точки зрения общетеоретической. Помимо их значения для истории доклассового общества и для подтверждения мор[illegible]кой теории (в «снятом» виде усвоенной Марксом и Энгель[illegible]о чем мы говорили выше, они помогают бороться против реакционной культурно-исторической школы в этнологии, против ее идей извечности единобожия, частной собственности и индивидуального брака, против антимарксистских установок Каутского и Кунова в области истории доклассового общества; против увлечения леви-брюлевской теорией дологического мышления и марретовской теорией доанимизма.

Однако, ни на минуту мы не должны упускать из виду, что Штернберг стоял на идеалистических позициях в области изучения общественных явлений, выводя законы развития общества из развития человеческой психики. Нашей задачей является вскрытие методологической несостоятельности обще-теоретических взглядов Штернберга, дающего неправильное представление о причинах и ходе развития человеческого общества, игнорирующего вопрос о происхождении классов и идеализирующего первобытное общество. Работы Штернберга и заключающийся в них ценный материал могут быть использованы лишь в критически преодоленном виде.

Большое значение имеют труды Штернберга и в практическом отношении. В настоящее время, когда происходит социалистическое наступление по всему фронту и когда на социалистический лад перестраиваются и наиболее отсталые северные окраины нашей обширной страны, когда происходит невиданный в истории расцвет национальных культур, мы испытываем огромную нужду в работах, которые могли бы дать нам данные о тех или иных сторонах этих национальных культур. В этом отношении нам навстречу идут материалы Штернберга. В них мы находим тщательное описание родового устройства народов Дальнего Востока, что может быть использовано в нашей борьбе за скорейшую ликвидацию патриархально-родовых пережитков, как одного из основных тормозов социалистического строительства на северных окраинах. В них мы находим подробные материалы о шаманстве, которые могут найти свое применение в нашей антирелигиозной работе. Находим мы в них и описание обычного права и роли джангиней (судей), что может послужить нам материалом в борьбе за искоренение обычного права и замены его советским правом. Наконец, данные о брачных отношениях могут с успехом быть использованы в деле раскрепощения женщины народов Севера.

Конечно, при этом мы должны учесть коренные изменения, произведенные пролетарской революцией среди народов Севера. Из угнетенных и вымиравших при царизме «инородцев» они превратились в равноценных строителей социализма, из народов «неисторических» стали народами историческими.

На территории народов Севера созданы национальные округа, районы и советы, развернулась мощная волна производственного кооперирования, строятся совхозы, ведется упорная борьба с кулачеством, шаманами и патриархально-родовыми пережитками, место царских острогов заняли культурные базы, раскинулась школьная и больничная сеть, созданы техникумы на местах и Институт народов Севера ЦИК СССР в Ленинграде для подготовки кадров средней и высшей квалификации из самих народов Севера, развернулся культурный поход за ликвидацию неграмотности, создана и развивается письменность на 14 северных языках, ведется большая работа по улучшению труда и быта женщины Севера.

Вся наша страна напрягает все усилия, чтобы, следуя ленинской национальной политике, помочь культурно-отсталым народам СССР в кратчайший срок изжить свою веками сложившуюся отсталость, помочь им сравняться с наиболее культурными народами Союза, содействовать непосредственному переходу их разлагающегося родового общества в общество социалистическое, минуя капиталистическую стадию. И печатаемые ныне работы Штернберга, при известном критическом подходе к их методологии несомненно представят, повторяем, весьма ценный материал для наших работников на этом поприще.

⁂

Предлагаемое собрание работ Штернберга, за вычетом монографии «Гиляки» и очерков «Сахалинские гиляки», «Орочи», «Аинская проблема», «Культ инау» и «Программы по собиранию этнографических сведений» появляется в печати впервые.

В частности необходимо дать некоторые пояснения к этим работам. Конец статьи «Классификация коренного населения Амурского края», именно, часть, касающаяся номенклатуры этих народов, восстановлена В. И. Цинциус[1] по черновым наброскам Штернберга, найденным в его архиве. Конец очерка «Гольды», представляющего отчет по экспедиции 1910 г., также не обнаружен в архиве, и этот пробел до известной степени возмещают «Отдельные материалы по этнографии гольдов», почерпнутые В. Цинциус из его же архива.

Из архива же извлечены В. И. Цинциус и систематизированы отдельные материалы этнографические, лингвистические и частью грамматические по тунгусо-манджурским народам (1895—1896 и 1910 гг.), гольдам, орочам и негидальцам, при чем в выборке материалов негидальских принимала участие и другая ученица Штернберга, К. М. Мыльникова[2]. «Отдельные материалы по гилякам выбраны С. А. Ратнер-Штернберг[3] из записных книжек автора и других его путевых заметок 90-х годов прошлого столетия и 1910 г. и ею же систематизированы, при чем по возможности соблюдены стиль записей и транскрипция туземных слов и, где удалось установить, указаны даты.

Транскрипция гиляцких слов и текстов просмотрена учеником Штернберга по гиляковедению, Ю. А. Крейновичем[4].

Материалы антропологические обработаны Г. И. Петровым[5].

---

[1] Доцент Ленинград. историко-лингвистического института и научный сотрудник Института народов Севера (ИНС'а).

[2] Исследовательница негидальцев и ламутов.

[3] Этнограф Академии Наук СССР.

[4] Исследователь гиляков, научный сотрудник ИНС'а.

[5] Быв. научный сотрудник Музея Антропол. и Этногр. Ак. Наук СССР, ныне старший научный сотрудник Акад. Матер. Культуры в Ленинграде.

По поводу «Отдельных материалов», как тунгусских, так и гиляцких, следует оговориться, что в них могли попасть и данные, наскоро набросанные во время полевых работ Штернберга и, быть может, при дальнейших изысканиях им же отвергнутые или исправленные, но выяснить такие случаи, если они и имели место, нет, к сожалению, возможности.

Что касается транскрипции гиляцких и тунгусо-манджурских слов, то, по соглашению с вышепоименованными сотрудниками-лингвистами, нами принята транскрипция латинизированная, но с сохранением нескольких русских букв, именно: **ж, з, х, ч, ш** и с некоторыми отступлениями от общепринятых в новейшей лингвистике знаков для выражения долготы гласных, смягчения звуков и пр., в виду технических препятствий со стороны типографии издательства. По той же причине в транскрипции гиляцких слов пришлось отказаться от ряда знаков для выражения некоторых фонетических тонкостей, принятых Штернбергом в его «Образцах по изучению гиляцкого языка и фольклора». Пояснение к принятой транскрипции помещено ниже.

В монографии «Гиляки» и очерке «Сахалинские гиляки», напечатанных при жизни автора, сохранена прежняя транскрипция для гиляцких слов.

ПОЯСНЕНИЕ К ТРАНСКРИПЦИИ ГИЛЯЦКИХ И ТУНГУСО-МАНДЖУРСКИХ СЛОВ.

I. Гласные.

a, e, i, o, u, y соответствуют русским а, э, и, о, у, ы.

a:, e:, i:, o:, u:, y: — те же гласные, но долгие.

a^n, e^n, i^n и т. д. — те же гласные с носовым оттенком.

á, é, í и т. д. — те же гласные под ударением.

II. Согласные.

b соответствует русскому б
c „ „ ц
d „ „ д
f „ „ ф
g „ „ г
h „ немецкому h как в слове habe
j соответствует немецкому j
k „ русскому к
l „ западноевропейскому l
ł соответствует твердому русскому л
m соответствует русскому м
n „ „ н
p соответствует русскому п
r „ „ р
s „ „ с
t „ „ т
v „ русскому губно-зубному в
w соответствует губно-губному v типа английского w
z соответствует русскому з
x „ „ х
ш „ „ ш
ж „ „ ж
ч „ „ глухому аффрикату ч

ʒ — звонкий аффрикативный звук дзь.

ʒ: — звонкий аффрикативный звук дж = ǯ.

ng — заднеязычное n, произносимое слитно, подобно n в немецком lang.

ɣ — проточное „г“, аналогичное украинскому г.

ɣ: = γ = глубокому велярному украинскому г.

k: = $\overset{\bullet}{k}$ = $\bar{k}$ = глубокому велярному k.

x: = $\overset{\bullet}{x}$ = $\bar{x}$ = глубокому велярному x.

g: = $\overset{\bullet}{g}$ = $\bar{\bar{g}}$ = глубокому велярному g.

ч: — слитный шипящий звук чш.

b', d', н' и т. д. — те же согласные, но смягченные.

'k, 'p и т. п. — те же согласные, но придыхательные.

1: Shternberg RX2 Gilyak

КЛАССИФИКАЦИЯ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИАМУРСКОГО КРАЯ

Если положить в основу классификации племенного состава лингвистический признак, то коренное население Приамурского края (Амурской, Приморской и Сахалинской областей) естественно распадается на три совершенно разнородных группы: 1) тунгусскую группу народностей, рассеянных по всему краю и говорящих на различных диалектах маньчжуро-тунгусского языка; 2) изолированное племя гиляков, язык которых совершенно отличен от языков сибирских народов и ближе всего стоит по своему строению к языкам американским; 3) столь же изолированно стоящее племя айну, говорящее на языке совершенно отличном как от сибирских языков, так и от американоидных языков и сохранившем в своем строении явные черты моносиллабизма.

Эти группы значительно различаются друг от друга и по другим существенным признакам, свидетельствующим о полном отсутствии между ними племенного родства, а именно: айну по характернейшему своему признаку — обильному волосяному покрову по всему телу, в частности по обильной растительности на лице — представляют до сих пор неразгаданную аномалию среди народов монгольского племени, одним из основных признаков которого является скудость лицевой растительности; и, кроме того, в своей материальной культуре, религии и семейном строе (характерные черты матриитета) они представляют особенности, скорее сближающие их с народами Индонезии, но совершенно отличные как от тунгусской группы, так и от американоидов.[1]

Что касается гиляков, то хотя в антропологическом отношении они значительно ассимилировались с окружающими народностями, но по многим чертам своей материальной культуры и особенно в социальном строе они одинаково далеко отстоят как от тунгусских народов, так и от их соседей айну. Наконец, еще в одном отношении отличаются обе последние группы от первой. Гиляки и айну занимают строго отграниченные, почти сплошные территории (гиляки на северном и среднем Сахалине и по берегам лимана и устья Амура, а айну — на южном Сахалине, далее на о. Ессо); кроме того, диалектические различия каждого из языков этих народов настолько незначительны, что все члены племени легко друг друга понимают, и поэтому у каждого из этих народов сохранилось полное сознание своего национального единства. Народы же тунгусской группы отделились друг от друга и рассеяны по всему огромному краю, и отдельные части их говорят на диалектах, значительно отличных друг от друга.

---

[1] См. ниже статью „Айнская проблема". *Ред.*

Кроме того они значительно отличаются между собою и по образу жизни, так что, при всем своем лингвистическом, антропологическом и историческом родстве, они распадаются на отдельные мелкие группы, сознающие свою племенную индивидуальность.

Эти отдельные народности, отдаленные друг от друга в пространственном, историческом, лингвистическом отношениях и, наконец, в области материальной культуры, нуждаются в классификации. Такая классификация тем более необходима, что Шренком введены в этнографию в качестве особых народностей некоторые группы, как отдельные народности, в действительности не существующие.

Но по какому признаку их классифицировать?

Легче всего было построить такую классификацию на признаке хозяйственного быта. Если оставить в стороне южную группу — маньчжуров, дауров и солонов, мало имеющих отношения к русскому Приамурью, где они в территориальном отношении ничего собою не представляют, то все остальные народности можно было бы распределить на две большие группы — одни ведут оленное хозяйство, иначе говоря, это группа кочевников-оленеводов; таковы: собственно тунгусы, орочоны, сахалинские ороки; другая группа более или менее оседлых племен — рыболовов-охотников, каковы: гольды, ольчи, орочи, негидальцы, самагиры — народности, упряжным животным которых в настоящее время служит вместо оленя собака. Сверх того пришлось бы выделить небольшую группу, преимущественно живущую в Маньчжурии и частью в Забайкалье, именно — некоторые роды орочонов, которые, под влиянием китайцев и русских, заменили оленя лошадью. Но такая классификация, как она ни важна, ничего не дала бы ни в историческом, ни в лингвистическом отношении, ибо упомянутые хозяйственные признаки сравнительно недавнего происхождения. Некоторые из этих народностей оставили оленеводство на памяти живущего поколения, а остальные все живо сохранили предание о прежнем оленеводческом быте, оставленном по различным причинам случайного характера (преимущественно вследствие гибели оленей от эпидемий).

Самым безопасным и содержательным критерием был бы, разумеется, лингвистический, иначе говоря — рациональнее всего было бы построить классификацию на основании близости диалектов в лексическом и морфологическом отношениях. К сожалению, собранный до настоящего времени материал еще слишком недостаточен для вполне безопасной лингвистической классификации. По большинству диалектов материал не только недостаточен и не научен, но и совершенно ненадежен еще по особой чисто специфически-местной причине, именно потому, что собиратели материала делали свои записи чаще всего у одного какого-нибудь лица, более или менее знакомого с русским языком, не справляясь о племенном происхождении этого лица.

Между тем перемещение отдельных семей и даже родов или частей их из территории одного племени в другое настолько обычно, что путешественнику сплошь и рядом невозможно разобраться в том, имеет ли он дело с действительным представителем данного племени и, следовательно, с его диалектом, или с каким-нибудь недавним пришельцем. Во время произведенных мною переписей я имел достаточно возможности убедиться в том, что не только коренные роды данного племени нигде не составляют преобладающего большинства, но, как это ни странно, они везде в меньшинстве, при чем процессы эмиграции и иммиграции не остановились до сих пор. Отсюда не только смешение лексического материала и морфологического в каждом наречии, но возможно, что целый ряд семей-иммигрантов в течение нескольких поколений сохраняют особенности своего прежнего диалекта.

Академик Шренк, правда, в свое время пытался построить классификацию по лингвистическому признаку, но он еще менее имел для этого данных, чем мы имеем их в настоящее время. В действительности об этой классификации можно сказать, что в одной своей части она является совершенно необоснованной и противоречащей действительности, а в другой, повидимому, недоказанной, а просто подсказанной желанием обосновать некоторые его исторические предположения, в свою очередь, очень слабо обоснованные. Так, без всяких оснований, Шренк, язык так называемых ольчей, весьма близкий к языку гольдов и орочей, отделил от последних и присоединил к языку негидальцев, язык которых, несомненно, ближе всего подходит к языку русских тунгусов, что утверждает и Шренк. Вся аргументация его в пользу близости языков ольчей и негидальцев сводится к тому, что самагирский язык, по его наблюдениям, сходен с ольчским, а о близости негидальского, с которым, по его словам, он совершенно незнаком, с самагирским он судит «на основании мнения о нем лиц (?), слышавших оба наречия» (sic!). Что касается познаний Шренка в самагирском языке, то они сводятся к некоторым терминам и выражениям, полученным от отдельных представителей как на их территории — по Горину, — так и на Амуре. А так как на Амуре самагиры рассеяны вплоть до самых низовьев и по притокам его, и далее вплоть до морского побережья, и здесь они усвоили местные диалекты, то можно быть уверенным, что он больше слышал диалект ольче-гольдо-орокский, чем горинский — самагирский. С другой стороны, он отделил и гольдов от близких им по языку ольчей и присоединил первых к маньчжурам не потому, что он был вполне уверен в близости их диалектов,[1] а потому, что относительно орочей он придерживался воззрения Иакинфа, что они южного происхождения, и потому он счел более удобным вместе с гольдами присоединить их к маньчжурам, как основному народу южной ветви тунгусского племени.

Так или иначе, диалектологический материал при нынешнем его состоянии может служить надежным руководителем лишь для некоторых, более изученных племен, как маньчжуры, солоны и дауры, для других же только подсобным критерием в сопоставлении с другими данными, историческими записями, народными преданиями, пережитками культуры и т. п., свидетельствующими об общем происхождении и близости племенного родства.

С этой точки зрения важным критерием для классификации могут служить исконные самоназвания подлежащих классификации народностей. Говорю исконные, ибо самоназвания бывают различного рода и происхождения. Часто та или другая народность называет себя перед чужими не тем именем, которым представители его называют себя в своей среде, термином своего собственного языка, так что у этого народа имеется два самоназвания, — одно собственное, другое, так сказать, международное, которым его называют соседние народы, и часто бывает, что народ утрачивает свое родное самоназвание, именуя себя термином, употребляемым соседями. Бывает, далее, что сохраняя в своем языке свое племенное самоназвание, при известных условиях, например, при удалении из общеплеменной территории человек перед чужими называет себя по названию своего рода, и бывают случаи, когда такой род занимает новую территорию и размножается, и тогда родовое самоназвание заменяет исконное племенное, которое часто совершенно утрачивается. Конечно, из племенных самоназваний важным критерием является самоназвание исконное, т. е. то, которое является термином их собственного языка и употребляется постоянно при внутреннем общении между собою членов данного народа. Такие самоназвания, раз они сохранились из глубокой древности, приобретают значение важного исторического свидетельства, и, следовательно, если народности, особенно когда они принадлежат к одной и той же лингвистической группе, имеют такое общее самоназвание, то как бы далеко они ни удалились друг от друга, мы имеем достаточное основание усмотреть в этом факте несомненный признак общего происхождения, во всяком случае признак большей близости родства, чем между народностями той же группы, имеющими самоназвания отличные.

---

[1] „Гольдскому языку, — говорит Шренк, — вероятно близок язык орочей. К сожалению, сведения о нем очень скудны". И далее ссылается на свидетельство Венюкова, который, впрочем, знал только южных орочей, так наз. тазов, а северных, т. е. наиболее типичных, вовсе не знал.

Хорошим дополнительным критерием к общим самоназваниям по отношению к вопросу о близости племенного родства часто могут служить также и названия, которыми соседи называют те или другие народы. Если соседи называют две или больше народности одним и тем же именем, то на ряду с общими самоназваниями и другими признаками такой факт является весьма показательным и дополняющим аргументом.

Таким образом, самоназвания народностей в связи с номенклатурой междуплеменной данной территории могут стать базисом классификации по отношению к вопросу о племенном родстве.

Академик Шренк, которому мы обязаны нынешней научной номенклатурой народов Амурского края, не мог воспользоваться этим критерием, ему не удалось добиться подлинного самоназвания ни у одной из тунгусских народностей, хотя иногда он принимал термин соседей за термин самоназвания. Так, для некоторых племен он ввел те названия, которые были уже в употреблении до него местным русским населением или прежними путешественниками (гольды, солоны, дауры), другие введены им на основании его личных соображений. Для коренного тунгусского народа, живущего на Сахалине, он ввел совершенно новое название ороков; для такого же племени, оседло живущего в низовьях Амура, между гиляками и гольдами, название — ольча, а некоторые группы, представляющие лишь часть других племен, он выделил в особые племена с отдельными названиями (бирары, самагиры, килы). Для племени, живущего на побережье Татарского пролива и в соседних бассейнах рек, он сохранил название орочи, данное им Лаперузом.

Вообще, по отношению к номенклатуре он, будучи пионером по исследованию Амурского края, больше успел собрать материала книжно-исторического характера, чем на основании близкого знакомства с населением.

Критерий самоназваний в связи с материалами по междуплеменной номенклатуре и с другими этнографическими признаками остается пока единственной базой классификации. В свое время, во время моего пребывания в Приамурском крае, я при исследовании местного населения обратил специальное внимание на вопрос о самоназвании и междуплеменной номенклатуре, и еще в 1896 году мне удалось установить группу тунгусских народностей, имеющих одно общее самоназвание, именно, нани[1] (от на — земля, ни — туземец, здешний).[1] Это то название, которым именуют сами себя представители народов этой группы в своей собственной среде, хотя, как увидим ниже, перед чужими они часто называют себя именами, даваемыми им их соседями, что неоднократно вводило в заблуждение целый ряд путешественников, в том числе и Шренка.

В эту группу нани входят следующие народности, перечисленные мною в номенклатуре Шренка: гольды, ольча, ороки и орочи. В территориальном отношении эта группа распадается на: 1) сахалинских нани (шренковские ороки), 2) низовоамурских нани (шренковские ольчи), живущих в низовьях Амура между гиляками и гольдами, 3) нижнеамурских нани (гольды), с подразделением их на сунгарийских, уссурийских, иманских и т. д., по бассейнам притоков Амура, ими обитаемым, и, наконец, 4) юго-восточных нани (орочи), с подразделением их на северных до селения Ботчи (собственно орочи) и южных — кэха (кэхал, кэхар), о чем ниже.

---

[1] См. ниже статью „Орочи Татарского пролива". *Ред.*

Другую группу составляют племена, называющие себя эвонки. К ним принадлежат: 1) бродячие тунгусы-оленеводы, появившиеся в крае и на Сахалине лишь с приходом русских; 2) различные орочонские группы, кочующие в верховьях Амура и родственые орочонам Забайкалья и Северной Маньчжурии, далее отдельные орочонские роды манегров, бираров, вероятно, роды самагиров по Горину и роды килы, выделенные Шренком в отдельные племена; 3) особо, с точки зрения самоназвания, стоит тунгусская народность, живущая на Амгуни, близ оз. Удыль, и названная Миддендорфом и Шренком негидальцами. Их самоназвание — насхагил. Хотя по культуре (они сидячие рыболовы-охотники и собаководы) они стоят ближе всего к гилякам и ольчам, но по языку стоят ближе всего к собственно тунгусам, с которыми они легко объясняются, хотя их язык имеет много диалектических особенностей: одна из замеченных мною — это регулярная замена тунгусского r звуком j (oron — ojon — олень и т. п.), что указывает на близость к собственно-тунгусам, как увидим ниже, и на то, что они единственный народ, который называет бродячих тунгусов по их собственному самоназванию эвонки. Мы увидим впоследствии, что их нынешнее самоназвание не подлинное их исконное самоназвание, а название одного из доминирующих родов, и легко допустить, что первоначально и их самоназвание было эвонки.

К тунгусским народам Приамурского края примыкают еще маньчжуры, дауры и солоны, но и в территориальном, и в культурном, и в лингвистическом отношении они должны быть выделены в особую от приамурских тунгусов ветвь, которую удобнее всего назвать маньчжурской. Из народов Приамурского края по языку ближе всего к этой группе, по крайней мере к маньчжурам, стоят гольды.

В заключение по вопросу о классификации необходимо сказать, что классификация по самоназванию имеет главным образом значение в историческом отношении, ибо самоназвание гораздо дольше может сохраниться, особенно в условиях рассеяния, и свидетельствовать о прошлых судьбах народа, чем всякие другие особенности, которые легко изменяются под влиянием внешних условий. Так например, среди группы нани, сахалинские ороки до сих пор остались оленеводами, в то время как все остальные представители этой группы уже превратились в оседлых рыболовов-охотников и собаководов, и только предания и некоторые черты культуры (детская колыбель, гробницы) еще свидетельствуют о прежней общей культуре. Далее, рассеяние по обширному краю и процесс ассимиляции вносит не мало изменении в строй прежнего общего языка, и потому самоназвание остается часто единственным свидетельством о разошедшихся в разные стороны народах, особенно, если они принадлежат к одной лингвистической группе.

От классификации перехожу к номенклатуре.

Под последней я подразумеваю не ту, которая теперь принята на месте или в этнографических работах о крае, а номенклатуру, употребляемую каждой местной народностью как по отношению к самой себе, так и по отношению ко всем известным ей народностям. Эту номенклатуру я в свое время лично собирал на местах и многократно ее проверял, и в том виде, в котором я ее даю сейчас в извлечении из моей приготовленной к печати работы, она, думается мне, не только исправит ту путаницу, которая внесена разнородными сообщениями лиц, не имевших ни возможности, ни умения проверять точность своих мимоходных записей, но дает материал и для установления правильной научной номенклатуры, важность которой для понимания исторического прошлого и взаимоотношений народностей края не требует доказательств.

Начинаю с самого восточного племени группы нани, именно с так называемых ороков.

Сами они называют себя, как я уже сказал, — нани (буквально — человек земли, страны, туземец). Тунгусские народы на Амуре, в том числе и шренковские ольчи и орочи, называют их ольча и ульча, повидимому, на основании того, что в их диалекте слово олень будет ола, ула, в отличие от тунгусского орон. На этом основании сами ороки перед чужими, на вопрос о народности, часто называют себя тоже ольча или ульча, но между собою они всегда употребляют термин нани. Их соседи — сахалинские гиляки — называют их орныр (оленеводы) и, что особенно замечательно, этим же именем амурские гиляки называют своих соседей — шренковских ольчей, хотя они теперь такие же рыболовы-собаководы, как и сами гиляки, что свидетельствует о том, что в прежнее время ольчи и ороки имели одно общее название и были единым племенем. В действительности есть указания на то, что ороки действительно переселились с Амура сравнительно недавно (в XVII в.) и, следовательно, могли составлять одно племя со шренковскими ольча. С другой стороны крайне любопытно, что амурские гиляки называют и ороков и орочей одним и тем же термином тозунг. Таким образом, в номенклатуре соседей нани сохранилось явное воспоминание о трех народностях этой группы, ороков, ольчей и орочей, как о чем-то этнически едином. Добавлю еще, что местные русские ороков просто называют орочонами, термином, вынесенным из Забайкалья по отношению к местным оленеводам.

Ольча (живут в низовьях Амура между с. Богородским и Нижнетамбовским). Большинство родов гольдского происхождения. Сами себя называют нани. Тунгусы, орочи, негда называют их маму (амурские), гольды зовут их хыдье, хыдзын, хыдени (хыде — вниз по реке), амурские гиляки — орныр, т. е. так же, как сахалинские гиляки зовут ороков. Сами себя они ольча не называют; наоборот, они сами и все амурские тунгусы, в том числе и орочи, этим именем называют сахалинских ороков. Есть, правда, на Амуре отдельные роды, носящие это название, например, в сел. Аури живут ульча, в селении Ухта — ульчан-хала. Негидальцы их называют также то нгатку (вместе с гольдами), то ольчан — орочон (удыһэ) с двумя косами. Они называют негидальцев бурк^{а}, ороч^{а} (на Удычи), хынгуни; гольдов — гольды или гогды (на Хунгари) — с резаным (бритым) лбом, по Сунгари — солэни (солэ — вверх по реке). Интересно, что люлька у ольчей гиляцкая (через женщин — жен из гилячек).

Орочи. Сами себя называют нани, нане. Орочá и орочи — их называют амурские ольчи, и потому перед русскими они себя называют ороча и орочон. Гиляки низовьев Амура зовут их тозунг — так же как ороков. Оманьчжурившуюся более южную ветвь от Ботчи и Самарги, а также живущих по рекам Бикину, Хору, Хунгари их соседи называют кеха, кера или тазы, также — хыдье. Гольды (в сел. Чельцы) зовут их намука, а живущих по Хунгари и дальше — кекар. В сел. Сусу их всех без различия называют намука. Живущие по Анюю называют себя удэ. По словам орочей их язык и язык ольчей и гольдов почти не отличается. Ольчи и орочи коптят рыбу, а гольды приготовляют ее как гиляки. Лыжи у орочей тунгусские, юрты — гиляцкие.

Гольды. Сами себя называют нани; «верхних», живущих вверх до Хабаровска, называют солибини (сел. Чельцы, Сусу); живущих выше Хабаровска, по Уссури и Сунгари, называют akħani (сел. Сусу); нижних — хыйбини (с. Чельцы), хыдзени (с. Сусу) или хыдзыри (торгонские вознесенских); мариинских (ольчей) они зовут хыдзе. Орочей приморских (с. Чельцы) или всех (сел. Сусу) гольды зовут намука; живущих по Хунгари и дальше — кекар (с. Чельцы); тунгусов — килыр; китайцев — накӥ, маньчжуров — манцзо, корейцев— гауле (с. Сусу). Негидальцы зовут гольдов (от Б.-Михайловского до Хабаровска) нгатку («нерезанных», не бреющих лба) и гольдых («резанных», бритых); нгатку негидальцы зовут также ольчей. Ольчи зовут гольдов — гольды или гогды (хунгарийских) или солэни (сунгарийских). Гиляки амурские зовут их toh. ядгу.

ГИЛЯКИ

ГИЛЯКИ. СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГИЛЯКОВ. — МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ АМУРСКИХ ГИЛЯКОВ. МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ САХАЛИНСКИХ ГИЛЯКОВ — САХАЛИНСКИЕ ГИЛЯКИ.

ГИЛЯКИ

I.

ТЕРРИТОРИЯ. ИЗОЛИРОВАННОСТЬ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ.

Маленькое племя гиляков, численность которого в настоящее время не превышает 4½ тыс. душ, разбросано на огромной территории всей северной половины острова Сахалина и соседнего материкового побережья, почти равномерно распределяясь между этими обоими районами.

На Сахалине они занимают всю береговую линию западного берега от м. Сахкотан до северной оконечности м. Марии, затем на восточном берегу — от м. Левенштерна до м. Делиль-деля-Кроnера, наконец, внутри острова они занимают верхнее и среднее течение единственной значительной реки Сев. Сахалина, р. Тыми.

На юге Сахалина, в низовьях р. Пороная и по берегам залива Терпения, среди чужеплеменных им айнов и ороков, затерялось несколько десятков представителей гиляцкого племени, которые очень недавно только (за последние 30 лет) по случайным причинам переселились в чуждую им территорию.

На материке гиляки занимают оба берега низовьев Амура вплоть до сел. Гери, затем берега амурского лимана и морского побережья: к северу от устья Амура до р. Коль, а к югу от него до реки Чомы. Самой северной границей распространения гиляков может считаться устье Тугура, куда, впрочем, только крайне редко гиляки отправляются на промыслы, не имея там постоянного жительства.

Судя по тем немногим историческим данным, которые имеются об Амурском крае, границы гиляцкой оседлости остались неизменными в течение последних 2½ веков.

Наибольшая густота населения обнаруживается в районах, наиболее обильных рыбой, каковы: берега Амура и его лимана [селения: Коль (196 чел.), Лангр (205), Вайда (184), Маго (154) и др.], на западном берегу Сахалина пункты: Тамлево, Лыркрыво (144 ч.), Вискиво (116), Ныур (103), Няниво, и на охотском берегу: сел. Чайво, Ныйво и др.

Границы гиляцкой территории в высшей степени характерны.

Стоит только взглянуть на этнографическую карту Приамурского края, чтобы убедиться, что крошечное племя гиляков окружено со всех сторон сплошным кольцом чуждых ему народностей. На Сахалине с юга налегают на него айны, племя некогда столь многочисленное, что занимало весь японский архипелаг. На материке со всех сторон понадвинулись к нему представители великого маньчжурского племени, тунгусские народности: негда, ольчи (по моей терминологии — амурские нани), гольды, орочи, самагиры, собственно тунгусы. И даже в самое сердце гиляцкой оседлости, на восточном берегу Сахалина, врезалось густой массой тунгусское племя ороков (по моей терминологии — сахалинские нани).

Естественнее всего напрашивается мысль о племенном родстве гиляков либо с айну, либо с их тунгусскими соседями. Наружное сходство в значительной степени как будто подтверждает эту мысль. Но мы увидим далее, что физиономическая близость этих племен ничего общего не имеет с единством их происхождения, между тем самый важный и, быть может, единственный признак племенной общности, язык, дает в данном случае категорическое отрицательное показание. Язык гиляков не имеет ничего общего ни по своему лексикону и фонетике, ни по грамматическому строю с языками соседних племен; да и на всем материке Азии мы не знаем пока ни одного языка, который мог бы претендовать на близость его с гиляцким.

Не одни гиляки находятся в таком изолированном положении на северо-востоке Азии. В таком же положении находятся айну, юкагиры, чукчи, коряки. Их даже пытались соединить в одну общую группу палеоазиатов (Шренк), но основание этой классификации — чисто внешнего характера, а именно: общее их окраинное положение и вытекающая отсюда вероятность того, что эти некогда многочисленные народы с течением времени были частью истреблены, частью вытеснены новейшими пришельцами из внутренних частей материка на окраины Азии. Но не вся надежда потеряна к отысканию генетической близости между гиляками и другими племенами. Уже давно высказывались гипотезы об общности происхождения народностей тихоокеанского побережья Азии с племенами С. Америки. Мои собственные исследования языка гиляков убедили меня, что эта гипотеза может найти в конце концов полное подтверждение. Не говоря уже о близости в *общем строе* языков гиляцкого и многих американских, каковы слияние местоимений с глаголами и именами, тенденция к полисинтетизму, крайняя подвижность фонетических изменений, типы удвоений и т. д. и т. д., мы можем указать на такие сближения в частностях, которые чрезвычайно характерны. Такова, напр., общая им всем в высшей степени своеобразная классовая система числительных, по которой отдельные классы предметов комбинируются исключительно с им одним только свойственными числительными, система, не имеющая себе ничего подобного, насколько мне известно, ни в одном из языков азиатского материка... Но все это задача будущего, быть может, очень близкого.

Пока же не выяснен даже еще вопрос более легкий, вопрос о древности позиций, занимаемых в настоящее время гиляками. Единственный до настоящего времени авторитет в этнологии туземцев Приамурского края, покойный академик Шренк, на основании трех заимствованных гиляками у тунгусских племен названий зверей (лося, козули и барсука), водящихся в низовьях Амура и отсутствующих на Сахалине, утверждал, что первоначальной родиной гиляков был о. Сахалин и что, во всяком случае, нынешние материковые гиляки являются потомками переселенцев с Сахалина. Мнение его основано на чистом недоразумении. Упомянутые три вида животных в действительности крайне редко встречаются на территории гиляков на Амуре и, наоборот, очень часто на территории их тунгусских соседей: гольдов, ольчей, орочей, самагиров, так что нет ничего удивительного в том, что тунгусские названия получили распространение у гиляков, но если даже, быть может, во времена Шренка упомянутые животные несколько чаще попадались там, то это могло быть только делом простой случайности. Часто бывает, что экстраординарные причины, в роде появления нового сильного врага, заставляют тех или иных животных спасаться бегством в отдаленные от обычной их территории места; но такие явления не доказывают еще, что новая территория, на которой появились случайно эти животные, была исконным их местожительством. А насколько, вообще, заключение Шренка убедительно, можно видеть из того, что тигр совсем не водится на Сахалине и очень редко заходит на территорию гиляков на Амуре, и тем не менее гиляки, как сахалинские, так и амурские, имеют для него свое собственное название «клунд».

Все, наоборот, говорит за то, что на Сахалине именно гиляки являются пришельцами, сменившими или вытеснившими своих ближайших предшественников — айну. Начнем с лингвистических данных. До сих пор гиляки называют деревья и некоторых морских животных, отсутствующих на материке, аинскими терминами, каковы: нистань (клен), тармань (тис), нугучен (морская свинка?) и другие. Далее, мы имеем еще более объективные доказательства тому, что во всяком случае не гиляки были древнейшими аборигенами острова. По всей территории гиляцкой оседлости на о. Сахалине вплоть до северных оконечностей его встречаются остатки древних землянок в виде круглых, более или менее обширных ям, при раскопке которых я находил черепки горшков и орудия каменного века. Эти ямки гиляки называют не иначе как кугі-тулькч (аинские ямки), название, довольно ясно указывающее на то, что первоначальными обитателями гиляки считают айнов. Находимые в этих ямках орудия каменного века и черепки гиляки принимают за произведение рук богов (черепки горшков, напр., считаются ими горшками небесного человека, случайно уронившего их), между тем как известно, что каменный век на крайнем северо-востоке Азии не настолько отдален от современной эпохи, чтобы гиляки, не будь они позднейшими пришельцами, не сохранили об этом периоде самостоятельных традиций. Интересно, что и айну, в свою очередь, упорно отрекаются от этих древних ямок, находимых и на их собственной территории на южном Сахалине, приписывая их другому народу, мифическим тоньчам. Черепки горшков, находимые в этих землянках, они, подобно гилякам, считают чем-то божественным и отличным лекарством, например, от зубной боли. В действительности, эти ямки едва ли могли принадлежать айнам или гилякам, потому что если бы и те и другие некогда были знакомы с гончарным искусством, то они никогда и не потеряли бы его. Знай они когда-либо это искусство, оно отразилось бы в их преданиях, сохранивших еще более древнее воспоминание о примитивном способе кипячения воды посредством раскаленных камней.

По самой форме своей, по крупности размеров, по необычному расположению и приспособленности для самозащиты, эти ямки скорее напоминают большие ямки эскимосов, чем современные землянки гиляков и айнов. Как бы там ни было, гиляки, застав на Сахалине айнов, естественно должны были предположить, что эти древние ямки принадлежат айнам, и гиляцкий термин кугі-тулькч (аинские ямки) с достаточной убедительностью говорит за то, что не гиляки были аборигенами Сахалина.

Эти объективные данные о первобытных обитателях острова подтверждаются многочисленными легендами о кровавых войнах пришельцев с айнами, которых, по образному выражению гиляков, в момент появления последних на острове, даже на охотском берегу, «как комаров» много было.

Наконец, многие роды гиляков на самом далеком севере считают своими предками айнов, о которых у них сохранились самые яркие и многочисленные предания, мною тщательно записанные.

Итак, бесспорно, что на Сахалине гиляки являются сравнительно поздними пришельцами. Но есть много оснований думать, что и территория, занимаемая ныне гиляками на *материке,* не может считаться особенно древней, что, как это ни может показаться странным, в нынешнюю территорию свою гиляки явились из более северных стран, более близких к арктической полосе. Действительно, некоторые особенности гиляцкого быта представляют яркое переживание периода пребывания под более холодным небом. Самым типичным доказательством этого рода является переживание, касающееся их зимнего жилища — землянки. Гиляцкая землянка устроена по типу камчадальской. Но в то время как в камчадальской юрте, в виду суровости арктической зимы, двери не имеется и роль последней играет дымовое отверстие, у гиляков, благодаря сравнительно меньшей суровости зимы, землянка имеет уже сени, из которых низкая выдвижная дверь ведет в юрту.

Между тем бывает момент, когда дымовое отверстие в гиляцкой юрте вновь играет роль двери, как у камчадалов. Это именно в дни медвежьего праздника, когда оживают из тьмы тысячелетий отдаленнейшие отголоски глубочайшей древности, когда с благоговейной строгостью соблюдается ритуал, не изменявшийся в течение десятков веков. Тогда возрождается воспоминание о дымовом отверстии, служившем некогда единственным входом в юрту: *через это отверстие,* по специально для этого случая вставляемому шесту, спускается гиляк со шкурой и мясом убитого на празднике медведя. Через дымовое же отверстие, по окончании праздника, все ритуальные принадлежности, равно как и кости медведя, выносятся из юрты. Нарушение этого обряда считается величайшим грехом. Те гиляки, которые переняли маньчжурскую юрту, где дымового отверстия вовсе нет, вынуждены в дни празднества, несмотря на февральскую стужу, открывать свои окна из рыбьей кожи, чтобы этим экстраординарным путем внести и вынести священные реликвии и этим хоть приблизительно исполнить древний обряд. Что указанный нами факт есть действительное *бытовое переживание*, ярко доказывается тем, что самые понятия «входить» и «выходить» из юрты выражаются по-гиляцки словами, буквально означающими «нырнуть» и «вынырнуть» (кузі[illegible]д и југынд), что вполне соответствует способу входа и выхода через дымовое отверстие.

О других сторонах арктического быта я сейчас распространяться не буду. Упомяну только о том замечательном факте, что езда на собаках (ее мы встречаем у юкагиров, чукчей, эскимосов, алеутов, коряков, камчадалов), — бесспорно характерная особенность чисто арктического быта, — у туземцев Приамурского края, айнов, гольдов, орочей, заимствована от гиляков. Гиляцкий термин «ту» — нарты стал достоянием как айнов, так и тунгусских племен. Приоритет, так сказать, гиляков в этом отношении ярко обнаруживается во всем. Айну и тунгусские племена (гольды, орочи) переняли от гиляков не только термин и принцип передвижения на собаках, но и детали устройства нарт, способы сидения на нартах (верхом, с ногами на лыжах по сторонам нарт), запряжки собак и управление ими. Замечательно, что у чукчей оленных, у которых собаководство сохранилось только в преданиях, до сих пор сохранился гиляцкий способ сидения на нартах (верхом). Этот же способ сидения был в обыкновении и у камчадалов.

В связи с этой гипотезой интересно сопоставить следующее, весьма распространенное предание.

Среди многочисленных преданий, собранных мною о происхождении гиляцких родов, многократно встречалось предание о том, что тот или иной род явился на Сахалине на так называемом «ћовых»'е. Под «ћовых»'ом же гиляки подразумевают все, несущееся по течению реки или моря, главным образом, оторвавшиеся от берега глыбы суши или тундренного торфа, также льдины, несущиеся по течению морскому. Один из таких ћовых'ов еще и теперь показывают на восточном берегу Сахалина в заливе Ныйво, где он образовал крошечный островок против с. Такрво. На этом ћовых'е явилась будто бы часть рода, поныне живущего в с. Танках на западном берегу. Передвижение на ћовых'е не представляет ничего невозможного. Нередко случается, что во время весенней охоты на тюленей внезапно поднявшийся ураган разделяет сомкнувшиеся льдины и уносит отдельные глыбы вместе с застигнутыми на них промышленниками в открытое море, выбрасывая их часто на берег, далеко от места их жительства. Нередко также можно видеть несущимися по морским волнам оторванные штормами от прибрежных тундр огромные глыбы торфа, на которых могли бы поместиться десятки людей. У айнов, во время междоусобий, когда у кого-нибудь являлась экстренная необходимость уйти от преследований, существовал обычай, по которому преследуемый бесстрашно переносил свою семью вместе с лодкой на случайно плывущий мимо «hовых», укреплял на нем священный шест с заструженными языками и предавал свою судьбу произволу ветра или течения.

Теперь, если принять во внимание, что вдоль обоих берегов Сахалина и материкового побережья проходят течения с севера, течения, несущие льдины почти до июля месяца, то можно с большим или меньшим вероятием допустить, что легендарные hовых'ы могли служить тем естественным путем, по которому отдельные искатели приключений или изгнанники передвигались с севера на юг, и далее, не трудно уже представить себе, как постепенно эти передвижения достигли крайних южных пределов нынешней гиляцкой оседлости. Еще на наших почти глазах, со времен Миддендорфа, северная граница постоянной оседлости гиляков спустилась с устьев Тугура до устьев р. Коль.

Но не следует представлять себе, что переселение гиляков в нынешнюю их территорию — дело очень близкой нам исторической эпохи. За последние 2½ века мы имеем положительные сведения о неизменности границ гиляцкой территории, а предания гиляков об острове и материковом побережье рисуют это племя совершенно сроднившимся с его нынешней родиной, а такое сродство у первобытных народов совершается долгим процессом многих и многих веков, быть-может, тысячелетий.

Не могу при этом случае не упомянуть про один характерный факт, так или иначе характеризующий способы мышления самих гиляков в вопросе о родстве их с другими племенами.

Во время пребывания моего в 1893 г. в селении Лангр на небольшом островке, лежащем против материкового побережья, я разговорился с одним старым гиляком, современником Невельского и Орлова, первых деятелей в низовьях Амура. И не мало я был изумлен, когда во время беседы, вспоминая деятелей Русско-американской компании, которым мой собеседник в свое время оказывал услуги, он вдруг заметил: «Однако, я так думаю, что гиляки и алеуты одной породы». Оказалось, что известного моряка Орлова, служившего в Русско-американской компании, сопровождал алеут, с которым моему гиляку приходилось помногу беседовать; и вот, после взаимных рассказов об обычаях и образе жизни их соплеменников, между прочим, о медвежьем празднике, они оба вынесли заключение, что гиляки и алеуты — каль-няхр (один народ). Конечно, подобные примитивные заключения сами по себе не могут иметь большого значения для разрешения вопроса, но, в связи с другими соображениями об арктическом происхождении гиляков, это наивное свидетельство гиляка является, во всяком случае, характерным.

Таким образом, язык, археологические данные, переживания в особенностях быта, предания дают возможность несколько приподнять завесу далекого прошлого гиляцкого племени. Зато чисто антропологические данные не могут играть никакой роли в интересующем нас вопросе. В антропологическом отношении гиляки меньше всего представляют что-либо оригинальное. Специфического типа гиляцкого не существует. Средний тип гиляка представляет в настоящее время комплекс обыкновенных, хотя несколько смягченных монгольских черт с отклонением, с одной стороны, к тунгусскому, с другой — к аинскому типу. В аинском типе, как еще заметил Шренк, лицо более или менее овальное, лоб прямой, скуластость умеренная, косоглазие очень незначительное, или совсем отсутствует, нос более или менее длинный, спинка носа с выгибом, растительность на лице обильная. В тунгусском типе, наоборот, монгольские черты выражены в полной резкости. В женских типах тунгусские черты преобладают. Вот все, что дают нам наблюдения над физическими особенностями гиляка. Между тем другие факты и соображения дают нам полное основание думать, что древний тип гиляка окончательно погиб, потонув в более сильных недрах соседних племен. Но это произошло не совсем обычным путем, не путем постепенной метисизации с соседними племенами посредством междуплеменных браков, что было бы совсем не так удивительно, а совершенно особенным, крайне поучительным образом.

Переписывая гиляков, я тщательно собирал сведения и предания о происхождении каждого рода в отдельности. Изучение этих данных привело меня к странному выводу, что основателями громадного большинства ныне существующих родов были не гиляки, а представители соседних племен. Как это могло произойти? Это обычное явление и теперь, что отдельные личности по тем или другим причинам покидают свое родное племя и, убегая от преследований или неудач на родине, ищут убежища среди соседнего чуждого племени... Здесь они находят традиционное гостеприимство, оседают, женятся (обыкновенно на вдове) и этим самым адоптируются в тот или иной род, принимая, естественно, язык и обычаи приютившего их племени. Потомство этих пришельцев образует обыкновенно либо самостоятельные роды, либо особые ветви принявших их родов. И вот история гиляцких родов показывает, что эти роды пришельцев или ветви родов, основанных ими, с течением времени неизменно увеличивались в своем составе и стойко выживали, между тем как старые роды или старейшие ветви рода хирели и в течение нескольких поколений вымирали. Самые сочные, цветущие и многочисленные роды — потомки именно пришельцев. Лежит ли тут причина в том, что пришельцы и изгнанники представляют естественный подбор исключительно энергичных и жизнеспособных индивидов, или это результат скрещивания, но факт этот не подлежит сомнению; я встречался с ним не у одних гиляков.

И в результате переписи гиляков я с недоумением спрашивал себя: если на протяжении длинного ряда веков неизменно происходил приток свежих иноплеменных элементов, приток, усугубленный покупкой жен и невольниц у айнов и гольдов, и если при этом пришельцы плодились и размножались, а коренные вырождались и вымирали, то что же осталось от коренного типа первоначального гиляцкого племени? Да, этот первоначальный тип исчез безвозвратно. Тело гиляцкого племени умерло навсегда, но дух его жив, жив в его языке, языке, который, как мы сказали, стоит совершенно одиноко среди сонма языков азиатского материка, и в его своеобразных обычаях и учреждениях, которые пережили на ряду с языком все превратности его физических превращений. Стойкое сохранение языка поразительно. Он не только уберег себя от искажения иноплеменными корнями и формами, но сохранил, при ничтожном составе племени, два больших диалекта и не менее 5-6 поддиалектов, свидетельствующих о том, что было время, когда на гиляцком языке говорили многие десятки, быть-может, сотни тысяч индивидов, разбросанных по обширной территории и оставивших нам в доказательство своего существования многочисленные свои идиомы.

Но не только язык гиляцкого племени продолжает свидетельствовать об изолированном положении его среди окружающих народностей; об этом ярко свидетельствуют и его социальные учреждения, родовая организация, религия и, в особенности, институт брака, удивительно своеобразные нормы полового общения и столь же удивительная родственная номенклатура. Но прежде чем перейти к этой стороне жизни, мы в самых кратких чертах коснемся внешних условий жизни, окружающей природы и наружного облика гиляков.

II.

ОКРУЖАЮЩИЙ МИР. ТИП. ВНЕШНИЙ БЫТ.

Природа, среди которой живут в настоящее время эти люди, полна величайших контрастов. Несмотря на южные широты (между 46° и 54½° с. ш.), средняя годовая температура в некоторых местах падает до — 1,2°. Замерзание ртути внутри острова обыкновенное явление. Даже в июле бывают minimum'ы в 7,7°. У северных берегов Сахалина и на восточном побережье еще в июле плавают льды. На горах снег начинает таять в июне, и в некоторых местах за целое лето не успевает растаять. На уровне моря нередко встречается вечный лед. В 1893 г. я совершенно случайно нашел на маленьком островке, против с. Виск-во, под тонким слоем песку, на самом уровне моря, огромную полосу вечного льда, напоминающего по строению и размерам огромный глетчер, который мог быть занесен сюда холодным течением.

Зимой периодически целыми днями свирепствуют северо-западные ураганы, производящие страшные снежные пурги. А летом туманы, дожди... Мрачная страна! Субарктическая флора и даже более южная флора возвышенных мест сменяется настоящей арктической в низинах, открытых ветрам и ледяному дыханию холодных течений. Суровостью своей климат этой страны обязан холодному течению и опустошительным северо-западным ветрам, которые с силой урагана дуют с периодической правильностью, побивая и охлаждая все на своем пути. Вот почему места, защищенные от этих ветров и суровых морских туманов, представляют разительный контраст с низинами и открытыми местами по богатству флоры и мягкости пейзажа. В долинах, лежащих внутри острова или вообще защищенных, вы встречаете мягкие пейзажи с тополями, вязами, дубами, даже тисами, грецкими орехами, богатейшим ковром цветов, гигантскими спиреями, гречихами и т. д., и на некоторых склонах даже виноград.

Но по соседству с Vitis uvae Thunbergii вы встретите Cembra pumila и ковер альпийской арктической флоры.

По рельефу о. Сахалин — почти сплошная горная страна с меридиональными цепями, расходящимися бесчисленными отрогами во все стороны, образуя бесконечную массу пиков, конусов, утесов и мысов. Не возвышаясь в среднем более чем на 3000—4000 ф. над уровнем моря, горы эти, во многих местах до позднего лета покрытые снегом, оказывают огромное охлаждающее действие на климат страны. Причудливые очертания гор, суровых и мощных, мысы и утесы, лобзаемые бурунами и обвеваемые ураганами; дремучая тайга из ели и лиственницы, покрывающих все возвышенные места, где бродят их естественные обитатели — медведи; мощные ветры, творящие адские пурги и разрушительные ураганы; море, вечно бурное, кишащее великанами и морскими чудовищами; туманы и вечно обложенное свинцовыми тучами небо — вот те окружающие условия, которые могучими штрихами вписали свои черты в психику и мировоззрение гиляка, условия, которые вместе с чертами суровости вписали черты бодрости и мужества в душевный склад обитателя сурового острова.

Из зверей, окружающих гиляка, наиболее важную роль играет медведь, самое сильное и страшное животное его тайги. В главе о религии я буду подробно говорить о влиянии этого животного на всю религиозную психику гиляков. Теперь я хочу указать только на роль этого животного в борьбе за существование туземцев. Если б это животное было так же агрессивно, как, например, бенгальские тигры, то, при крайнем его изобилии, первобытному человеку почти невозможно было бы жить в этих местах. Но северный медведь отличается кротостью, кажущейся почти невероятной. В первые годы пребывания моего на Сахалине стада поселенцев паслись рядом с медведями, и поселенческие бабы не раз во время собирания ягод сталкивались бок о бок со своими косолапыми конкурентами, и если медведь в этих случаях вел себя иногда не совсем по-джентльменски, то это выражалось лишь в том, что он толкнет, бывало, бабу, если та случайно задела его котелком или ведром. Во время моих путешествий мне не раз приходилось устраиваться на ночлег в местах, кишевших медведями, и не раз приходилось, лежа в палатке, слышать тяжелые шаги Михайла Потапыча, полюбопытствовавшего осмотреть наш табор...

О физическом типе гиляка я уже говорил кое-что. Общего типа гиляцкого не существует. Он колеблется между резкими монгольскими чертами тунгусского типа и благообразными смягченными чертами аинского типа. Поэтому-то так часто встречаются среди гиляков субъекты, которых трудно отличить от настоящих тунгусов, и в то же время такие, которые поражают почти европейскими чертами. Последние, впрочем, встречаются значительно реже. Только в женщинах и детях монгольские черты выражены особенно резко.

Гиляки обыкновенно среднего роста (гораздо выше тунгусов), но попадаются и субъекты выше среднего; они коренасты, плотны, но никогда вы не встретите среди них тучных. Голова пропорционально большая; плато-брахоцефалический череп оброс черными волосами, которые спускаются вдоль спины у мужчин одной косой, а у женщин двумя. Цвет лица смуглый, грязноватый. В молодости на лице румянец кирпично-розового оттенка. Губы толстые; зубы темно-желтого цвета (от курения). Оконечности рук и ног поразительно маленькие.

Гиляков всегда рисовали угрюмыми, мрачными, нелюдимыми, и им противопоставляли всегда мягкое выражение лица айнов. Я нахожу этот отзыв несправедливым. Если в гиляках есть черты угрюмости, то они чисто внешнего происхождения и вызваны справедливым недоверием к иноземцам, причинившим им не мало зла. Я лично много сталкивался с этим племенем и вынес убеждение, что угрюмость гиляка чисто внешнего свойства. Под этой угрюмой внешностью скрывается мягкая натура, способная глубоко привязываться, быть экспансивной и доверчивой. Благодаря своей экспансивности гиляк способен на быстрые перемены настроения. Угрюмое выражение лица, выведенное из сосредоточенности малейшим толчком извне, в один миг озаряется выражением самого наивного добродушия или загорается страшным огнем гнева. Гиляк обыкновенно медлителен в движениях, важен у себя дома, когда он разыгрывает роль хозяина, но суетлив и деятелен в моменты веселья и оживления, когда речь его льется бурным потоком из переполненной груди.

Женщина на вид более угрюма, чем мужчина. Вечно с опущенными глазами, медленная в движениях, она сразу производит впечатление запуганного существа. Но не такова она в действительности. Стоит ей заговорить с вами, и в ее искусственно-муильированном произношении, во вкрадчиво-ласкающей интонации и тембре голоса, в ее улыбке и плутоватом смеющемся взгляде вы узнаете настоящую дочь Евы, для которой внешняя суровость лишь маска, скрывающая натуру, которая познает страсти.

Зимняя одежда гиляков, как мужчин, так и женщин, состоит из шубы из собачьих шкур, мехом наружу, из таких же меховых наголенников и сапог из тюленьей кожи китайского покроя. Мужчины, кроме того, носят юбки из тюленьей кожи, спускающиеся от пояса до колен, но не ради самоукрашения, а для предохранения шубы от истирания и порчи при сидении на льду, снегу и т. д. Зимний костюм очень эффектен. Затянутый в талии в черную собачью шубу, на темном фоне которой мягко выделяется нежно-серая юбка из шкур молодых тюленей, в сапогах с узкими носками, изящно сшитыми, в шапке из лисьих лапок с наушниками, в меховых перчатках, закрывающих рукава, — гиляк производит изящное молодцеватое впечатление.

Летом национальный костюм гиляка (ныне совсем выходящий из употребления) составляет армяк из рыбьих кож, отороченный по краям узорами. В последнее время в ходу летняя одежда из цветной дабы или американской дрели. Женская летняя одежда гораздо эффектнее: легкие развевающиеся платья из цветных привозных материй, преимущественно красного цвета, с красивыми узорами по краям, обшитые ракушками и побрякушками, позванивающими при малейшем движении. Только большие совсем не подходящие к росту и размерам ноги сапоги, туго набитые сеном, заменяющим чулки, портят легкость фигуры женщины, придавая ей тяжелый, неуклюжий вид.

Теперь несколько слов о материальных условиях жизни гиляков. Замечательное дело! То самое условие, которое оказывает столь фатальное действие на природу Сахалина, именно, северное холодное течение, это гибельное условие создало возможность человеческого существования в этой суровой стране. Это оно приносит в определенные сезоны с астрономической точностью те сонмы лососей и другой ходовой рыбы, которые переполняют все реки и речки до такой степени, что возможно добывать рыбу в любом количестве посредством простой заостренной палки, способ, к которому мне самому приходилось прибегать в голодные промежутки своих путешествий. Это обилие рыбы и легкость добывания ее и объясняет нам тот странный факт, что в этой суровой стране возможно было существование первобытного человека в очень отдаленное время, как красноречиво свидетельствуют следы произведенных раскопок. Действительно, и поныне эта ходовая рыба служит основой существования гиляка и его единственных домашних животных, собак. Наловленная и вывяленная на солнце рыба десятками тысяч штук складывается в свайные амбары и в буквальном смысле слова заменяет гиляку хлеб в течение долгой зимы. Свежая стационарная рыба, которую он ловит круглый год, является только дополнением к этому хлебу насущному из консервов лосося. Несметные стаи ходовой рыбы питают не одного гиляка. За стаями рыб идут вслед не меньшие стаи всех видов ластоногих и китообразных, гоняясь за обильным кормом. Ластоногие составляют второй после рыбы источник пропитания гиляка. Ранней весной, с первыми признаками вскрытия льда, изголодавшийся туземец выходит промышлять тюленей, обрадовавшихся возможности подышать свежим воздухом на вскрывшихся льдинах.

В местах удобных промышляют этих животных и круглое лето, посредством длиннейшей остроги, пускаемой с лодки. Тюлени, кроме шкур, крайне необходимых в гиляцком хозяйстве, дают еще запасы жира, который служит как приправой к твердой юколе, так и самостоятельным пищевым продуктом, крайне важным для жизни гиляка. Действие жира на организм туземца поразительно. Вот исход зимы. Изголодавшийся гиляк, если его не свалила цынга, еле бродит, но стоит только появиться тюленю, как он моментально преображается. С жадностью набрасывается он на вытопленный жир, пьет его во всех видах, с чаем, с рыбой и даже в чистом виде, и через несколько дней он становится неузнаваемым: щеки делаются розовыми, тело полнеет, и бодрость сказывается в каждом его движении.

Осенью, после окончания хода рыбы, наступает деятельный и веселый сезон охоты. Медведи в изобилии спускаются к берегам речек полакомиться лососем, и гиляк подстерегает их ружьем и копьем. Каждый убитый медведь — повод к общественным празднествам и торжествам. Не успел еще окончиться сезон рыбы и медведя, как соболь оделся в темную шкурку, и пора ловить его. Тут начинается устанавливание петель по переправам через речки и устройство западней. Это, быть-может, самый оригинальный сезон в многосторонней годовой деятельности гиляка. На несколько недель он уходит из дому, забирается к своей наследственной собольей речке караулить драгоценных зверьков. Днем он обходит свои ловушки и западни, попутно стреляя птицу и всякого попадающегося зверя, а на ночь забирается в балаганчик. В этом балаганчике приходится ему переживать тяжелые минуты. Здесь, в дикой тайге, среди мраки ночи, безмолвия пустыни или гула пурги, одинокому дикарю, ютящемуся около своего крошечного очага или тщетно пытающемуся согреться при температуре замерзания ртути, всякий шорох, всякий странный звук, треск дерева, вой ветра, стон ночной птицы, наконец, галлюцинации его собственного напуганного воображения, рисуют во всей их страшной реальности все ужасы гиляцкой демонологии. Черти и людоеды всех стихий в образе гиляка являются к нему, чтобы причинить ему гибель. А тут страшное изнурение после трудов, недостаток провизии — все это усугубляет ужас положения, принося болезни, а нередко и смерть. Но не одни ужасы и невзгоды сулит охота на соболя. Удачный лов, веселая компания, торжественное возвращение домой с добычей, рассказы о пережитом — все это с избытком вознаграждает исстрадавшегося охотника. Но в общем гиляк не охотник. Охота с собакой ему незнакома, рискованные поиски медведей, до которых тунгусы такие охотники, не привлекают гиляка. Он ихтиофаг по преимуществу, и кто-то очень верно выразился о нем, что он живет frutti di mare.

Зимние месяцы самые веселые в году. Запасы рыбы еще не истощились; на выручку с добычи запасен чай, табак, рис и буда, о будущем же гиляк мало заботится. Начинается бесконечная езда в гости, слушание сказочников по ночам, а с февраля наступают медвежьи праздники, самые радостные дни в жизни гиляка. Но к марту начинают уже сказываться результаты зимней расточительности, и наступают тяжелые дни голодовок, а иногда и цынги, уносящей десятки цветущих жизней. Весной, с тюленями и первой ходовой рыбой, корюшкой, селедкой, гиляк опять оживает, и в течение летних месяцев, в ожидании осеннего лова, снова начинаются поездки в гости и dolce far niente.

Заговорив о гостях, не могу не упомянуть о своеобразном торжественном блюде и излюбленном предмете угощения у гиляков — так называемом «мось». Оно приготовляется из клейкого отвара рыбьих кож, тюленьего жира, ягод, рису, иногда с прибавлением накрошенной юколы. Все это перемешивается и остуживается. Иногда для цвета и вкуса прибавляют к смеси раствор белой глины. Отваренные рыбьи кожи без всякой брезгливости выжимаются в корыто грязными руками гилячек, а крошенная юкола для большей пикантности растирается зубами и вместе со слюной выплевывается в блюдо...

Внешняя обстановка гиляка крайне незатейлива. Только в некоторых местах, ближайших к Амуру, гиляки переняли тип зимних жилищ маньчжурского типа, жилищ, впрочем, тоже довольно примитивных. По форме это — это большие сараи, сложенные из накатника, в которых на полу вдоль всех стен проложены огромные каменные или деревянные, обмазанные глиной трубы, соединенные отверстиями с топкой. Поверх труб настланы нары, постоянно согреваемые теплом от труб. Дым из печек выходит через подземный ход в высокую вертикальную трубу, подымающуюся прямо с поверхности земли. Роль этой трубы, напоминающей в миниатюре наши фабричные, играет дуплистое дерево. Посередине юрты — высокий четырехугольный помост, на который выпускают своры собак, когда их собираются кормить. Более первобытная юрта — это землянка, наполовину сидящая в земле и крытая сводом из накатника, обмазанного глиной и посыпанного землей. Вход из сеней — через низкую дверь по нескольким ступенькам. В середине — очаг, окруженный проходами между нар; над очагом дымовое отверстие. Зимой даже в юртах первого типа бывает иногда так холодно, что ртуть в термометре замерзает, а при малейшем ветре юрта наполняется дымом. Спят на нарах головой к очагу, на шкурах или ватных подстилках; под головой — валикообразные подушки, набитые волосом или перьями. Любимая поза гиляка — либо сидеть по-турецки, либо валяться, растянувшись на наре. В глубине нар расставлены ящики с *драгоценностями*, китайскими шелками, халатами, дорогими копьями, мехами и прочими вещами, которые играют роль в торжественные минуты жизни: когда справляют дорогого покойника в далекий путь, в селение мертвых; когда снабжают дочь приданым, отправляя ее в дом мужа; когда необходимо уплатить выкуп по делам мести, либо заплатить калым за невесту, купленную для сына или брата и в тому подобных случаях.

Летнее жилище — шалаш, прямо поставленный на земле, или свайная постройка из накатника.

Оружие гиляка составляет лук, уже начинающий, впрочем, выходить из употребления, копье с длинным наконечником, часто украшенным искусной серебряной инкрустацией, и, с недавнего времени, ружье, с которым он уже вполне освоился. Кроме того, заслуживают упоминания самострелы разных видов и острога на морских животных, укрепляемая на длиннейшем, в несколько метров, составном древке.

Средствами передвижения служат зимой — нарты, летом — лодки. Гиляцкие собачьи нарты — в своем роде верх совершенства. Имея в длину около двух метров, в вышину и в ширину около 30 см, составленные из тоненьких березовых брусков с легким переплетом в сидении, они так легки, что их без всякого труда поднимаешь одной рукой, и в то же время они настолько прочны, что выносят тяжесть в одну четверть тонны; по эластичности и прочности с ними может поспорить разве только древняя камчадальская нарта.

Перевернутые полозьями кверху, они представляют форму приплюснутого сегмента, касающегося земли самой малой частью своей поверхности. Благодаря малой поверхности трения, они очень легки на ходу, удобопереносимы в трудных местах, а на укатанной дороге и особенно по льду скользят, как лучшие английские коньки. Способ управления ими очень оригинален. В виду их крайне малой ширины, они очень неустойчивы и при малейшей неровности теряют равновесие. Поэтому управляющий нартами сидит верхом на них и держит ноги не на полозьях, а на лыжах, которые скользят вдоль нарт. Расставляя и сдвигая лыжи, гиляк изменяет по мере надобности центр тяжести и придает нартам устойчивость. На местах более или менее крутых, где нартам приходится итти боком, он удерживает их посредством палок с железными наконечниками, втыкаемыми между полозьями и верхней перекладиной. Эти же палки служат тормозами при сильном разбеге. Собак ведет передовик, обыкновенно маленькое невзрачное существо, которое столько же слушается команды вожатого, сколько собственного своего необыкновенного чутья. В минуту опасности, среди бушующей пурги, или поздней весной, среди разбившихся льдин, поверх которых уже выступила вода, возчику остается только положиться на дивный инстинкт своего преданного друга и раба. Хороший передовик стоит от 30 до 50 руб., обыкновенные ездовые собаки от 3 до 8 руб. В нарты богатого человека запрягают 12—13 собак, бедняки довольствуются тремя — пятью.

По типу нарт построена и гиляцкая национальная лодка-долбежка из тополя. Она настолько легка, что мальчуган лет 10—12, единолично, без труда вытаскивает ее на берег шагов на 100 и более. Дно ее имеет такую же сферически приплюснутую поверхность, как у нарты, благодаря чему она сидит неглубоко и проходит в самых мелких местах. Встречая препятствие в виде мели или перешейка между лагунами, гиляк легко ее переносит на себе и затем спускает на воду.

Средства передвижения играют огромную роль в жизни нашего туземца. Гиляк вообще полуоседлый человек. Летом он живет обыкновенно близ реки или моря, на зиму же переселяется подальше, в более защищенные места, к своим теплым зимникам.

Даже летом, следуя за рыбой, он меняет раза два-три свое местожительство по течению реки. Но кроме этих регулярных перемен местожительства, гиляк нуждается в переездах и по многим другим причинам. К концу зимы, когда выходит корм, он отправляется в далекое странствие на своей нарте за покупной рыбой, а во многих местах (напр., по Тыми) жители отправляются целыми селениями, за несколько сот километров на берег моря, для весенней охоты на тюленей, с тем, чтобы спустя полгода вернуться к осеннему ходу рыбы в свои родные места. Но гиляк любит разъезжать и без серьезных поводов. Ездить в гости и принимать гостей, устраивать праздники и жить на людях — высшее удовольствие гиляка. Угрюмый и суровый в одиночестве, он в обществе преображается, становится игривым, веселым, болтливым.

На севере, в больших юртах маньчжурского типа, живут зимой по 30—40 человек в одной юрте. Тут есть где выработаться социальности, которая и без того коренится в условиях общественного строя гиляков. Но тут мы должны оставить внешнюю сторону жизни гиляка и перейти к внутреннему ее строю, с своеобразными особенностями которого я главным образом имел в виду познакомить читателей.

III.

СИСТЕМА РОДСТВА. НОРМЫ БРАКА И ВЛИЯНИЕ ИХ НА СЕМЕЙНО-РОДОВОЙ СТРОЙ.

Из всех особенностей гиляцкого быта ничто так характерно не выделяет гиляков среди окружающих их народностей, как классификаторская система родства и правила, регулирующие половые отношения и брак. В этом отношении гиляки стоят одинаково далеко как от своих южных соседей айнов, так и от окружающих их тунгусских племен. Айны — единственная народность Приамурского края, у которой сохранились черты материнитета. Гиляцкая же семья и род — чисто патриархальные учреждения. Что касается тунгусских племен, то хотя и у них открыта мной классификаторская система родства и черты группового брака, аналогичные с открытыми мною же в 1891 г. у гиляков, но внимательное сравнение этого института у тунгусских племен и у гиляков приводит к заключению, что они принадлежат к совершенно различным периодам эволюции брака, и хотя они могли влиять друг на друга, но в основе своей принадлежат, выражаясь языком геологии, к различным формациям. Достаточно сказать, что у тунгусских племен допускается половое общение с женами лиц восходящих поколений, например, с женой младшего брата отца, у гиляков же это считается кровосмешением.

С первого взгляда институт гиляцкого брака не представляет ничего особенного. Гиляк покупает обыкновенно одну, редко 2—3 жен, которые переходят в его род и перед светом считаются его личными женами и матерями его детей. Дети принадлежат исключительно отцу и наследуют ему после его смерти. Всякого гиляка, когда он делается отцом, перестают звать прежним именем и величают отцом родившегося ребенка. Исключительное обладание своими женами выражается в строгом обычае кровавой расправы с нарушителем супружеского счастья. Род основан на принципе агнатизма, брак экзогамный.

Можно объехать всю территорию гиляков, жить в их юртах, подолгу наблюдать семейную жизнь их и не замечать в строе их семьи ничего необычного. В больших зимних юртах обитатели занимают свои нары семьями, живущими каждая своими обособленными интересами. Между мужем, женой и их детьми царит полное согласие и нежные отношения. Мало того. Нередко можно встретить случаи поразительной преданности и любви между супругами; когда один из них умирает, то другой нередко налагает на себя руки или умирает с тоски. Словом, по всем видимостям, мы имеем дело с типом семьи, которую принято называть патриархальной. Но не такова она в действительности. Прежде всего вас поражает странная родственная номенклатура. Целая группа женщин зовет целую группу мужчин своими мужьями (пу, івн), и эти последние зовут их своими женами (ан'геј). Точно так же целая группа мужчин зовет группу женщин своими матерями (ымк) и группу мужчин — своими отцами (ытк), а эти — первых своими детьми.

В частности, как и у многих других первобытных племен, гиляк зовет своей женой (ан'геј) не только свою собственную жену, но и жен своих старших братьев всех степеней родства, также и всех сестер своей жены всех степеней родства, а они, в свою очередь, зовут его своим мужем (пу, івн). Дети их зовут друг друга братьями и сестрами (туш, руф). Сверх того, гиляк зовет своими женами уже от рождения всех кузин по матери (дочерей братьев своей родной матери и братьев всех женщин, которых он зовет ымк — мать). Матерью (ымк) гиляк зовет не только свою родную мать, но и всех жен братьев своего отца, родных и агнатных, а также и сестер этих женщин, а они зовут его своим сыном. Соответственно этому он называет своим отцом (ытк) не только своего родного отца, но и братьев отца, при чем у некоторых родов термин отец применяется ко *всем*, старшим и младшим братьям (родным и агнатным) отца, у других (у большей части сахалинских гиляков) — только к братьям, младшим отца. Дети братьев по отношению к последним считаются сыновьями и дочерьми. Еще страннее кажется то правило, по которому женщины называют сестрами жен братьев мужа, а мужчины — матерями сестер тестя... Европеец с удивлением слушает, как гиляцкий мальчуган зовет жену своего старшего брата ан'гej (жена), а она его — муженек (ычіх, пу, івн) или как сплошь и рядом гиляк говорит: «Я пойду к своим отцам, матерям», т.-е., к братьям своего отца или сестрам матери, но при долгом наблюдении настолько привыкаешь к этому странному явлению, что начинаешь считать его совершенно естественным. Вопреки высказанным в недавнее время мнениям, что классификаторская система родства представляет собою одну только номенклатуру возрастов, я могу засвидетельствовать после долгих годов наблюдений, что у гиляков номенклатура эта, основанная на строгом исчислении степеней родства, *вполне соответствует* нормам полового общения. *Возраст не играет никакой роли:* в одном и том же классе сплошь и рядом числятся глубокие старики и юные подростки. Все лица, связанные между собою званием ан'гej и пу (муж и жена), действительно имеют супружеские права друг на друга, т.-е., не только имеют право вступать между собою в регулярные браки или иметь половое общение до вступления в регулярный брак, но сохраняют права на половое общение и тогда, когда лица этих категорий состоят уже в индивидуальном браке. Состоя в законном, так сказать, индивидуальном браке, жена, в то же время, пользуется правом негласно, т.-е. в отсутствие мужа, иметь общение с лицами из группы мужчин, которых она зовет пу, івн (муж). Чаще всего, конечно, пользуются этим правом братья ее мужа, родные или более отдаленных степеней родства, живущие с ним в одной деревне; но и пришлые мужчины, часто совершенно незнакомые, случайно проехавшие через селение, если считают себя, хотя бы по самому отдаленному родству, «пу» данной женщины, свободно пользуются этим правом, разумеется, с согласия женщины. Во время моих путешествий по Сахалину мои спутники с западного берега, явившись вместе со мной в отдаленное селение на восточном берегу, в котором ни они, ни их отцы никогда не бывали, но в котором, по генеалогическим их сведениям, проживала женщина категории ан'геј, свободно осуществляли свои права, разумеется, когда мужа в юрте не было. Это явление совершенно тождественно с тем, что рассказывают об австралийских кроках и кумитах, которые находят себе супружеское ложе везде, даже в самых отдаленных пунктах своей территории, под условием, чтоб мужчины были куми, а прекрасные незнакомки — кроки.

По характеру своему эти нормы полового общения ближе всего подходят к таковым же нормам у австралийского племени Dieri, у которого упомянутые два вида полового общения резко оформлены терминами noa и piruari.[1] У них каждая женщина состоит в индивидуальном законном браке с одним мужчиной, и супруги называют друг друга noa; но в то же время она состоит в групповом браке с целой категорией мужчин, которые великим советом племени объявлены на это правоспособными. По отношению к этой группе она piruari и обратно. Так встречаются тождественные институты брака между племенами, столь различными друг от друга! Знаменитая punulua family Гавайских островов тоже находит полное сближение с институтом гиляцкого брака.

Правомерность группового полового общения рельефно выражается в том, что в то время, как нарушение супружеской верности с лицом, не входящим в группу «пу», влечет за собою кровавую расправу с соблазнителем, застигнутым in flagrante delicto, или, в лучшем случае, жестокую дуэль и выкуп, для лиц разрешенных категорий оно не влечет никакого возмездия, вызывая только некоторое раздражение, в редких случаях переселение соблазнителя в другую юрту. С другой стороны, между лицами запрещенных категорий половое общение встречается, как крайне редкое исключение.

Неоднократно я наблюдал даже случаи *регулярного* сожительства братьев с общей женой, и между братьями царило полное согласие. Мой первый учитель гиляцкого языка, гиляк селения Тангиво, Гибелька, самый богатый и самый уважаемый гиляк на всем Сахалине, жил постоянно в одной юрте со своим младшим братом, Плеуном, и ни для кого не были тайной отношения между этим последним и женой старшего брата. Дети ее с одинаковой нежностью относились к обоим отцам и пользовались со стороны этих последних равной нежностью, и когда умер Плеун, то все имущество его перешло к этим детям, публично считавшимся детьми Гибельки. Плеун был очень богат и мог купить себе не одну жену, но он любил жену старшего брата, который нисколько не протестовал против взаимности со стороны дорого стоившей ему супруги. Когда приходилось намекать Гибельке на эти отношения, то по его умному красивому лицу пробегало мимолетное облачко меланхолии, но никогда я не видел и тени дурных отношений между братьями.

---

[1] Australian Group relations by Howitt (Papers relating to Antropology contrib. to the Smitsonian institute, 1885 г.), pp. 12 s.

Гиляцкие юноши часто недоумевали, почему я с таким усердием расспрашивал про эти странные для нас, а для них совершенно естественные отношения между женами и братьями их мужей и с удивлением спрашивали: «Неужели у вас, у русских, не так? Разве с женой брата жить нельзя?» И получив отрицательный ответ, тоскливо качали головой, говоря: «Однако, это очень худой закон!», и при этом с недоверием посматривали друг на друга.

Конечно, природа человеческая везде одна и та же: и у гиляка бывают припадки ревнивого обладания, но по отношению к лицам разрешенных категорий ревность никогда не выражается в какой-нибудь резкой мере репрессии — в крайних случаях ревнующий брат настоит на переселении соперника в другой дом или в другую деревню.

Правомерное половое общение естественно породило общее легкое отношение к вопросам целомудрия: найти мужчину или замужнюю женщину, не нарушающих своей взаимной верности, конечно, очень трудно. Даже девушки не особенно дорожат целомудрием, и только соображения постороннего свойства заставляют родителей смотреть косо на фривольное поведение дочерей. Тут играет роль боязнь, что дочь свяжется с неподходящим по имущественному положению человеком и, кроме того, что родившийся ребенок окажется вне определенного рода и его придется убить.

Но помимо этих соображений нет нравственного запрета нарушения целомудрия. И тем не менее сказать, что у гиляков царит половая распущенность и отсутствует половая нравственность — было бы величайшей несправедливостью. Если под нравственностью понимать подчинение известным, общепризнанным в данном обществе правилам, то гиляки отличаются идеальной половой нравственностью, потому что по отношению к лицам, стоящим вне группового полового общения, целомудренная стойкость прямо поразительна. Самая фривольная гиляцкая женщина никогда не позволит себе иметь общение с сородичем своего мужа, если он не категории ее пу, хотя бы соблазнитель был моложе ее мужа и нравился ей.

Воззрения гиляка в этом отношении настолько строги, что он переносит их даже на мир животных: собак, уличенных в кровосмесительстве, убивают, считая их оборотнями.

О русских женщинах, продающих себя за деньги, гиляцкие женщины говорят с величайшим презрением. Эта строгая лойяльность по отношению к лицам запрещенных категорий создала систему запрета бесед и шуток с целыми классами лиц. Нам, европейцам, даже трудно представить себе, что гиляк или гилячка не имеют права не только шутить, но и разговаривать ни со своими родными братьями и сестрами ни даже с братьями и сестрами самых отдаленных степеней родства, т.-е., с целым классом тувн, потому что фамильярные отношения с одной стороны могут вызвать половое общение в запрещенных степенях, с другой — легкие ссоры из ревности в случаях дозволительного общения. По тем же мотивам у сахалинских гиляков с женами младших братьев можно говорить, но не шутить, потому что с ними половое общение запрещено, и, наоборот, с женами старших братьев и вообще с группой ан'геј (жен) можно говорить и шутить.

Благодаря запрету бесед с категориями близких родственников, у гиляков отсутствует обычай здороваться и прощаться при приходе и уходе.

До сих пор я констатировал только факты. Но откуда же взялись эти странные факты? Чем объяснить эти сложные и запутанные нормы полового сожительства и не менее странную родственную номенклатуру? Если объяснимы до некоторой степени взаимные права братьев на своих жен, то уже совершенно непонятными кажутся *права человека на замужних сестер своей собственной жены или замужних сестер жен своих братьев.* Почему женщина называет сестрой не только свою действительную сестру, но и жен братьев своего мужа? Почему сестру тестя мужчина называет своей матерью? Почему, например, достаточно одному человеку из рода *А*, положим, взять жену из совершенно чуждого ему рода, чтобы для представителей этого последнего все женщины рода *А* стали запретными? Сложная и запутанная цепь этих фактов должна быть бесспорно результатом одного простейшего основного факта, *первоначального типа* организации семьи и рода, типа, который вследствие превратностей родовой жизни гиляков, переселений, вымираний, иммиграций, и т. п. причин, естественно должен был с течением времени усложниться и потерять свою прежнюю простоту.

Ключом к отысканию этого *первоначального* типа служит та же родственная номенклатура, которая, без сомнения, является живым отражением переживаемых или пережитых половых норм.

Прежде всего ясно, что родственная номенклатура, по которой я, мужчина, называю сестер своего тестя матерями (ымк), а мой отец их своими женами, в то время как моя жена и жены моих братьев, родных агнатных, зовут друг друга сестрами, может выработаться только при таких условиях, когда *все* мои сородичи берут себе жен исключительно *из одного общего рода* и притом так, что каждое поколение братьев всех степеней родства берет себе в жены соответствующее поколение женщин-сестер всех степеней родства. Тогда, действительно, сестры тестя будут женами моего отца и его братьев, и, следовательно, моими матерями, а моя жена и жены моих братьев будут друг для друга сестрами. При таком порядке браки между лицами восходящих и нисходящих поколений (дядей на племянницах) невозможны.

Но кто же тот род, из которого все мои сородичи обязательно должны были брать себе жен? На это красноречиво отвечает нам та деталь родственной номенклатуры, по которой я и мои сородичи моего поколения, т.-е. мои братья и кузены по мужской линии называем уже *от рождения* своими женами дочерей братьев наших матерей, и, обратно, они нас называют своими мужьями. Из этого явствует, что род, откуда произошла моя мать, т.-е., род ее отца и ее братьев, есть тот род, откуда я и мои сородичи (матери сородичей моего поколения — сестры моей матери) исключительно и обязательно должны брать себе жен, притом, как я уже говорил, в соответственных поколениях. Если мой отец и его братья взяли себе в жены группу сестер определенного рода, то я и мои братья должны жениться на дочерях братьев этой группы сестер из того же рода. Но обмениваться женщинами, т.-е., давать женщин в тот род, откуда мой род берет жен, воспрещается: все женщины из моего рода должны в свою очередь перейти в третий род, родоначальницами которого были сестры мужских предков моего рода. В родственной терминологии это ограничение ярко высказывается в том, что дочь сестры моего отца я уж не называю женой (ан'геj), а просто *навх,* и она меня зовет не мужем (пу, івн), а ытк, ахмальк. Таков был тип первобытного строя семьи и рода, воссозданный априорно из родственной номенклатуры. Но не а priori пришел я к своим заключениям.

Несмотря на все указанные мною неблагоприятные условия, смягчившие исключительное требование брака в одном определенном роде, старый принцип продолжает доминировать и по сей день. При первом же знакомстве с бытом гиляков, не зная еще детально родственной номенклатуры, я был поражен упорным стремлением каждого рода брать жен преимущественно из одного определенного рода, именно *из рода матери. П'фанд'ух умгу генедж урджра* — «там, откуда ты произошел, т.-е. из рода своей матери, нужно брать жен»;[1] так поучали меня гиляки своей матримониальной мудрости. Хотя теперь уже разрешается брать жен и не из рода матери, но терминология запечатлела навеки на этой группе женщин старый запрет: невесты *не* из рода матери носят название йох, т.-е. женщина, с которой половое общение запрещено, (так, напр., старшие братья, которым запрещено половое общение с женами младших, называют этих последних йох), между тем как невесту из рода матери называют ан'геj (жена, всякая женщина, с которой половое общение дозволяется). И действительно, излюбленной формой брака у гиляков и теперь является все-таки брак на дочери брата матери, родного (предпочтительно) или агнатного, но во всяком случае сородича — «брата» этой последней. Браки же с дочерью сестры отца не допускаются. В предпочтении, оказываемом гиляками подобным браком, проглядывает почти религиозно-благоговейное отношение к этому обычаю, который бесспорно был некогда общеобязательным религиозно-общественным требованием. Каждая женщина, лишь только у нее рождается сын, приступает с просьбами к своему брату, если у него есть дочь, об обручении их детей. Обряд обручения состоит в том, что ребенок-жених или его отец перевязывает ручку невесты ниткой из собачьего волоса (символ увода на собаках и вместе с тем отголосок тотемистического культа собаки). А когда невеста подрастает, годам к 5-6, часто еще раньше, она переходит в дом жениха, с которым растет и воспитывается вместе до наступления периода зрелости, когда она фактически, без всяких обрядов, становится его женой. До какой степени силен еще и теперь принцип обязательного брака исключительно с женщинами из рода матери, видно из того, что если хотя бы *один* сородич из рода, положим, *А*, взял себе жену из совершенно *чуждого* ему рода, *Д*, то этого совершенно достаточно, чтобы все женщины первого рода стали запретными для рода *Д*, потому что факт, хотя бы единичный, перехода женщин из рода *Д* в *А* обращает первый *(Д)* как бы в род матери, куда выход замуж женщин из рода *А* запрещен. Но красноречивее всего могут в этом случае свидетельствовать «числа». Во время переписи, специально произведенной мною для изучения строя гиляцкой семьи и рода, я с первых же дней был поражен обилием замужних (т. е. чужеродных) женщин в каждом роде, называвших себя «сестрами» и «тетками» и не по названию только, а действительно взятых из *одного* рода, именно из того, откуда издревле данный род брал женщин (род «матери»).

---

[1] Интересна этимология слова п'фанд'ух, составленного из пі (свой, твой), панаф (родня матери), ух (из). А панаф от пандынд — родиться.

Если эта регламентация брака сохранилась в такой мере еще и теперь, несмотря на все стоявшие по пути затруднения, о которых мы говорили, то без сомнения, она первоначально была общеобязательной, и если бы даже в современных обычаях исчезли всякие следы ее, то достаточным свидетельством ее существования остается доныне сохранившаяся во всей своей первобытности терминология родства, с необыкновенной объективностью воссоздавшая старый режим, ее породивший. Не трудно понять и raison d'être этого с первого взгляда странного и запутанного института.

Такая обязательная регламентация брака как нельзя более согласовалась как с основными принципами рода, так и с индивидуальными чувствами отдельных глав семейств. Род в основе своей покоится на принципе кровного единства. Это единство в агнатном роде наиболее идеально будет достигнуто, если все жены агнатов будут взяты из одного рода, близкого по крови, и конечно, лучше всего из рода своей же родоначальницы. Этим не только удовлетворяется *формальный* принцип единства крови, но утверждается столь важное в глазах первобытного человека единство культа предков в *обеих* линиях.

Если обратимся к психологии отдельных членов рода, то она вполне совпадает с родовой. В агнатном роде, где сыновья по общему правилу остаются в роде, а жен берут извне, естественно, что каждая мать предпочитает иметь женой своего сына ближайшую себе по крови женщину и вместе с тем собрать в своей семье женщин из того рода, откуда она сама происходит. Но женить сына на дочери своей сестры она не может, потому-что ее сестра — либо жена ее же мужа, либо его братьев, и дочь этой последней, следовательно, либо родная сестра, либо агнатная ее сына; остается только женить его на дочери брата, как это и установилось в действительности. Для всей совокупности женщин рода получается та огромная выгода, что все они общего происхождения и чувствуют за собою солидарную защиту всего своего рода, откуда они происходят.

Такой брак (сына на дочери брата матери) одинаково и в интересах отца, который, таким образом, женит своего сына на кровной родственнице (праплемяннице) своей матери. Так как сестра мужа, в свою очередь, тоже желает женить своих сыновей на дочерях своего брата, то выдавать дочерей за сыновей брата мать не может, и, таким образом, обменный брак, т.-е. обмен женщин между двумя такими семьями, был невозможен, равно как и брак внутри семьи.

До сих пор мы рассматривали, так сказать, статику вопроса, теперь обратимся к динамике его. Посмотрим, как из одного простейшего начала с неизбежной необходимостью, как из простого зерна, вырастает могучее дерево, выросла спорная, запутанная ткань гиляцкого брака и рода.

Зерном всей сложной системы регламентации гиляцкого брака и рода и вместе с тем ключом к пониманию ее является *единый* факт, именно, установившийся в свое время принцип, что мужчины обязательно женятся на дочерях брата своей матери, иначе говоря, дочери в каждой семье принадлежат от рождения сыновьям сестры отца. Какие мотивы могли породить этот принцип, об этом мы уже кое-что говорили раньше. Во всяком случае общеобязательность его гарантировалась, без сомнения, как категорический императив первобытной религии.

Из этого простого правила логически вытекает следующее:

1) Раз каждая мать по праву забирает для своих *сыновей* дочерей своего брата, то по тому же праву ее *дочери* обязательно должны уходить в семью сестры ее мужа, иначе говоря,

всякая женщина принадлежит своим двоюродным братьям, сыновьям сестры отца. Поэтому женщина не может выходить замуж за сыновей брата матери и мужчина жениться на дочери сестры отца: обмениваться женщинами семьи брата и сестры не могут. Ясно, что запрет этот ничего общего не имеет со страхом браков в близких степенях родства, потому что дочь сестры моего отца находится по отношению ко мне в такой же степени родства, как и дочь брата моей матери, между тем с первой брак запрещен, со второй обязателен, — факт чрезвычайно важный для генезиса запретов в близких степенях родства.

2) Раз исключительно обязательны браки между дочерьми брата и сыновьями сестры, раз первые обязательно принадлежат вторым, то в виду обычного количественного неравенства между лицами разных полов, в виду таких, например, возможностей, что у брата одна дочь, у сестры несколько сыновей, или, наоборот, у брата несколько дочерей, у сестры один или два только сына, или что между рождением первого сына и следующих проходит большой промежуток времени, или, что еще более усложняет вопрос, у нескольких сестер один только брат или у сестры несколько братьев, — естественно возникают такие конъюнктуры: в первом случае несколько братьев имеют общую жену; во втором, либо один обладает несколькими сестрами, либо двое братьев живут в общем браке с группой сестер; в третьем случае младший брат, достигший полового возраста в то время, как его старший брат успел уже забрать всех своих кузин, должен обязательно иметь супружеские права на жен своих старших братьев; наконец, в последних двух случаях, уже несколько двоюродных братьев будут иметь общими женами дочерей брата своих матерей, либо несколько братьев будут иметь общими женами нескольких двоюродных сестер. Мы привели только простейшие случаи, в действительности дело происходит, конечно, еще сложнее. Так или иначе, таким образом, совершенно неизбежно возникает групповой брак братьев (родных и дальних) с группой сестер (родных и дальних) и во всяком случае безусловные взаимные супружеские права братьев всех степеней родства. Само собою разумеется, что эти групповые права последовательно захватывали все больше и больше лиц из более дальних степеней родства, потому что не всегда у матери имелись братья и не всегда у этих последних имелись дочери и неизбежно приходилось брать жен у братьев матери

двоюродных, троюродных и т. д., и таким образом возрастал союз лиц, объединенных общими правами группового брака.

Никакие превратности не уничтожили и до сих пор этого группового принципа. Когда с течением времени, вследствие вымирания, рассеяния родственных семей, войн и т. п. причин, являлась необходимость прибегать к бракам из чуждых семей, этот порядок, неудобный и сам по себе, привел к тому, что мы видим в настоящее время, что мужчина является официально признанным мужем одной или нескольких женщин, но вынужден разделять это право либо со всеми братьями (в одних родах), либо (в других) только с младшими, притом не только с родными, но и со *всеми* агнатными братьями.

3) Так как в каждой семье сыновья обязательно вступают в брак с дочерьми брата матери, а дочери — с сыновьями сестры отца, то из этого следует, что, со времени установления этого порядка, все нисходящее потомство каждой *пары* родоначальников во всех линиях eo ipso образует замкнутую, запретную в брачном отношении друг для друга группу, экзогамный организм, *род*, и смотря по тому, уходят ли мужчины в род жены или остаются в своем собственном, получится либо род материнский, либо — отцовский.

В настоящее время у гиляков установился род отцовский, агнатный.

4) Такой род покоится не только на отрицательной связи экзогамности, но и на драгоценных положительных узах, на общих правах сородичей на женщин кровного рода своей родоначальницы, взаимных правах группового брака и, наконец, на обязанности хранить своих женщин для рода, принявшего сестер их родоначальника.

Если принять во внимание, что брачные регламентации у первобытных народов, у которых культ предков и, следовательно, кровные узы, играют такую огромную роль, становятся религиозными императивами, то станет ясным, как прочно указанные взаимные права и обязанности цементируют родовой союз.

В частности, важным цементом рода служит то, что все пришлые женщины (жены сородичей) взяты из одного рода и являются по отношению друг к другу либо сестрами (родными и агнатными), либо тетками и племянницами. Что касается мужчин, сородичей, то в каждом поколении они представляют группу братьев (родных и агнатных), женатых на группе сестер и кузин из рода их матерей, т. е. на своих же двоюродных сестрах, по отношению к которым они обладают взаимными супружескими правами.

Какие последствия имеет этот порядок для родственной номенклатуры, об этом мы уже говорили.

5) *Род,* таким образом, не самодовлеющий организм. Существование каждого рода органически связано с существованием, по крайней мере, еще двух кровно-родственных с ним родов, одного кровного рода своей родоначальницы, откуда он берет себе жен, и другого рода, принявшего сестер родоначальника, куда он обязательно отдает своих собственных женщин.

Первый из последних двух родов по отношению к третьему носит название *ахмальк* (тесть), второй *имгх* или *ымри* (зять). Все три друг для друга — *пандф* (когнаты). Таким образом, каждый гиляк — органический член не только своего собственного, но триединого кровного трехродового союза, образующего в буквальном смысле слова *фратрию*[1] (фратрия — братство). В этом тройственном «братстве» *все* мужчины и женщины в каждом поколении действительно братья и сестры (когнатные кузены и кузины, см. ниже).

В частности, по отношению к каждому члену данного рода каждая женщина второго рода либо его мать, либо жена, либо жена его сыновей и агнатных племянников, и, наоборот, в третьем роде каждая женщина либо его сестра, либо дочь, либо сестра его отца. Таковы кровные узы членов фратрии!

Гиляцкую трехродовую фратрию можно представить в виде следующей схематической таблицы:

Схематическая таблица гиляцкой фратрии из 3 родов.

Род А *(Андреевы)*	**Род В** *(Васильевы)*	**Род С** *(Степановы)*
Андрей + Варвара (сестра Василия *из рода В).* **Их дети:** 1) *сыновья* женятся на дочерях брата матери, Василия, *из рода В.* 2) *дочери* выходят замуж за сыновей сестры отца, Анны, *в род С.*	Василий + Софья (сестра Степана *из рода С).* **Их дети:** 1) *сыновья* женятся на дочерях брата матери, Степана, *из рода С.* 2) *дочери* выходят замуж за сыновей сестры отца, Варвары, *в вод А.*	Степан + Анна (сестра Андрея *из рода А).* **Их дети:** 1) *сыновья* женятся на дочерях брата матери, Андрея, *из рода А.* 2) *дочери* выходят замуж за сыновей сестры отца, Софьи, *в род В.*

---

[1] Гиляцкая фратрия не имеет ничего общего с моргановской, ибо внутри ее взаимные браки не только допускаются, но и были обязательны.

Анализируя эту таблицу, мы видим, что 1) все женщины в роде *А* взяты по поколениям из *В*, значит мать Андрея — сестра отца Василия, следовательно, Андрей и Василий когнатные кузены. 2) Точно так же в роде *В* мать Василия — сестра отца Степана из рода *С*, следовательно, Василий и Степан когнатные кузены, и 3) в роде *С* мать Степана — сестра отца Андрея из рода *А*, следовательно, Степан и Андрей — когнатные кузены.

Таким образом, не только каждая пара супругов между собой — когнатные кузен и кузина, но и *родоначальники* каждого рода между собою когнатные кузены. Словом, основатели всех трех родов — близкие кровные родственники, женатые на когнатках той же степени родства, и каждое поколение вступает в брак с когнатами *той же степени родства*, как и его отцы и матери. Это яркий пример того, как шатки термины экзогамный и эндогамный: экзогамность гиляцкого рода не исключает брака между близкими родственниками. Выходит так, что внутри всей фратрии царит эндогамия, каждая же ветвь ее экзогамна.

Такова первоначальная схема. Время и обстоятельства, эмиграция, вымирание, рассеяние родов, случайный недостаток женщин в роде матери и т. п. причины естественно вызвали, с одной стороны, отступления от этой системы, с другой, поправки, имеющие целью примирение старых норм с новыми требованиями жизни. Все эти надстройки, если можно так выразиться, крайне запутали генеалогические системы и брачные нормы, и, как это обыкновенно бывает, категорический императив, ослабляясь в одном отношении, становится еще более распространительным в другом. Ослабло, в силу внешних условий, правило брать жен непременно из рода матерей, но зато получил самое распространительное толкование запрет давать жен в тот род (хотя бы совершенно чужой), откуда кто-либо, даже самый отдаленный сородич данного рода, взял себе жену (по презумпции, что это род матери). Отсюда получилось следующее.

Так как в настоящее время не всегда оказывается возможным всем сородичам брать себе жен из одного рода, рода матери, то бывает, что отдельные члены одного какого-нибудь рода (*М*, например) вынуждены брать себе жен из разных родов. И вот, в силу старой презумпции, что род жены сородича — род матери, *все* эти роды на несколько поколений становятся запретными для всех женщин рода *М*, для которых выход замуж в те роды не допускается. Мало того. Этот запрет, в сущности потерявший свой прежний raison d'être, распространяется не только на тот род *M*, который непосредственно берет жен у *A*, но даже на третий род *N*, который, в свою очередь, берет жен у *M*.

Технически этот запрет выражается в гиляцкой терминологии брака так. Род *A*, дающий женщин роду *M*, называется *ахмальк'ом* (тестем) этого последнего, а по отношению к роду *N*, который в свою очередь берет жен у *M*, он, т.-е. род *A*, называется *туйма ахмальк'ом* (дальним тестем); и вот и на род *N* переносятся запреты, лежащие на роде *M*, т.-е. не только у *M*, но и у *N* род *A* женщин брать не может. Впрочем, дальше ахмалька 2-й степени запреты не распространяются.

В истории происхождения этого запрета кроется и вся дальнейшая эволюция гиляцкой семьи и рода. Каким образом, мог возникнуть этот распространительный запрет? Мы видели, что боязни браков в близких степенях у гиляков не было. Значит, причина должна была быть другая. Дело в том, что, при неизбежности случаев, когда оказывалось невозможным брать жен из рода матери, гиляк, сообразуясь с религиозным императивом, естественно должен был в таких случаях считать наиболее подходящим родом тот, откуда, по крайней мере, род его матери брал жен, а за невозможностью брать их у него он переходил к тому роду, у которого этот последний брал жен, т. е. переходил постепенно к ахмальк'ам дальних степеней родства, точно так же, как внутри рода матери, за отсутствием дочерей у родного брата матери, он переходит к дочерям двоюродного, троюродного брата матери и т. д. Таким образом, дальние роды-ахмальки являлись как бы *запасными* родами матери, но естественно, что распространить запреты на ахмальков всех степеней было практически неудобно, да и редко приходилось итти дальше ахмальк'а 2-й степени, которым запрет и ограничился. Но с появлением этого запрета трехродовая фратрия перестала удовлетворять новым условиям регламентации. Исключительный брак внутри трех родов стал невозможен, потому что при трехродовой фратрии (см. таблицу) род *С* — ахмальк 1-й степени для *В* и 2-й степени для *А*; следовательно, женщины из рода *А* не могут уже выходить замуж в род *С*. Пришлось прибавить к фратрии четвертый род *Д* (Дмитрий, Дарья), положим. Перемена, происшедшая в нашей фратрии, заключалась бы в том, что жена Степана (род *С*) была бы уже сестрой Дмитрия (род *Д*), а этот последний имел бы женой сестру Андрея (род *А*). Так как запреты в более отдаленные времена, без сомнения, распространялись на ахмальков более отдаленных степеней, то фратрии естественно должны были состоять еще из большего числа родов. В настоящее время, когда при выборе жен, благодаря вышеуказанным причинам, приходится часто прибегать к совершенно чужим родам, фратрия естественно потеряла свое прежнее строго замкнутое положение.

Не трудно себе представить, сколько генеалогических сведений нужно иметь при этой сложной запутавшейся системе, чтобы правильно решить в каждом данном случае вопрос о праве вступить в брак для одного какого-нибудь члена рода. И, действительно, это составляет целую науку, в которую гиляк посвящается с самого раннего детства.

IV.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ НОРМ ГИЛЯЦКОГО БРАКА.

Я уже говорил, что гиляцкая родственная номенклатура и нормы брака в общем не представляют ничего изолированного. У массы первобытных народностей, в самых отдаленных частях света, найдена аналогичная номенклатура и аналогичные явления группового брака. Но детали, которые я старался выяснить здесь, и история развития института, который я обрисовал, способны, мне кажется, пролить свет на некоторые явления первобытного брака, которые до сих пор стояли совершенно одинокими и разрозненными.

1) Прежде всего, родовая организация гиляков делает для нас совершенно ясным, почему у многих народов, как, например, у батаков на Суматре, жена или возлюбленная называется «сын сестры отца» — ibibere ri-datang или как у племени Song и Bygor из провинции Sathpuras в Центральной Индии, где брак между кузенами и кузинами почти *принудителен,* когда у брата есть дочь, а у сестры сын. Эти разрозненные факты до сих пор не находили себе объяснения и являются, таким образом, обломками, быть может, некогда всеобщей родовой организации, подобной той, которую я нашел у гиляков.[1]

---

[1] Замечательно, что до сих пор некоторые ученые с недоверием относятся даже к самому факту открытия брачных норм, тождественных с гиляцкими. Так, в самое последнее время открыли, что у готтентотов брак допускается между мужчиной и дочерью брата его матери и, наоборот, запрещается между женщиной и сыном брата ее матери (точь в точь как у гиляков), между тем Kohler, приводящий этот факт, и автор статьи о работе Kohler'a в Année Sociologique оба сомневаются в возможности таких норм, хотя о них знал еще Мак-Ленан. См. J. Kohler „Das Recht der Hottentots“ в Zeitschrift f. vergleich. Rechtswissenschaft, XVI т., 3 вып., стр. 341—342 и L'Année Sociologique, год 11, стр. 306.

2) Нормы гиляцкого брака объясняют нам далее странный институт у племени Dieri в Австралии, где великий совет племени в определенные периоды торжественно объявляет, какие мужчины и женщины племени имеют права на групповое сожительство.

Из сказанного выше о запутанности и трудности решения генеалогических прав в матримониальных вопросах у гиляков, вопросах, которые для первобытного человека имеют крайне серьезное религиозное значение, ясно, что постепенно должно было выработаться правило, по которому решение этих вопросов перестает быть делом отдельного лица, а становится функцией компетентного учреждения старейшин и специалистов по генеалогии и брачному праву.

3) Гиляцкая система брака объясняет нам, почему у многих австралийских племен женщины в каждом роде принадлежат к одному тотему. Дело в том, что все *пришлые* женщины брались обязательно, как у гиляков, из *одного* рода, т. е. они одного тотема.

4) Эта же система объясняет нам, почему mutatis mutandis каждый куми и кроки у австралийцев на всей территории распространения своего племени находит себе жену; в действительности он находит ее только в том роде, откуда его род обязан брать себе жен и где каждая женщина соответствующего поколения является его женой.

5) Она объясняет нам странную классовую систему у многих австралийских народов, напр., у Kamilaroi, где восходящие и нисходящие поколения принадлежат к разным классам и только в третьем, у иных — в четвертом или даже в пятом — шестом, поколении возвращаются в класс отцов.

Гиляцкие нормы, при всем различии в деталях с таковыми же у австралийцев, удовлетворительно объясняют это странное явление.

Вспомним опять трехродовую фратрию и для ясности назовем род *A* — Андреевыми, род *B* — Васильевыми, род *C* — Степановыми. Согласно гиляцким нормам, дочь Варвары из рода *A* уже от рождения считается женой одного из Степановых (рода *C*), и, следовательно, прозвище ее было бы уже не Андреева, а Степанова; ее дочь (внучка Варвары), в свою очередь, уже от рождения, как жена одного из Васильевых (рода *B*), называлась бы Васильевой, но дочь этой последней, т. е. правнучка Варвары, обязательно должна быть женой одного из Андреевых (рода *A*) и, таким образом, в третьем поколении она уже носила бы опять классовое прозвище своей прабабушки.

6) Гиляцкий брак в значительной мере, как мы видели, упрощает понимание сложной родственной номенклатуры, потому что при гиляцкой системе брака многие категории туранской системы родства, которые с первого взгляда кажутся совершенно самостоятельными, на самом деле являются тождественными, как, напр., жены братьев, сестры жены и сестры жен братьев оказываются одними и теми же лицами, точно так же как матери, жены братьев отца, сестры тестя, сестры матери и т. д.

Но это все факты второстепенного характера. Схема гиляцкого брака, думается мне, может пролить свет и на некоторые основные вопросы первобытного брака.

1) Из анализа норм гиляцкого брака мы видели, как из простого единого правила, что мужчины обязательно женятся на дочерях брата матери, по естественной необходимости неизбежно порождаются такие сложные институты, как групповой брак, род, фратрия и, наконец, брачные запреты.

2) Анализ гиляцкой регламентации проливает свет на генезис института похищения вообще и в особенности на странный институт *имитативного* похищения, институт, который практикуется у таких первобытных народов, как австралийцы, эскимосы, и притом в таких странных формах, что считать его простым переживанием фактического похищения, как это обыкновенно принято думать, нет никакой возможности. Вспомним опять нашу трехродовую фратрию с ее нормами брака. Род *A* обязательно берет жен у *B*, а своих женщин обязательно отдает в род *C*. Будем помнить, что на первобытных ступенях развития подобные обязательства суть религиозные императивы, нарушение которых влечет кару богов. Теперь допустим, что род *B*, откуда *A* берет жен, вымер или в нем слишком мало женщин, что вполне в порядке вещей. Брать жен в других фратриях род *A* не может потому что и там каждый род бережет своих женщин для рода сестры отца; на отступление же от этого императива чужой род, хотя бы у него и были лишние женщины, не может решиться из опасения навлечь на себя возмездие богов, богов-предков, для которых браки с чужекровными должны представляться величайшими оскорблениями. Да то же возмездие одинаково грозит и роду, который бы воспользовался чужекровными женщинами. Но без брака обойтись невозможно. Тогда остается два исхода: или похитить женщину силой, рискуя навлечь на себя кару богов,

уже не говоря о мести рода похищенной, или обойти закон, обманув богов в истинных намерениях своих поступков, т. е. создается добровольное соглашение с родителями невесты и с ней самой, по которому последние делают вид, что противятся всеми силами похищению, а жених проделывает самым добросовестным образом все, что требуется для придания брачному акту вида настоящего насилия.

Только при таком объяснении похищения можно понять, почему, например, австралийские kurnai, дав своей дочери убежать с возлюбленным, пускаются потом в погоню за ней и, поймав, прокалывают ей ногу копьем и избивают до полусмерти. И сами австралийцы объясняют это не озлоблением, а обычаем.

Но мало того. Сам похититель у многих племен считает своей обязанностью избивать свою возлюбленную не менее жестоко, чем ее родители: этим он желает показать богам и богам-предкам в особенности, что вовсе не намерение жениться на ней вызывает с его стороны похищение.

Наконец, только при этом освещении, при предположении религиозного происхождения обычая, можно объяснить такое универсальное распространение этого института, который в виде имитации похищения практикуется и в свадебных обрядах даже народов цивилизованных.

Этим же объясняется обычай избегать тестя (так как он может быть не братом матери), этим же объясняется, почему гиляк, например, называет невесту не из рода своей матери термином *сох*, термином, означающим запрещенную в половом отношении категорию, ибо женщина не из рода матери не могла быть первоначально его женой, и т. п. явления.

Этим же, наконец, объясняется универсальный обычай калыма, обычай платежа за невесту. Похищение — *грех* для рода похищенной, грех, требующий искупления силой или имущественным штрафом похитителя. У гиляков до третьего поколения включительно тяготеет этот грех искупления. Калым, таким образом, есть та же вира, та же имущественная форма искупления греха, как и за убийство сородича. Недаром вира за убитого сородича и за похищенную женщину носит у гиляков одно и то же название тхусинд.

В заключение я позволю себе сделать еще один вывод, быть может, и рискованный несколько. Допустим, как это часто бывает после войн, что вымерли мужчины рода *А*, берущие жен у рода *В*, и продолжать род некому. Девушки рода *В* остаются тогда без мужей, потому что страх пред карой богов у родителей сильнее, чем любовь к детям, Отсюда один шаг к избиению девочек. Должно пройти значительное время, чтобы суеверный дух первобытного человека примирился с необходимостью и стал прибегать к обману своих богов, устраивая комедии, иногда и жестокие, имитации похищения.

V.

РЕЛИГИЯ ГИЛЯКОВ.

По мировоззрению своему гиляк, как и всякий первобытный человек, анимист. Для него не существует мертвой неразумной природы; напротив, вся природа одарена жизнью и разумом. Если бы гиляк мог пародировать знаменитое изречение Гегеля, он мог бы с большим правом, чем этот последний, сказать, что все существующее разумно. Прообразом всего существующего естественно является для него человек, как существо наиболее известное и понятное ему. К человеку сводится все: все видимое в природе лишь форма, в которую облекается бог-человек. При таком мировоззрении религия гиляка представляет собою соединение пантеизма, культа животных, фетишизма, демонизма, политеизма и т. д. и все вместе на общем фоне антропоморфизма.

Гиляк называет вселенную «курн», но этим же словом он обозначает понятие личного человекоподобного бога. Словом «паль» он обозначает гору и бога — «хозяина» горы, словом «толь» — море и бога моря. Вселенная — только форма, которую принял величавый образ личного бога «курн».

Свой родной остров гиляк называет «миф» (земля). Это живое божественное существо, «голова» которого (мыс Марии) и «подбородок» «Пытыкры» упираются в Охотское море, а «ноги» — два полуострова в Корсаковском округе, упирающиеся в пролив Лаперуза.

Я сам переваливал через «Подбородок» земли, видел, как благоговейно приносились жертвы моими спутниками и возносились молитвы земле о нашем благополучном путешествии. Я взбирался и на вершину самой «Головы» земли, которая, по верованиям гиляка, не оставляет безнаказанным святотатственного осквернения ее ногами смертных, и видел величавую плешь этой божественной Головы, покрытую вместо волос острыми каменными зубцами (результат выветривания), наводящими на гиляка суеверный ужас... Величественная поверхность вершины высокого мыса, глядящего в безграничное море, действительно очень импозантна!..

Но и части, даже самые мелкие, этого грандиозного существа — «миф'а» — такие же живые самостоятельные существа, как и божественное целое. Вот величественная гора Энгельспаль, одиноко возвышающаяся над дюнами севера: это живой олень бога вселенной «курн», на котором он объезжал остров, приводя его в нынешний, обитаемый для человека вид. Там, где ступали его священные стопы, образовались долины; от ударов его бича явились реки... Вот Крыуспаль, чудный конус, поражающий своей грандиозностью всякого подъезжающего к острову с моря, один из высочайших пиков Сахалина, одинокий, суровый демон моря, в порыве гнева убивший своих детей и заставивший свою жену бежать от него за сотни верст и образовать другой мыс на новом месте. И даже одинокие утесы, торчащие из воды вдоль берегов острова — все это живое боги, убежавшие от своих родов под влиянием междоусобиц.

Такой же живой является и вся остальная природа: грозный «толь» (море), мрачные леса гористого острова, быстрые горные реки и т. д. Срубая дерево, гиляк боится загубить его душу, и ставит на пне его особое существо «инау» («чехн-кун-инау»), душетворящее «инау»,[1] которое возвращает ему душу и жизнь. Горы, океан, утесы, деревья, животные — это только маска, под которой боги скрывают себя от любопытства человека. Своеобразная глубина своего рода метафизического анализа гиляка в этом отношении поразительна. Однажды, когда гиляк стал объяснять мне, что маленькая косатка (Orca gladiator), сопровождающая в море большую,[2] составляет на самом деле только саблю этой большой косатки, и я выразил по этому поводу свое недоумение, он стал доказывать, что мне только кажется, что это косатка, на самом же деле это сабля большой косатки-«хозяина», точно так же как эта последняя в действительности имеет вид настоящего гиляка, а то, что нам кажется морским животным, есть только лодка этого гиляка-косатки.

---

[1] Застроженная палочка. Культ „инау“ заимствован от айнов и о нем поговорю особо.

[2] Косатки в море движутся стаями, среди которых выделяются старшие — вожаки и младшие — борцы. Последние, при нападении, напр., на кита, держатся с флангов, а вожаки следуют сзади.

Раз видимая природа представляет только **маску** и не есть то, чем она нам кажется, то естественно желание гиляка ухватиться за малейший признак, имеющий подобие человеческого тела или части его, чтобы изобличить тот человеческий образ, который скрывается под ним. Отсюда и фетишизм — психология, открывающая сверхъестественное человекоподобное существо во всяком предмете, имеющем необычайную форму, будь это высокая гора, окаменелость или просто кусок камня.

Если неодушевленная природа способна вызывать в уме гиляка представление о живых существах, скрывающихся под мертвой формой, то культ животных тем более нисколько не должен нас поражать. Обыкновенно представляют себе, что в основании культа животных лежит страх. Primus in orbe deos fecit timor. На самом деле это далеко не так. Прежде всего, нужно помнить, что первобытный человек не только не признает никакой пропасти между собой и животным миром, но, наоборот, признает во многих отношениях превосходство последнего над собою. Охотник по профессии, он весь свой ум, всю свою изобретательность, весь гений человеческий вложил в это свое звероловное искусство. Смотрите, как гениальны его ловушки и западни, и тем не менее как часто и зло смеется ничтожный зверек — лисица, соболь и др. — над всеми его кознями! Десятки дорогих соболей пробегают мимо его ловушки, оставляя свой след совсем близко от нее: они разгадали хитрость человека и ушли невредимыми!.. Как чуток лось к запаху человека за целые версты! Никогда, никогда ни один зверь не попал бы к гиляку, если б не воля богов, «хозяев» этих зверей, заботящихся о благополучии гиляка. И если бог не хочет, то десятки самострелов человека остаются без добычи. Поэтому гиляк видит в животных существа вовсе не низшие себя, хотя бог и даст ему их иногда на потребление. Напротив, сила крупных зверей, хитрость и изворотливость даже таких мелких тварей, как соболь, необыкновенное чутье и масса других инстинктов, присущих животным и которых лишен человек, далее, такие явления, как перемена цвета шерсти, линяние и т. п., — все это доставляет гиляку достаточно оснований относиться к животному, как к существу крайне разумному и во многих отношениях высшему, чем он сам. И чем мельче зверь, чем страннее его форма, тем больше таинственного он заключает в себе и тем больше удивления он вызывает к своим дивным инстинктам. Поэтому даже такие ничтожные животные, как жаба, ящерица, летучая мышь, комар и т. п., вызывают в уме гиляка не меньше фантастических представлений и не менее импонируют ему, чем самые крупные звери.

Форма, размеры животного только кажущиеся явления. Каждое животное в действительности настоящее человекообразное существо, нет, такой же «гиляк», как и он сам, но одаренный разумом и силами, часто превосходящими таковые у человека.

Но если сила, разум и удивительные инстинкты животного вызывают веру в духовное превосходство животных и сверхъестественность их природы, то культ некоторых животных вызывается еще специальными чертами последних, это именно кротостью по отношению к человеку и кажущимся сознательным покровительством и благодетельствованием ему.

Этими чертами особенно поражают гиляка на суше *медведь*, на море *косатка*.

Медведь самое сильное и самое большее животное его тайги, перед ним бегут в страхе все остальные животные, ударом лапы он может свалить самого сильного человека и задавить его, как муху, а между тем как он обычно кроток по отношению к нему! Действительно, сахалинский медведь никогда первый не нападает на человека, и при встрече с ним в тайге он или убегает от него, или — особенно в местах, где человек попадается редко — проходит мимо него с полнейшим равнодушием, изредка удостаивая его недоумевающего взгляда.[1] И гиляк смотрит на него как на дружественного чужеродца.

Медведь, который преждевременно встает от зимнего сна и в исступлении голода бросается на человека, есть медведь сумасшедший или медведь — бродяга, прогнанный «хозяином». В тех редких случаях, когда гиляк на охоте погибает в борьбе с медведем, это приписывается из ряду вон выходящим обстоятельствам: или тому, что это был не медведь, а чорт в образе медведя, или тому, что это была медведица, полюбившая гиляка и пожелавшая переселить его душу к себе.

Если медведь достается в добычу гиляку, то это только потому, что медведь этого *сам* хочет. В борьбе с человеком медведь *сам* дает хорошее место для смертельного удара. Да он от этого ничего и не теряет. Испустив последний вздох, он собственно бросил гиляку лишь видимую оболочку свою, мохнатую шкуру, а сам он остался живым и невредимым, как и прежде. Через несколько дней, по окончании медвежьего праздника, котда его мясо будет съедено, а кости сложены в почетный амбар, гиляки убьют несколько собак, в сопровождении которых медведь весело побежит со всеми украшениями и подарками к «хозяину» самой высокой горы.

---

[1] Такой же кротостью по отношению к человеку в Уссурийском крае отличается *тигр* и по тому же самому вызывает поклонение у местных туземцев.

Не меньшее поклонение, чем медведь на суше, вызывает китообразное зубастое морское животное — *косатка*. Казалось бы, что может быть сильнее и страшнее в глазах гиляка, чем кит, это огромное могучее чудовище, плюющее фонтанами, для которого шторм — развлечение, у которого каждый позвонок тяжелее самого здорового гиляка? А между тем есть зверь, пред острыми конусообразными зубами которого кит бежит без оглядки, с ревом отчаяния выбрасываясь на банки и отмели сахалинского побережья, где айны и гиляки устраивают из него роскошные пиршества. Это — косатка. Даже на европейца производит импонирующее впечатление, когда косатка неожиданно появляется близ его лодки, и начинается всеобщее бегство всех обитателей моря. При виде этого страшного зверя разбегаются, как угорелые, рыбы, тюлени, дельфины, сивучи и, забыв всякую осторожность, бегут на острогу гиляка. Горе животному, которое попадается ему в зубы: огромного сивуча он разрывает пополам. Но самое ужасное зрелище представляет охота косаток на кита. «Завидев его, стая косаток разделяется на партии. Младшие пускаются по бокам, стараясь опередить кита, а старшие держатся сзади. Выстроившись таким образом в облаву (с осторожностью, без шума, чтобы не испугать кита), они внезапно появляются на поверхности воды тогда, когда рассчитают, что добыча должна быть в средине составленного ими круга. Тогда со свирепостью бросаются на кита и начинают рвать тело его большими клочьями и с жадностью проглатывать их. Особенно все наперерыв стараются достать у него язык. Кит при этом поднимает душураздирающий рев, который слышен за много верст. Услышав такой рев, я всегда знал, что где-то по соседству происходит охота косаток на кита». Так описывал зоолог Вознесенский это страшное зрелище в Алеутском море, и то же зрелище много раз приходилось наблюдать мне в водах территории гиляков.

И вот это самое чудовище, перед которым дрожат титаны моря, этот tyrannus balaenarum (тиран китов), как его прозвал старинный китовед, Фабрициус, не только никогда не трогает лодки гиляка, но еще является его истинным благодетелем, нагоняя ему млекопитающих и рыбу!

По целым часам гиляк выжидает на своей утлой лодчонке, не появится ли над поверхностью моря голова тюленя, чтобы пустить в него свою длинную острогу. Но осторожные тюлени или предпочитают вовсе не являться, или покажутся из-под воды только для того, чтобы ускользнуть самым коварным образом от направленного удара. Но вот совершенно неожиданно на острогу гиляка начинают бежать, словно насланные кем-то специально, тюлени, сивучи, белухи... То появилась косатка, заставившая обитателей моря бросаться без оглядки во все стороны! — Как гиляку после этого не считать это могучее существо, никого не щадящее, кроме его одного, и вдобавок являющееся его кормильцем, посылающим ему всяких зверей морских, как не считать своим богом-благодетелем? И он это животное иначе не называет, как *ызь* — „хозяином".

Никогда гиляк не направит остроги на косатку, и когда мертвое тело ее выбрасывается на берег, его торжественно хоронят в особо устроенном для этого балагане и украшают его «инау». Но не к одним этим крупным зверям (медведю и косатке) гиляк относится с чувством поклонения. Всякому животному, которое достается в добычу гиляку, оказываются знаки самого глубокого уважения. Головы пойманных тюленей украшаются «инау» и торжественно опускаются в море. Головы белух выставляются на шестах на берегу моря. То же с головами других животных.

Но животные, которым гиляки оказывают поклонение, не самостоятельные боги, даже не божества вообще, это лишь подчиненные настоящих божеств, «хозяев» той или другой стихии, тех или иных животных. Хозяева эти, по образу и подобию своему, те же гиляки, только принимающие, по мере надобности, образ того или другого животного. Боги эти живут в лесах, горах, на дне морей и ведут такую же жизнь, как сами гиляки, имеют жен, детей, сородичей. Как и гиляки, они смертны. В каждой стихии распоряжается один из этих богов «ызь» — хозяин. Вот эти-то хозяева и посылают гиляку по сезонам все, что ему нужно: соболей, медведей, лососей, тюленей. Впрочем, представление об этих «хозяевах» каждой стихии не нужно понимать в строго монистическом смысле. Точно так же как и у гиляков, в каждой местности есть просто богатые люди и среди них один какой-нибудь самый богатый, точно так же, кроме крупных богов-хозяев, каждая территория, каждая речка имеют каждая своего «хозяина», который заботится о ближайших ему гиляках (см. ниже родовые боги). Термин «хозяин» — термин чисто бытовой. В каждом роде всякий выдающийся умом, храбростью, ловкостью и, следовательно, самый богатый человек величается «ызь» (хозяин), и наиболее выдающийся из них является заправилой рода.

Наиболее важным для гиляка богом-«хозяином» являются Паль-ызь — хозяин гор и тайги, и Тайрнадз, он же Толь-ызь — хозяин моря. Первый живет на самой высокой горе; с ним целые селения его сородичей. Собаками у него служат медведи. Ему подчинены все звери тайги, и он по своей воле раздает их гилякам. Это он велит соболю одеваться в дорогую шкуру и спешить в петлю гиляка; он же велит медведю давать хорошее место для верного удара. Бог моря, Тайрнадз, живет на дне Охотского моря. Это глубокий старик с седой бородой, который живет со своею старухой в подводной юрте. В юрте масса ящиков с самой разнородной икрой, которую он время от времени пригоршнями бросает в море. Это он в определенное время посылает несметные отряды лососей, без которых жизнь гиляка была бы невозможна; это он рассылает косаток водворять порядок в морях и гнать навстречу гиляку всяких зверей морских.

Сверх этих важнейших богов есть множество менее важных, которые бодрствуют над гиляком. В доме гиляка бдит над ним хозяин огня, хозяйка порога. На каждой речке бодрствует какой-нибудь «хозяин», заботящийся о благоденствии гиляка...

Но не все боги имеют такое близкое отношение к человеку. Небо населено целыми племенами *тлы-нивух'ов,* небесных людей, которые изредка только вмешиваются в дела гиляка и то больше зря, шутки ради; так, например, небесный человек пускает из баловства удочки с крючками на землю, чтобы подцепить какого-нибудь гиляка. Но это не всегда удается. Так, молодой гиляк Ильк из деревни Арково рассказывал мне, что тлы-нивух зацепил однажды золотым крючком его отца, который спасся только тем, что ухватился за дерево и, таким образом, отделался лишь испугом и изорванным халатом.

Другие, далекие от него боги, как солнце и луна, например, точно так же как и тлы-нивух'и, мало его интересуют, так как не имеют близкого отношения к его жизни и потребностям. С такими же богами, как хозяин тайги, моря, огня, гиляк, наоборот, находится в постоянном общении, обращаясь к ним то с жертвоприношением, то с молитвой. Обыкновенно оба акта соединяются вместе. Для обычного жертвоприношения не требуется никакой торжественности и никаких особенных объектов. Принцип жертвы — *обмен*, поэтому богу моря нельзя давать рыбы, а богу тайги мяса животных.

Едет ли гиляк по морю и боится бури, он почтительно опускает с борта листик табаку или пригоршню рису и говорит: «сделай, пожалуйста, чтобы море хорошее стало, чтобы я живой и здоровый на родину пришел!» Куда бы гиляк ни отправился, он берет с собою в особом мешочке излюбленные предметы для жертвоприношений: сладкие коренья, сарану и т. п. — благо боги не требовательны.

Какой-нибудь леденец, поднесенный божеству, может иногда сослужить огромную службу. Я испытал это однажды на себе самом. Дело было в августе 1891 г. С большими затруднениями, почти без провизии и припасов, с одним куском кирпичного чая и сухарями, добрался я до Головы земли. Когда я неожиданно сообщил моим спутникам, что я решил взобраться на вершину «Головы», чтобы собрать там растения и отбивать камни, моими спутниками овладела паника. Они заклинали меня отказаться от моего «безумного» намерения, которое должно было повести за собою нашу общую гибель, приводя в доказательство, что двое русских моряков, попытавшихся взобраться на вершину маленького бога Лазарева мыса, тут же погибли и похоронены. Особенно волновался капитан моей лодки, умный, преданный и очень привязавшийся ко мне гиляк с. Танги, Гибелька.

Тебе чего бояться? — сказал я ему, ты останешься здесь, жив будешь, домой придешь, все хорошо будет, а обо мне не заботься. — «Нет, друг, возразил с живостью Гибель, это худой закон: мы вместе ходили, вместе работали, вместе писали, вместе каменный топор искали, вместе людей смотрели, вместе суд делали, и теперь я один домой пойду, и ты тут помирать будешь? Такой ли закон? А самый большой начальник что скажет? Ты почему, скажет, не смотрел, чтобы «тяньги» (господин) хорошо ходил? Скажет, что я убил тебя. Это большой грех будет. Нет, уже лучше бога земли не трогай, шибко большой он, сильный, шибко сердиться мастер».

Видя, что я непреклонен, Гибелька после некоторого раздумья, сказал: «И дать тебе нечего Голове земли, такой большой «тяньги», а не имеет, чего давать. Если дать ему гостинец и слово хорошее сказать, может быть и сердиться не будет». Тогда я вспомнил, что у меня в кармане осталось несколько леденцов, которые я употребляю для утоления жажды при восхождении на гору, и, показав их обрадовавшимся спутникам, сказал, что я их преподнесу сердитому богу и слово хорошее скажу. Спутники несколько успокоились, и я пустился в путь. Когда я к вечеру вернулся, нагруженный коллекцией растений и минералов, спутники с радостью меня обступили и стали допытывать, какое слово сказал я богу Головы земли. Я вынужден был прочесть им экспромт молитвы в их национальном стиле: «Владыка Земли, ты очень большой и сильный, и шибко большой мастер сердиться. Все люди тебя знают. Я из далекой земли пришел, из самой далекой земли, чтобы посмотреть на тебя пришел; пожалуйста, сделай так, чтобы я и мои спутники были здоровы, и домой пришли и чтоб мы по пути голодом не помирали! Хорошенько, пожалуйста, меня накорми». Когда мы в тот же день, истомленные, проголодавшиеся, вернулись в ближайшее селение Ныур и Гибелька, пока варили чай, рассказал изумленным слушателям про мое жертвоприношение и про красноречивую молитву, произошло нечто необыкновенное. Все лица смотрели с умилением, а женщины бросились в амбар доставать драгоценную буду, хранившуюся для жертвоприношений, чтобы накормить меня и моих спутников и, таким образом, исполнить волю Головы земли. Таким образом, благодаря леденцу, я, по мнению гиляков, не только спас свою жизнь, но и неожиданно доставил себе и моим спутникам давно невиданное блюдо.

Есть у гиляка и кровавые жертвоприношения, объектами которых служат собаки. Перед сезоном соболиной охоты, на медвежьем празднике, перед отправлением в далекий путь, во время болезни и вообще в торжественных случаях жизни убивается собака путем удушения. Перед убиением ее кормят и в это же время ей даются, смотря по обстоятельствам, те или другие поручения. Так, во время медвежьего праздника ей говорят: «За своим медведем на самую высокую гору иди. Пусть хозяин тебя полюбит. Эту шерсть перемени и на другой год медведем спустись, чтоб я тебя посмотрел». При убиении собаки по случаю болезни ее просят быть заступницей за больного перед богом, к которому ее посылают.

Таким образом, жертва является простым посланником, душа которого после смерти доберется до хозяина, обитающего на высочайшей горе.

Особую категорию богов составляют *боги родовые.* В сущности, эти боги играют важнейшую роль в жизни гиляка, и им чаще всего гиляк бросает свои жертвы. В каждой стихии имеется родовой бог. Родовые боги гиляков представляют особенный интерес, так как у этого племени совершенно наглядно можно проследить самый генезис этого столь общераспространенного факта первобытной религии. Ведь даже у греков и римлян поклонение родовым богам было обычным явлением. Родовые боги гиляка не сверхъестественные мифические существа, как у греков и римлян, а их же собственные сородичи, по разным причинам перешедшие в род того или другого бога «хозяина». Для того чтобы приобщиться этой чести, необходимо особенно счастливое, если можно так выразиться, стечение обстоятельств. Если гиляка на охоте задрал медведь, если он сделался на воде добычей волн, если убили его или он сгорел от собственной неосторожности, если умерла женщина, согласно объяснению шамана, от любви к ней медведя и т. д., — все такие лица переселяются не в обычное царство теней, а переходят в род полюбивших их богов-хозяев горы, воды, огня и т. д., и потом становятся сами маленькими «хозяевами» и покровительствуют своим сородичам. Таким образом образовались родовые *паль-нивух'и* — лесные люди, *толь-нивух'и* — морские люди и т. д. Вот этим-то богам-сородичам и приносятся периодические жертвы целым родом. Это не мифические боги, фиктивные герои греческих родов, а реальные личности, властно живущие в воображении своих поклонников. Генезис родовых богов у гиляков проливает свет и на другое темное явление первобытных религий — *тотемизм*, на поклонение известному классу животных, почитаемых, как сородичи или даже родоначальники их поклонников. Дело в том, что, как я уже говорил раньше, хозяин каждой стихии и его сородичи хотя и ведут такой же образ жизни, как и гиляки, но перед человеком всегда являются в образе того или другого зверя, медведя (лесные люди), белухи или косатки (морские люди), так что и гиляк, перешедший после смерти в род того или другого хозяина, тоже принимает оболочку того или другого зверя. Поэтому тот класс зверей, в который перешел избранник, и является родственным роду избранника, и становится, таким образом, его тотемом. Так как почти в *каждом* роде есть современники или предки, павшие в борьбе с медведем или утонувшие в реках или на море, то среди гиляков и не могла выработаться система отдельных тотемов для *каждого* рода. Я не могу, к сожалению, теперь подробнее остановиться здесь на этом обширном вопросе: скажу только, что генезис родовых богов у гиляков ясно показывает, что не тотемизм, т.-е. не вера в происхождение от того или другого вида животного, как это принято думать, создал родовых богов, а, наоборот, родовые боги создали тотемизм. Ничем иным, как это увидим ниже, нельзя объяснить запреты тотемистов употреблять в пищу мясо тотемов, как страхом убить какого-нибудь сородича, превратившегося в тотемное животное.

Религиозная система гиляков дает и много других интереснейших фактов для объяснения происхождения как тотемизма, так и культа предков, но я ограничусь пока здесь сказанным, тем более что институт тотемизма не принял у этого племени той резко выраженной формы, какую он принял у других специфически тотемных племен, как, например, у австралийцев, североамериканских индейцев, древних египтян и т. д.

Жертвоприношения родовым богам приносятся периодически. Ко дню торжества каждая семья приготовляет всевозможные изысканные блюда гиляцкой кухни и укладывает их в особую, специально для этого случая хранящуюся посуду. На другой день все мужское население рода отправляется на лодках или, в случае волнения на море, пешком в тайгу и располагается на своей родовой площадке, возле своего родового знака. Старший в роде берет из каждой посудины по горсточке и бросает, восклицая при этом: «Чух!», т.-е. «вот тебе!» После этого начинается пиршество, игры, борьба и т. п. развлечения. Весною с появлением тюленей устраивается жертвоприношение «морскому или речному» человеку, состоящее в торжественном бросании яств в прорубь. На Амуре жертвоприношения эти совершаются с лодки сейчас после вскрытия реки; лодки украшаются священными стружками, и на них устраиваются веселые гонки.

У гиляков много родовых праздников, но из них самым важным считается так называемый медвежий праздник. Праздник этот играет огромную роль в общественной жизни гиляков. В сущности, это даже не родовой праздник, а междуродовой. Род, устраивающий праздник, берет на себя только расходы и заботы по устройству праздника, важнейшую же роль играют посторонние роды, приглашаемые к участию в нем. Так как не проходит года, чтобы в тех или других местах не происходили подобные праздники, собирающие на много дней представителей многочисленных родов, то моменты эти играют такую же роль в социальном общении гиляцкого племени, какую некогда играли олимпийские и другие игры в Греции. Зимний медвежий праздник и называется игрищем (чхыф-лехерид — медвежья игра).

Праздник этот описывался уже много раз, и потому я остановлюсь преимущественно на тех чертах, которые до меня не были замечены. Прежде всего, замечательно, что обыкновенно праздник устраивается в память умершего сородича, являясь как бы тризной по покойнике. Ближайший родственник покойного приобретает за деньги или добывает сам в тайге медвежонка, который торжественно, при криках радости, музыке, доставляется в родную деревню. Здесь для него устраивается отдельный сруб из толстого накатника, украшаемый по углам священными деревьями. В откармливании медведя участвует не отдельный хозяин, а весь род: поочередно та или другая семья в течение определенного времени кормит почетного гостя, чистит сруб и вообще всячески ухаживает за ним. В определенные дни медведя добывают из клетки и водят на прогулку. Это целое событие в жизни селения, отнимающее много часов и доставляющее молодым и старым необыкновенное удовольствие. Процедура добывания медведя из клетки довольно сложная. Прежде всего, пока медведь еще в клетке, ему спутывают ноги, продевая через просветы между бревнами надетые на палку ремни, оканчивающиеся живыми затягивающимися петлями. После этого разбирают несколько звеньев верхней части клетки, давая медведю возможность высунуть голову; тогда ему суют в рот палку, которую он яростно стискивает зубами, и в это время ему крепко накрепко завязывают рот. После этого его спокойно вытаскивают из клетки и накидывают на него железное кольцо, охватывающее его по брюху. К этому кольцу с обеих сторон прикрепляют длинные ремни, за которые цепко держатся несколько человек и, туго натягивая ремни в противоположные стороны, не дают возможности медведю бросаться на окружающих. Тогда только освобождают его от пут и ведут на прогулку.

Выкупав и вдоволь надразнив медведя, натешившись над ним, его привязывают между двух столбов и предоставляют самому себе. Обыкновенно он пользуется этой передышкой, чтобы предаваться бесполезному теперь для него инстинкту — разгребать лапами землю для берлоги.

Откармливание медведя продолжается несколько лет, пока медвежонок не обращается в упитанного большого зверя, и тогда приступают к предпраздничным приготовлениям. А приготовлений предстоит не мало. В течение нескольких дней придется кормить и угощать всякими изысканными блюдами не только сородичей и односельчан, но и целую массу приезжих гостей и вдобавок многочисленных собак, на которых приедут гости. Все это требует забот, хлопот и крупных расходов, потому что, сверх блюд из местных продуктов, делаются большие закупки рису, буды, муки, чаю, сахару, водки или ханшина. Вот тут и обнаруживается та удивительная родовая организация гиляков, которая так поражает стройным соединением общественной солидарности и индивидуальной свободы.

Нет принудительного органа, который собирал бы продукты, понуждал, требовал, контролировал. Каждая семья, сознавая свою обязанность участвовать в общем религиозном деле, работает изо всех сил, не за страх, а за совесть, готовит всякие блюда, помогает в работах и вносит свою посильную лепту на расходы по покупкам. Деньги и припасы передаются хозяину медведя, который распоряжается ими бесконтрольно. Никто никого не укоряет, потому что всякий старается, чтобы праздник сошел с наибольшим блеском. За несколько дней до праздника, который обыкновенно устраивается в феврале, начинается другого рода работа — приготовление арены для убиения медведя. Арена состоит из небольшой утоптанной площадки, среди которой возвышается одна или несколько пар, по числу убиваемых медведей, священных деревьев-столбов, обвешанных инау и покрытых сложной ритуальной резьбой: между ними привязывается медведь. К этой площадке протаптывается длинная узкая аллея, по обеим сторонам которой устанавливается в два ряда 30 пар молодых деревьев: первые 15 пар — елки, вторые — талины.

Наконец, наступает канун. Этот день называется Нау-вахнку, день приготовления инау, т. е. палочек с заструженными концами, играющих важную религиозную роль на празднике. Эти палочки, разных размеров и форм, изображают собою ораторов-заступников, которые вместе с убиваемым медведем отправятся к хозяину тайги и будут ему напоминать о нуждах гиляка, а также будут его талисманами. Каждый вид инау изготовляется парами; каждая пара — супруги, чтобы им было веселее и дабы они плодились и размножались. Часть инау навешивается на столбах арены в виде украшения, часть привязывается к ним внизу. Пока происходит приготовление инау, старший в роде вместе с хозяином медведя и несколькими сородичами выезжает навстречу так называемым нарх'ам. Эти нарх'и почетные гости, играют весьма важную роль на празднике: им одним предоставляется честь убиения медведя, им одним отдается все мясо убитого зверя и даже шкура. Нарх'и — не произвольно выбранные лица, а обязательно представители того рода, куда выходят замуж дочери хозяина медведя и вообще женщины его рода. Чаще всего, таким образом, нарх'ом является зять хозяина медведя. Нарх'и, в свою очередь, берут с собою своих зятей и решают уже между собою, кому из них убить медведя. Если убивают за раз несколько медведей, то приглашаются нарх'и со всех родов, откуда род, устраивающий праздник, брал жен, так что в празднике иногда участвует до 10 родов. Вот этих-то нарх'ов хозяин медведя обязан торжественно встречать, основательно угостить при встрече и с почетом провезти в свою деревню.

Следующий день и есть день убиения. Он называется На-хан-ку (день убиения медведя) или Чхыф-арын-ку (день кормления медведя). Рано утром добывают медведя из клетки таким же способом, как и для ведения его на прогулку; надевают на него огромный плетеный пояс, увязанный, мешочками, которые наполнены разнообразными яствами, и затем привязывают его недалеко от юрты и дают ему возможность воспользоваться при этой полусвободе последними, оставшимися ему часами жизни. Около полудня его отвязывают и, ухватившись за ремни с обеих сторон, ведут на прогулку. Впрочем, прогулка эта доставляет мало удовольствия медведю, потому что со всех сторон его всячески дразнят и стараются вывести из терпения. Сначала он отделывается легким брюзжанием, но постепенно входит в азарт, пытается бросаться на людей, становится на задние лапы, но десятки рук держат его, и весь его раж пропадает в бессильных метаниях. Но вот, улучив момент, осторожно подкрадывается хозяин медведя, хватает его за голову, целует на прощанье и, не дожидаясь ответного лобзания, поспешно отскакивает. Но чаще всего медведь охотно возвращает прощальный поцелуй своему кормильцу, который считает себя весьма счастливым, если косолапый ограничился тем, что вырвал добрый кусок мяса, а не попал зубами в глаз или шейные артерии, например. Рана, нанесенная медведем в таких случаях, считается, однако, признаком благоволения со стороны добродушного зверя. Прогулка оканчивается троекратным обведением медведя вокруг юрты хозяина. Из юрты удаляется перед тем все живое, даже грудные ребята, животные; только старший в роде стоит в сенях, и всякий раз, как медведь поровняется со входом, он дразнит его длинным шестом с несрезанной короной хвои и говорит ласковые слова.

По окончании этой процедуры медведя отводят на площадку и привязывают между двумя разукрашенными по ритуалу деревьями. Шест, которым дразнили медведя, укрепляется в очаг, так что его развевающаяся корона из хвои высоко выдается над дымовым отверстием. После этого устраивается антракт. Медведь опять предоставляется самому себе, а народ тесной гурьбой собирается в юрте хозяина, где начинается обильное угощение. Сидят буквально на головах друг у друга, тем не менее веселье необыкновенное: громкий говор, смех, шутки не умолкают. Только нарх'и серьезны: они сгибают луки, оттачивают стрелы и готовятся к решительному моменту. Тем временем на священную площадку вывозят на нартах в огромных корытах всевозможные холодные яства: тут и мерзлая рыба всех видов, и рис, и буда, и бобы, и, наконец, все сорта торжественного блюда «мось», способ приготовления которого я уже описал во второй главе.

Все это устанавливается рядами близ медведя. Старший в роде или хозяин кормит последний раз медведя из большой ложки на длинной ручке, давая ему поочередно отведать от каждого блюда и прося при этом дать «хорошее место» при убиении. Наконец, он обращается к нему со следующими прощальными словами: «Прощай, в последний раз я кормлю тебя, хорошенько иди, к своему хозяину хорошенько иди, пусть хозяин тебя крепко полюбит». Другие сородичи тоже стараются поднести что-нибудь старому другу; даже маленькие дети участвуют в этом добром деле. После небольшого перерыва из юрты высыпает весь народ, за исключением женщин, которым воспрещено присутствовать при убиении медведя, — иначе, он хорошего места не даст, — и выстраивается в боевой порядок. Впереди идет хозяин медведя или старший в роде, с котелком и топором в руках, рядом с ним с таким же котелком и топором старший из нарх'ов. За ними остальные нарх'и с луками и стрелами и, наконец, по обеим сторонам следуют на лыжах живописной веселой толпой все участники празднества. Не доходя шагов 100 до места, где привязан медведь, народ останавливается, хозяин втыкает свой топор в снег и ставит рядом котелок, то же делает нарх со своим топором и котелком. Топор и котел носят характерное название нич, т. е. мое — твое. Этими нич'ами хозяин медведя и старший нарх обмениваются по окончании праздника в знак вечного братства. Когда нич'и установлены, начинается предпоследний акт трагедии: пробная состязательная стрельба из лука. Некогда, когда лук играл более важную роль в жизни гиляков, эта стрельба, без сомнения, носила характер грандиозного состязания; теперь же она сведена почти к простой формальности. Мишенью служит доска, поставленная позади медведя. Первыми стреляют нарх'и, за ними сородичи хозяина; последние стараются не конфузить гостей и делают умышленно промахи. Толпа следит с напряженным вниманием, и каждый выстрел сопровождается громкими одобрениями или могучими взрывами смеха. После этой пробной стрельбы толпа передвигается ближе к медведю и останавливается в нескольких шагах от него. Среди воцарившейся кругом глубокой тишины выступает вперед избранный нарх, берет в руки лук и начинает наблюдать за медведем, выжидая, когда «он даст хорошее место», т. е. повернется так, чтобы удобно было попасть сразу в сердце. Но медведь часто спокойно стоит на своем месте, разгребая лапами снег, и очень мало заботится о предоставлении хорошего места. Чтобы вывести его из спокойного состояния и заставить дать хорошее место, а также чтобы привести его в раж и этим облегчить ему, по их мнению, боль от нанесенной раны, его начинают дразнить. Медведь мечется во все стороны, с бессильной яростью бросается на своих мучителей, становится на задние лапы. Стрелок между тем следит за ним с самым напряженным вниманием и, улучив удобный момент, пускает, наконец, свою отточенную стрелу. В первую минуту медведь останавливается в недоумении, потом хватается лапой за грудь, на глазах выступают слезы, изо рта горлом показывается кровь. Иногда он начинает неистово метаться, но чаще всего он падает спокойно, с недоумевающей скорбью в глазах. Хотя смерть наступает обыкновенно моментально, тем не менее, на всякий случай, несколько человек набрасываются на убитое животное и начинают душить его, чтобы ускорить смерть и не дать ему мучиться. После этого снимают с медведя цепь, тщательно выправляют на нем шерсть и укладывают в величаво-спокойной позе с вытянутыми передними и задними лапами; на передних покоится голова, обращенная лицом на запад. В этой позе он напоминает человека, задумчиво улегшегося на земле, упершись локтями. Народ чинно рассаживается в два ряда, кто на нартах, кто прямо на снегу, кто на лыжах, и начинается уничтожение тех холодных закусок, которые были привезены для кормления медведя. Поевши, гости постепенно расходятся; остаются только ближайшие сородичи, которые приступают к освежеванию медведя. Процедура эта обставлена строгим ритуалом: способ разрезания мяса, рассечение костей и т. п. — все совершается по раз навсегда установленным правилам. Первый момент этой процедуры, сейчас после снятия шкуры, представляет для гиляка весьма импозантное зрелище. Это белое (от толстого слоя жиру), мягкое, вытянувшееся на спине тело, эти передние лапы с длинными ровными пальцами, до иллюзии напоминающие руки человеческие, среди мрака ночи должны неотразимо будить в дикаре представление, что пред ним не зверь убитый, а особой породы человек, который снял свою мохнатую шкуру и теперь величаво отдыхает, следя за малейшим движением его ножа. Снятая цельная шкура вместе с головой медведя торжественно переносится в юрту, но не через дверь, а через дымовое отверстие по высокому шесту с короной хвой, который все время высится над земляной юртой. Старший в роде бережно подхватывает шкуру и, слегка ударяя по ней палочкой, приговаривает: «Помни, тебя кормил старик такой-то, старуха такая-то». Тем временем женщины встречают священную голову торжественным маршем, разыгрываемым на оригинальнейшем инструменте. Это — сухое бревно лиственницы, подвешенное на козлах, по которому несколько человек поочередно выбивают в такт довольно монотонные звуки. Под звуки этой очаровательной музыки старший в роде водворяет голову медведя на почетной наре, устланной хвоями. Под головой — колчан со стрелами, а возле нее табак, сахар и прочие яства. Души всех этих вещей медведь заберет с собой. Туши мяса хранятся на дворе на особом помосте, специально для этого устроенном, и вносятся частями тоже через дымовое отверстие. День заканчивается угощением, разговорами, играми молодежи, плясками, фехтованием на палках. Следующий день называется *днем кормления головы.* С утра до вечера в юрте кипят котлы и готовятся всевозможные блюда гиляцкой кухни. Из каждого блюда часть укладывается в отдельную посудину и ставится рядом с головой медведя: это и значит «кормить голову» В этот же день приступают к варке медвежьего мяса. Мясо варится на дворе в особом котле, огонь разводится священным родовым огнивом, которое ни в каких других случаях не употребляется. Но вкусить медвежатины в этот день не дозволяется еще никому. Это происходит уже на другой день, который называется *днем угощения нарх'ов* (нарх-арин-ку). Нарх'и усаживаются чинно вдоль нар, и хозяин торжественно обходит ряды и раздает им куски медвежьего мяса. Более любезные хозяева кормят своих гостей из собственных рук, всовывая им в рот громадный кусок сала, от которого гость откусывает, предоставляя соседу продолжать начатое им дело. Есть медвежье мясо дозволяется только нарх'ам; хозяин и его род лишены этого права; им разрешается только есть похлебку из риса или буды с наваром из медвежьих туш. Эта похлебка приготовляется и поглощается в огромных количествах.

Величайшей честью для хозяина считается накормить гостей до пресыщения. Любезность доводится до того, что когда гость, объевшись жировой похлебкой, начинает изрыгать ее обратно, хозяин почтительно подставляет рот и выпивает изрыгаемое. Более утонченную любезность трудно себе представить. В промежутке между пиршествами устраиваются гонки на собаках, игры, фехтования на палках, танцы в круговую.

Целый день женская молодежь по очереди музицирует на подвешенном бревне и свою примитивную музыку сопровождает юмористическими, подчас очень фривольными песенками. Водка русская или китайский ханшин играют не последнюю роль на пиршестве, поднимая веселье пирующих до апогея. Напоить допьяна своих гостей считается величайшей честью. — «У меня вчера нарх'и два раза были пьяны», хвастал мне однажды хозяин медведя.

Наконец, наступает последний день праздника, *день отъезда нарх'ов.* На их нарты уложены туши медвежьего мяса и всякие яства, наготовленные для их семейств и сородичей. В последний момент нарх'и вводят в юрту несколько собак и привязывают их у почетной нары к черепу медведя. Кроме того, в виде подарка кладут рядом с головой или втыкают в нее копье, ремень и т. п. вещи. Еще раз на прощанье нарх'и обильно угощаются, затем, обменявшись прощальными взглядами с собаками, молча уходят. При выходе у порога им остается совершить последнюю церемонию, которая носит характерное название «лымызын зычывынд» — «порог топтать». Церемония эта состоит в том, что по обеим сторонам порога ставятся нич'и (котел и топор); нич уходящего — с внутренней стороны, а нич хозяина — с наружной, при чем уходящий должен сначала одной ногой переступить через внутренний нич, а потом другой через наружный.

В тот же день совершается последний акт — жертвоприношение собак. Собаки, подаренные нарх'ами, а также собаки, жертвуемые для этого случая хозяином, выводятся на площадку убиения медведя и привязываются к тем самым деревьям, к которым был привязан медведь. Сюда же привозится и голова медведя со всеми поднесенными ей подарками. Каждая пара собак состоит из самца и самки, чтобы им было веселее в дороге. По числу пар собак втыкается возле деревьев столько же пар таких же инау, какие делаются для сопровождения медведя. Головы собак украшаются привязанными к ним стружками, выкрашенными соком ягод. Перед убиением собак кормят отборными яствами и напутствуют следующим образом: «Иди, к своему хозяину иди, на самую высокую гору взберись, перемени свою шерсть и на будущий год сюда спустись, медведем спустись, чтобы я тебя посмотрел, так сделай, спустись, прощай, хорошенько ходи!» После этого собак убивают одну за другой посредством удушения. Процесс этот совершается довольно своеобразно. Два человека хватают собаку за задние ноги и с силой оттягивают несчастное животное как можно дальше от дерева к которому они привязаны затягивающейся петлей. В это время другие два человека ухватываются за передние две лапы; пятый давит шею, ускоряя процесс удушения, а шестой втыкает в задний проход заостренную палку, чтобы воспрепятствовать извержению из кишек. Когда собаки удушены, их с тем же почтением и в такой же позе, как и медведей, укладывают на снегу. Разводится огонь, убитых животных освежевают и мясо их бросают в котел.

В пиршестве из собачьего мяса участвуют все, и мужчины и женщины, но только сородичи.

На другой день голова медведя и кости его, а также посуда, стрелы, ремни и пр. — все увозится в традиционный амбар, служащий усыпальницей останков священного зверя. С этого момента душа медведя отправляется, наконец, в путь к своему «хозяину», нагруженная всеми поднесенными подарками и сопровождаемая резво бегущими рядом с ней душами убитых собак и душами заструженных палочек (инау), пока не доберется до высочайшей горы, где живет ее хозяин, он же хозяин тайги — *Паль-ызь*.

Где генезис этого странного праздника, представляющегося многим удивительной загадкой?

Чтобы понять его смысл, нужно принять во внимание, прежде всего, что медвежьи праздники устраиваются не только по случаю убиения домашнего медведя, как это ошибочно думают обыкновенно, а *всякий раз*, когда гиляку удается убить на охоте медведя. Правда, в этих случаях размеры праздника менее грандиозны, но сущность остается та же. Когда привозят в деревню голову и шкуру убитого в тайге медведя, устраивается триумфальная встреча с музыкой и торжественным церемониалом. Голова помещается на священном помосте, ее кормят, одаряют такими же жертвоприношениями, как и при убиении домашнего медведя; так же созываются *нарх'и*. Так же приносятся в жертву собаки; кости хранятся с таким же почетом и в том же месте, где и останки домашнего медведя. Следовательно, церемониал большого зимнего праздника есть только распространительный обряд, исполняемый при *всяком* убиении медведя, обряд, логически вытекающий из того благоговейного отношения к медведю, о котором я говорил раньше. Далее, что касается факта вскармливания медведя ad hoc, то это с первого взгляда может показаться элементом совершенно не религиозного свойства. Гиляку во время охоты не раз выпадает случай добывать молодых животных, и всякий раз, когда он находит это выгодным для себя, он их вскармливает; так он вскармливает лисиц ради меха, молодых орлят ради их перьев. Точно так же для гиляка невыгодно убивать молодого медвежонка, и он предпочитает вскормить его, чтобы получить потом огромную тушу мяса и великолепную шкуру. Далее, нет ничего естественнее, казалось бы, как воспользоваться убиением медведя для такого торжественного случая, как устройство поминок по близком человеке. Кстати, вскармливание и убиение медведя отличное воспитательное средство для молодежи, которая с детства привыкает к самому страшному зверю своей тайги, привыкает не бояться его, изучает его нравы, силу, слабости. Процедура добывания медведя из клетки — простая репетиция добывания его из берлоги.

Тем не менее, не эти грубо-утилитарные мотивы играют главную роль в дорогостоящих и хлопотливых, многолетних заботах гиляка по вскормлению медведя. Им руководят тут другие мотивы, быть может тоже утилитарные, но совсем другого порядка. Медведь, как мы видели, в глазах гиляка существо sui generis. Какое бы существо ни скрывалось под мохнатой оболочкой медведя, божественный ли сородич хозяина гор, горный ли человек, либо настоящее животное, присланное в дар гиляку его хозяином, в том или другом случае это существо высшего порядка, могучее, сверхчеловечески сильное. Пребывание такого существа в течение продолжительного времени в родном селении, по представлению гиляка, убежденного в беспрестанных кознях сонмов злых духов, вечно покушающихся на его жизнь и здоровье, должно быть чрезвычайно благодетельно. Присутствие этого могучего существа, как сильнейшая дезинфекция, должна убивать и отгонять всякого злокозненного духа. Недаром именно смерть сородича, т.-е. факт из ряда вон выходящего злостного покушения злого духа, заставляет немедленно же изловить или купить во что бы то ни стало медвежонка. Что медведь одним своим присутствием гонит злых духов, видно хотя бы из того, что во время медвежьего праздника шаману запрещается советоваться во сне со своими *кехн* (см. ниже) насчет лечения больного, т.-е. изгнания вселившихся в него злых духов, потому что медведь *обижается:* он сам, мол, их разгоняет своей собственной силой. Аналогии подобного воззрения на очистительное влияние медведя и многих других животных мы находим в наших собственных переживаниях и обрядах. В Малороссии, как известно, существовал обычай в известные праздники обводить медведя по деревне с очистительной целью... На наших барских конюшнях еще до сих пор сохранился обычай держать козлов, которые должны охранять лошадей и конюхов от нечистой силы. Таким образом, род, кормящий медведя, делает важное общественное дело, гарантируя всех своих от козней самых могучих, хотя и невидимых, врагов. Своеобразная религиозная санитария, но единственно доступная первобытному человеку!

Теперь остановимся на смысле тех *обрядов,* которые сопровождают *всякий* случай убиения медведя. Прежде всего, нужно сказать, что гиляк не считает грехом убивать медведя. При всем своем благоговении к нему, он убежден, во-первых, что те медведи, которые достаются ему в добычу, посылаются ему «хозяином» тайги, по отношению к которому медведи играют ту же роль, что для гиляка собаки. «Медведь — собака хозяина горы», такова формула гиляка. Да, кроме того, медведь ничего не теряет от своей насильственной смерти, потому что смерть для него состоит только в том, что он бросает гиляку свое тело, а душа его — этот живой дубликат — резво мчится в это время к своему «хозяину» как ни в чем не бывало. Стало-быть, никакого искупления тут не требуется. Но медведь, хоть и собака лесного человека, тем не менее существо высшего порядка, высшего ранга, чем человек. В этом представлении о медведе, как о собаке «хозяина», с точки зрения первобытного человека, нет ничего умаляющего для священного животного. Будем помнить, что генезис культа животных кроется в преклонении перед животным, именно как таковым, без всякой иносказательности. «Разумом вселенной, — говорит еще Авеста, — управляет собака». Но, по дальнейшей эволюции культа медведя, как мы видели, в этом последнем может крыться и «горный человек», сородич «хозяина гор» и даже собственный сородич гиляка, превратившийся в «горного человека». И потому оказать всевозможные почести убитому, кормить его голову, щедро снабдить его в дорогу разными припасами, не осквернять его тела, не проливать его крови на землю и т. п. — все это необходимые последствия воззрения на медведя, как на высшее существо. Но не этим только проявлением уважения к высшему существу исчерпывается важность праздника. Душа убитого медведя отправляется к своему хозяину, тому хозяину, от которого зависит благополучие человека. Это самая верная оказия переслать этому далекому владыке жизни разные подарки в виде собак, стрел, лука, яств и т. п. Все это окупится сторицей. Да и сам медведь, ублаготворенный всеми почестями и угощениями, может оказаться небесполезным в исходатайствовании разных милостей у хозяина гор.

Из этого видно, что убиение медведя во время зимнего праздника — *не жертва* богам, как думает, например, известный исследователь первобытной религии Ланг, а только дает *повод* к жертвам. Самое лучшее доказательство — это то, что гиляк всегда приносит каждому богу в жертву лишь то, чего этот бог сам не имеет, а хозяин тайги имеет сколько угодно медведей. Ему нужны собаки, рыбы, табак, сахар, ремни, стрелы — их и дает ему гиляк; медведь же лишь почетный посол, который их отвезет. Он сам божество, хотя и маленькое, и поэтому самому не может быть жертвой. Наконец, есть еще один важный момент праздника — это *вкушение тела медведя* Обыкновенно большая часть мяса отдается *нарх'ам* т. е. роду зятя хозяина убитого медведя, но голова обязательно и благоговейно разделяется между сородичами, которым принадлежит медведь. В этом вкушении видят не простой акт еды, а восприятие в свое тело могучих свойств медведя. Женщина, например, не может вкусить от сердца медведя, которое дает храбрость, качество, совершенно бесполезное для нее, и потому такое вкушение, как бесцельное, должно быть обидным для медведя.

Таким образом, религиозное значение медвежьего праздника сводится к следующему: 1) вскармливание медведя доставляет селению безопасность и охрану от злых духов, — обстоятельство величайшей важности, если принять во внимание взгляды гиляка на происхождение болезни и смерти (см. ниже); 2) вкушение «божества» дает силу: 3) ублаготворенная почестями душа убитого медведя и самостоятельно и через своего «хозяина» может благодетельствовать человеку; 4) она же — и это самое важное — является послом, передатчиком всевозможных даров «хозяину гор», от которого зависит благополучие гиляка. По поводу этого последнего пункта необходимо вспомнить то, что мы говорили о родовых богах. У каждого рода есть сородичи среди «горных людей», т.-е. сородичи, некогда павшие в борьбе с медведем и потом принятые в род «хозяина медведя». Каждый такой сородич становится, в свою очередь, маленьким «хозяином», богом-покровителем своего рода. В действительности, каждый род получает свою добычу не непосредственно от самого «хозяина гор», а именно от своего родового бога, который специально поселяется на охотничьей территории своего рода. Так что подарки, пересылаемые через медведя, в сущности направляются не к самому главному «хозяину», а ближайшему, «хозяину гор» — сородичу.

Вот почему устроение праздника является чисто родовым делом. Этим также объясняются, быть-может, два крайне характерных, но загадочных факта медвежьего праздника. Во-первых, не только никто из членов рода, устраивающих праздник, не допускается к убиению медведя, но не допускаются даже сородичи женщин, на которых женаты члены этого рода, словом, никто из агнатов ни по мужской, ни по женской линии; единственные родственники, допускаемые к убиению, это «зятья», лица, женатые на вышедших из этого рода женщинах, т.-е. лица, кровь которых никогда не смешивалась с празднующим родом. Во-вторых, вся медвежья туша, за исключением мяса головы, отдается другому роду, роду «нарх'ов», и, наоборот, запретна для рода, которому принадлежит медведь. Некогда, может-быть, и голова была также запретна для празднующего рода. Не вызываются ли эти запреты тотемистической предосторожностью против убиения и вкушения тела сородича? Ведь убитый медведь мог случайно оказаться и *сородичем родного горного человека* и, значит, сородичем тех, которые устраивают праздник? Тогда убивать его и есть его мясо было бы преступно и гибельно для данного рода.

Но другому роду, роду «нарх'ов», это дозволительно, потому что ему посылает медведей другой «хозяин», его собственный сородич, так что есть мясо медведя чужого рода для него совершенно безопасно.

Может показаться странным и непримиримым противоречием сосуществование таких норм, как дозволительность убиения, хотя и не самоличного, медведя и вкушения его головы — с одной стороны, и запрет на все остальное мясо — с другой стороны. Но у тотемных племен мы сплошь и рядом встречаемся с такими мнимыми противоречиями. Самоанцы, например, убивают в торжественные моменты сов, оказывают им почести, как божественным предкам своим, но в то же время до мяса не смеют дотрогиваться. У племен Центральной Австралии, читаем мы у Спенсера и Гиллена, у которых обыкновенно запрещено, например, убивать и употреблять в пищу кенгуру, в известный торжественный день убивается 2-3 запретных животных, и мясо кусочками распределяется между сородичами. Таких примеров много.

Косвенное подтверждение нашего предположения о происхождении указанного запрета у гиляков находим в интересном предании орочей и ороков, религиозные воззрения которых очень близки с таковыми у их соседей-гиляков. Согласно этому преданию, одна орочская женщина однажды была похищена (иначе говоря, съедена) медведем и родила от него двоих детей. После этого она часто в виде медведицы встречалась в лесу с орочами и предупреждала их не стрелять в нее. Но случилось, что по ошибке ее подстрелили. Что это была именно она, ясно видно было из того, что в ее внутренностях нашли женские украшения: браслет и т. п. Умирая, она завещала убившему ее орочу, чтобы впредь при убиении медведя соблюдался тот ритуал, который ныне обычно соблюдается на празднике, ибо каждый убитый медведь может оказаться ее потомком и, следовательно, сородичем ороча.

Но вернемся к богам. До сих пор я говорил о богах, благодетельствующих гиляку. Но, кроме них, есть еще сверхъестественные существа, злые и вредящие ему. Это черти — «мильк'и», «кинр'ы». Существа эти являются в самых различных видах и различаются по степени своей зловредности. Они являются то в виде гиляков, то в виде зверей, начиная с медведя и кончая жабой и ящерицей. Встречаются они на суше и на море, под землей и на небе.

Одни из них составляют специальные роды злокозненных существ, губительных по самой природе своей. Другие — это отдельные выродки, «блудные сыны» родов благодетельных существ, по исключению только ставшие врагами человеческими. Главную опасность, конечно, представляют первые.

Одни занимаются исключительно тем, что обкрадывают гиляка в пути (духи потерь — *гэр-ківух'и*), другие опустошают амбары, петли и западни, или всякими иными путями пакостят ему, и, наконец, есть и такие, которые покушаются на самую жизнь его, причиняя болезнь и смерть. Если бы не они, люди не умирали бы! Естественная смерть невозможна! Смерть — результат козней этих коварных существ. Поэтому гиляк никогда не дотронется до подохшего в тайге соболя, хотя бы шкурка его была очень ценна и сохранилась наилучшим образом, ибо в подохшем соболе непременно сидит чорт. Подобно тому, как он, гиляк, сторожит зверя и всяческими уловками старается убить его, так и злой дух сторожит на каждом шагу его самого, чтобы полакомиться им. Болезнь это не больше как злое существо, забравшееся в тело гиляка и медленно его поедающее. Такому представлению легко подают повод ночные кошмары и сны, когда больному грезится, что кто-то его душит, давит изнутри. При неправильном функционировании какого-нибудь органа, например, при одышке, легко является представление, что какое-то существо залезло внутрь и мешает дыханию и т. д. Это-то существо необходимо *изгнать*. Изгнание производится посредством разнообразных приемов, начиная с простейших и кончая самыми сложными.

Вот пример, который довольно наглядно рисует «психологию» изгнания бесов. Одну женщину, подвергшуюся припадку внезапного истеричного психоза, при мне посадили на высокий помост, на котором обыкновенно чистят рыбу, и под ним развели огонь из всякой ветоши, собачьего кала и вонючего мусора. Чорт, забравшийся в женщину, не мог, конечно, выдержать ужасающего зловония и благоразумно убрался из сердца спасшейся таким образом больной. Но не все бесы так чутки к зловонию; иные нуждаются в более сильных средствах. Таких бесов приходится запугивать необыкновенным шумом, исступленными криками, страшным видом изгоняющего и т. п. терроризирующими средствами. Отсюда необходимость для бесоизгонителя бить в бубен, греметь побрякушками, вопить не своим голосом, приводить себя в исступленное состояние, для чего он глотает дым, пьет морскую воду, одуряет себя дымом багульника (Ledum palustre) и жует отвратительный горький корень этого растения, ест горячий уголь и т. д. Но и такие сильные средства не всегда оказываются действительными. Иногда злой дух не поддается никакому человеческому устрашению: мало того, иногда он уносит душу больного в царство теней. Тут уже необходима помощь высших существ.

Эту помощь могут оказать только особые ***избранники***, специалисты-изгонители, т.-е. ***шаманы***.

Шаманы у гиляков не представляют касты, как у более культурных варваров. Шаманы у гиляков — это избранники, получившие в видении ночи или в трансе от бога-покровителя откровение о своем высоком призвании. С этого момента у шамана являются боги-***помощники***, исполнители его велений. Эти боги-помощники двоякого рода: ***кехн*** и ***кенчх***. Первые исполняют главные его поручения. Это они хитростью или силой вытаскивают беса из организма больного. Они же носят душу шамана в поисках за украденной душой больного, забираясь с ней даже в царство теней. Что касается помощников, то это веселые духи, играющие с шаманом и помогающие ему только в фокусах. ***Кехн*** существа самых разнообразных пород: есть ***кехн***-волки, сивучи, филины, олени, зайцы, небесные существа и т. д. У каждого ***кехн*** свой хозяин, который сам лично очень редко является на помощь, посылая своих подчиненных. ***Кехн*** способны принимать любую форму и, следовательно, могут проникать повсюду, где только нужно, для спасения больного.

У шаманов три главных способа лечения. Один состоит в том, что, выслушав пациента, шаман засыпает и потом, комбинируя явившиеся ему сновидения, дает тот или иной совет. Увидев, например, во сне пегую собаку, он решает, что для исцеления необходимо принести в жертву собаку и т. д. Другой способ — это тот обычный способ камлания, который обыкновенно описывается этнографами, именно изгнание беса посредством исступленных криков, ударов в бубен и т. д., словом — террором. Но, так как одним звуковым устрашением ничего не поделаешь часто, то призываются во время камлания на помощь вышеупомянутые духи ***кехн***. Собственно говоря, в настоящее время ***призвание духов*** и составляет существеннейшую часть камлания. Всю силу своего автогипноза, которую шаман создает в себе исступленными криками, наркотиками, оглушающими звуками бубна, бешеной пляской, он употребляет на то, чтобы вызвать в себе то высшее чутье, благодаря которому он видит и слышит своих духов-покровителей. Мы вполне ему можем поверить, что он действительно их видит и слышит. И своей верой он гипнотизирует и окружающих. Надеюсь, что никто не заподозрит меня в пристрастии к шаманам, и я могу спокойно засвидетельствовать, что в моем присутствии экстаз шамана и таинственная обстановка, при которой метался и вопил исступленный избранник, приводил гиляков в такое состояние, что они галлюцинировали и видели все то, что видел в трансе сам шаман. Шаман ловко, смотря по обстоятельствам, прибегает то к одному, то к другому из своих *кехн*. Так, если бес упорно засел внутри организма и не хочет уходить, шаман призывает *ар-рымнд-кехн*, который обращается в огненный шар и забирается в брюхо шамана, а оттуда во все самые отдаленные части его тела, так что шаман во время сеанса выпускает огонь изо рта, из носа, из любой части тела. Пропитавшись таким образом огнем, он прикасается губами к больному месту и впускает внутрь огонь, который окончательно прогоняет беса. Смысл этого приема лежит в том же примитивном принципе террора — в данном случае устрашении огнем, о котором я говорил вначале. Вообще *кехн* довольно-таки хитрый народ. Так, когда *кехн'у* приходится забираться к хозяину моря за маленькой душой утопленника, которая лежит на постельке в юрте самого хозяина, он приводит с собою белого оленя. Конечно, морские люди, никогда не видавшие такого диковинного зверя, выбегают из юрты, чтобы посмотреть на него. Этим-то моментом и пользуются *кехн*, чтобы похитить душонку утопленника.

Насколько реально гиляк относится к *кехн*, видно из следующего. Перед порогом юрты, с внутренней стороны, расстилают на полу большой кусок новой бязи (пор), на котором *кехн* будет отдыхать во время сеанса. В углу на полке ставят чашку с сараной, сахаром, ценным блюдом «мось», картошкой и т. п. лакомствами, которыми дух-исцелитель будет угощаться в антрактах камлания. Над ложем больного привешивается сложенный кругом ремень, а на полу подле больного ставится котел с гвоздем. Ремнем *кехн* свяжет душу больного, забравшуюся в млыво (селение мертвых), и, положив ее за пазуху, принесет в юрту, при чем бросит ее в котел и уколет гвоздем. На пол или на нару ее класть нельзя, потому что через пол она может удрать обратно.

Третий способ лечения — это на расстоянии. Когда человек внезапно заболевает в таком месте, где нет шамана, или в дороге, он ночью, когда шаманы спят, выходит на двор, бросает жертву богам и кричит изо всей силы: «Чамнай, ниховлатынгра ньронюя», т.-е.: «Шаман! я болен, помоги мне!» Шаман будто бы немедленно тогда приступает к камланию и посылает своего *кехн*, и больной не только слышит звуки бубна, но во мраке ночи видит даже образ посланного духа. По возвращении в свою деревню исцеленный больной с умилением и благодарностью рассказывает шаману подробности чудесной ночи.

Хотя шаманы не играют среди гиляков такой большой роли, как среди туземцев берегов Амура, вера в сверхъестественную силу их и здесь безгранична. Сплошь и рядом мне показывали места, с которых шаманы силой духа поднимались, как птицы, под небеса и летали по своим делам в области небожителей. Не менее часто мне называли случаи, когда шаман воскрешал мертвых, убивал на расстоянии, создавал форелей и т. п. Я сам стал однажды объектом легенды всемогущества шамана. В с. Ныйво, что на устье Тыми, я позволил себе однажды предложить медицинскую помощь пациентке знаменитого шамана. Узнав про мое вмешательство, шаман не только запретил принимать мои лекарства, но решил строго наказать меня за мою дерзость. Немедленно после моего отъезда он в полной одежде вошел в воды залива и стал заклинать бога воды обрушиться на меня всевозможными карами. Через день пришлось мне заночевать в покинутом орокском шалаше, на низком берегу залива Набиль. Ночью поднялся сильный ветер, сопровождаемый страшнейшим ливнем; вода выступила из берегов и стала затапливать низкую окрестность. Мы проснулись на рассвете, буквально плавая на наших подстилках. Пришлось строить помост и ежиться на нем в течение многих часов до спада воды. Для гиляков всего побережья было вне всякого сомнения, что я понес наказание, ниспосланное шаманом, который, впрочем, мог оказаться еще строже, но на сей раз пощадил русского «тяньги» (господина). Замечательно, что смерть моей пациентки, хотя она и отказалась принять оставленное мною лекарство, была вменена в вину не шаману, а ее святотатственному обращению за помощью ко мне.

Впрочем, гиляки охотно и с полной верой лечатся у русских, но не потому, конечно, что верят в силу науки, а по совершенно своеобразным причинам. «Русский бог, — рассуждают они, — сильнее гиляцкого, значит и русский шаман сильнее гиляцкого».

А если вы спросите, почему русский бог сильнее гиляцкого, вы можете услышать такой ответ: «Смотри, гиляк столько веков живет здесь, а все тропинками ходит, а русский пришел, сейчас широкие дороги сделал, такие дороги, что гиляк никогда не видал». Любопытно, что ни пароходы, ни машины, ничто так не поражает гиляка и не убеждает его в превосходстве русского бога пред гиляцким, как именно эти дороги.

Теперь еще несколько слов о природе и психике этих странных людей, именуемых шаманами.

По воззрениям гиляков, шаманы — избранные существа. Сделаться шаманом нельзя. Талант шамана не дар, а бремя. Чтобы стать шаманом, необходимо либо понравиться какому-нибудь кехн, либо получить такого кехн от отца или дяди. Обращение в шамана составляет перелом в жизни избранника, перелом, сопровождающийся очень сложными психическими явлениями.

Перед тем, как стать шаманом, рассказывал мне один знакомый шаман, он болел более двух месяцев, в течение которых он лежал неподвижно, пластом, в полном беспамятстве. Не успевал он очнуться от одного припадка, как впадал в другой. «Я умер бы, — сказал он мне, — если бы не сделался шаманом!» За эти месяцы испытаний он высох, как палка. По ночам ему стало сниться, что он поет шаманские песни. Однажды явился к нему белый филин и стал возле него совсем близко, а немного подальше стоял человек и говорил ему: «Сделай себе бубен и все, что полагается шаману, и пой песни. Если ты простой человек, у тебя ничего не выйдет, если же ты шаман, то будешь настоящим шаманом». Спал он долго, сколько — не знает, но когда он проснулся, он увидел, что его держат над огнем за ноги и за голову: окружающие думали, что *кехн* убили его. Тогда он велел подать себе бубен и стал песни петь. Он чувствовал себя не то пьяным, не то мертвым. Тогда-то он впервые увидел своих *кехн* и *кенчх*, и первые сказали ему: «Если больного увидишь, лечи его, кенчх'у не верь: у него лицо человечье, а тело птичье; верь только нам».

Однажды я сам был свидетелем первого появления подобного припадка. Гиляцкий мальчик, по имени Койныт, лет 12, сын шамана, гостивший у меня, заснул после обеда и, нечаянно разбуженный моим товарищем, начал неистово метаться и кричать, повторяя все неистовства и исступленные крики шаманов. Когда припадок кончился, лицо бедного мальчика было страшно истомлено и казалось лицом пожилого человека. Во сне к нему явилось двое *кехн*, один мужчина, другой женщина; это были *кехн* его покойного отца. Они сказали ему: «Мы играли с твоим отцом, теперь давай с тобой». Другой гиляцкий мальчик Индын, присутствовавший тут же, с глубоким изумлением наблюдал проявление припадка. «Ну, теперь Койныт человеком не будет, — сказал он, — *кехн* хочет его заставить свой закон держать»

В этом замечании с полной ясностью вылился взгляд гиляка на шамана, как на особое существо, как на избранника богов. Но, как видно, и у гиляков нелегко достается избранничество.

Итак, шаман — избранник, лицо, *верящее* в свою силу и избрание. Это сознание как нельзя более подходит ко всему его физическому складу, потому что настоящие шаманы почти всегда люди, страдающие разными видами истерии благоприобретенной или, что чаще всего, наследственной. А истерия, как известно, это та благодатная почва, которая создает дар ясновидения, галлюцинации, бред, навязчивые идеи. Это индивиды, наиболее легко поддающиеся гипнозу и автогипнозу. С детства будущий шаман загипнотизирован идеей покровительства *кехн*, а во время сеансов камлания он употребляет все средства, необходимые для самовнушения. *Изучение психики шаманства* сводится, по нашему мнению, к учению об автогипнозе на почве истерии и, разумеется, на общем фоне анимистического мировоззрения. Кроме дара избранничества, шаман имеет еще одно завидное преимущество пред простым смертным. Обыкновенный смертный имеет только одну душу, богатый человек имеет две, а шаман может иметь их вдвое больше. Так, ады-тымовский шаман Чамх, отец того мальчика-шамана Койныта, о котором я говорил выше, имел целых 4 души; одну дала ему гора, другую море, третью небо, четвертую подземное царство. И малолетний сын его, Койныт, во время моего пребывания на острове, имел уже 2 души, хотя он был беден, как Иов.

Различие в числе душ по рангам касается только так называемых больших душ, т.-е. душ, равняющихся по размерам телу человека и размещающихся при жизни последнего по всему организму. Но, кроме этих больших душ, у каждого человека есть еще маленькие души, помещающиеся в голове большой души, после смерти которой маленькая душа превращается в большую и становится дубликатом покойной. В высшей степени замечательно, что маленькие души рисуются гиляку в виде яйца, представление, столь характерное для психологии первобытного человека, которого таинственные процессы эмбриологии так же фатально приводят к идее бессмертия души, как некогда к тому же был приведен христианский мыслитель путем размышления над фактом произрастания растения из зерна, брошенного в землю.

При жизни человека эта маленькая яйцевидная душа играет огромную роль. Это она является гиляку во сне, и все, что гиляк видит или делает во время сновидений и что принимается им как живая действительность, все это проделывается этой маленькой душой.

Но шаманы, сколько бы душ у них ни было, не всемогущи... Наступает момент, когда самые могущественные шаманы вместе со всеми своими *кехн* оказываются бессильными помочь человеку в борьбе с засевшими в него злыми духами. Это случается чаще всего тогда, когда мучителями человека являются злые гении горы или моря. Разрушивши тело, эти господа часто уносят с собою и душу умершего. Но, освободившись от телесного бремени, душа умеет постоять за себя: она умудряется сбежать от своего гонителя и укрыться поблизости, у дружественных горных или морских людей. Спустя некоторое время душа-двойник, приняв человеческий образ, перебирается в новую, таинственную для нас, но хорошо известную гиляку страну — млыво (буквально «селение мертвых»). Впрочем, обыкновенно злые духи, убив тело, оставляют душу в покое, и она беспрепятственно может отправиться в новый мир. Попасть в млыво очень нетрудно. Где-то на земле есть отверстие (смертным это место точно неизвестно); стоит только спуститься по этому отверстию, как душа у цели. Там все, как у нас: такая же земля, такое же небо, море, реки, леса, только солнце светит там, когда у нас ночь, а луна, когда у нас день. Ожившие покойники продолжают там жить в таких же селениях, как на земле, ловят рыбу, бьют зверей, устраивают родовые праздники, женятся и плодятся. Только имущественное положение изменяется: бедный человек делается богатым, а богатый бедным. И у гиляков, как видите, бедные находят свое утешение не в этом лучшем из миров. Но и в новом мире человека ожидают болезни и смерть. Оттуда душе придется перекочевать еще в третий мир и так до тех пор, пока, наконец, душа не измельчает и не обратится все в меньшие и меньшие существа, в птичку, комара и, наконец, в прах. Иногда души снова рождаются на нашей планете, совершая опять бесконечный ряд превращений. По большей части это удел женщин.

Но прежде чем попасть в млыво, душа ждет, чтоб ее снабдили на этом свете всем необходимым, чтобы с комфортом и побогаче явиться в новую страну. И вот покойника обряжают в лучшие одежды, в шелковые халаты. Все, что одевают на покойника, должно быть новое, все вышито, изящно, прочно. На мужчин одевают 1, 3, 6 пар и вообще число пар, кратное трем, на женщин 2, 4, 8 и т. д. пар.

Из амбара достают самые дорогие копья, ружья, луки, сети — и души всех этих предметов отправятся в путь вместе с покойником.

Пока идут эти приготовления к далекому странствованию, покойника беспрерывно угощают самыми изысканными блюдами. С утра до глубокой ночи кипят котлы; народ толпится в юрте. Едят, пьют, как во время медвежьего праздника, и из каждого блюда уделяют покойнику. Когда курят, подносят рот к губам покойника и делятся с ним этим любимейшим удовольствием гиляка. Обычай требует, чтобы, пока покойник в доме, окружающие его веселились, шутили, смеялись. Молчание в доме покойника — грех. Когда все приготовления окончены, покойника привязывают к нарте ремнями и поверх него кладется его любимая собака. В этой собаке некоторое время будет жить маленькая душа покойника. Собаку привяжут потом к тому месту, где спал покойник, будут кормить лучшими блюдами, а спустя несколько месяцев, когда маленькая душа водворится вновь на свое место, собаку продают на сторону.

Наконец, покойника привозят к месту, где останутся навеки его останки. Здесь его ожидает последнее ложе на земле — высокая, симметрично сложенная груда дров, на которую его бережно укладывают, лицом на запад. В последний раз жена, муж, мать, если покойник малолетний, жена старшего брата, если покойник холост, взберутся к нему и поплачут и затем, раздобыв священный огонь посредством трения, поджигают помост со всех сторон. Когда огонь добирается до тела покойника, все спешат отдать ему последнюю дань, подбрасывая дров к костру. Даже маленькие дети принимают в этом участие. Четыре человека стоят по краям и длинными шестами поправляют дрова и тычут ими в тело, чтобы оно скорее и лучше горело. Тем временем ломают нарты, котлы, копья, бьют собак, чем освобождают души этих предметов для следования за покойником... Пепел покрывают берестой, и от покойника в буквальном смысле слова остается один прах.

Над местом сожжения покойника ставят вывороченное с корнем дерево.

После этого народ усаживается вокруг котлов с мясом убитых собак, часть которого съедается, а часть разбрасывается во все стороны. На обратном пути только на короткое время забегают в юрту покойника отведать поставленные там яства и затем расходятся.

Через несколько дней недалеко от места сожжения ставится на земле небольшой игрушечный домик с дверцей и окошечком. Внутри его помещается кукла-человек, одетая в шелк; над ней изображение кукушки, богини любви гиляцкой мифологии, а вокруг устанавливаются принадлежности еды и курения, чашки, тарелки, березовые чумашки со всевозможными яствами, трубки, табак и пр.

Время от времени приходят родные, возобновляют приношения, но через несколько месяцев приношения прекращаются, потому что душа покойного успела устроиться на новом месте и уже ни в чем не нуждается. Еще раз вспомнят о покойнике на медвежьем празднике...

Таковы в кратких чертах религиозные воззрения и обычаи гиляков.

VI.

РОД.

В главе о верованиях мы коснулись влияния идей рода на рели- одну сторону рода — строение его в зависимости от норм брака. В главе о верованиях мы коснулись влияния идей рода на религиозные представления.

Теперь рассмотрим его во всей совокупности признаков, тектонических и динамических, морфологических и социально-духовных, как одно цельное учреждение, регулирующее все стороны жизни гиляка.

При этом в нашем анализе мы считаем особенно поучительным держаться той же системы, которой держатся сами гиляки при формулировке своих представлений о роде.

Прежде всего интересен самый термин, которым гиляки выражают понятие «род». Он гласит: кхаль, что буквально значит: ножны, футляр, — удачный символ единой утробы, единства происхождения. Что касается признаков родового союза, то гиляки формулируют их с удивительной лаконичностью, ярко рисующей вполне сознательное отношение их к основному учреждению своего социального быта.[1]

Если вы спросите любого гиляка, почему он считает таких-то (NN) своими сородичами, вы неизменно получите один ответ: «Как же, у нас ахмальк (тесть) — один (т.-е. общий), ымги (зять) — один, огонь — один, горный человек, морской человек, небесный человек, земной человек и т. д. — один, медведь — один, чорт — один, тхусинд (вира) — один, грех — один».

Анализ этой формулы и приведет нас к выяснению содержания родового союза.

1. Ахмальк — один, ымги — один: тесть общий, зять общий. Тесть одного сородича — тесть всему роду. Зять одного сородича — зять всему роду. Каждый род принципиально берет женщин из одного определенного рода и в свою очередь отдает своих женщин в другой, тоже точно определенный род. Общий тесть означает *общее* право каждого поколения сородичей на соответствующее поколение женщин рода — ахмальк, а общий зять — обязанность отдавать своих женщин роду — ымги. Только мужчины постоянный элемент рода, женщины — элемент, либо уходящий из рода, либо приходящий извне. Отсюда вся «физиологическая» конструкция рода — экзогамность, агнатность, общие права и обязанности относительно женщин, взаимные супружеские права братьев и т. д.

Таким образом гиляцкий род — союз родственников по мужской линии, агнатов, берущих жен из другого определенного рода, отдающих своих женщин в третий и связанных между собою целым рядом взаимных прав и обязанностей в области брачно-половых норм.

Но это только формальный остов этого родственного союза: в плоти и крови всех вытекающих из него последствий он гораздо глубже, интимнее и крепче, чем это может показаться с первого взгляда. Прежде всего надо иметь в виду, что, несмотря на принцип агнатства, сородичи связаны родственными узами не только по отцу, но и по матери. Это следует непосредственно из самого тезиса общности тестя. Ибо раз каждое поколение сородичей («братьев») женится на соответствующем поколении женщин («сестер») одного рода — ахмальк, то и матери этих сородичей, в свою очередь, между собою сестры. Далее, жены сородичей, несмотря на то, что они, сообразно агнатному принципу рода, являются как бы совершенно чуждым элементом, в действительности состоят в близком когнатном родстве со своими мужьями: муж и жена, как мы знаем, обыкновенно — соответственно дети сестры и брата, — родных или более отдаленных степеней — и, следовательно, во всяком случае когнатные братья и сестры. Таким образом мужской и женский элемент не только не чуждые друг другу, связанные лишь браком элементы, а, наоборот, интимно-связанные помимо брака кровным родством. Мало того, в силу того же положения об единстве «тестя», все вошедшие в род женщины — между собою агнатные родственницы, либо сестры, либо тетки и племянницы, так что оба элемента — мужской и женский, — каждый в отдельности и оба вместе, сцементированы крепкими интимными узами родства, которые, конечно, глубоко отражаются и на всех социальных отношениях членов рода между собою.

---

[1] Крайне интересно, что близкий термин xala существует и у соседних тунгусских племен — ороков, орочей, гольдов, негда, с которыми гиляки имеют некоторые общие родственные названия, как, напр., аки (ст. брат) = ага (у тунгусских племен), несмотря на полную разнородность языков этих народов в лексическом и грамматическом отношениях.

На эти отношения не повлияли и те упомянутые нами в свое время обстоятельства, благодаря которым отдельным членам рода в конце концов в силу необходимости приходится иногда брать жен и за пределами единого первоначального рода-ахмальк: общий дух и общие нормы остались те же.

Но цемент, скрепляющий союз родственников в нерушимую организацию рода, кроется не в одном только формальном сознании общности происхождения и родства и не на одних только формальных нормах брака, ибо сами по себе они не настолько сильны, чтобы удержать из поколения в поколение людей в замкнутом наследственном союзе. Причины гораздо глубже. Прежде всего — это религиозная санкция, играющая столь важную роль в глазах первобытного человека, санкция первоначально не самого родового союза, а тех брачных норм, которые создали род. Принцип, что каждый должен брать жен из рода матери, что жена должна быть кровной родственницей мужа — принцип религиозный, принцип, интимно связанный с культом предков, в частности с культом матери. Захват замужней женщины — такое же религиозное преступление против рода похищенной, как убийство сородича: борьба за ее возвращение или, по крайней мере, требование виры обязательно, как и в делах мести, до третьего поколения!

Раз указанный принцип был сознан и стал непреложным императивом жизни, то естественным последствием его явилась экзогамия, а экзогамия — основа рода.

Но экзогамия у гиляков, как это мы видели, не просто только обязанность брать жен вне своего рода. Она дает человеку целый ряд прав, играющих в его жизни огромную роль.

Известно, что добывание жены одно из самых трудных дел в жизни первобытного человека. Женщин обыкновенно меньше, чем мужчин. За женщину надо платить, а тут еще богачи захватывают себе помногу жен. Бедному человеку — а таких большинство — добыть жену при таких условиях дело крайне нелегкое, ему приходится для этого нередко прибегать к приемам, при которых он рискует даже жизнью.

Нормы гиляцкого рода дают каждому гиляку право на женщин рода-ахмальк, в частности на дочерей братьев своей матери: это его религиозная обязанность и право вместе с тем. Калым в таких случаях если не формальность, то бремя, на разделение которого каждый всегда вправе рассчитывать со стороны своих сородичей, заинтересованных, как и он сам, на браке его из определенного рода, рода матери. В худшем случае, пока человеку не удалось обзавестись собственной семьей, семьи его старших братьев, сообща с которыми он делит право на женщин рода-ахмальк, — его семья, их жены — его жены, на которых он имеет законные супружеские права. Умирает женатый гиляк, его жена без всякого калыма переходит к одному из младших его братьев по выбору рода.

Это все преимущества, которые играют первостепенную роль в глазах первобытного человека. Венцом этих преимуществ является социальная привилегия каждого сородича не опасаться за участь своей жены и детей после его смерти. Его жена и дети и при жизни юридически, а часто и фактически — жена и дети его младших братьев; такими они останутся и после его смерти: один из братьев, по решению рода, заменит его в правах и обязанностях мужа и отца, и даже за отсутствием у покойника младших братьев кормильцем его семьи явится один из «старших». Это непреложный закон рода.

Таковы выгоды, которые дает родовой союз в силу одного только принципа родства и непосредственно вытекающих из него брачных норм. Совершенно естественно, что благодеяниями этими могут пользоваться только лица, имеющие на то право в силу родства. Факт рождения от сородича — единственный justus titulus для причисления к роду. Ытк-хаврнд — человек без отца, т.-е. внебрачно рожденный, не знающий, кто его отец, — человек *безродный*, парий, бремя для себя и для других. Не знающий отца, следовательно, не знающий, к какому роду он принадлежит, не знает, поэтому, какие женщины могут быть его женами и какие запретны, и неведомо для себя и других может нарушить священные половые нормы, навлекая на всех неисчислимые бедствия. К счастью, фактически людей, не знающих своего отца, не существует. Если девушка забеременеет вне брака, ее побуждают назвать отца будущего ребенка. Узнав, кто он, заставляют его жениться на соблазненной, чему он только рад, потому что в таком случае меньше затруднений при уплате калыма. В случае запирательства со стороны девушки, новорожденного убивают, и род спасен от греха и несчастия.

Но гиляцкому роду не удалось сохранить в полной чистоте и неприкосновенности принципа родства. И ему, как и родовым союзам всех других народов, пришлось делать отступление и примириться с институтом адопции, с принятием время от времени в свои недра лиц чужеродных.

Произошло это различными путями. Могло случиться, что эпидемия обезлюдила род и поставила горсточку людей лицом к лицу со всеми случайностями, которым подвержены слабые численностью союзы. Мог род обезлюдиться после жестокой войны, оставившей немного мужчин и массу вдов, пощаженных, в силу международного права гиляков, победоносным врагом. И если при этих обстоятельствах находились остатки какого-нибудь другого рода, оказавшегося в таком же беспомощном положении и не состоявшего с первым в отношениях ахмальк и ымги, то слияние совершалось к обоюдному удовольствию: адоптированные обыкновенно женились на вдовах сородичей и тем самым присоединялись к родовому огню и родовому союзу. Но это случаи более или менее экстраординарные. Самый обыкновенный случай адоптирования — тот, когда приемышем рода является иноплеменник, почему-либо бежавший из своего рода и поселившийся среди чуждого рода. Долгое сожительство, привычка, симпатия, помощь при родовых праздниках, наконец, женитьба на местной вдове приводят к окончательному адоптированию. Крайне любопытный случай адопции представляется тогда, когда два лица из разных родов женаты на двух сестрах, что по правилу может случаться только с членами одного рода. Влияние родового принципа «общего тестя» так сильно, что дети таких лиц считаются братьями и сестрами, своих теток зовут матерями и не могут вступать друг с другом в брак. Получается фикция родовых отношений. При благоприятных условиях, когда, например, такие лица сожительствуют в одной деревне и одно из этих лиц совершенно оторвано от своего рода, то кончается тем, что они взаимно помогают друг другу при родовых празднествах, или даже строят их сообща, складывают кости медведя в одном месте, и, наконец, во 2-ом или 3-ем поколении соединение родов совершается.

Адопция играла огромную роль в жизни гиляков. Я не знаю ни одного рода, предания которого не сохранили бы известий о чужеплеменниках, как основателях рода. Как это случилось, что отдельные адоптированные лица, вместо вкрапленного элемента, очутились на первом плане основателей рода, я уже об этом говорил в первой главе, указывая на то, что пришельцы, как более энергичный элемент, приносили с собою большую стойкость в борьбе за существование и à la longue переживали менее стойких, ослабленных уже и постепенно вымиравших аборигенов. Таков, быть может, закон известного запаса расовой энергии, которая при неблагоприятных условиях в конце концов истощается. Эта судьба, конечно, не минет и потомков пришельцев, которые будут заменены в свою очередь новыми, если до того племя в целом сумеет сохранить свое существование.

Теперь я прибавлю только к тому, что говорил раньше, следующее. Может показаться странным, почему род, сложившийся из аборигенов и потомков пришельцев, все-таки основателями своими считает категорически первых, а не последних. Но дело объясняется вот чем. При слиянии рода с пришельцем, старое чувство родства продолжает свое действие. Потомки обеих сторон, выполняя свои родовые обязанности, тем не менее не инкорпорируются, а продолжают держаться отдельными группами, ведя каждая по традиции свой счет родства. Это мне пришлось неоднократно наблюдать в тех родах, в которых сохранилось потомство аборигенов и пришельцев. В сел. Тангиво, напр., населенном представителями одного рода, одна половина (наиболее цветущая) ведет свое происхождение от пришельца-айну, другая считает себя аборигенами. Когда вторые с течением времени вымрут — что уже и теперь заметно — естественно, что первые, которые останутся единственными представителями рода, с полным правом будут называть своими основателями айнов. И так везде.

Обыкновенно, впрочем, состав рода единообразен, случаи адопции довольно редки, а прошлые явления эндосмоса и экзосмоса давным давно стушевались за туманами предания и на крепость сознательного родственного союза никакого влияния не обнаруживают.

2. **Огонь один.** Общность родового огня — символ родового единства. Как и у всех первобытных народов, и у гиляков огонь — родовое божество. В каждом очаге сидит, по одним представлениям, **старуха огня**, родоначальница данного рода, по другим — **старик со старухой** и их потомство. Роль этих «хозяев огня» не в одном только благотворном действии благодетельной горячей стихии. Как божественные родоначальники рода, они в почете не только у живущих сородичей, но и у тех, которые, отошедши в другой мир, стали родовыми богами других стихий, леса, моря и т. д. и через них могут оказывать могучее влияние и во всех сферах человеческого существования.

Хозяин, или хозяйка огня, таким образом, не только божество, греющее человека и охраняющее его домашний очаг от всяких злых козней духов, но и являющееся посредником[1] между сородичами и всеми многочисленными божествами, имеющими влияние на судьбу человека.

Во всех важных случаях жизни — в случае болезни, на охоте, перед отправлением в опасный путь и т. д. — сородич бросает в огонь свои скромные жертвы — листик табаку, сладкий корень, каплю араку — и просит старуху огня исполнить его просьбу. А она уже знает все ходы, чтобы просьба к тому или другому родовому божеству — если эти вне сферы ее непосредственного воздействия — дошла по назначению.

Чтобы понять реальные основы «родового» отношения в хозяину огня и его функциям, нужно иметь в виду следующее: 1) покойники предаются сожжению, т.-е. **общему хозяину** огня, который своих любимцев может принимать в свой род, так-что эти последние становятся в свою очередь «хозяевами» родового огня; 2) такими же хозяевами в частности становятся и все погибшие от молнии[2] и пожара; 3) представление о «старухе» (хозяйке) родового огня вместо «хозяина» — далекий отголосок материнского рода; 4) «универсальность» огня, способность его к быстрому распространению, многоязычие его (языки пламени), которое все первобытные люди (сравни Ригведды) понимают в самом реальном смысле — дают «огню» специальные преимущества над прочими «хозяевами» — именно способность к быстрой и красноречивой передаче поручений и просьб; наконец, 5) огонь — согревающее и очищающее, т.-е. отгоняющее злых духов существо.

---

[1] В Ведах огонь (Агни) тоже играет роль посредника между людьми и богами; он заступается за людей, он герольд, жрец.

[2] Любопытно, что подобное воззрение существует и у бурят: погибший от молнии становится могущественным и благодетельным духом, которому приносят жертвы и возносят молитвы.

Внешним образом родовое единство огня выражается в следующем. Только сородич имеет право разводить огонь на очаге сородича. Только сородич имеет право выносить огонь из юрты. Чужеродный, закурив у родового очага, не может выходить из юрты, не докурив своей трубки. Всякое нарушение этих правил неприкосновенности родового огня со стороны чужеродца неминуемо влечет за собою опасные последствия для сородичей и обязанность уплаты виры со стороны чужеродца.

Каждый род имеет свое родовое огниво, хранящееся у старейшего члена, и только этим огнивом можно добывать огонь, на котором варится мясо медведя на играющем столь важную роль в религиозной и родовой жизни медвежьем празднике. Когда роду приходится разделиться, т.-е. когда часть его вынуждена переселиться в очень отдаленное место, старейшина ломает родовое огниво и половину вручает старейшему из выселяющихся, и только после этого род формально разделен.

Хозяйка огня, как представительница рода «ахмальк», играет немаловажную роль в междуродовых отношениях, связывая своим культом и покровительством тот род, среди которого она обитает и который она породила, с тем, откуда она вышла и из поколения в поколение приводит в него дочерей своих братьев и их потомков.

3. Горный, морской и т. д. человек один — общность благодетельных родовых хозяев горы, моря, земли и т. д. В главе о верованиях мы уже выяснили природу и значение этого рода божеств. Это не фантастические герои классических родов, не те туманные мифические существа, родовые чествования которых являлись простой традиционной обрядностью, а близкие каждому живущему поколению сородичи, которые либо погибли от того или другого рода неестественной смерти (в воде, от зверя лесного и т. п.), либо взысканные божествами, преждевременно были вырваны из жизни более естественными путями.

напр., умершие будто бы от тоски по возлюбившим их горным, морским и т. п. людям.

Любимцы и избранники «хозяина» той или другой стихии, от щедрот которых зависит все благополучие гиляка, они после смерти сейчас же переходят в род соответствующего «хозяина» на довольно продолжительное время (у горных людей, напр., до 2-й своей смерти, т.-е. на два поколения) и все это время, конечно, специально благодетельствуют своим сородичам, посылая им зверей лесных (горный человек), либо рыбу и морских животных (водяной, морской человек). И когда гиляк говорит о каком-нибудь «горном» или тому подобном человеке, который его кормит, он именно имеет в виду своего сородича, который на памяти его или — самое большое — его отца или деда указанными выше путями очутился среди сонма «хозяев». Век такого избранника не долог (самое большое два поколения), и часто не успевает приобщиться к богам один сородич, как за ним следует другой, третий и т. д.: случаи смерти от дикого зверя или на воде нередки. Таким образом связь между живущим поколением сородичей и их божественными сородичами-благодетелями глубоко-живая, реальная. Многих из них каждый знал лично или по живым воспоминаниям своих современников; о них повседневно ему напоминают специальные памятники,[1] воздвигнутые благодарными сородичами.

Но связь рода с его божественными сородичами не ограничивается пиететом и благодарной памятью, узы эти коренятся в более реальном и крепком двигателе — в самом инстинкте самосохранения. Для гиляка нет более несомненной истины, чем та, по которой все его благополучие, все, что дает ему природа за его отчаянные усилия в борьбе за существование, все это лишь вольный дар богов, ему благодетельствующих; без их благоволения все усилия человека остались бы тщетными. А боги-сородичи, как мы знаем, более всего участвуют в этом животворном благоволении, они истинные кормильцы рода, и нет важнее обязанности для каждого сородича, чем по мере сил содействовать этому благоволению. Вот почему родовые жертвоприношения и празднества, ежегодно правильно устраиваемые горным и морским людям, являются важнейшими актами родовой жизни, в которых каждый во имя самосохранения считает своей священной обязанностью принимать самое горячее участие.

---

[1] Памятником человека, задранного медведем, служил сруб-медвежатник, в котором останки погибшего хранятся по особому ритуалу (см. ниже п. 6). Что касается людей утонувших, то на месте их сожжения ставится лодка со всеми принадлежностями морского и речного промысла, при чем весла помещаются стоймя под углом друг к другу, дабы быть заметными издали.

В главе о религии мы подробно останавливались на этих периодических жертвоприношениях хозяевам моря и гор. Без преувеличения можно сказать, что вся социальная деятельность гиляка главным образом посвящена приготовлениям к родовым жертвоприношениям и заботам о наиболее торжественном устроении их. Богатый и бедный одинаково по мере сил и средств, не за страх, а за совесть, употребляют все усилия, отказывая себе иногда в последнем, чтобы жертвоприношения были как можно обильнее и разнообразнее и празднества как можно торжественнее: в этом общий интерес всех и каждого.

Эта воспитавшаяся веками солидарность в жертвоприношениях сородичам, эволюционируя, становится принципом *родового* отношения к богам вообще. Когда даже по совершенно индивидуальному случаю, например, по болезни, гиляку приходится приносить жертву, он непременно созовет даже издалека отлучившихся сородичей, дабы и им дать возможность воспользоваться благими последствиями жертвоприношения.

Принцип общности родовых божеств, кормильцев рода, лежит и в основании института гостеприимства и самой широкой братской взаимопомощи.

Всякому, знакомому с институтом гостеприимства у первобытных народов хотя бы по описаниям путешественников, должно быть очевидно, что в основе его должно лежать нечто большее, чем социальный этикет или даже обычная симпатия к ближнему. Араб, проявляющий у своего домашнего очага самое горячее гостеприимство даже к врагу, по отношению к которому во всяком другом месте у него единственный императив — убийство, очевидно руководствуется мотивом более властным, мотивом, имеющим за собой религиозное требование. То же должно сказать об основе этого института и у всех других первобытных народов, в том числе и у гиляков. Гиляк считает своей обязанностью проявлять свое гостеприимство не только к проезжему, не только к действительно голодному, но и в таких случаях, где с нашей точки зрения в проявлении этого чувства нет никакой надобности. Сколько бы раз на день ни появлялся сосед у его очага, в какое бы время дня оно ни происходило, немедленно гостю предлагаются все яства, какие имеются у хозяина, уж не говоря о неизбежной пригорошне табаку для трубки. Нет лишнего табаку, хозяин поочередно затягивается с гостем из общей трубки. Особенно наглядно эти отношения проявляются при употреблении редких, дорогих блюд и лакомств. Если вы поднесете хозяину юрты рюмку водки, он никогда не позволит себе выпить ее один, сам он только пригубит, а далее уже она переходит ко всем обитателям дома, хотя бы их было десятки человек, не исключая детей, даже и грудных: иначе, «самый большой грех, умереть можно». *Грех* не угощать, не делиться съедобным. И причина ясна: «кормят» человека, как мы видели, боги и, главным образом, родовые боги, дающие не одному человеку, а целому роду, приносящему ему жертвы и с которым он связан родовыми узами; поэтому есть, не делясь с присутствующим сородичем, и вообще не кормить его — «грех» и непосредственный риск лишиться благоволения богов-кормильцев. «Очаг» при этом играет недаром крупную роль. В огне очага живет «хозяин и хозяйка огня», сородич или даже родоначальник, глаз не спускающий с того, что делается в доме; они же, как мы видели, посредники между родом и его родовыми богами, и нет ничего естественнее, что именно боги очага более всего являются хранителями принципа гостеприимства.

Но не одним взаимным «угощением» ограничиваются узы сородичей, живущих милостями своих богов-сородичей, а действительным, самым широким принципом общности земных благ. Если это не выражается в чисто-коммунистической форме, то только потому, что в этом нет никакой надобности. Жизнь настолько проста, условия добывания пищи так просты, дары природы так широко и свободно лежат перед каждым, что нет надобности в коммунистическом производстве и распределении. Но принцип все же в полной силе. При общей охоте, например, за морскими животными на одной лодке, хозяин этой последней, он же обыкновенно и самый искусный добытчик, получает не больше последнего подростка-гребца и, кроме того, часть добычи раздается и тем семьям, члены которой почему-либо не могли участвовать в охоте. Сушеная рыба, являющаяся главной пищей гиляка, рассматривается почти как общая собственность, и всякий, у кого вышли запасы, берет ее у соседа без всяких возражений. Во всяком случае никто не голодает, пока хоть у кого-нибудь из сородичей есть запасы. Стоит голодающему переселиться в юрту имущего сородича или даже просто захаживать к нему 2-3 раза в день, и с ним безропотно будут делиться до последней юколы, до последней пригоршни табаку.

В отношении к предметам роскоши, как дорогие копья, сабли, ткани, шубы и т. п., больше индивидуализма, внесенного новейшими условиями обмена, но в действительно необходимых случаях, как для покупки жены, при уплате виры, похоронах и т. п., каждый считает своей непременной обязанностью жертвовать своим индивидуальным богатством для общеродовых целей.

Тот же принцип общности имущественных благ сородичей лежит в основании права наследования, основное правило которого — имущество сородича не должно выходить из рода. У гиляков в этом отношении действует буквально известный текис XII таблиц: Si suos heredes non habet, gentiles familiam habento! За отсутствием членов семьи, к которым причисляются и «работники», имущество переходит к сородичам агнатам, хотя бы самым отдаленным, исключающим даже наиболее близких когнатов. Последние, по завещанию, могут получать только так называемый **шагунд**,[1] и то только такой, который неизбежно возвращается в род завещателя, так что в род **ымги**, т.-е. в тот род, который у рода завещателя берет жен и, следовательно, платит ему калым, можно завещать только так наз. **железный шагунд**, который все равно вернется в род в виде калыма, а роду **ахмальк**'ов, роду тестей, можно завещать только **меховой шагунд**, так как он возвращается в род завещателя в виде приданого невесты.

4. **Медведь один**: общая обязанность сородичей участвовать в откармливании медведя и в медвежьих праздниках как по случаю убиения домашнего медведя, так и в случае добычи зверя лесного. «Халь-гу, ут-гу, нарх муве!»: «Сородичи, мужчины, будьте гостями!» — с таким призывом обходят подростки по юртам, призывая сородичей ко вкушению священной трапезы убитого в лесу медведя и яств, сообща изготовленных по этому случаю целым родом.

Важность общих прав и обязанностей по медвежьему празднику, как исключительной привилегии рода, непосредственно вытекает из того, что мы говорили по этому поводу в главе о религии и о родовых богах. Как мы видели, медвежий праздник характеризуется двумя основными чертами: во-первых, чествованием самой личности медведя, как возможного сородича «горного» человека и, следовательно, и возможного собственного сородича или его потомка, перешедшего в род горных хозяев, и во-вторых, передачей через него разных даров горному хозяину и его роду и, следовательно, богу-сородичу, кормильцу. Таким образом медвежий праздник имеет несравненно большее значение для благополучия рода, чем другие родовые жертвоприношения и празднества, потому что жертвы идут к самому высшему хозяину гор, главному распорядителю всех лесных богатств и самому могучему божеству, перед которым ублаготворенный кормлением и почестями убитый медведь будет повседневным заступником. Вот почему этот праздник играет такую огромную роль в жизни рода и обставлен таким сложным ритуалом, и несмотря на то что на него собираются и гости из других родов, он носит по существу такой строго-замкнутый родовой характер. В устроении праздника могут участвовать только сородичи, а из гостей приглашаются только «зятья», относительно которых, как это мы увидим, существует прямая обязанность кормления, т.-е. лица, на которых тоже распространяется благоволение родовых богов-кормильцев. В социальном отношении медвежий праздник не менее важный цемент родовых уз, чем в религиозном. Обязанность участвовать в изготовлении блюд и многочисленных расходах и трудах по устройству праздника и приему гостей создает привычки социальной солидарности, общих координированных действий для общей цели и общих жертв для общего дела. Периодические съезды сородичей, рассеянных иногда в отдаленных местах, постоянно поддерживают традиции и узы родового союза.

---

[1] „Драгоценности" — имущество sui generis, состоящее из непотребляемых предметов, предназначенных только для исключительных случаев, калыма, приданого, выкупа, похорон. Делится на: 1) „шагунд" *железное* — большие чугунные котлы, орнаментированные серебряной инкрустацией копья, дорогие японские сабли, кольчуги и т. п. — идет главным образом на калым; 2) *меховое*, состоящий из дорогих меховых шуб, идущих главным образом на приданое; 3) *шелковое* — китайские шелковые материи и одежды, в которые облачаются в торжественных случаях и обряжают покойников.

Наконец, само содержание праздника — веселые предпраздничные приготовления, совершаемые сообща, торжественные встречи «гостей», общие шумные трапезы, общественные беседы, пляски, песни, гонки, фехтования, религиозные церемонии — все это объединяет, бодрит, утончает и красит жизнь, придавая высшую ценность родовому союзу, как единственному источнику духовных и социальных радостей.

5. Чорт один, т.-е. общий враг в лице умершего сородича, убитого чужеродца и т. п.

Точно так же, как мы видели, сородич при некоторых обстоятельствах после смерти может перейти в род благодетельных божеств и стать кормильцем и покровителем рода, точно так же может случиться обратное: сородич, озлобленный при жизни и разошедшийся с родом, сородич не отомщенный или не получивший почестей похоронного ритуала, не попавший поэтому в «селение мертвых», может перейти в род злых божеств или просто на свой страх и риск всячески мстить роду. То же может быть и со стороны обиженного чужеродца. Борьба с такими врагами рода или умилостивление их такая же насущная потребность для всех сородичей, как и ублаготворение родовых божеств-покровителей. Возникают таким образом общие обязанности в вознаграждении шамана за его труды и опасности в борьбе с подобными врагами или общие расходы и труды по умилостивлению, одариванию, отомщению, уплате виры и т. д.

6. Тхусинд один — общая вира, выкуп, штраф, в обширном смысле круговая порука всего рода против всякого посягательства со стороны чужеродца на право сородича и обратно. Под *тхусинд'ом* подразумевается не только выкуп, получаемый или выплачиваемый родом в делах мести, но и взыскиваемый по всевозможным — от весьма серьезных до совсем маловажных — поводам. Так *тхусинд* взыскивается и за похищенную женщину, и за оскорбление женской чести, и за осквернение святыни, напр., порчу очага, нарушение табу на медвежьем празднике, за кражу и т. д. Во всех таких случаях на роде лежит круговая порука как в защите нарушенного права со стороны чужеродца, так и в ответе за таковое нарушение права последнего со стороны сородича. Но выкуп только позднейший корректив более важного принципа — родовой защиты *силой* нарушенного права сородича. В центре всего этого института лежит принцип кровавой мести, ответа жизнью за жизнь или за попранную честь (напр., при захвате соблазнителя in flagrante delicto).

Как у всех почти первобытных народов, убийство внутри рода у гиляков остается безнаказанным.[1] Род не может проливать крови своего сородича, которая есть кровь родоначальника. Это не только принцип религии, но и требование самосохранения, категорический императив существования самого рода. Сила последнего — в его численности и внутреннем мире, между тем каждый случай мести внутри рода неминуемо стал бы поводом к новой мести со стороны ближайших родственников наказанного и привел бы таким образом к нескончаемой внутренней войне, которая в конце концов завершилась бы физическим и моральным разрушением рода.

---

[1] У родов, смешавшихся с айнами, у которых сохранился материнтет, в случае убийства внутри рода, брат матери убитого и ближайший агнат последнего (отец, брат) получают выкуп, который ими делится пополам.

Впрочем, убийство и вообще всякое серьезное нарушение прав и законов со стороны сородича не совсем остается безнаказанным: фактически оно влечет за собою смерть политическую, так как преступник вынужден бывает расстаться со своим родом и удалиться в отдаленное селение, лишаясь не только всех благ родового союза при жизни, но и еще более важных после смерти, так как только сородичам разрешается совершить акт сожжения покойника. Но убийства, впрочем, внутри рода крайне редки; многочисленные запреты речи между сородичами устраняют поводы к раздражениям и ссорам, а широкие коммунальные супружеские права смягчают припадки ревности и делают излишним похищение женщин, которое служит самым частым поводом кровавых ссор и мести. Таким образом, и сама практика жизни не могла благоприятствовать институту мести внутри рода.

Другое дело между чужеродными. Тут принцип неумолим; кости сородича должны быть подняты! Поднять кость — технический термин родовой мести. Кровь должна быть искуплена кровью, и только в крайнем случае кровавое искупление может быть заменено выкупом. Обязанность эта ярко окрашена более религиозным, чем эмоциональным элементом. Месть обязательна не только для современников убитого, но, в случае невыполнения ее со стороны последних, и для двух последующих поколений. Она обязательна не только в случае убийства намеренного, но и совершенно случайного, даже такого, которое только косвенно связано с тем или другим лицом.[1] И что еще более поучительно, она обязательна даже по отношению к животным. Месть медведю, задравшему человека, не менее яростна, чем по отношению к убийце-человеку.

Ритуал подобной мести крайне характерен для понимания психологии этого родового института, и с него мы начнем наш анализ. Лишь только донеслась весть о гибели человека в борьбе с медведем, все взрослое население устремляется в тайгу, чтобы по свежим следам настигнуть «убийцу». Если не удалось накрыть настоящего виновника, необходимо убить, по крайней мере, трех других медведей (его «сородичей»). Если это не удалось в течение зимы, необходимо сделать это летом, а сверх того «горный человек» дает еще «тхусинд» в виде обильной добычи всякого зверя.

---

[1] Один мой знакомый гиляк навлек на свой род месть тем, что его ружье нечаянно выстрелило, когда он его поднял со дна лодки, и случайно убило рулевого.

Но если посчастливилось настигнуть медведя-«убийцу» или его «сородича», на него изливают самую крайнюю ярость. Ему выбивают первым долгом топором зубы, а во время освежевания колют его со всех сторон ножами и осыпают самыми отборными ругательствами. Сняв с медведя шкуру, окутывают ею убитого (если тело его осталось не съеденным; в противном случае, оно заменяется деревянным поясным изображением его) и, усадив его на корточки на нартах, подкладывают ему под сиденье медвежью голову и в таком виде с громкими завываниями, перемешанными с восклицаниями в честь убитого и в поношение убийцы, везут к селению. Если медведь не найден, под сидение убитому подкладывается поясное изображение медведя, а тело облекается в накидку из стружек.[1] Неподалеку от родного селения сооружается сруб наподобие медвежатника, с отверстиями для последующих жертвоприношений. Снаружи по углам водружают 4 заструженных деревца, а внутри он убирается священными инау. Сюда-то и помещают останки убитого и его убийцы в том самом положении, в каком их доставили из тайги, как нами описано выше.

Подле этого сруба устраивается своеобразная тризна из туши убитого медведя. По обеим сторонам длинного непрерывного костра усаживаются сородичи с большими кусками медвежьего мяса в руках. Каждый режет мясо на тонкие ломтики и по мере отрезания перебрасывает с ножа каждый ломтик через огонь сидящим на противоположной стороне костра. Пойманный на ноже ломтик медленно поджаривается на огне (величайшее поношение для медведя, мясо которого дозволяется только варить), затем от него с видом отвращения откусывают по кусочку и пренебрежительно бросают, между тем как обыкновенно почитается великим грехом ронять даже косточку на землю. После этой процедуры «утонченной» мести начинается пир с жертвоприношениями хозяину гор и убитому. Первым бросают в огонь зажженный труп, потом разные яства. На ночь у сруба ставят стражу из двух человек с копьями на случай, если душа медведя захочет отомстить. Караульные убежденно уверяют в таких случаях, что слышали крики убитого: «Ой, медведь!» и бросались с копьями на невидимого мстителя. Утром на клинках копий будто бы явственно видны следы крови...

---

[1] Стружки рассматриваются гиляками как объект волшебной силы, священными. Культ заструженных деревяшек (инау, см. гл. о религии) играет огромную роль в религии гиляков. В накидке из стружек хоронят обыкновенно избранников. Такой чести удостаиваются, например, женщины, родившие двойню, тройню, рассматриваемые как существа высшего порядка. Этот же наряд заменяет бедным пышные традиционные погребальные одежды из китайского шелка, что заставляет думать, что одежда из стружек в отдаленные времена была в общем употреблении, и древность облекла ее в ореол чего-то священного.

С окончанием тризны мир между горными людьми и родом убитого восстановлен. Последний принят и будет жить до глубокой старости в роде горных людей, а его сородичи в течение трех поколений будут дважды в год (летом и зимою) приносить жертвы: часть хозяину горы, часть божественному сородичу.

Если месть священна по отношению к медведю, существу божественному, от которого зависит благополучие, и который нередко убивает человека не из злости, а из любви к нему, и принимает его в свой род, то тем более она обязательна по отношению к чужеродцу.

Мы уже указали вначале на преобладание в императиве мести мотивов религиозных над эмоциональными. Если месть обязательна до третьего поколения, если она обязательна по отношению к убийце случайному, к другу, когнату, то это уже скорее тяготеющее над родом бремя, чем импульсивный акт, внушенный непосредственной реакцией озлобления.

Гораздо большую роль, по крайней мере, в смысле упрочения, так сказать, этой первоначальной реакции, играет жалость к душе убитого и страх перед нею и родовыми богами, любовно бодрствующими богами, для которых неотомщенная кровь сородича бесспорно величайшее оскорбление.

Душа человека, умершего насильственною смертью, не может переселиться в общее «селение покойников», где она могла бы продолжать такую же жизнь, как и на земле. Пока она не отомщена, пока кровь убийцы не дала ей силы поднять свои кости, она не в состоянии покинуть земли и вынуждена кружиться в воздухе в виде птицы-мстительницы, по ночам испускающей страшные крики. Конец ее ужасен: постепенно истлевая, она, наконец, падает на землю «прахом», погибая навсегда. Птицу эту гиляки называют тахч: это серая птица с красным клювом, «любящая войну». В этом эпитете и кроется, вероятно, источник верования в птицу-мстительницу: война у гиляков исключительно результат мести, и, следовательно, хищные птицы, «любящие войну», очевидно, души убитых сородичей. Над могилой убитого в виде грозного memento ставится пень с вывороченными кверху корнями,[1] которым придается вид птицы. Иногда эта последняя изображается с железными зубами и конечностями в виде *человеческих* ног,[2] как на некоторых изображения свастики. Вот эта-то страшная и несчастная вместе с тем птица, ищущая успокоения и возврата в царство отошедших сородичей, по ночам вопиет о мести и, конечно, способна страшно мстить сородичам, забывшим свои обязанности.

Даже когда дело кончается выкупом, она остается непримиренной: необходима еще искупительная жертва в виде собаки, сердце которой отдается птице; в противном случае она жестоко мстит обеим сторонам.

Так как душа убитого, как и всякая душа человеческая, может существовать только не более трех поколений, то с третьим поколением обязанности мести прекращаются. Но до того жалкая участь души убитого продолжает мучить совесть сородичей и пугать ужасами неотомщенной мести, не давая им покою. Эти-то мотивы являются преобладающими над непосредственным инстинктом отплаты. Вот почему ярость мстителей никогда не доходит до истребления целого рода убийцы, ограничиваясь одним или 2—3 его сородичами; тщательно избегают убийства женщин и абсолютно воздерживаются от посягательства на имущество...

Тем не менее императив мести чрезвычайно интенсивен.

Весть об убийстве в один момент объединяет всех сородичей в единодушное целое, действующее с лихорадочной энергией. Такую же лихорадочность проявляет поневоле и род убийцы. Для него дело идет не об одной только охране убийцы — одному человеку всегда легко укрыться и выждать мирного разрешения конфликта, — а об охране *всего* рода, *каждого* сородича, которого ожидает коварное нападение из каждого угла, во всякое время и во всяком месте со стороны лихорадочно выслеживающих свою жертву мстителей. Для них важен не убийца непременно, а каждый мужской представитель его рода, хотя бы это был грудной младенец. Вот почему матери, чтобы спасти своих детей мужского пола, в момент неминуемой опасности самыми ужасными способами готовы замаскировать пол младенца.

---

[1] Обыкновенно же над могилами умерших естественной смертью корни обращены книзу.

[2] Экземпляр такого памятника, вывезенного из низовьев Амура покойным акад. Л. Шренком, хранится в Музее антропологии и этнографии при Академии наук в Ленинграде.

Нетрудно себе представить, что переживают до окончания конфликта обе стороны.

Самое счастливое положение, когда представители обоих враждебных родов сожительствуют в одном селении. В этом случае нет, по крайней мере, мучений ожидания. Дело разрешается тогда немедленно после убийства вооруженным столкновением. Ближайший родственник убитого в сопровождении нескольких вооруженных сородичей бросается к юртам рода убийцы и обрушивается на первого встречного мужчину, за которого немедленно заступаются его сородичи, и тогда начинается общая схватка, которая в несколько часов кончается, и, если с обеих сторон пало по одинаковому числу жертв, то этим инцидент и разрешается. Бывает и более счастливый исход именно, когда в дело вмешиваются представители третьего рода, живущего в том же селении, пытаясь часто небезуспешно разнять противников и закончить дело миром.

Но если роды живут в разных селениях, то возникает военное положение со всеми его последствиями. При этом, если селения близко расположены друг от друга, обороняющиеся — вполне в осадном положении. Об обыденных занятиях вне дома речи быть не может: ни охота, ни рыбная ловля невозможны, ибо на каждом углу можно ожидать засады. В крайних случаях мужчины не иначе решаются удаляться от своего дома, как имея впереди себя женщин, обшаривающих каждый кустик, затаптывающих траву, повсюду опасаясь засады. Но, конечно, все это паллиативы: в одну прекрасную ночь придется встретить неприятеля грудью в своем собственном селении... Наконец, при отдаленности местожительства враждующих родов друг от друга приходится предпринимать далекие походы пешком или на лодках. Это должно быть импозантное зрелище, когда толпа воинов, одетых в лучшие одежды, со сверкающими копьями в руках и колчанами за спиной, с ножами и японскими кинжалами за поясом, яростно потрясая оружием, оглашают первобытную тайгу воплями о мщении и призывают богов всех стихий о помощи:

Паль — хури мыя! Тлы — хури мыя!
Толь — хури мыя! Миф — хури мыя!

«Бог горы, услышь, бог моря, услышь, бог неба, услышь, бог земли, услышь!», — размахивая при этом копьями и вонзая их в каждое дерево на пути с криком: «Чхар, мыя! — О, дерево, услышь!»... Но это громкое настроение скоро сменяется более ровным; по мере приближения к вражескому селению энтузиазм переходит в сосредоточенную серьезность.

Враг принял свои меры: в его родных местах ему лучше известны коварные места для засады, а в стратегических пунктах он подстерегает в искусственных траншеях («ямках»), откуда осыпает градом стрел неосторожного неприятеля. Не мало и других препятствий на пути наступающих. На неприятельской территории всякий промысел опасен (у многих родов он даже запрещен, у некоторых запрещено также пользование водой рек и ключей); припасов, взятых из дому, не надолго хватает, а открытое, быстрое нападение, — принимая во внимание засады и безнаказанность сторожевой службы женщин, — не всегда возможно. С долгим терпением и тяжелыми лишениями приходится выжидать благоприятного случая или же решиться в отчаянии на крайний риск...

Чаще всего обороняющиеся предпочитают ожидать нападения в собственном селении. Тогда, оставив женское население, пользующееся неприкосновенностью, мужчины собираются в отдельную юрту, откуда при первом сигнале караульных о приближении неприятеля, они, скрывшись через потайные ходы, собираются вместе за юртами, готовые встретить врага. По междуродовым обычаям битва продолжается ночь, самое большое сутки, пока, наконец, не появляются убитые, после чего неприятель уходит, а остающиеся считают число павших с обеих сторон. Если со стороны обороняющихся пало более, чем с противной стороны, возникает новый casus belli. Нападающие во всяком случае должны считать себя удовлетворенными. Но не всегда дело кончалось немногими жертвами. Известны случаи, когда целый род погибал и в живых оставались только женщины.

Бывало и наоборот, когда, во избежание гибели немногочисленного рода, неспособного к сильному отпору, самопожертвование одного человека искупало общую вину. Мне известен случай, когда юноша, виновник конфликта, в тот самый момент, когда получилось известие о приближении неприятеля, стал умолять собравшихся вокруг него в юрте сородичей спастись бегством, предлагая своей смертью спасти род от гибели. И когда сородичи с потупленными взорами стали выходить из юрты, он залпом выпил для храбрости чашку тюленьего жиру и опрометью бросился, размахивая копьем, навстречу разъяренной толпе мстителей... Рыцарство проявляется и во многих других формах. Хотя обыкновенно набег мстителей бывает слишком импульсивен, чтобы люди могли думать о каких-либо формальностях нападения, но эпос и предания сохранили нам многочисленные формулы объявления «войны» через особых посредников, о которых подробнее мы скажем далее.

Обычная формула гласит лаконически: «он (мститель) окончательно сказал, что воевать с тобою притти собирается; если ты сильнее, его убьешь, если он сильнее, тебя убьет, — так сказал».

Военные походы предпринимаются не только с целью мести за убийство сородича. Весьма обычны они и из-за женщин. «Прекрасные Елены» у гиляков служат печальными поводами для войн даже гораздо чаще, чем убийства; последние крайне редки, никогда не носят корыстного характера, являясь исключительно делом минутной вспышки легко возбуждающегося «варвара» по поводу малейшего оскорбления его самолюбия. Но из-за женщин столкновения гораздо чаще. То группа сородичей предпринимает просто романический набег, чтобы похитить возлюбленную своего товарища. То походы предпринимаются с целью насильственного возврата похищенной жены сородича, — случаи более серьезные, потому что акт этот столь же обязателен для рода (до третьего поколения исключительно), как и месть и вира за убийство сородича. Обыкновенно стараются избегать кровопролития, приноравливая нападение к моменту, когда мужчины в отсутствии, но дело редко обходится — как в момент похищения, так и во время преследования — без кровавых столкновений, которые неизбежно влекут за собою необходимость «поднимать родные кости», т.-е. войну со всеми ее последствиями.

Теперь перейдем к институту выкупа, «тхусинд», отчасти сменившему месть, отчасти сосуществующему с «местью», служа ей необходимым коррективом.

Какие причины вызвали институт выкупа на ряду с категорическим императивом кровавого возмездия, в конце совершенно вытеснившегося первым, до сих пор остается совершенно невыясненным в науке.

У гиляков, мы думаем, легко найти, по крайней мере, главнейшую причину этого великого преобразования в социальных отношениях. Она кроется в той особой форме экзогамии, о которой мы подробно говорили в своем месте.

Каждый род связан с массой родов, по крайней мере, с четырьмя, узами самого интимного свойства. У рода или родов ахмальк он берет себе жен и от них вышли его матери; роду или родам ымги он дает замуж собственных женщин, дочерей и сестер. Эти роды, по естественному порядку вещей, ему дороги, с ними его связы[illegible]ют неразрывно матери, дочери, сестры.

Род убийцы легко [illegible]ет оказаться таким, который берет у него женщин, в котором его сестры и дочери, или таким, который его снабжает женщинами. Отсюда первое великое смягчение неприкосновенность женщин в конфликтах мести.

Но этим роль женщин не ограничивается. Если убийца из рода ахмальк, т.-е. откуда происходят матери и жены мстителей, то нетрудно себе представить, что эти женщины не могут оставаться равнодушными зрительницами войны против их собственных братьев и отцов. Если же убийца из рода ымги, жены этих последних тоже не легко примирятся с тем, чтобы их мужья и сыновья пали от рук их собственных отцов и братьев. В обоих случаях вмешательство женщин неизбежно, и достаточно немногих прецедентов миротворного влияния их, чтобы прецеденты обратились в законный обычай, сначала сосуществующий кровной мести, а потом его вытесняющий.

Косвенно влияние женщин в этом отношении должно было выразиться еще и другим образом, чисто механически, если можно так выразиться. Их неприкосновенность в значительной степени фактически препятствовала самому осуществлению кровавого возмездия. Их сторожевая служба, единственная в своем роде, больше должна была изнурять врага и ослабить его дух, чем самое активное сопротивление. Пользуясь своим habeas corpus, они в полной безопасности день и ночь обходят окрестности, обыскивая каждый кустик, каждую травку, в поисках засевшего где-нибудь неприятеля. И если только нападающая сторона не обладает подавляющей численностью, чтобы броситься открыто на ожидающего врага, то ей никогда не удастся усыпить бдительности неприкосновенной сторожевой цепи, и терпение нападающих, истощенных недоеданием, походом, мучительностью выжидания, поневоле разбивается о пассивное сопротивление слабого пола, и почва для мира становилась подготовленной...

Чтобы оценить всю важность пассивного участия женщин в борьбе родов, нужно еще принять во внимание, что у многих родов запрещено разводить огонь на чужой территории, пользоваться водой из ее рек и источников, охотиться и т. д., так что, подобно библейским жителям Гивеона, гилякам приходится отправляться в поход нагрузившись мехами с водой и таким запасом пищи, который человек способен понести на себе. При таких обстоятельствах каждый лишний день выжидания грозит голодной смертью, и таким образом бдительность женщин поневоле побеждает.

Вот один из известных мне примеров. В 1851 году 30 человек жителей с. Тэбах отправились сухопутьем отомстить одному из родов с. Коль за убийство сородича. После долгого перехода и еще более долгих и бесплодных выжиданий вследствие бдительности женщин, с шестами в руках беспрестанно обыскивавших местность, вода в пузырях, наконец, истощилась, и мстителям пришлось уйти ни с чем и покончить дело миром... Так маленькие причины приводят часто к важным последствиям.

Прав был Тайлор, когда утверждал, что экзогамия, смягчала отношения между родами и вносила мир, хотя он исходил из ошибочного предположения, что стремление к миру вызвало к жизни самый институт экзогамии. Правда, первобытный человек не настолько сентиментален, а главное, слишком «богобоязнен», чтобы с легким сердцем пожертвовать своим страхами кары за нарушение своего кровавого долга голосу чувства или даже явному интересу, но у него есть, как мы знаем уже, испытанное средство, с помощью которого он умиротворяет богов с полным соблюдением своих выгод: он, как и в других случаях, прибегает к благочестивому обману богов, который дает ему возможность и выполнить свой религиозный долг и извлечь материальные выгоды из конфликта. Обыкновенно эта важнейшая религиозная процедура института виры совершенно игнорируется, да и не у всех народов сохранились следы религиозных церемоний примирения; у гиляков, как это мы расскажем в дальнейшем, это отчетливо явствует из ритуала выкупа, требующего предварительной имитации кровавой мести в виде борьбы представителей воюющих родов, убиение собак и кормление кровью их духа убитого.

Теперь перейдем к практике этого института.

Главную роль в процедуре примирения играют так называемые хлаj-нівух'н.[1]

Хлаj-нівух — буквально: толкующий человек, красноречивый, оратор. Такой человек пользуется в глазах гиляка особым почетом, ибо красноречивый индивид, по его воззрению, избранник особого божества, которое постоянно вдохновляет его, обитает в нем и внушает ему красивые, убедительные речи и неотразимое влияние на слушателя. Самая быстрота речи, способность говорить плавно и быстро в течение продолжительного времени, независимо даже от содержания речи, уже считается даром высшего порядка. «У него язык вертится, как крылья ветряной мельницы», — с благоговением характеризует гиляк выдающихся ораторов. Последние, в свою очередь, сами смотрят на себя, как на избранников. На материке они всегда носят с собою деревянный жезл, на головке которого вырезано человеческое лицо, изображающее, повидимому, то божество, которое их вдохновляет и помогает им убеждать других. В патетические моменты они грозно размахивают им, клянясь, в случае неуспеха своих доводов, сломать его и навлечь кару богов на себя и непокорного оппонента. Чаще всего хлаj-нівух вместе с тем избранник и в других отношениях: это человек богатый, искусный в промыслах, бывалый, храбрый, с большим природным умом и пользующийся авторитетом среди своих соплеменников.

---

[1] Берем термин более распространенного западного диалекта.

Каждый род, каждое селение имеет своего маленького хлаj-нівух'а, но есть знаменитости, пользующиеся широкой славой среди многих народностей края, и их, в случае надобности, выписывают, как у нас знаменитых адвокатов. Свои функции они исполняют скорее honoris causa, потому что их обычный гонорар — китайский шелковый костюм и японская сабля — едва ли может достойно вознаградить богатого человека за потерю времени и тяжесть обязанностей: даримые им одежда и оружие служат скорее их insignia magistratus, официальным облачением, в котором они исполняют свои обязанности во время переговоров.

И вот, когда род мстителей достаточно измучился в своих попытках кровавого возмездия, или если убийство с самого начала произошло при обстоятельствах, легко располагающих к примирению, тогда начинают отыскивать хлаj-нівух'а, который взялся бы за переговоры и сумел бы добиться наиболее выгодных условий. Хлаj-нівух должен быть обязательно нейтрального рода. Сородича послать нельзя: во-первых, до примирения грех иметь какое бы то ни было дело с родом убийцы, кроме того, при естественном раздражении сторон переговоры через сородича могут кончиться новым убийством. Противная сторона, в свою очередь, выбирает своего «оратора», который должен защищать ее интересы при переговорах о выкупе. Обыкновенно инициативу берет на себя обиженная сторона.

В один прекрасный день компания вооруженных мстителей со своим хлаj-нівух'ом во главе появляется перед селением «убийцы». В ближайшей тайге или на берегу реки мстители разводят огонь и располагаются лагерем, а хлаj-нівух один в своем парадном облачении, с копьем в одной руке, котелком в другой, идет во вражеское селение. Здесь в одной из юрт его ожидают противники со своим хлаj-нівух'ом во главе... Опираясь на свое копье или усевшись и закурив трубку (непременно «своим» огнем), он говорит: «Я послан вам сказать, что вы нашего человека убили, и какого человека! Его правая рука стоила столько-то «сялахр»,[1] если бы он жив был, разве он согласился бы взять столько? Его левая рука стоила столько-то и т. д.». Перечисляются затем все остальные части тела и подводится итог виры. Если противная сторона согласна, она кладет в котелок оратора столько палочек, сколько было условлено уплатить «целковых». Но сразу к соглашению никогда не приходят. Оратор противной стороны старается находить извинения для убийцы и предлагает свой минимум выкупа. Это выводит из себя противника, и он гневно уходит, грозя прервать переговоры. За ним спешно бежит вслед его коллега, убеждая уступить. Они садятся, каждый закуривает непременно своим огнем, спорят, опять кто-нибудь вспылит и убегает, опять сходятся, возвращаются в селение... Этикет требует, чтобы соглашение было принято не сразу, а после упорного сопротивления, поэтому иногда в бесконечных схождениях и расхождениях проходят 2—3 дня... Некоторые хлаj-нівух'и на Амуре прибегают, по обычаю тунгусских племен, в последний момент к помощи своего волшебного жезла, который они грозятся сломать и этим навлечь кару богов на себя и упрямых противников.

Когда соглашение достигнуто, начинается религиозный момент, о котором я говорил выше, процедура имитации кровавой борьбы, которая должна скрыть от души убитого и родовых богов мирный исход конфликта.

Процессия мстителей с хлаj-нівух'ом во главе выступает по направлению к селению противника, а ей навстречу движется такая же процессия рода убийцы. На расстоянии нескольких десятков сажен обе стороны останавливаются, и выступают вперед ближайший родственник со своим хлаj-нівух'ом, а с другой стороны — убийца со своим «посредником», оба вооруженные луками и копьями. По данному сигналу хлаj-нівух'ов начинают пускать друг в друга стрелы или набрасываются копьями, ловко уклоняясь при этом от стрелы и удара. Дуэль, конечно, фиктивная, хотя бывают случаи, что противники входят в азарт, и дело кончается печально. Все время хлаj-нівух'и успокаивают своих клиентов, твердя о примирении. Сородичи между тем проводят между противниками по собаке и убивают их копьями («кровь за кровь»). Затем противники бросаются друг другу в объятия, и мир заключен. Сердце убитой собаки отдается в жертву птице-мстительнице (см. выше), а мясо съедается на последующем пиршестве.

---

[1] Сялахр—денежная единица, которую гиляки по-русски почему-то переводят „целковый" и оценивают на наши деньги в три рубля,—повидимому, китайский таможенный лан. На эти единицы оценивают гиляцкие меновые ценности—шагунд (см. выше).

Затем представители обеих сторон отправляются в юрту убийцы, где расставлены предметы, составляющие тхусінд, — котлы, копья, сабли, шелковые материи и т. д. В уплате последнего участвуют все сородичи, каждый по своему состоянию, считая за великий грех уклониться от посильной доли. С другой стороны, для рода убийцы полученный тхусінд становится общей собственностью. Частью им возмещаются те драгоценности, которые понадобились для убитого в «селении мертвых», частью это становится фондом для семьи убитого и родовых надобностей.

Переговоры о тхусінд'е по другим поводам, как, например, по поводу похищенной женщины, оскорбления святыни и т. п., ведутся тоже посредством хлаj-нівух'ов, но уже без особенной торжественности. Посредники обсуждают спорные вопросы в присутствии собравшегося народа, выслушиваются мнения присутствующих, и решение является как бы приговором целого собрания.

7. Грех один. Хотя нормы и обычаи религии и поведение почти тождественны у всего племени, тем не менее каждый род имеет свой комплекс обязанностей и запретов, обязательных только для его членов. Первый обширный круг запретов касается половых норм. Для членов каждого рода запретны для брака и полового общения определенные категории женщин, например, все без исключения женщины, родившиеся в данном роде, далее, жены младших братьев, все женщины, которых зовут *ч ик* и *ранр*, все женщины, происходящие из рода «зятей», и т. д.,

так что достаточно знать, какие женщины тому или другому лицу запретны, чтобы безошибочно сказать, к какому роду он принадлежит. К этой категории можно отнести и запреты речи. Для членов каждого рода существуют определенные классы лиц, с которыми говорить воспрещается; таковы классы тувн (братья и сестры всех степеней родства), ачк (мать и тетки жены) и др. Третья категория запретов касается религиозных норм в тесном смысле. У каждого рода, как мы видели, есть свои родовые боги и жертвоприношения, свои священные предметы, свои поверья и, следовательно, свои ритуал родового культа, общий для всех сородичей и с религиозной стороны совершенно безразличный для чужеродных. Эти многочисленные обряды и предметы культа требуют величайшего к себе уважения. За всякое нарушение их отвечает круговой порукой весь род, на который обрушивается гнев оскорбленных божеств, и потому каждый член рода не только обязан сам избегать нарушения своих табу, но и охранять их от нарушения посторонними. За каждое такое нарушение необходимо взыскать тхусінд. Отсюда обычные тяжбы с чужеродцами по поводу случайной порчи ограды очага, выноса огня из юрты, уроненной косточки медведя во время праздничной трапезы, нарушения неприкосновенности всех принадлежностей медвежьего праздника — столбов для привязывания медведей, шестов с их головами, амбаров для праздничной посуды и медвежьих костей и т. д.

Наконец, если принять во внимание, что термин «грех» обнимает не только запрет, в формальном смысле, но и обязательность исполнения положительных норм, то формула «общий грех» приобретает широкий обобщающий смысл, становится выражением принципа единства круга родовых обязанностей вообще. Значение этого принципа тем важнее, что обязанности и запреты в глазах гиляка отнюдь не формальные юридические нормы, соблюдаемые под страхом наказания, а религиозные императивы, ригорически выполняемые из чувства самосохранения. Для гиляка нет различия между запретом религиозным, половым или социальным: все они одинаково религиозные, а исполнять требования религии значит заботиться о благоволении богов, устранении козней врагов жизни и т. д., иначе говоря, заботиться о своем самосохранении. Не исполнять их, принимая во внимание всю родовую подкладку культа, значит губить не только себя, но и весь род. Отсюда — важное значение этого принципа как цемента родового союза. Отсюда, с другой стороны, становится понятным, почему нормы, часто противоречащие человеческой природе, требующие огромного самообладания, выполняются не по принуждению, а как естественные требования инстинкта. Посмотрите, например, с какой силой действуют нормы половые. Вообще в делах полового инстинкта гиляки, как мужчины, так и женщины, следуют совершенно свободно естественному влечению: целомудрия нет ни до ни после брака: единственная забота — не сделаться жертвой ревности. О каком-либо чувстве самообуздания и речи нет. Тем не менее, несмотря на полную половую распущенность, с нашей точки зрения, гиляк соблюдает абсолютное целомудрие по отношению к лицам запретных категорий: прелюбодеяние ему не известно, прелюбодей — урод, почти не встречающееся исключение. То же и в запретах речи. Даже оставаясь с глазу на глаз братья и сестры по целым дням переносят муки молчания, перекидываясь между собою в случае крайней необходимости редкими деловыми обращениями в безличной форме, а между тем по темпераменту это люди менее всего молчаливые. Конечно, такое самообладание — результат в значительной степени воспитания, дрессировки, но оно бы никогда не достигло такой высокой степени выдержки, если бы не общее сознание гибельности каждого индивидуального нарушения для блага всего рода.

Религиозная санкция запретов и обязанностей, живое сознание всем и каждым «общности греха» объясняют нам самую удивительную сторону строя рода, наличность социального организма и почти полное отсутствие принудительного элемента, власти. Но об этом после.

Таковы основные признаки рода. По ним можно судить о всеобъемлющей роли его в жизни гиляка. Он охватывает человека от рождения до смерти, заполняя все содержание жизни. Он окружает его интимными узами родства как со стороны отца, так и со стороны матери. Он соединяет живою связью живущее поколение со всеми отошедшими. Он гарантирует человеку брак индивидуальный и супружеские права вне его, а после смерти обеспечивает его вдову и детей. Род охраняет его жизнь и неприкосновенность его семьи от посягательств чужеродца, готовый как один человек встать на защиту попранных прав сородича и отвечать за его вину перед чужеродцем. Он кормит в случае голода, платит долги неимущего, выручает в уплате калыма и виры.

В благоволении родовых богов, в родовых жертвоприношениях человек находит высшее покровительство и самую сильную гарантию своему благополучию. Род — школа нравственного воспитания, школа долга, социального сотрудничества и самопожертвования, и, наконец, в роде человек находит высшие радости и самые ценные утешения в наиболее горьких бедствиях жизни, — шумные радости празднеств и заботы о блаженстве в загробном мире.

Каков же механизм этого удивительного учреждения, дающего человеку больше, чем современное государство, окружающего человека не только всеобъемлющими заботами, но и обширной сетью регламентаций и «грехов»? Где его внешние признаки и органы, выполняющие его функции? Не странно ли, что в формуле рода эти важнейшие с нашей точки зрения элементы совершенно отсутствуют?

VII.

МЕХАНИЗМ РОДА.

Норденшильд, описывая чукчей, в одном месте выражается так: «Здесь, как и во всех посещенных мною стоянках, царствовала совершенная анархия. Тем не менее члены этой безглавой общины жили между собою в ладу и дружбе».

Подобные отзывы легко встретить и у многих других путешественников по отношению к разным первобытным народам. В частности то же, что о чукчах, сказал бы, вероятно, Норденшильд и о гиляках. Та глубокая социальная организация, которую мы описали в предыдущей главе, составляющая душу всякого первобытного общества и вошедшая в историю под именем рода, остается часто совершенно скрытой от взора случайного цивилизованного наблюдателя, ибо для него все, что не напоминает ему, европейцу, привычных для него элементов государственности — территории, представителей власти, принудительной регламентации строя — есть не больше, как «анархия, при которой, к крайнему его изумлению, тем не менее, члены безглавой общины умудряются жить в ладу и дружбе».

Это именно поражает и в строе гиляцкой жизни. Несмотря на всю сложность социальной ткани, охватывающей все стороны жизни, все внешне-формальные признаки организации, которые невольно ищет повсюду европеец, либо совершенно отсутствуют, либо принимают слишком колеблющиеся формы.

Начнем с территории. Совершенно естественно, что члены одного рода предпочитают жить совместно, в непосредственном единении и общении друг с другом. Есть, действительно, несколько селений, как Танги, Няниво, Вискиво и др., где все население принадлежит к одному роду. В больших зимних юртах таких селений можно насчитать в каждой иногда по 2—3 десятка сородичей и ни одного чужого. Даже там, где в одном селении, как Коль, где живет совместно несколько родов, юрты каждого рода расположены в ряд, как бы по строго соблюдаемой традиции. Каждый род имеет свои родовые речки для охоты, распределенные между отдельными семьями, среди которых они переходят по наследству от отца к сыну, хотя, впрочем, право собственности ограничено фактическим пользованием, с перерывом которого речка становится res nullius и может быть использована всяким, даже чужим.

Тем не менее, несмотря на естественную тенденцию сородичей держаться поближе друг к другу, принцип территориальности фактически не существует. В огромном большинстве гиляцких деревень состав населения смешанный. В упомянутом селе Коль я насчитал представителей 8 родов, в селениях меньших по 2—3 рода, и очень мало таких, в которых совсем не было бы чужеродных. Есть роды, разветвления которых встречаются в самых различных и удаленных друг от друга пунктах гиляцкой территории. Эта разбросанность, конечно, есть факт, идущий как бы в разрез с принципами рода, но она неизбежна при данных экономических и социальных условиях. Селение, расположенное в особенно благоприятном в рыболовном отношении пункте, естественно, привлечет пришельцев из других родов, и, наоборот, если род на своем первоначальном месте размножился настолько, что исконное селение прокормить всех уже не может, от него постепенно выделяются переселенцы в другие места, при чем выбираются ближайшие пункты, дабы связь между сородичами не прерывалась. Переселение в очень отдаленные пункты влечет за собою фактическое деление «огня» и разветвление рода. Не менее важной причиной смешанности населения является обычай переселения в некоторых случаях зятей в роды тестей, о чем подробнее будем говорить в своем месте. Так или иначе территория является неопределенным признаком рода.

У гиляков отсутствует даже сознание права собственности на территории, и не только по отношению к своим, но и к чужеплеменникам. Когда лет 50 тому назад на Сахалине появились бродячие тунгусы, которые стали охотиться на исконных территориях гиляков, никому в голову не приходило протестовать против этого, хотя тунгусы пришли небольшими группами и едва ли были в состоянии удержаться силой против многочисленных аборигенов.

Столь же неопределенным признаком являются и родовые прозвища. У массы первобытных племен, так назыв. тотемных, родовое прозвище — один из наиболее резких внешних признаков единства рода. Тотемным прозвищем является реальный предмет природы, животное или растение, которое изображается на теле, на платье, на зданиях и т. д.

У гиляков ничего подобного нет. В некоторых родах существуют тотемистические предания. Так, напр., род, живущий в с. Тангах, считает себя родственным с медведем, на том основании, что одна женщина этого рода родила урода с чертами, напоминающими медвежьи. Подобные предания имеются и в других родах. Тем не менее не только типичные тотемные, но и обыкновенные родовые прозвища в собственном смысле отсутствуют. Прозвища имеются только территориальные. Если гиляк хочет назвать людей такого-то рода, он говорит «жители такого-то селения», что иногда совпадает, с действительным местожительством рода, но чаще всего только показывает то селение, которое было когда-то исконным местопребыванием того или другого рода.

Так, в с. Коль есть роды, носящие названия: Тывли-фінг (жители с. Тывлин); Мьехре-фінг (жители с. Мьехри), Ньенхай-фінг (жители с. Ньенхай) и т. д., между тем представители этих родов уже давным давно живут в упомянутом селении Коль, порвав всякие связи с исконными местожительствами своих родоначальников.[1] Единственные роды, которые имеют настоящие родовые прозвища, это основанные выходцами из соседних тунгусских племен; так образовались роды Цхарнунг, Чориль и т. д. И замечательно, что именно у этих племен мы уже находим явный переход к тотемизму. У племени негда, например, почти каждый род ведет свое происхождение от того или другого рода животного (тигра, жабы, медведя и т. д.). У гиляков же подобные явления встречаются очень редко.

---

[1] Подобные территориальные названия у австралийцев подали повод Кунову совершенно неосновательно заключить, что у этих племен отсутствует родовая организация.

Теперь переходим к самому, с точки зрения европейца, важному признаку родового единства — *к органам власти*. Как ни сложна, как мы видели, родовая жизнь, род не знает никаких установленных властей. Правда, китайцы, а за ними русские пытались установить у гиляков институт старост, и то не родовых, а сельских, но он никакого отношения к родовой жизни не имел. Это был скверный эпизод, но и только. Старосты, назначенные русскими властями, избирались не из лучших и даже не из богатейших жителей, а из наиболее угодливых, а потому не только никаким авторитетом не пользовались, но скорее презрением, а в некоторых случаях и ненавистью. Исконный строй рода ничего подобного не знал. Патриархальная власть, которая, по библейским примерам, обыкновенно ассоциируется с родом, и которую еще и теперь мы видим, например, у бурят, киргизов, кавказских народов и т. д., у гиляков, да и вообще у народов однородной с ними ступени развития, абсолютно отсутствует. Ее не существует даже в семье. Правда, некоторый деспотизм практикуется по отношению к женщинам, которые подчинены сначала отцу и братьям, а после замужества — мужьям, но это — деспотизм, ничего общего не имеющий с римским patria potestas. Случаи убийства или продажи в рабство жен и дочерей невозможны.

Нередки, правда, случаи принудительной выдачи замуж, что в значительной степени связано с религиозно освященным обычаем браков между детьми братьев и сестер, но вообще отношение к дочерям самое нежное как до, так и после замужества. Между семьями тестя и зятя на всю жизнь устанавливаются, как это мы увидим, глубокие интимные узы гостеприимства и взаимопомощи, а в редких случаях дурного обращения с замужней женщиной последняя всегда находит фактическую защиту со стороны своих родных. Вообще же супружеские отношения очень мягки, с женщинами советуются, а более пожилые даже участвуют в сходках и совещаниях сородичей.

Совершенно незаметен деспотизм по отношению к представителям мужского пола. Чтобы убедиться в этом, достаточно видеть отношение старших к детям. Цивилизованному человеку трудно даже себе представить, какое чувство равенства и уважения царит здесь по отношению к молодежи. Подростки 10—12 лет чувствуют себя совершенно равноправными членами общества. Самые глубокие и почтенные старцы с самым серьезным вниманием выслушивают их реплики и отвечают им с такой же серьезностью и вежливостью, как своим собственным сверстникам. Никто не чувствует ни разницы лет, ни положений. Правда, гиляцкий подросток 10—12 лет обыкновенно уже accomplished gentleman. Он не только усвоил всю технику обиходных работ, он не только ловкий стрелок, рыболов, гребец и т. д., он уже фактически работник, такой, как и все. Мало того, он в значительной мере обладает уже и всей суммой духовного знания: он знает уже из практики все родовые обычаи, все религиозные обряды, помнит все родственные названия, знает легенды, сказки и песни своего племени и в довершение всего — то знание людей и жизни, которое дает постоянное пребывание в обществе взрослых: в путешествиях, на охоте, рыбной ловле, празднествах и т. д. Отсюда — и его чувство собственного достоинства, и солидность в речи, и умение держаться в обществе.

Но все эти качества не имели бы никакого значения, если бы патриархальные принципы существовали. И у других малокультурных народов молодежь рано достигает самостоятельности, но от нее требуется особенная, почти религиозная почтительность к старшим, которые нарочито дрессируют ее в подчинении. Ничего подобного нет у гиляков. Тем более не заметно деспотизма главы семьи по отношению к взрослым членам. Сыновья совершенно свободно отделяются от отца, получая от него выдел в виде утвари, саней и т. п., и, помогая ему долей от своей добычи, делают это совершенно свободно, без всякого принуждения. Встречаются большие семьи, живущие общим хозяйством, во главе которого стоит старший в семье, дед, отец или один из братьев, но это совершенно свободная ассоциация, из которой когда угодно можно выступить. И вот, даже состоя участником такого хозяйственного союза, каждый член может иметь и свое индивидуальное хозяйство в виде саней и собак, оружия, пользуясь правом на индивидуальные заработки, связанные с личными заслугами; и то, чем каждый член делится со своими, — а делится широко особенно съестными припасами, как природным, так и покупными, — уделяется без всякого понуждения: привозят из города муку, рис, чумизу и т. п., все это варится в общем котле для всех. Коммунизм и индивидуализм сочетаются без всяких трений.

Наконец, — и это особенно необходимо отметить — во главе большой семьи с общим хозяйством стоят вовсе не обязательно старшие по летам, а, наоборот, чаще всего люди молодые, заявившие себя своей деловитостью, усердием и оборотливостью, словом личными талантами. Старики пользуются авторитетом лишь в вопросах специальных, как хранители традиций, знатоки обрядов и истории семейно-родовых отношений. С ними советуются в запутанных вопросах родства, даче имен, им предоставляется распоряжаться обрядовой стороной на праздниках, но это им не дает никакой власти, никаких преимуществ.

И вот, чего нет в семье, — деспотизма старейшего, главы, — того нет и в роде. Он не знает не только полновластных старейшин-патриархов, но и установленных постоянных властей вообще, ни коллективных, ни единичных, ни выборных, ни по праву рождения и наследства.

Между тем род не фикция: это — сложное учреждение, окружающее гиляка густейшею сетью регламентаций, запретов, обязанностей и в то же время доставляющее ему все блага, материальные и духовные, прочного общественного союза.

Мы вернулись таким образом к вопросу, поставленному нами в конце предыдущей главы. Где двигатели механизма этого всемогущего учреждения — рода, где тайна этого удивительного соединения самой тесной общественности и абсолютного отсутствия деспотизма, всеобъемлющей опеки и регламентации с отсутствием принудительности и сохранением индивидуальной свободы?

Тайна эта заключается в двух условиях: 1) в простоте экономических условий и отношений, предоставляющих широкий простор всестороннему развитию сил и способностей личности и свободному применению их к широко и равно открытым для всех дарам природы; и, во-вторых, в том целостном социально-религиозном миросозерцании, которое совершенно спонтанейно, без всякого внешнего давления, направляет волю и деятельность каждого к гармонии общего интереса, ставя на место внешнего принуждения силу внутреннего сознания каждого.

Рассмотрим поближе эти условия, и прежде всего экономические.

Преобладающая форма труда — индивидуальная или самое простое сотрудничество. Главнейший источник пропитания — рыболовство. Море и реки так богаты этим продуктом, что при самом скудном инвентаре каждый при нормальных условиях может личными индивидуальными усилиями обеспечить свое существование. При добывании морских зверей, правда, необходимо сотрудничество нескольких человек, но все дело так просто, что тут не может быть речи о хозяевах и работниках, ни о специальной организации: каждый исполняет то, к чему он более способен, артель к тому обыкновенно составляется из родственников, и никому и в голову не приходит делить добычу иначе как по числу работников. Часть ее уделяют даже и не принимающим участия в охоте, ибо разве родовые боги дают только одним, а не всем членам рода? То же и при охоте на лесных зверей, если она ведется в компании, но обычно охотник, как и рыболов, может совершенно обойтись в своих промыслах без посторонней помощи. И, действительно, в сезон рыбной ловли гиляцкое население расходится во все стороны; каждый хозяин удаляется на свое излюбленное местечко. В сезон охоты каждый забирается в свой промысловый балаган и отсюда следит за своими ловушками, по неделям не видя постороннего человека.

Таким образом, преобладающая форма труда индивидуальная. Каждый должен уметь делать все, обладать всеми знаниями своего племени, быть личностью, равной со всеми, всесторонне развитой и подготовленной к жизни.

А так как дары природы обильны, свободны и доступны усилиям каждого, то благосостояние человека зависит, следовательно, исключительно от его способностей и усердия. Неравенство, которое, при более сложных условиях, является источником раздоров и социальной розни, здесь не проявляет своих терниев. Богатый человек всем обязан исключительно лично своим талантам и добродетелям. Его накопления никого не могут ни порабощать, ни унижать. Кроме того, личные достоинства человека — дар богов, и избранник не может ни вызывать зависти, ни гордиться своими преимуществами.[1]

Его покровители, посылающие ему зверей в тайге и рыбу в воде, общие гении рода. Копить свои богатства, не делясь с сородичами, значило бы присваивать себе то, что принадлежит ему сообща со всеми, и высшее честолюбие такого человека — проявлять свою щедрость и благоволение окружающим.

Таковы экономические отношения, выработавшие цельную, равную по подготовке и знаниям с другими личность, исключающие возможность взаимного порабощения и создающие здоровую атмосферу сознания каждым своей свободы и самоопределения.

---

[1] Хорошей иллюстрацией к воззрению гиляка на происхождение личного богатства может послужить следующий пример. На западном берегу Сахалина самым богатым человеком в мое время считался некто Гибль из с. Тангиво. Он, действительно, выдающийся по уму, промысловым талантам и энергии человек. Кроме того, ему помогали знакомства с русскими чиновниками, которым он служил поставщиком мехов и коллекций. Но логика гиляка видела причину его чрезвычайного богатства совсем в особом обстоятельстве, именно, в том, что он когда-то далеко в горах нашел под бревном какой-то лоскуток материи, чудесный талисман, посланный ему богами.

Но высшую цельность придает человеку его социально-религиозное миросозерцание. Основная аксиома каждого состоит в том, что все его существование и благополучие всецело в руках богов, в частности богов родовых, дарящих свое благоволение не одному, а всем. Всякая попытка монополизировать дары богов неминуемо должна повлечь за собою справедливую кару общих благодетелей рода.

Все, что предписывает религия и родовая мудрость для снискания благоволения богов, является благом для каждого, и исполнять их требования — значит только заботиться о себе. То же со всеми предписаниями родовой регламентации, будь это нормы половые, правила мести или религиозные обряды; всякое нарушение их со стороны одного — «грех» общий и губительно для каждого.

Все более или менее важные акты социальной жизни, вплоть до самопожертвования в битве мести за сородича, — категорические императивы религиозного миросозерцания, не знающие колебаний, не требующие понуждения. Все инстинкты самосохранения совершенно гармонируют с религиозными представлениями. Актом мести человек защищает свою безопасность, но им же он исполняет религиозный долг, умиротворяя душу убитого, которая сумеет покарать, если она останется неотомщенной. И так — во всем...

Здоровая, цельная, всесторонне развитая личность с цельным религиозно-социальным миросозерцанием, создающим полную гармонию личного и общественного интересов и двигателей жизни — такова скрытая, но могучая пружина родового механизма.

Посмотрите, как без всякой регламентации и органов принуждения, одним произволением личности, движется сложный механизм родовой жизни.

Вот умер семейный сородич. Необходимо обеспечить его семью, сохранить имущество до достижения совершеннолетия наследников и необходимо, во избежание споров, решить, к кому перейдет вдова покойного. Нет судей, нет властей, но, через некоторое время после погребения покойника, сойдутся ближайшие сородичи, потолкуют, выслушают претендентов и на ком остановятся, тот будет мужем вдовы и отцом осиротевших.

Или: та или другая семья временно бедствует. Нет специального органа, который должен был бы позаботиться о ней: это лишнее, потому что в любом доме хотя бы самого отдаленного сородича она найдет гостеприимство и помощь, пока не минет тяжелое время. И никому не обидно, потому что редко кому не приходится время от времени пользоваться гостеприимством или оказывать его другому.

Вот необходимо устроить хлопотливый и дорогостоящий родовой праздник. Нет ни сборов, ни понуждений, ни организации приема гостей и т. п. Каждый по совести готовит, сколько в силах, каждый вносит свою долю труда, а один кто-нибудь, кто побогаче, берет на себя заботы по устройству. К нему все сносят приготовленные яства и закупки, к нему сходятся для участия в предпраздничных работах.

Во время медвежьего праздника съезжаются, кроме того, со всех концов много десятков народу. Надо в течение нескольких дней кормить не только людей, но и их многочисленных собак. Сколько хлопот, сколько расходов! Между тем все устраивается просто и к общему удовлетворению. Каждый гость предпочитает заехать, разумеется, к тому, кто ему поближе по родству или симпатии, где его принимают не по долгу, а по влечению; но и в любом доме каждый приезжий находит искренний радушный прием, потому что каждому охота в дни праздничного подъема проявить свою симпатию и широкое общение с новыми людьми.

Явился голод, призрак грозной беды, которая может унести все население деревни. Все голодающие, которым не удалось разъехаться в более счастливые места, собираются в доме того, у кого сохранились запасы, и законы гостеприимства столь же властны в черный день, как в дни изобилия.

Но худшее бедствие: убит сородич! Война неминуема!.. Все население становится под оружие. Нет постоянного вождя, нет старейшего, нет и выборов. Естественный вождь давно известен и всеми признан: это самый храбрый и удачливый из сородичей; это так называемый «хозяин», «ызь», на него обращены все взоры!

И в один момент равный между равными становится вдруг военачальником, отдает распоряжения, распределяет оружие, назначает время похода и т. д.; его слушают, как диктатора. Умер или погиб этот естественный вождь, всякий знает того достойнейшего, который может его заменить.

Возник гражданский спор между сородичами или между представителями различных родов. Нет установленных людей, которые ex officio решают споры и тяжбы. Очень часто истец является сам себе судьей и исполнителем. Раз ответчик отказался добровольно выполнить свое обязательство, истец, не задумываясь, отцепит собаку от запряжки должника или полезет в амбар, чтобы отобрать себе вещь, равноценную его иску. И истец считает это в порядке вещей. Не всегда, конечно, такой способ возможен. Но и тогда дело обходится без властей предержащих. Достаточно только обиженному обратиться непосредственно или через хлај-нівух'а (см. выше) к одному, двум авторитетным лицам-«хозяевам» из сородичей обидчика, и дело решается очень скоро. Они вызывают обидчика, который является обыкновенно в сопровождении своих близких, а иногда хлај-нівух'а. Собираются и посторонние. По выслушании обеих сторон и мнений присутствующих, мнение, принятое большинством, приобретает силу приговора. Обыкновенно обидчик подчиняется добровольно, в противном случае вершители дела отправляются в амбар обидчика и отбирают присужденное...

Но кто же эти авторитетные лица, которые в экстренных случаях являются на сцену и лично или вместе с «миром» сородичей, как власть имущие, проявляют свою инициативу и энергию? Какую роль играют они в обыкновенной жизни?

Это так называемые ызь — «хозяева»,[1] иначе: урдля-нівухи — хорошие, т. е. богатые, выдающиеся люди (хороший и богатый — синонимы у всех первобытных народов). Это индивиды, пользующиеся выдающимся благосостоянием, благодаря своим исключительным индивидуальным достоинствам — храбрости, ловкости, силе, предприимчивости, уму, ставящим их в преимущественное положение в деле добывания средств к жизни. Такой индивид — ценный человек для окружающих. Для тесного круга своей собственной семьи он естественный глава общего хозяйства, которое, благодаря его предприимчивости и талантам, ведется с большими выгодами, чем в разбивку. Громадная семья, группирующаяся вокруг него, лучше обеспечена не только естественными продуктами, но и покупными — табаком, рисом, чумизой и т. д., потому что богатство и ассоциация дают ему возможность предпринимать дальние поездки для обмена пушнины и приобретения товаров из первых рук. Он хранитель общего «шагунд» своих ближайших родных, и обладатель собственного богатого собрания «шагунд», которым в случае надобности может воспользоваться его сородич.

---

[1] На роль таких личностей в структуре первобытных обществ до сих пор мало обращали внимания. Их роль затемнялась классифицированием их только как представителей богатства. Вот один из совсем свежих примеров такого отношения. Отдельных классов „благородных" и „низших" не существует в северо-западной Калифорнии, но почти во всех делах жизни *богатый человек* играет важнейшую роль (Types of Indian culture in California, by A. Z. Kroeber; University of California, Pubbeations, Sune, 1904, v. II). Еще спасибо, впрочем, можно сказать, что подобные факты хоть отмечаются.

Для всего рода он не только человек, у которого открытый дом, у которого всегда можно хорошо поесть, полакомиться табаком, чаем, наслушаться интересных вещей, но который может выручить в минуту нужды. Но особенно бесценна его помощь в моменты общественного бедствия, как война, столкновение в деле мести, при тяжбе с чужеродцем. У него запасы лучшего оружия, перевозочных средств, его имя страшно врагу, который поэтому гораздо легче соглашается на примирение, наконец, у него запасы «шагунд», когда придется платить выкуп. Кроме того, обыкновенно такой человек обладает и недюжинным умом, красноречием, богатым опытом и знанием жизни и людей: это естественный оратор, «хлаj-нівух», играющий столь важную роль в делах мести и гражданских спорах; к нему прибегают даже из соседних родов, когда необходимо вмешательство посредников. Среди таких ыз'ей есть лица, которые пользуются громкой известностью и почетом по всей территории гиляцкой оседлости. По образу и подобию этих ыз'ей создаются образы богов, «хозяев» гор, морей, неба, рек и т. д. Мало того, к ним самим относятся не просто с уважением, но с чувством религиозного преклонения. Из таких лиц, при благоприятных условиях, вырабатываются те элементы власти, которые мы видим у других племен, стоящих на другой ступени культурных условий. В одном случае такие ыз'и становятся советом старейшин, которые перед народным собранием в лице рода решают дела общины. При других обстоятельствах, когда племя вынуждено вести частые войны, наиболее выдающиеся ыз'и становятся пожизненными или наследственными начальниками племен, предводителями дружин, викингами, основателями династий.

Но в родовой жизни гиляков подобные личности не претендуют еще ни на что подобное. Их роль слишком еще незначительна, во всяком случае случайна в сравнении со сложными функциями рода, механизм и жизнь которого зиждется на равноценности и инициативе цельной личности каждого. Что такое ызь, как не та же цельная личность в ее высшем проявлении индивидуальности? Влияние ыз'я поэтому чисто фактическое, моральное, между ним и беднейшим из его сородичей нет еще никакой пропасти ни в умственном, ни в экономическом отношении, и в то же время над всеми доминирует высшая братская связь религиозно-социального союза рода.

Таков механизм родовой жизни. Его действительная пружина — всесторонне развитая личность с цельным религиозно-социальным мировоззрением. Организованная власть совершенно отсутствует. За всем тем хотя невидимо, без всякой претензии на власть, элементы авторитета имеются; это элементы не оформленные, выступающие на сцену стихийно, спонтанейно, отнюдь не как постоянные элементы власти, которые отодвигали бы на задний план свободное проявление личности, но эти элементы все-таки имеются. Их три:

Прежде всего это халь, род, т.-е. вся совокупность или, по крайней мере, вся наличная в данный момент часть взрослых сородичей, которая, не имея ни главы, ни регулярных собраний, обыкновенно неожиданно появляется на сцену, когда какой-нибудь серьезный случай требует его вмешательства, и, разрешив тот или другой вопрос, исчезает со сцены так же стихийно, как появился.

Далее, ħejмар'ы, старцы, весь авторитет которых заключается в разрешении спорных вопросов культа и родства.

Некоторую роль они играют во время родовых праздников, на которых они обыкновенно являются главными распорядителями; это своего рода жрецы рода. Но ни влиянием, ни фактическим значением в других важнейших проявлениях жизни рода они не пользуются.

Наконец, третьим элементом авторитета являются ыз'и.

Из этих трех элементов при благоприятных условиях могли бы выработаться те разнообразные формы власти, различные комбинации которых (народные собрания, совет старейшин, патриархи, цари-жрецы и военачальники, герцоги, викинги, короли и т. д.) находим у многих полукультурных народов в настоящее время и у всех нынешних цивилизованных наций на заре их истории. Но у гиляков эти элементы только в зародыше, и едва ли когда-либо им суждено получить толчок к дальнейшему развитию.

VIII.

МЕЖДУРОДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Но род — не самодовлеющее учреждение, и не одним родом, к которому человек принадлежит по происхождению, ограничиваются его интимные узы.

Каждый род, по основному принципу своего матримониального права, связан брачными узами по крайней мере еще с четырьмя родами, родами ахмальк и ымги. Между этими родами образуется столь важная в глазах первобытного человека связь кровного родства, связь общего происхождения по матери (родоначальники всех четырех родов и представители каждого поколения их взаимно двоюродные братья по матери), а к этому присоединяются те могучие узы естественной интимности, которые порождаются поколениями женщин, переплетающих эти роды в беспрерывной цепи брачных союзов. На практике, как мы знаем, узы эти далеко расширяются за пределами первоначальных четырех родов. Прежде всего, сверх этих последних, каждый род, с которым хотя бы один сородич вступил в матримониальные отношения, является уже ахмальком или ымги всему его роду. С другой стороны, мы знаем, что каждый ахмальк и каждый ымги сохраняет свое звание не только по отношению к тем родам, с которыми он непосредственно связан матримониально, но и к тем, которые считаются соответственно ымги и ахмальк'ами первых, так что, кроме ахмальк'ов и ымги 1-й степени, каждый имеет еще таковых 2-й, 3-й степени и т. д. Все эти роды между собою именуются пандф'ами, лицами общего происхождения.

Таким образом, мы видим, что тот основной принцип, простой и ясный, который лег в основание семьи и рода, принцип, по которому человек предпочтительно женится на дочери брата своей матери, становится базисом кровных уз и симпатии не только внутри каждого отдельного рода, но и более обширных союзов, междуродовых и, наконец, всего племени. Правда, в силу указанных нами неблагоприятных условий, как разбросанность маленького племени по огромной территории и многих других обстоятельств, эти узы не могли оформиться в такие законченные организации, как фратрии и племена, например, североамериканских индейцев, но они и тут создали атмосферу социального единения, которое вывело род из эгоистической замкнутости на путь междуродового общения и братства.

Остановимся теперь ближе на тех узах, которые возникают между родами пандф, между каждым родом и теми, откуда гиляк берет жен или куда отдает своих женщин. Эти узы не ограничиваются только одними чувствами, они выражаются в довольно реальных формах.

Прежде всего это обязанность взаимного кормления и гостеприимства. Это в сущности только распространение таковой же обязанности, существующей внутри рода, на кровных пандф'ов, распространение на них того благоволения родовых божеств, которое им по праву принадлежит по женской линии. «Ымги (зятя) кормить должно» — так гласит формула этой междуродовой обязанности.

Это правило, впрочем, отнюдь не выражается в том, что ахмальк обязан постоянно содержать зятя и его семью в своем доме. Может быть, в очень отдаленное время, в период матернитета, когда муж переходил на жительство в дом жены, оно фактически так и было, но в настоящее время, при агнатных принципах, жена переходит в дом мужа и обыкновенно совсем переселяется в родовое местожительство супруга. Тем не менее принцип «кормления», как мы увидим, играет немаловажную роль в объединении родов.

Он закреплен в особом, чрезвычайно своеобразном религиозном обряде, который состоит в следующем. В последний момент перед самым уводом невесты из дома ее отца ставится перед порогом с внутренней стороны большой 4-ушный чугунный котел, привезенный женихом, как часть калыма за невесту, а с наружной стороны — небольшой котелок, принадлежащий отцу молодой. При выходе и жених, и невеста должны наступить ногой сначала на внутренний, потом на наружный котел: первый остается у тестя, а второй увозится домой женихом — ымги. Через год, когда, по установленному обычаю, молодые приезжают в гости к ахмальк'у, перед отъездом повторяется та же церемония: только на этот раз ставится по обеим сторонам порога по котелку и чашке, которыми опять-таки взаимно обмениваются, как и в первом случае. Характерно, что обмениваемые предметы носят названия нiч (мое-твое: символ взаимного кормления), а весь обряд называется *нiч зычывынд* (топтание нiч'а). Он называется также: *лымызьн-занд* — топтание порога, что указывает на религиозный элемент обряда, в котором играет роль так называемая *лымызьн-мам* — старуха, хозяйка порога, женщина-предок, гений-хранительница дома, кровь которой течет одинаково в жилах обоих молодоженов, детей брата и сестры. В тесной связи с этим обрядом стоит и описанный нами момент на медвежьем празднике, когда перед стрельбой в цель хозяин медведя (ахмальк) и его ымги ставят каждый подле себя по топору и котелку, которые тоже называются ніч и которыми тоже взаимно обмениваются. Если первый обряд символизирует взаимное кормление, то второй — взаимное сотрудничество в промыслах, что, как увидим сейчас, имеет за собою вполне реальное основание.

Принцип «кормления» не ограничивается периодическими наездами в гости для свидания с родственниками жены, хотя и они имеют некоторое экономическое значение, так как всякий раз ахмальк'и, сверх оказанного гостеприимства, еще всегда одаривают чем-нибудь ценным своих ымги, особенно в первый приезд после женитьбы, когда зятю дарятся по обычаю, смотря по состоянию, одна или несколько пар нарядной мужской одежды. Гораздо важнее случаи действительной нужды. Бывают моменты, когда собственный род оказывается бессильным помочь своему сородичу, потому что бедствие, постигшее одного, постигло всех. Стоит только в сезон хода рыбы почему-либо уклониться последней от обычного своего пути, и общее бедствие готово. И вот тогда имеется простой выход. Человек забирает свою семью, своих собак и вообще подвижный скарб и переселяется на целый сезон в селение тестя.

Здесь его встречают с распростертыми объятиями, и он с первой минуты чувствует себя, как дома, где его кормят и поят и делятся всем. Конечно, зять не дармоедничает, кое-чем помогает, но это далеко не всегда окупает расходы, вызываемые приездом надолго не ждано не гадано целой семьи, зачастую в период, когда запасы рыбы уже сделаны и увеличить их уже невозможно.

Такие же братские отношения между ахмальк'ами и ымги проявляются в морских промыслах и охотничьих предприятиях.

Наиболее важные из них требуют участия нескольких лиц; таковы — летняя и зимняя (добывание из берлоги) охота на медведя, соболий промысел и особенно промысел на лодке за морскими животными. И замечательно, что в этих случаях гиляк приглашает к участию чаще всего не своих сородичей, а ымги, притом не непременно женатых на его сестре или дочери, а ымги вообще, т.-е. молодых людей из того рода, который у него берет жен. С ними гиляк чувствует себя лучше, чем с собственными сородичами: с ними он может невозбранно говорить и шутить, между тем как из сородичей, как мы знаем, не со всяким это допускается. В свою очередь, ымги чувствуют себя среди рода ахмальк'а как рыба в воде: все женщины их поколения для них ан'гej (жены) — все будущие жены и во всяком случае женщины, на которых они во всякое время имеют супружеские права в самом широком смысле слова. Что касается местной мужской молодежи, то она находит себе реванш в роде своих ахмальк'ов, где представители ее встречают такой же прием у своих «тестей» и среди многочисленных своих «жен». Между мужской молодежью обоих родов («навх'ами»)[1] устанавливаются, благодаря частым свиданиям, уже не говоря о матримониальном родстве, самые трогательные отношения. Это та среда, где больше всего процветает дружба. У гиляков очень в ходу обычай побратимства. Обыкновенно оно выражается в периодическом обмене подарками, взаимной помощи в беде и т. п. услугах. Но самые трогательные случаи побратимства приходится наблюдать среди навх'ов. Один такой пример, особенно меня поразивший, мне пришлось видеть в с. Нгамбево, на восточном берегу Сахалина. Оба друга «навх'и» жили в одной юрте, все у них было общее, ходили друг за другом, как влюбленные, почти никогда не разлучаясь — настоящие Орест и Пилад. Правда, оба были очень молоды, холосты, и трудно сказать, что сталось с их чувствами впоследствии, но уже одна возможность таких примеров рельефно рисует отношения между членами матримониальных родов.

Принцип взаимопомощи между последними выражается и в праве наследования, которое, несмотря на строго агнатную основу, знает одно исключение, именно по отношению к пандф'ам: по завещанию, как мы уже знаем, ымги может получить железный «шагунд» (т.-е. идущий на калым), а ахмальк— «шагунд» меховой (идущий на приданое невесте). Это правило, сводящее калым к простой формальности перекладывания его из одного кармана в другой, между прочим, служит важным указанием того, что калым у гиляков первоначально не носил характера платы за невесту, а скорее являлся формой религиозного выкупа. Но за что?

Дело в том, что, при гиляцких нормах брака, калым является вообще странной аномалией. В самом деле, раз брак религиозно обязателен из рода матери, да еще предпочтительно между детьми брата и сестры, то какая же речь может быть о плате или выкупе за невесту? Очевидно, что возникновение этого института должно было быть вызвано какой-нибудь новейшей переменой в брачных нормах. Эту перемену мы знаем: она заключалась в том, что в некоторых случаях, когда брак из рода матери оказывался невозможным, приходилось брать жен из постороннего рода, но этот последний, в свою очередь, обязан был беречь своих женщин для собственных законных ымги и мог поэтому согласиться на отдачу женщины чужому не иначе, как замаскировав это каким-нибудь актом благочестивого обмана богов, который в то же время был бы связан с личными выгодами тестя. По аналогии с религиозным *выкупом* при мести (см. выше) и создался институт калыма, удовлетворяющий и интересам тестя и требованиям религии. В свою очередь, род ымги, нарушивший свой закон, ограждал себя другой фикцией: весь род «незаконного» тестя получал титул ахмальк'а и становился как бы законным родом для брачных союзов. По мере учащения подобных случаев калым, исключительный генезис которого был забыт, стал общим правилом при всех браках даже с законными родами.

---

[1] Напомним, что навх'ами называют себя взаимно ымги и „братья" их „жен".

Таково, может быть, происхождение калыма и у других народов.

Другим важным фактором, закрепляющим узы между матримониальными родами, является участие пандф'ов в медвежьем празднике.

В смысле цементирования междуродовых отношений он играет едва ли не большую роль, чем олимпийские игры для племенного объединения греков. Медвежий праздник происходит каждую зиму то в одном, то в другом селении, а в селениях многолюдных редкая зима проходит без праздника. Посетить такой праздник не сопряжено ни с какими затруднениями. Запрягается нарта, которая имеется у каждого хозяина, и отправляются в путь: все остальное не забота гостя.

Везде по пути, равно как и в селении, где происходит праздник, будут кормить его собак и его самого угощать самыми изысканными блюдами. А за маленькое беспокойство путешествия — целый ряд высоких социальных удовольствий. Во-первых, самый обряд праздника — процессия, стрельба в цель, убиение, обряжение медведя и т. д. Далее, встречи с самыми умными и почетными представителями племени. Наконец, состязание в борьбе, гонках, плясках, пиршества, беседы, шутки, песни, словом — бездна наслаждений. На суровом фоне серого существования, исполненного голодовок, лишений, опасностей и однообразия впечатлений, медвежьи праздники являются самыми светлыми моментами жизни, своего рода вехами житейского пути, о которых вспоминают и мечтают... Но эти шумные многолюдные празднества строго регламентированы. Кроме сородичей, приглашаются только ымги, которые имеют право приглашать уже от себя своих ымги, но ахмалк'и вовсе не участвуют.

До такой степени строго соблюдается это правило, что тот самый хозяин, который все силы употребит, чтобы как можно почетнее принять и одарить своего ымги, на праздник к этому последнему даже не приглашается, но зато он будет первым гостем у своего ахмальк'а. Образуется таким образом непрерывная цепь, соединяющая длинный ряд родов в их социально-религиозных празднествах.

Какую важную роль играют ымги на медвежьем празднике, мы уже отчасти говорили в главе о религии. Им выезжают навстречу за много верст, им предоставляют самую почетную функцию на празднике, именно убиение медведя, и все время они служат центром внимания всего рода. Их везде откармливают доотвала, рвут из юрты в юрту и, наконец, перед отъездом им отдают большую часть туши медведя. Все эти акты гостеприимства и почетного внимания увенчиваются серьезными религиозными обрядами, санкционирующими братский союз родов. В начале праздника ымги обмениваются с хозяином ніч'ами (символ общего сотрудничества в промыслах, см. выше); перед отъездом на прощание ымги дарит своему ахмальк'у собак, которые вместе с собаками последнего пойдут к хозяину гор и общему кормильцу рода, а в последний момент ымги совершает церемонию «топтания порога» (см. выше). Такие вещи для первобытного человека не формальности, они закрепляют узы родства высшей санкцией религиозного авторитета.

Но узы эти не ограничиваются только временными «кормлениями», гостеприимством, приглашениями на промыслы и празднества.

Они идут еще дальше, поднимаясь в своей интенсивности до силы настоящей родовой связи. Когда у человека мало сородичей, или он плохо ладит с ними, он покидает родовое селение и навсегда переходит жить к пандф'ам. Вот почему, между прочим, так мало селений с однородным составом жителей; везде сородичи перемешаны со своими ымги или ахмальк'ами. Но особенно ценными оказываются эти узы в делах мести. В экстренных случаях, когда род, вовлеченный в войну, оказывается малосильным, пандф'ы помогают ему «поднимать кость» и обороняться от нападений с тем же самоотвержением, как и собственным сородичам. Только в уплате тхусінд пандф'ы не могут участвовать. Еще более, быть может, ценны матримониальные узы в деле примирения родов, особенно когда враждующие из-за мести роды сами между собою пандф'ы, как это нередко и случается, и мы уже высказали в главе о мести свое убеждение, что самый институт *виры*, по всей вероятности, обязан своим происхождением благодетельному влиянию женщин и религиозно-социальным узам, связывающим матримониальные роды.

Таковы отношения между родами ахмальк и ымги, отношения, расширяющие узкие рамки замкнутого рода и распространяющие его симпатии на целый ряд посторонних родов. Это целая школа социального воспитания, школа благоволения, гостеприимства, сострадания и, наконец, социальной благовоспитанности. В этой школе создаются те социальные навыки и чувства, которые в конце концов становятся сильнее междуродовых уз, и превращаются в симпатии к целому племени и, наконец, к людям вообще. Термин навх, которым именуют друг друга в соответствующих поколениях представители родов ымги и ахмальк, в конце концов стал обычным обращением, с которым адресуются ко всякому чужеродному и незнакомцу. Этот формальный оборот есть только выражение настоящего глубокого переворота в отношении к чужеродным.

Гостеприимство, вежливость, сострадание — добродетели, которые гиляки в действительности применяют ко всем без различия, не только к чужеродцу-единоплеменнику, не только к исконным иноплеменным соседям, как ороки, гольды, айны, но и к новым пришельцам, тунгусам, якутам и, наконец, к русским, причинившим им так много зла. Сколько раз беглые каторжные вырезывали целые семьи гиляков после самого гостеприимного приема с их стороны, и тем не менее только в редких случаях гиляк откажет в гостеприимстве забредшему к нему русскому. Если случалось, что гиляки поступали[1] жестоко с беглыми, то это было не более как родовая месть за убитых сородичей, — то же, что они считают своим долгом делать по отношению к своему же единоплеменнику-убийце. Но отдельные акты подобного рода нисколько не изменяют общего их отношения к иноплеменникам. Есть, конечно, и у гиляков, как у цивилизованных народов, национальные предрассудки, но они исключительно сводятся к незнанию, к незнакомству с чуждым, неизвестным элементом, дающему полный простор для фантастических представлений и опасений. Такие предрассудки у них имеются даже к своим собственным единоплеменникам, живущим в более отдаленных местах. Так, гиляки западного берега Сахалина склонны представлять себе своих же соплеменников охотского берега чуть ли не людоедами, во всяком случае крайне злыми и вороватыми, хотя это чистейший предрассудок, вызванный незнакомством или обобщенными единичными случаями. Точно так же после первых походов наших казаков в XVII ст. гиляки не иначе называли русских, как кінр (чорт), но казаки им подали достаточно поводов к этому не только своей странной внешностью, невиданным одеянием и оружием, но и целым рядом бессмысленных жестокостей и разбойнической жадностью к «сорока сороков» ценных шкурок пушнины. Но теперь, когда гиляки встретились с мирными русскими людьми, они вспоминают о своем старом «предрассудке», как о смешном анекдоте, и умеют к своим соседям относиться с настоящей человечностью.

---

[1] Гиляки рассматривают русских беглых, как *один род*, представители которого друг за друга отвечают.

Но мы удалились несколько от нашей главной темы. Мы можем теперь резюмировать.

Те несомненные социальные навыки и чувства, которые мы видим в современном гиляке, бесспорно вынесены им из благодетельной школы социальных отношений, выработавшихся первоначально среди матримониальных родов, и от них уже были перенесены постепенно сначала и на всякого единоплеменника, далее, на иноплеменных соседей и, наконец, на человека вообще.

Но источник социальных уз между матримониальными родами ахмальк'ов и ымги, как мы видели, коренится в той удивительной организации гиляцкого рода, анализу которой мы посвятили эти главы. В этой эволюции от эгоизма замкнутого рода через узы с близкими по крови чужеродными панд'фами до симпатии и человечности ко всякому, близкому и дальнему, заключается, быть может, самый высокий по поучительности вывод нашего долгого анализа. С того момента, когда установилось правило для человека жениться на дочери своего дяди по матери, заложено было и прочное основание для широкого роста социальных навыков и чувств.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГИЛЯКОВ

(СЕМЬЯ И БРАЧНО-ПОЛОВЫЕ НОРМЫ)

I.

ВВЕДЕНИЕ.

Строй гиляцкой семьи и нормы половых отношений кажутся при поверхностном знакомстве настолько простыми, обычными и сходными с нашими, что могут вводить в заблуждение даже серьезного наблюдателя. Известный академик Леопольд Шренк, проживший среди гиляков более 2 лет и оставивший нам хорошо известную многотомную монографию об этом племени, был глубоко убежден в том, что имеет перед собой обыкновенную патриархально-моноандрическую семью. Ему это казалось до такой степени очевидным, что противоположное мнение Зибольда, правда, слишком категорически утверждавшего, на основании сообщений японского путешественника XVIII в. Мамио Ринсо, что «северо-западный берег Сахалина (т.-е. территория гиляков) единственная страна в мире, где в силу закона или обычая практикуется полиандрия»,[1] он объясняет не точностью наблюдений Мамио Ринсо, которого он считает отличным наблюдателем, а «личным» его озлоблением против гиляков за то, что гиляцкие женщины заставили его исполнять, наравне с другими мужчинами, черные работы.[2] «У гиляков, — говорит в заключение Шренк, — ни на Сахалине, ни на материке, нигде не существует полиандрии».

По-своему Шренк был прав: лично ему, быть может, и невозможно было подметить полиандрической природы гиляцкого брака, ибо открытой, публичной полиандрии, в той форме, в ка-

[1] Siebold. Nippon. VII, p. 169.

[2] „Не желая укорять Мамио Ринсо в чистом вымысле, говорит Шренк, — не можем воздержаться от предположения, не руководили ли им мотивы личного свойства, которые, запутав его показания, дали повод к разнообразному толкованию... Тщеславие и опасение уронить себя в глазах правительства (за свое рабское положение) побудили путешественника объяснить свое унизительное положение среди гиляков обычаем их страны“ (т.-е. полиандрией и господством женщин). Л. Шренк. — Об инородцах Амурскаго края. 1903. т. III, с. 19.

кой ее себе рисуют те, которые ее в жизни не наблюдали, у гиляков, действительно, найти невозможно. С другой стороны, и показания Мамио Ринсо довольно неопределенны, так как, по незнанию языка, он мог заметить только фактические фривольности в отношениях, но никоим образом не мог понять главной сути, нормативности, правомерности замеченных им сексуальных отношений.

Чтобы раскрыть полиандрическую природу гиляцкого брака, необходимо либо проникнуть глубоко в самые интимные стороны гиляцкой жизни, знать их язык, подолгу жить с ними в их юртах (что и помогло Ринсо видеть то, что не удалось видеть Шренку) и, во всяком случае, познакомиться с родственной номенклатурой, что Шренку, благодаря малому знакомству с языком, совершенно не удалось.[1]

Для внешнего наблюдателя институт гиляцкого брака действительно не представляет ничего особенного. По всем внешним признакам жена или жены гиляка (многоженство — 2-3-4 жены — допускается гиляцкими обычаями) представляют его индивидуальную собственность. Жена покупается мужем за очень высокую плату у ее агнатов, отца или ее братьев, переходит на постоянное жительство в его дом, следует за ним в его передвижениях и переселениях и перед всем светом считается личной женой купившего ее гиляка и матерью его детей. Дети принадлежат исключительно отцу и наследуют ему после смерти. После нарождения первого ребенка как муж, так и жена перестают называться прежними именами и начинают величаться по имени новорожденного («отец такого-то, мать такого-то» — текнонимия). Исключительные права мужа на его жен, повидимому, публично санкционированы правом расправы, и даже кровавой расправы, с нарушителем его супружеских прав. Род основан на принципе агнатизма, брак экзогамный. Можно объехать всю территорию гиляков, жить в их юртах, подолгу наблюдать их семейную жизнь и не замечать ничего необычного. В больших зимних юртах обитатели занимают свои места семьями, живущими каждая своими собственными интересами. Между мужем и женой или женами и их детьми царит согласие и нежные отношения. Нередки случаи поразительной привязанности между супругами: когда один из них умирает, другой иногда налагает на себя руки или умирает от тоски.

---

[1] Немногие сведения, сообщенные Шренком из этой области, могут только вводить в заблуждение читателя. Так, например, он совершенно ошибочно утверждает, что свою мать и сестру отца человек одинаково называет общим именем „ymk". См. Л. Шренк, op. cit., т. III, стр. 6. Вероятно, лицо, информировавшее Шренка, говорило не о сестре отца, а о сестре матери.

Словом, по всем видимостям, мы имеем тут дело с типом индивидуальной семьи, которую принято называть патриархальной и уже во всяком случае не полиандрической. Таковы были вначале и мои собственные впечатления. Но первые же мои расспросы из области родственной номенклатуры вызвали во мне серьезные сомнения, и я решил поэтому прежде всего детально изучить эту сторону отношений. Изучение родственной номенклатуры казалось мне наиболее успешно выполнимым при систематической переписи населения. С этой целью в течение зимы 1891 г. я предпринял свою первую перепись гиляцких сел западного берега северного Сахалина, в результате чего было открытие сложной классификаторской системы родства и своеобразной формы группового брака.[1]

Следующие переписи в других областях территории гиляков (1891—1894 гг.) дали мне полную и всестороннюю картину родственной номенклатуры и половых отношений со всеми их вариациями по отдельным родам и диалектам. В частности, за эти годы мне удалось ознакомиться также с совершенно своеобразным строем семьи у сахалинских айну, резко отличающихся типичными особенностями матернитета. В 1895 и 1896 гг. я исследовал в этом же отношении тунгусские племена Приамурского края, где мне удалось открыть подобную гиляцкой, но значительно разнящуюся от последней, вполне выработанную классификаторскую систему родства. Таким образом, у меня собрался достаточный материал для всестороннего сравнения как терминологии родства, так и семейно-родового быта у всех представителей Приамурского края.

В виду крайней важности терминологии родства для понимания всего строя семьи и рода у гиляков и в виду обширных споров, возникших в последнее время в науке по поводу классификаторской системы родства и ее значения, мы считаем нужным рассмотреть ее во всех деталях.

---

[1] Отчет об этом был в свое время представлен автором Московскому обществу любителей естествознания и появился под названием „Сахалинские гиляки" в 1893 г. в органе этого Общества „Этнографическом обозрении" (1893 г., кн. 2). В заграничной прессе об этой статье был отзыв Фридриха Энгельса в „Die Neue Zeit". 1892-93. XI Jahrgang, B. I.

II.

ТЕРМИНЫ И ФОРМЫ РОДСТВА.

Прежде чем перейти к самой родственной номенклатуре у гиляков, небезынтересно будет остановиться на вопросе, насколько эта номенклатура самостоятельна в формальном смысле этого слова, в каком отношении она стоит к таковым у их соседей айну и у тунгусских народов Приамурского края и через последних к урало-алтайской группе народов вообще, ибо при том беспрерывном процессе смешения, который неизбежно имел место у гиляков с их соседями, заимствования именно в этой области должны были быть особенно заметны. Ниже мы дадим специальный очерк номенклатуры и норм брака как у айну, так и у тунгусских народов. Мы увидим, что и у этих народов имеется классификаторская система родства, хотя и значительно отличная от гиляцкой, и тем интереснее выяснить, насколько сходны между собой эти родственные названия.

Начнем с айну. Уже a priori, принимая во внимание счет родства по матери и другие резкие черты матернитета, в противоположность агнатному принципу гиляков, можно было сказать, что сходного должно быть мало в родственных названиях у обоих народов. Действительно, единственный, фонетически вполне совпадающий термин это термин «aki», но в гиляцком, как и в тунгусских, языках он означает — старший брат, а в айнском, наоборот, — младший; таким образом, совпадение может быть совершенно случайное. Другие более или менее близко с гиляцкими звучащие айнские термины, например, — «ача» — дядя, «папа» — мать (Курильские о-ва) по значению опять-таки не совпадают: гиляцкое «ачк» означает тещу, тетю, бабушку; «папах» старшую сестру. Все остальные термины не имеют никакого, даже отдаленного сходства между собой. Гораздо больше сходства можно было предполагать с урало-алтайскими, особенно с тунгусскими идиомами, так как и по счету родства и по другим особенностям норм брак гиляков сильно приближается к ним, и, кроме того, сношения между этими народами с давних пор были более интимными, чем с айну. Тем не менее и тут изолированный гиляцкий язык остается в значительной мере верен себе. Только немногие термины настолько близки, что дают основание предполагать взаимное заимствование. Прежде всего обращает на себя внимание термин для обозначения класса старших братьев: гиляцкое — «akand. aka, aki» общетунгусокое «a'ga, aki», ольчское — «axa, aki», общетюркское «aga, akyn, axun». У тунгусских народов, в отличие от гиляков, этим термином, кроме старшего брата, еще обозначается и младший брат отца, а в тюркских — брат отца вообще, что на гиляцком языке имеет два совершенно самостоятельных названия — «ytk» (отец) и «pilang», при чем этот последний значит то же, что «a'ga» в тунгусском, т. е. старший.

Общим, далее, может считаться корень „ap, app": в гиляцком „app, аррук", у тунгусских народов (ольчей, орочей, ороков) — „apan'ga, yрan'ga", употребляемый у тех и других для обозначения тестя (у гиляков — также для брата матери), при чем у тунгусских племен еще во многих других значениях, не совпадающих с гиляцкими терминами. У монголов, тюрков и якутов корень этот тоже встречается в формах „aba'ga, apa'ga" — старший брат отца, „apa" (у других тюрков) — старшая сестра. Об этом термине „app, аррук" у гиляков можно с большой уверенностью сказать, что в их языке он является прямым заимствованием, так как на ряду с тем и даже гораздо чаще чем „аррук" употребляются другие термины, чисто гиляцкие — „atk, axmalk", и замечательно, что именно на Амуре, где гиляки непосредственно граничат с тунгусами, термин „app" встречается наиболее часто. Далее отметим возможность общности корней в следующих терминах, по значению, впрочем, не совсем совпадающих: гиляцкое as'x — младший брат и гольдское ачха — младший брат отца (бирары); гольдское edl — муж и гиляцкое edr: — отец жены, тесть; гиляцкие ytk — отец, atk — отец жены, ачk — мать жены и северо-тунгусское ətki — отец и старший брат жены и atki — мать и сестра жены[1] и некоторые другие, более сомнительные, как, например, монгольское omok, otok — род и гиляцкие редкие формы: ota — отец, oma — мать. Безусловно заимствован из тунгусского гиляцкий термин ivy — жена брата, соответствующий yvy у ольчей, так как у гиляков он встречается только на территории, соседней с ольчами; в других же местах неизменно употребляется коренное гиляцкое слово an'g:ej. В тюркских языках, кроме указанного aga, akyn, axun, находим созвучные формы в эг — мужчина, муж, герой (монгольское ere), „er" — взрослый человек; (гиляцкое er: — отец); ata, aba, apa — (гиляцкие ota, yta); эччі (старотюркское) — старший брат, дядя по отцу (гиляцкое учх — старик, муж) и, наконец, og:lan — молодой человек, юноша, мальчик и o:l — сын (гиляцкое og:lang, o:la — сын, ребенок). Затем, быть может, некоторый интерес представляют фонетически близкие к гиляцким коряцкие термины ačiče, iičel, ap (гиляцкие ačik, iič, ap).

---

[1] Иохельсон. Материалы, 240.

Таковы те небольшие сближения, которые представляют гиляцкие родственные термины с их близкими и дальними соседями на азиатском материке.

Каково происхождение этих сближений, трудно сказать с несомненной решительностью. Как показывает сравнительное изучение терминов родства у самых отдаленных друг от друга народов, особенно в названиях отца и матери, часто являющихся простыми звукоподражаниями, возможны очень поразительные, но тем не менее несомненно случайные совпадения. В частности небезынтересно указать, что самый несомненно идентичный термин у гиляков и тунгусско-тюркских народов «aki, a'ga» — старший брат, легко мог бы с успехом быть сближаем с древнееврейским «ax» — брат, равно гиляцкое «oma» — мать, с древнееврейским «em», но выводы, конечно, из подобных сравнений были бы весьма рискованны. С другой стороны, не было бы ничего странного, если бы единичные термины, хотя бы такие важные, как «aki», оказались заимствованными. Лингвистика дает нам не мало доказательств этому. Например, в османском языке оказываются заимствованными такие кардинальные термины, как отец и мать, при чем название для отца — «peder» — заимствовано из персидского, а название матери — «valide» — взято из арабского. В другом тюркском наречии, именно у таранчей, оказывается заимствованным из персидского один только термин «xvar» — сестра.

Другой пример еще более поучительный. В тундренном роде юкагиров (наиболее смешавшемся с ламутами) заимствованы четыре самых кардинальных термина родства: «ama, əpə, aka, əkə — отец, мать, старший брат, старшая сестра, все же остальные (большинство) остались чисто юкагирскими. Иохельсон,[1] сообщающий эти факты, совершенно правильно объясняет этот странный факт частичного заимствования тем, что заимствованные термины совпадают по своему значению с юкагирскими, но во всем остальном система юкагирского родства резко отличается от тунгусской.

Так или иначе, каково бы ни было происхождение указанных выше сближений между гиляцкими и тунгусско-тюркскими терминами родства, являются ли они результатом случайных совпадений или результатом этнических взаимодействий, они настолько незначительны, что обширная родственная номенклатура гиляков остается совершенно самостоятельной не только по своему внутреннему содержанию, но и в лексическом отношении, и, принимая во внимание беспрерывный процесс смешения между гиляками и их соседями, можно только удивляться, что в родственной терминологии тех и других общего оказалось так мало.

---

[1] Иохельсон. Материалы. 210.

Об этой оригинальности гиляцкой терминологии с большой очевидностью свидетельствует и самая этимология гиляцких терминов родства, большинство которых можно проследить вплоть до их первоначальных корней, что указывает на прочную устойчивость их в течение долгого периода времени.[1]

Приведем несколько примеров. Так, группа „ytk“ — отец, „atk“ — дедушка, дядя по матери, „ytik“ — бабушка, „учх“ — старик, муж, „ачх“ — тетка, сестра отца, „ul-gu“ — мужчина (западный диалект) имеют общий корень „ul, yt“ — тело; группа „ymk“ — мать, „ymg:l“ — зять, сын сестры, „um-gu“ — женщина (западный диалект) имеют общий корень „um“. Далее, „an'g:ej“ — жена от „an'x“ — самка; „az'туч“ — возлюбленный, муж, мужчина (западный диалект) от „аж“ — самец и глагола „туч“ — быть, сделаться. Интересна группа „шаnk, шапх, тапх“ — женщина и тапж“ — сестра и т. д.

Остается еще сказать о диалектических различиях в родственных названиях. Различия эти второстепенного свойства. В коренных терминах либо вовсе нет различий, либо различия незначительного фонетического характера. Так, напр., „ytk, ymk“ отец, мать — совершенно одинаковы во всех диалектах; „tuvn, tuvn“ — брат (восточный диалект), в западном слегка изменено в „tul“; „og:la, og:lang“ в тымовском и восточносахалинском диалекте гласит „o:la“ в диалекте западном. В тех случаях, когда термины гласят фонетически совершенно различно, это происходит либо от заимствования от ближайших соседей, как в указанных выше „app“ и „ivy“, или от образования соответствующего термина от различных синонимов, общих всем диалектам. Так, например, „шапх“ — женщина в восточном диалекте образовалось от общего слова „an'x“ — самка, а „um-gu“ — женщина в западном диалекте одного корня с общим словом .ym(k)* — мать; точно так же ul-gu* — мужчина в западном диалекте одного корня с .ylk* (отец), а соответствующее az'myч в восточном ог аж — самец и т. д.

---

[1] Этого нельзя сказать по отношению ко многим историческим народам. Так, например, как сообщил мне известный тюрколог В. В. Радлов, у тюрков, судя по орхонским и уйгурским памятникам, родственная терминология, начиная с X века, за исключением одного — двух терминов, совершенно изменилась, даже в таких формах, как отец и мать и т. д.

В таблице родственной номенклатуры и объяснениях к ней мы дадим термины по диалектам и территориям, обозначая в скобках диалект Амура сокращением (А. Д.), диалект Тыми — (Т. Д.), диалект восточного берега Сахалина (В. Д.) и западного — (З. Д.) В дальнейшем в тексте мы всегда будем употреблять первый из синонимов восточного диалекта.

Теперь мы переходим к самому изъяснению терминологии родства. Предваряем только читателя, что гиляки счет родства ведут по мужской линии и что агнатная семья — только ячейка строго организованного экзогамного агнатного рода. Просим также читателя запомнить, что при упоминании того или иного термина, без особого указания на то, употребляется ли он мужчиной или женщиной, мы будем подразумевать, что термины эти употребляются одинаково обоими полами, в противном случае пол говорящего будет указан особо.

Формы родства

По основному строю гиляцкого брачного права свойство должно совпадать с родством. Гиляки различают две главных категории родства, которые могут быть названы: агнатное родство и когнатное. Первое обнимает всех лиц, связанных общим происхождением от одного предка-мужчины, иначе говоря, всех лиц, родившихся или адоптированных в том или другом роде, при чем женщины по выходе замуж переходят в род своих мужей. Когнатное родство бывает двух родов: первый обнимает тот род или те роды, куда вышли замуж женщины-агнатки данного рода, второй обнимает тот род или те роды, откуда данный род или отдельные члены его брали жен.

Лица, связанные агнатным родством, объединены общим именем k:xal-n'ig:yvyn* или просто k:xal — люди рода, сородичи (от k xal — род, n'ig:yvyn — человек). По отношению к первой группе когнатов, т. е. к членам рода или родов, которые берут или брали жен у k:xal-n'ig:yvyn, эти последние и весь их род объединены общим названием axmalk (тести) и обратно ymg:l (зятья). Наоборот, по отношению ко второй группе когнатов, т. е. тому роду или тем родам, откуда они сами берут женщин, они являются ymg:l (зятья) и обратно axmalk. Обе когнатные группы по отношению к первой и все три между собой носят характерное название pandf (от pandynd — родиться), т. е. единокровные, связанные общим происхождением[1] через женщин. Таким образом, свойство и когнатство совершенно тождественные понятия у гиляков. Как это случилось, мы это увидим при рассмотрении брачных норм. Теперь перейдем к рассмотрению каждой категории родства в отдельности.

Родство агнатное, родство внутри рода.

Внутри рода гиляки различают только три линии:

1) восходящее поколение («моих отцов поколение»), без различия прямых и боковых линий, так как братья отца обозначаются одним и тем же термином, что и родные отцы; различаются только поколения восходящей линии: 1-е, 2-е, 3-е, 4-е, 5-е и т. д.;

2) нисходящее поколение («моих детей поколение»), при чем под детьми подразумевается потомство не только лица говорящего и целого класса его братьев, родных и боковых всех степеней, но и все последующие нисходящие поколения этих лиц;

3) внутри каждого поколения линия бокового родства, обнимающего класс братьев и сестер (родных и боковых), так называемый класс «tuvn».

Кроме того, в каждом поколении сородичей различается класс мужей и жен.

Класс братьев и сестер („tuvn").

Для лучшего понимания последующего мы начнем с того класса, который называем классом tuvn.[2] Особенность этого термина, прежде всего, в том, что он обнимает безразлично лиц обоего пола: им одинаково обозначают и брата, и сестру. Другая особенность — еще более важная — заключается в том, что под tuvn подразумеваются не только братья и сестры родные, т.-е. дети одного отца, но и дети всех братьев отца, родных и боковых всех степеней родства, т.-е. братья и сестры двоюродные, троюродные и т. д. по мужской линии. Таким образом, внутри рода все агнаты и агнатки одного поколения — братья и сестры, кузены и кузины по мужской линии, а также женщины замужние и жены братьев мужа — между собой tuvn. Но tuvn, как мы увидим, человек может иметь и вне своего рода: это именно дети тех лиц, которых он называет вне своего рода своим отцом или матерью (см. класс отцов и матерей). Внутри этого класса есть одно крупное и важное подразделение, играющее главенствующую роль как в терминологии, так и в половых нормах, именно на лиц старше по возрасту говорящего или упоминаемого лица, и лиц моложе его, именно «akand, aki» — старший брат или сестра (tuvn) и «as'xand, as'x» — младший брат или сестра (tuvn). Для именования старшей сестры, в виду особенности ее положения в сексуальных правах, имеется сверх того термин «nanaxand, nanax, nanx» — одинаково употребляемый по отношению к ней как мужчинами, так и женщинами. Выработались, впрочем, некоторые частные термины для отдельных категорий этого класса. Так, имеется общий термин для обозначения понятия «сестра» в классовом смысле, именно ranr: (одного корня с ranx — сестра). Встречается (крайне редко, впрочем, да и то только в поэзии) термин «kivung, kiun» — брат.[1] Употребляются также описательные формы для различения родных от боковых tuvn: именно, „os'kyr: tuvn" — родной брат или сестра, «tukor: tuvn» — кузен, кузина по мужской линии. Но все эти названия не составляют звена в общей терминологии родства и в связанных с ней нормах полового общения. Если вы спросите двух хотя бы самых отдаленных агнатов одного поколения, как они приходятся друг другу, вы получите ответ либо просто tuvn, либо aki (старший tuvn), либо as'x, смотря по лицу отвечающему.

---

[1] Шренк (III, стр. 23) совершенно ошибочно утверждает, что родственники со стороны отца, иначе говоря, агнаты, члены одного и того же рода называют себя нгафк, а родственники со стороны матери амаль. В действительности оба термина, наоборот, означают исключительно родство либо по матери, либо по жене, но никоим образом не со стороны отца. Родственники по отцу носят указанное выше название: k:xal, k:xal-n'ig:yvyn.

[2] Термин, заимствованный из восточного диалекта; в западном он гласит tul.

Что касается вопроса о старшинстве между братьями боковыми, то оно определяется не старшинством по восходящей линии, а действительным старшинством самих кузенов, при чем в сомнительных случаях вопрос решается стариками.

Восходящая линия

В этой линии внутри имеются только две градации для каждого пола: 1) отцы и деды, 2) матери и бабушки.

Деды и бабушки. Термин «atk», реже «app, appyk», обозначает всех восходящих мужских по линии отца, т.-е. не только деда, прадеда и т. д., но и их братьев родных и боковых, т.-е. их класс tuvn — мужчин. Точно так же термин женской категории ačik, ytik, učik служит для обозначения бабушек, прабабушек и т. д. и их сестер — жен дедов, прадедов и их «братьев» (tuvn).

---

[1] „Ilxys' kivung xendra" — „тебя за брата считала", говорит героиня возлюбленному в одной песне. „Kiun" могло образоваться тоже от редкой формы akixun.

Если гиляку приходится в том или другом случае точнее обозначить лицо этой категории, прибегают, как и у нас, к описательному приему; например, желая назвать младшего брата прадедушки, говорят: n'i er: atk pilang — «дядя (младший) деда моего отца» и т. д., но подобные случаи редки, так как в брачных вопросах такие степени родства не играют никакой роли.

Класс отцов и дядей по отцу.

Тут приходится различать две формы, повидимому, отражающие две преемственные во времени стадии брачных и половых норм.

Гиляки, говорящие на западном диалекте, т.-е. гиляки материка и западного берега Сахалина, особенно начиная с сел. Ваал. и к северу от него, употребляют одни и те же термины «ytk» и пр.[1] для обозначения, кроме родного отца, еще всех его tuvn - мужчин, т.-е. братьев родных и боковых, и, кроме того, всех мужей сестер матери, при чем в некоторых местах, именно в с. Тамлево и к северу от него, на ряду с «ytk» и его синонимами, употребляется еще другой термин для обозначения братьев отца -- «pilang», соответствующий по значению аналогичному тунгусскому a'ga — старший. Другая группа, говорящая на восточном диалекте, делает различие между «братьями» (tuvn) младшими отца и «братьями» (tuvn) старше отца. Именно для первых она безразлично употребляет и термин ytk — отец и pilang — старший, а для вторых термин atk, т.-е. тот же, что и для обозначения деда. В разговорном языке и особенно в текстах термин «отец» (ytk и его синонимы) и у этой группы употребляется безразлично как для родного отца, так и для всех его «братьев» (tuvn). Особенно явственно это отражается в обычном употреблении термина «отец» во множественном числе, например, n'ytxyn — множественное число от ytk, отец буквально — «мои отцы» и означает: «отец» и его «братья» (tuvn) без различия возрастов. Из этого можно заключить, что первая форма единого термина для обозначения отца и его «братьев» более древняя и была некогда господствующей, но впоследствии была вытеснена под влиянием изменения в половых нормах.

Класс матерей.

Если в терминологии предыдущего класса существуют различия между восточными и западными гиляками, то в отношении класса матерей обе группы совершенно сходятся. Каждый гиляк, мужчина и женщина, называет одним и тем же термином «мать» (ymk и синонимы), кроме своей родной матери, еще следующие группы лиц: 1) всех «сестер»

---

[1] Полное перечисление терминов-синонимов см. ниже в таблице.

(tuvn — женщин) своей матери; 2) всех жен «братьев» отца;[1] 3) всех жен отца, т.-е. мачих; 4) вне рода: всех «сестер» лиц класса **axmalk** (об этом ниже).

Класс „жен" внутри рода

Наиболее употребительное название для жены в обоих диалектах an'x, an'g:ej. Этим именем гиляк называет внутри рода не только свою официальную жену, но и всех ее «сестер» (т.-е. tuvn — женщин), далее и жен всех своих старших «братьев» (т.-е. aki) и, наконец, всех сестер жен этих последних. Жен класса младших «братьев» (as'x) гиляк называет joxo, jox, тем же термином, каким тесть или свекровь называют свою невестку. Только незначительная часть гиликов на Амуре, благодаря соседству с ольчами, усвоила от них для жен всех «братьев» без различия особое название[2] ivy.

Чрезвычайно характерно, что «жены» класса tuvn, кто бы они ни были по своему происхождению, называют друг друга «сестрами» (tuvn) и, в зависимости от возраста их мужей, именуют одна другую nanx и as'x — «старшая сестра» и, обратно, «младшая сестра».

Класс мужей.

Класс мужей соответствует терминологии предыдущего класса — «жен». Внутри рода своего мужа женщина называет термином «муж» (pu, ivn, o'kono и т. д.) не только своего официального мужа, но и представителей класса его «братьев» (tuvn), со следующими, однако, вариациями. Восточные гиляки и часть западных различают между младшими «братьями» (tuvn) мужа и старшими: первых женщина называет pu, ivn, o'kono, т.-е. как своих формальных мужей, а вторых — alk. Гиляки северосахалинские и материкового побережья не делают различия между старшими и младшими братьями мужа, называя их одинаково **pu, o'kono**. Только гиляки амурские знают специальное одинаковое название для всех братьев мужа — n'orej (= n'i — мой + orej — муж) — термин, созвучный с ольчским родственным термином **oro**.

Класс нисходящих.

Класс нисходящих внутри рода, класс og:lang, og:la, вполне определяется предыдущими терминами класса отцов и матерей. Именем og:la всякий мужчина внутри своего рода называет не только своих собственных детей, рожденных от официальных жен, но и всех детей «братьев» (tuvn), равно как женщина, на ряду со своими детьми, называет og:la и детей всех без различия «братьев» своего мужа; но термин og:la применяется не только к первому поколению лиц, но и ко всем поколениям нисходящих, как своих собственных, так и всего класса tuvn. Таким образом, гиляк называет одним и тем же термином og:la не только собственных детей и агнатных племянников, но и всех нисходящих этих последних, т.-е. внуков, правнуков и т. д. Тут мы видим то же явление, что в терминологии восходящей линии, где одним термином «atk» определяются все поколения выше отца и матери.

---

[1] Единственное исключение я встретил во время переписи в с. Коль, где в одном случае жену старшего брата отца называют тунгусским термином yvej, что объясняется наличием в селении лиц тунгусского происхождения.

[2] У ольчей мужчина называет жену своего старшего брата yvy.

Кроме указанных нормативных случаев, термин og:la часто применяется и вне правила, как ласкательное, и к другим категориям. Так, женщина зовет часто этим термином сына сестры мужа, а мужчина — сына брата жены, хотя нормально для этих лиц установлены совершенно другие названия.

Отметим еще две специальные формы названий в этом классе: одну описательную для обозначения «родного» нисходящего — os'kyr: og:la — и другую, обозначающую первородство укуч, но оба эти термина ни в общем строе терминологии, ни в сексуальных нормах не играют роли.

Когнатное родство.

Теперь перейдем к терминам родства с лицами вне рода, к родству когнатному, являющемуся ключом этой системы. Мы уже говорили, что в гиляцкой системе родства свойство и кровное (когнатное) родство являются идентичными, что особого родства по свойству гиляцкая классификационная система не знает. Чтобы лучше понять этот странный факт, мы начнем наш обзор родства вне рода с родства по матери, т.-е. с родства с членами рода и всем родом, откуда пришла мать человека.

Прежде всего замечательно, что все сестры (tuvn) матери, не только родной, но и «матерей» классовых, являются «женами» (an'g:ej) моего отца и его класса tuvn. Соответственно этому все «сестры» (tuvn) моей матери и моих классовых «матерей» в то же время и мои «матери» (ymk), а я и мои «братья и сестры» (tuvn) им — «дети» (og:la). С другой стороны, еще важнее мои отношения к брату матери и его tuvn. Точно так же, как мой отец называет всех «сестер» матери своими «женами» (an'g:ej), точно так же я (если «я» — мужчина) называю уже от рождения всех дочерей братьев матери и их «сестер» (tuvn) — an'g:ej — своими «женами», и, обратно, они меня — своим мужем (pu); их дети зовут меня «отец» (ytk), мою официальную жену — матерью (ymk), а мы их — своими «детьми» (og:la). Что касается остальных сородичей и родственников брата матери, то установилась следующая терминология. Если «я» — мужчина, то я и все мои «братья» (tuvn) и мои нисходящие зовем брата матери и всех его мужских сородичей — atk, axmalk (дядя, тесть); жену брата матери, ее «сестер» и жен tuvn брата матери, равно как и жен восходящих брата матери зовем aчk, ytik — тетя, теща, бабушка; сыновей брата матери и его tuvn — axmalk, navx; обратно, все эти лица называют меня — ymg:l (зять) navx; моих жен, равно как и жен моих сородичей эти лица, смотря по поколению, называют то «сестрами» (tuvn), то «дочерьми» (og:la), но наших сестер и дочерей — одним термином «племянница» n'ern, и, наконец, все мои сородичи называют всех мужских сородичей брата матери axmalk (тесть), обратно — ymg:l — зять — пережиток того времени, когда был обменный брак. Этот последний термин очень характерен; он одного корня с umgu — женщина, oma — мать и свидетельствует о том, что термин зять ассоциирован с идеей о когнатном родстве, с родством через мать.

Но особенно замечательно, что родственная терминология, установившаяся между мной и поколением брата матери, не ограничивается только лицами нашего общего поколения, а повторяется соответственно и между лицами всех наших восходящих и нисходящих, так что, если я, мужчина, называю дочь брата матери своей an'g:ej, то мой отец называет сестру его, т.-е. дочь отца брата матери, в свою очередь, женой — an'g:ej. Равным образом, мой сын называет дочь сына брата моей матери своей «женой» и т. д., словом, называет так, как если бы каждая жена сородича была действительно дочерью сестры его отца.

Таким образом, родство по матери устанавливает не частичное родство семьи ее мужа с ее семьей, а устанавливает нераздельное родство между обоими родами, распространяющееся на каждого члена каждого из них. Если мой род — *A*, а род брата матери — *B*, то последний, как целое, будет называться axmalk'ом *A*, а этот, в свою очередь, vmg:l второго. И, что особенно замечательно, это отношение остается постоянным между обоими родами. Род *B* уже ни при каких обстоятельствах не может превратиться в ymg:l *A*. Это видно из взаимной терминологии родов. Звание «axmalk» рода *B*, как мы видели, произошло от того, что члены рода *A* имеют целые классы «жен» (an'g:ej) в этом роде; наоборот, мужчины рода *B*, среди женщин рода *A* имеют только либо сестер (tuvn), либо «дочерей» (og:la), либо «племянниц» (n'ern), но не «жен» (an'g:ej), и потому род *B* не может стать axmalk'ом *A*.

Терминология родства по матери определяет и другую форму когнатного родства, — родства по сестре отца. Пока эта последняя остается в моем роде, я зову ее агнатным термином nanx (старшая сестра, тетя), она меня as'x (младший брат), но с выходом замуж она и род ее мужа становятся по отношению ко мне и к моему роду, как я и мой род по отношению к роду брата моей матери, т.-е. муж сестры отца и его „братья“ (tuvn) называют всех сестер моего отца „женами“ (an'g:ej) и, обратно, они называются „мужьями“ (pu); дочери мои и моих tuvn являются an'g:ej сыновей сестры отца и их tuvn, и jox (невестками) всех восходящих мужа сестры отца; мужчины моего рода, смотря по классу восходящей линии, то atk, axmalk, то axmalk, navx сородичей мужа сестры отца, а те нам ymg:l, navx, а женщины того рода для нас либо наши агнатки — „тетки“ (nanx), „сестры“ (tuvn), „дочери“ (og:la), либо „племянницы“ (n'ern), словом, мой род — род axmalk, а род сестры отца — нам род ymg:l.

Терминология этой группы является центральным пунктом всей родственной терминологии, ибо по ее типу, т.-е. по типу родственных отношений между человеком и братом его матери, создана вся родственная номенклатура брачного родства вообще. На ком бы ни женился гиляк, между ним и его родом, с одной стороны, и его женой и ее родом, с другой, устанавливается такая же терминология родства, как если бы жена его действительно была бы дочерью брата его матери. Наоборот, за кого бы гиляк ни выдал замуж свою сестру, вся родственная терминология, устанавливающаяся между родами, такая же, как если бы зять был, действительно, сыном сестры его отца. Вот почему гиляцкая терминология не знает родства по свойству, ибо тесть во всяком случае то же, что сын брата бабушки, зять человека — сын сестры его отца, отец зятя — сын сестры деда и т. д., и, следовательно, все члены обоих родов как бы кровные родственники между собой.

Таким образом, имея в памяти родственную номенклатуру группы брата матери и сестры отца, мы имеем готовую схему для любой брачной комбинации между мужем и родом жены, между женой и родом ее мужа, между мужчиной и родом его замужней сестры и т. д. По этой схеме отношение человека к роду его жены, кто бы она de facto ни была по своему происхождению, по общему правилу должно быть таково: мой тесть и его восходящие, равно как и соответственные классы их **tuvn** приходятся мне **atk**, **axmalk**, их жены — **ачk**, их нисходящие мужского пола — **axmalk**, **navx**, я им — **ymg:l**, **navx**. Сестры моих **axmalk**'ов — мои матери (**ymk**), их мужья — мои «отцы» (**ytk**), я тем и другим — сын (**og:la**), равным образом, «сестры» (**tuvn**) моей жены — мне и моим «братьям» (**tuvn**) — «жены» (**an'g:cj**), их мужья — мне «братья» (**tuvn**). Дети их зовут каждого из нас «отцом» (**ytk**) и «матерью» (**ymk**) и между собой «братья» (**tuvn**). Наоборот, мои сестры и дочери для мужчин рода моего тестя просто племянницы, и потому никто из рода тестя не может стать **ymg:i** моего рода.

В эту стройную и вместе странную систему отношений между зятем и родом тестя в настоящее время в некоторых случаях начинает пробиваться брешь, а именно, если какой-нибудь сородич берет жену не из рода матери и вообще не из обычного рода **axmalk**, указанная терминология у некоторых родов теряет силу в 3-м поколении, но это отступление новейшего порядка.

Теперь, прежде чем покончить с этой системой, мы должны подчеркнуть еще две важные особенности, еще более усложняющие эту и без того сложную систему. Мы видели, что отношение между родами **axmalk** и **ymg:l** остается постоянным, так что члены первого рода — назовем его *A* (если *A* — **axmalk** *B*, то *B* **axmalk** третьего рода *C* и уже дает своих дочерей третьему роду) — должны, в свою очередь, иметь свой особый род или даже роды **axmalk**'ов (назовем его *C*), а 2-й (назовем его *B*) должен иметь свой особый род или даже роды **ymg:l** (*D*) Таким образом, между этими 4 родами устанавливается следующая родственная терминология: род *A* получает новые роды **ymg:l** (зятей) в лице родов *D*, а род *B* получает новые роды **axmalk**'ов в лице родов *C*. Эти вторичные роды, в отличие от первых, называются **tujma** — дальними; напр., **tujma axmalk** — дальний тесть, **tujma ymg:l** — дальний зять.

Наконец, в виду того что в настоящее время не возбраняется различным лицам каждого рода брать жен из различных родов, то каждый из таких браков устанавливает по отношению к каждому новому роду всю сложную ткань терминологии **axmalk** — **ymg:l**, т. е. каждый род в целом может быть **axmalk** и **ymg:l** ряда родов.

В заключение — самая замечательная особенность когнатного родства. В родах **axmalk** человек имеет не только когнатов — дядей, теток, племянниц, но и агнатов: «сестер тестей», которых он называет «матерями» ymk, их детей — «братьями» (tuvn); мужей сестер жен — „братьями" (tuvn), их детей — og:la, а они его ytk и т. д.

Таким образом, у человека по этой терминологии могут оказаться агнаты и агнатки вне его собственного рода. Каким образом могла явиться эта странная аномалия, мы это увидим при рассмотрении половых норм.

Теперь рассмотрим некоторые отдельные формы и особенности родственной терминологии.

Термин pilang.

Как в разговорной речи, так и в текстах весьма часто употребляется прилагательное pilang в соединении с теми или другими терминами родства. У других народов прибавление этого прилагательного означает повышение степени родства на одну ступень выше по восходящей линии (как, напр., father и grandfather). У гиляков, повидимому, оно имеет одно только значение, — именно указывает на зрелый возраст определенного лица. Дело в том, что, благодаря классификационной системе, даже такие термины, как отец, мать, дед, бабушка, которые в наших языках достаточно определяют возраст лица по отношению к говорящему, в гиляцком языке никакого отношения к возрасту не имеют; не только «отец», «мать», но даже «дед», «бабушка» могут быть моложе «сына» или «внука», а «сын» старше «отца» или «деда». Поэтому, когда желают указать, что речь идет о взрослых представителях того или другого класса, или о лице старше по возрасту говорящего, прибавляют прилагательное большой, взрослый: n'bilan n'a!k; n'bila n'emka; n'bila nanko; pila n'ig:yvya и т. д. — мой взрослый старший «дед», «дядя», «тесть»; моя старшая «мать»; моя взрослая «старшая сестра» или тетка, сестра отца; пожилой человек.

В одном только случае pilang, в форме pila n'ig:yvyn или pil[illegible] является родственным термином, именно в значении младшего брата отца; синоним ytk — отец — термин, выработавшийся, повидимому, под влиянием тунгусского термина a'ga.

Множественные термины родства.

Благодаря классификационной системе, выработалось обыкновение употреблять множественное число для таких терминов, как отец, мать, жена по отношению к одному индивидуальному лицу, например, „n'i'ytkynmox vind" — „я к отцам иду" (т.-е. в деревню, где живет класс отцов, хотя бы и родного отца уже и не было в живых); «pytkyn lo pymkxyn lo aryr:» — «своих отцов и матерей кормил».

Благодаря частому употреблению таких терминов во множественном числе, получилось довольно любопытное явление. Во-первых, стали употреблять множественное число нередко и в тех случаях, когда по смыслу речь идет только об одном лице; например, вместо: «чеr: шaktdx vInd?» — «твой отец куда пошел?», часто говорят: «чer:kyn шaktox vInd?» — «твои отцы куда пошли?» Другой пример: «aka, pytxun xerja!» — «о, старший брат, нашим отцам сообщи!»[1] Приведу еще один характерный пример из одного из записанных мною текстов.[2] Герой рассказа говорит своей жене: «жена, я своих отцов, своих матерей искать пойду». Когда он их нашел, то оказалось: его мать на левой боковой наре сидела, его отец за матерью сидел, его дядя (т.-е. брат отца) на правой наре сидел, тут же молодая женщина сидела (вероятно, «сестра» матери)».

Любопытно, что в древнетюркских памятниках, именно в надписях Koshko—Zaidam В. В. Радлов нашел также следы подобной множественной терминологии, хотя в новейшее время следы классификационного родства, кроме терминов «старший брат», там совершенно исчезли. Поэтому, встретив в тексте выражение: «моя мать», «султанша» и «матери», он перевел последнее через мачеху. Ознакомившись с классификационной системой у гиляков, он был склонен толковать выражение «матери», как «матерей» классовых в отличие от матери родной.

С другой стороны, множественное число иногда обозначает собирательное из родственников родных классов: например, „чer:kyn" (буквально «твои отцы») употребляются в значении отец с матерью, отец и сородичи: „n'eorankxun" (буквально «мои жены») — в смысле возлюбленной и ее подруги; «ymg:lkyn» (буквально «зятья») — зять вместе с женами. Любопытно, что в юкагирском, повидимому, встречается такое же явление. Сужу об этом по одному случаю, приведенному у Иохельсона, где человек говорит «мои отцы» вместо «мой отец», хотя Иохельсон допускает, что множественное число могло быть употреблено из уважения к отцу, но, как это видно из контекста, «друг к моим отцам будет кочевать», об отце говорится здесь заглаза, и, следовательно, в оказании особого уважения и надобности не было.

---

[1] Л. Штернберг. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, I, стр. 13, строка 173, Петербург, 1908, изд. Академии наук.

[2] Ibid., стр. 85, строка 108-109; стр. 86, строки 120-122.

Термины родства в переносном смысле.

Любопытно, как отражаются термины родства на терминах, употребляемых между лицами, состоящими не в брачной связи, на возлюбленных. Оказывается, что в эту область часто переносятся термины из терминологии матримониальной. Так, женщина величает возлюбленного: o'копо (муж на западном диалекте), az'туч (мужчина, муж на восточном диалекте), ivn (жених), navx (из терминологии группы тестя и зятя). Очень интересно, что этим последним термином, равно как термином axmalk, называют себя иногда чужие между собой жены «братьев» и шутя мужчины, имеющие внебрачную связь с одной и той же женщиной, между тем термин navx и axmalk приобрел в практической жизни значение «товарищ», «участник в общем деле». Таким образом термин «navx» по своему значению в этих случаях совершенно совпадает с знаменитым гавайским термином punalua в семейной группе, получившей от него свое название.

В результате нашего обзора родственной терминологии мы находим у гиляков типичную классификационную систему родства.

Сводя воедино термины агнатного и когнатного родства, мы получаем следующие классы:

I. Tuvn = tuvn (В. Д.). tuf (З. Д.). В поэзии (редко): kivung.	I. Братья и сестры (немец. Geschwister): родные единокровные и единоутробные; дети братьев родных и боковых всех степеней родства; дети сестер родных и боковых всех степеней родства.
Отдельно: a) akand, aki — as'xand, as'x (В. Д).[1] ykind, yki—as'x (З. Д).	a) Старший брат (tuvn), старшая сестра (tuvn); младший брат и младшая сестра (tuvn); жена младшего tuvn (если „я" женщина).
	Старшинство в боковых линиях определяется не старшинством отцов, а возрастом соответственных лиц.
в) nanaxand, nanx (В. Д.). nynx (З. Д.).	в) 1. Старшая сестра (tuvn). 2. Жена старшего tuvn (если „я"- женщина).
c) ranr: (З. Д).	c) Сестра вообще (родная и боковая); tuvn женского пола.
d) nanaxand, nanx (В. Д.). nynx (З. Д.).	d) Старшая сестра; сестра отца; сестра tuvn отца; свекровь; сестра матери, если она замужем не за сородичем (в некоторых местах, с. Виахту), вообще же в этом случае она ymk.
II. Ymk. Редко: oma (Северный Сахалин).	II. Мать родная и мачеха; жены всех tuvn отца; сестры жен братьев (tuvn) отца; сестры (tuvn) матери; сестры (tuvn) моего тестя и его tuvn.

---

[1] При личном обращении эти термины принимают звательную форму, например: вместо akand — aka; вместо as'x — as'xa.

III. Ytk, yt. Другие формы: er:	III. Отец; отчим; tuvn отца;[1] муж „сестры" матери; брат (tuvn) мужа сестры матери; мужья сестер (tuvn) моего тестя и его tuvn; братья мужей сестер тестя.
а) Ytk или pilang, pilla n'ig:yvyn (последний чаще).	а) Во всех случаях § III, когда речь идет о младшем tuvn отца (у гиляков с преобладанием восточного диалекта).
IV. Atk, app, appyk, apo, edr:, etk.	IV. Старший tuvn отца (у гиляков восточного диалекта); дед, прадед и т. д. по матери и по отцу; tuvn дедов, прадедов и т. д. (с отцовской и материнской стороны); отцы, деды, прадеды и т. д. мужей сестры матери; отцы, деды, прадеды (и их tuvn) мужей сестер тестя; старший брат мужа (у восточных гиляков).
V. Aчik, aцik, aчk (В. Д.); asi (охотское побережье); yчik, ytik (З. Д.).	V. Жены братьев матери и их tuvn; жены отцов, дедов и т. д. брата матери; жены сыновей братьев матери; мать, бабушка и т. д. жены; мать, бабушка и т. д. сестры жены и вообще ее tuvn; бабушка, прабабушка (с отцовской и материнской стороны).
VI. Og:lang, og:la, eg:lang, o:la.	VI. Сын или дочь — дети; дети всех братьев — tuvn (если „я" мужчина); дети сестер (если „я" женщина); дети сестер (tuvn) жены; дети сестер жены брата; дети дочерей братьев матери и их tuvn.
VII. An g:e], an'x (к северу от Амура), an'x n'umgu (Амур). Другие названия: uank, uanx, ran'x.	VII. Жена; сестра жены; жена старшего tuvn; жена сына сестры (tuvn) матери; дочь брата матери и все ее tuvn; в некоторых местах на Амуре жену старшего tuvn зовут также ivy.
VIII. Jox, joxo.	VIII. Невестка; жена младшего брата (tuvn).
IX. Pu, ivn (В. Д.). Pu, il, o'kopo (З. Д.). Другие названия: yчix, a'zmyч, utgu.	IX. Если „я" женщина: муж; сын сестры отца; tuvn сына сестры отца; муж сестры; старший tuvn мужа. Отступления: 1. На материке к северу от Амура всех tuvn мужа зовут одинаково pu, ivn. 2. То же на западном берегу Сахалина в с. Тамлево и севернее все tuvn мужа — o'kopo, также jori; на Амуре — o'kopo, n'ore]. Наоборот, у восточных гиляков старшего брата мужа в отличие от младшего всегда зовут atk, edr:, даже er: (см. группу IV).
X. Atk, atyk, axmalk. Синонимы: app, appyk, aryr:, arьr:, учх, aryчx, edr:, eryr: (В. Д.). Appak, appyк, app, appo, amal (З. Д.).	X. Брат матери; tuvn брата матери; отец, дед, прадед и т. д. брата матери и их tuvn; отец жены, отец сестры (tuvn) жены; tuvn отца жены отец, дед, прадед и т. д. отца жены и их tuvn отец, дед и прадед и т. д. сестры (tuvn) жены.

---

[1] У гиляков материка и северо-западного побережья Сахалина, особенно начиная с Тамлево южнее только в с. Ямы. У последних для tuvn младшего от

XI. Navx, axmalk (navx чаще).	XI. Брат жены и его tuvn; дети брата жены и их tuvn.
XII. Ymg:l, emg:l, navx (В. Д.). Синонимы (редкие): ашх, рошхr: (З. Д.). Rak n'ivux, rag-n'ivux, ога (последние на Амуре, в соседстве с ольчами). В виде исключения o'kon.	XII. Если „я“ мужчина и мои жены: – сын сестры и всех моих женских tuvn; сын сестер отца и его tuvn; сын сестер дедов и т. д. и их tuvn; зять-муж дочери и ее tuvn; муж всякой женщины моего рода, всякой агнатки; всякий мужчина из того рода, члены которого (или хотя бы один) взяли жен из рода говорящего.

Совершенно изолированно стоит термин o'kon, характерный тем, что он одного корня с jox — невестка (невестка, жена младшего брата), т.-е. термин запретного характера. О термине navx необходимо сказать, что он употребляется чаще всего по отношению к мужу сестры и их детям мужского пола.

XIII. N'ern.	XIII. Если „я“ мужчина: дочь сестры (tuvn); сестра мужа дочери и ее дочери и вообще всех женщин, родившихся в роде, члены которого взяли когда-либо жен в роде говорящего.

III.

КЛАССИФИКАЦИОННАЯ СИСТЕМА РОДСТВА И НОРМЫ ПОЛОВОГО ОБЩЕНИЯ И БРАКА.

Теперь посмотрим, в какой мере указанная система родства соответствует современным нормам полового общения и брака.

У гиляков, по крайней мере, в настоящее время, не может быть речи о каких-нибудь общих запретах внебрачного полового общения.

Половое общение с женщиной в глазах гиляка представляется совершенно безразличным естественным актом, как всякий другой естественный акт, отвечающий известной природной потребности человека. Запреты и ограничения касаются только определенных кругов, связанных агнатным или когнатным родством. Вне этих кругов половое общение не подлежит никакой регламентации, ни осуждению как со стороны общественного мнения, так и со стороны религии. Вне запрещенных кругов половое внебрачное общение знает только одно ограничение: реакцию того или другого заинтересованного лица. Молодые люди известного рода, имеющие права на женщин известной мест-

---

ца употребляется сверх термина yik еще pilang. n'vil-nivux, соответствующий тунгусскому a'ga.

ности, могут быть недовольны чуждым узурпатором и основательно проучить чужака от залезания в чужие ему области, что, впрочем, случается очень редко. Гораздо серьезнее последствия, если в дело замешана замужняя женщина. Чужой, застигнутый *in flagrante delicto* с замужней женщиной, убивается на месте преступления; таков был обычай, по крайней мере, до самого последнего времени; немногих только страх перед уголовной репрессией стал удерживать от импульсивных убийств, которые начинают заменяться дуэлями и выкупами. Менее страдает в таких случаях женщина: ее основательно избивают, но до убийства дело никогда не доходит: во-первых, потому, что, как мы увидим далее, женщина считается всегда когнаткой мужа, во-вторых, потому, что она ценность, обошедшаяся довольно дорого ее мужу, и притом необходимая рабочая сила. Так или иначе, без репрессии, кровавой для мужчины и более или менее кровавой для женщины, дело не обходится. Но все это касается только случаев с замужней женщиной. Половое общение с незамужней женщиной или вдовой, если оно происходит с согласия женщины, не вызывает никаких реакций даже со стороны отца или братьев жены, несмотря на их крайнюю заинтересованность в калыме, получаемом при выходе женщин замуж: мне, по крайней мере, о репрессиях в подобных случаях не приходилось слышать. Реакция со стороны родственников женщины возникает только в случае насилия: тогда возможны дуэли и тяжбы о выкупе. Нет также в настоящее время запретов для вступления в брак с лицом этой категории, т.-е. с лицами, не связанными родством. Другое дело между лицами, связанными классификационными терминами родства. Тут на сцену является законченная система ограничений и запретов. Тут на сцену является против нарушителей запретов и общественная реакция и категорический императив религии, под влиянием которых выработались соответственные инстинкты, обратившие искусственно созданные нормы в естественные чувства человека. На этой стороне психики гиляков мы остановимся более подробно впоследствии, когда будем говорить о половой нравственности, теперь перейдем к самым нормам запретов и ограничений.

Эти запреты и ограничения, оказывается, совершенно совпадают с родственной номенклатурой. Только те лица имеют право на половое общение между собой и на вступление в брак, которые, соответственно установившейся классовой терминологии, [illegible] числятся в классах [illegible] и [illegible] т.-е. от рождения именуют друг друга «муж» и «жена». Все остальные классы подчинены безусловному запрету.

Кто же эти запретные классы? Прежде всего это обширный класс k:xal, т.-е. лица, рожденные в одном общем агнатном роде. Гиляцкий род абсолютно экзогамен: среди агнатов, как мы видели, нет классов, именующих друг друга «pu» и «an'g:ej»; среди них ни брак, ни половое общение невозможно. И при этом случае мы должны самым категорическим образом выступить против утверждения Шренка, что гиляцкий род эндогамичен. «Принадлежность к роду — говорит Шренк — не играет никакой роли в важнейшем явлении их жизни, именно в браке... Гиляки вполне допускают у себя браки между гиляками одного и того же кал'а (рода)».[1] В другом месте он говорит еще более определенно: «вступать в браки не могут только родные братья и сестры и дети двух родных братьев».[2] Это безусловно ложное утверждение было бы прямо необъяснимо для исследователя, проведшего около двух лет в общении с гиляками, если бы не тот факт, что Шренк не овладел гиляцким языком и вынужден был объясняться через проводника. На основании многолетнего общения с гиляками на их собственном языке и специально тщательного изучения брачного права, я категорически могу опровергнуть это ни на чем не основанное и вообще антинаучное утверждение Шренка: между лицами, рожденными в одном роде, ни брак, ни половое общение абсолютно не допускается.

Переходим к отдельным классам как внутри рода, так и вне его, которые исключены из права полового общения и брака.

Класс восходящих и нисходящих.

Классы, члены которых зовут друг друга .atk, anik, ytk, ynık, nanx и обратно og:la, т.-е. классы дедов и бабушек, отцов и матерей, агнатных и когнатных дядей и теток — с одной стороны, с другой — их потомки. Таким образом, исключено общение между восходящими и нисходящими не только в прямой, но и в самых отдаленных боковых линиях: ни между дядями и племянницами, ни между тетками и племянниками (и соответственно в классах их tuvn как в агнатной, так и в когнатной линии) половое общение не допускается. Но запрет в этих линиях не ограничивается только между лицами различных полов внутри этих групп; он распространяется и на лиц, состоящих в браке с этими лицами, и притом не только с состоящими в фактическом браке, но и вообще на лиц, числящихся по родственной номенклатуре pu или an'g:ej одного из этих лиц. Так, например, если «я» мужчина — мой дядя по отцу (ytk, pilang) не может иметь полового общения не только с моей женой, но и с самой отдаленной сестрой моей жены, хотя бы она была даже замужем за чужеродным человеком, ибо я ее зову an'g:ej — жена, равно как я не могу иметь полового общения не только с женой своего дяди по отцу, но и с сестрой его жены по отцу, хотя бы она была замужем за чужеродным человеком, ибо она мне ymk — мать.

---

[1] Шренк, II, стр. 23, 24.

[2] Ibid., стр. 6

Но запреты в этих группах идут еще дальше. Из родственной терминологии мы знаем, что к восходящим относятся, кроме указанных категорий, еще сестры отца жены и их мужья (они мои «матери» и «отцы»), сам отец моей жены и его жена и их братьями и сестры (tuvn) и все их восходящие (они мои «дяди» и «тетки»). Все эти лица также запретны соответственно их полу для «зятя» и его «жены» и классов их братьев и сестер (tuvn) как действительные деды и отцы, бабушки и матери, дяди и тетки к их прямому или боковому потомству.

Но не нужно думать, что упомянутые запреты между лицами восходящими и нисходящими представляют запреты между фактически различными поколениями. Нисколько. Различие в поколениях чисто номинальное: при классификационной системе, когда один и тот же термин ytk, ymk, atk — отец, мать, дед одинаково применяется как к лицам действительно восходящего поколения (к родному отцу, матери), так и к их братьям и сестрам; значение не только поколений, но и возрастов, совершенно пропадает: брат или сестра отца могут быть моложе говорящего, хотя они по отношению к этому последнему числятся матерями и отцами, и тем не менее запреты одинаково действительны в силу одной только родственной классификации.

Класс tuvn

Он состоит из двух групп — из 1) группы потомства агнатных братьев и кузенов и 2) группы потомства агнатных сестер и кузин.

Внутри каждой группы в отдельности во всех поколениях ни половое общение, ни браки не допустимы, что совершенно гармонирует с родственной номенклатурой, так как ни в одной из этих групп нет лиц, именующих себя pu и an'g:ej, все они tuvn.

Одно только отступление относительно потомства сестер замечено мной, и то лишь у некоторых родов, а именно, если сестры замужем за чужими друг другу лицами, то запреты действительны только в первых двух поколениях. Но это чисто местное отступление, вызванное крайней стеснительностью запрета при крайнем недостатке женщин. Вообще же запрет строго соблюдается как в среде потомства братьев, так и в среде потомства сестер. Этот запрет, забронированный табу и который нам кажется противоестественным, у гиляков стал инстинктивным чувством, — именно запретом взаимного глядения друг на друга и разговора (см. ниже). До какой степени запреты внутри этой группы вошли в плоть и кровь даже в самых отдаленных степенях родства и даже по отношению к лицам, которых они называют «tylgund-tuvn» (агнатный кузен по преданию), превратившись в их представлении в естественное явление природы, можно видеть по их отношению к нарушениям этого запрета у их единственного домашнего животного — собаки. Среди собак, по убеждению гиляков, брат и сестра не совокупляются. Исключения очень редки, и их приписывают навождению **milk'a** (злого духа). Поэтому, когда гиляк замечает подобное кровосмешение, он обязан убить собаку, иначе грех падает на него самого. Правда, убиение производится по религиозному ритуалу, путем церемонии удушения, кровь брызгают в жертву во все четыре стороны, но для собаки это является наказанием за кровосмешение. Любопытно, однако, что кровосмешение между восходящими и нисходящими (сыном и матерью и т. п.) среди собак гиляками терпится и преступников не убивают (не по утилитарным ли соображениям, так как производители очень ценятся ими?).

Когнатные кузены и кузины.

Здесь, конечно, речь может итти только о кузенах и кузинах когнатных, т.-е. о детях брата и сестры, так как дети братьев, с одной стороны, дети сестер, с другой, считаются **tuvn**, и о полной запретности внутри каждой из этих групп мы уже говорили. Из номенклатуры родства мы знаем, что термины, употребляемые кузенами между собою, стоят в зависимости от того, является ли кузен или кузина, к которым обращаются или о которых говорят, сыном или дочерью брата матери или сестры отца, именно: если «я» мужчина, то дочь брата своей матери я зову **an'g:ej** (жена), и обратно, она меня — **pu** (муж); но моя сестра зовет сына брата моей матери **axmalk**, **navx** (тесть, свояк), и, обратно n'ern — свояченица, т.-е. терминами, ничего общего не имеющими с терминами матримониальными; и эти термины совершенно соответствуют действительности. Половое общение и брак между дочерью сестры и сыном ее брата (и соответственно между их tuvn) не допускаются; наоборот, брак между сыном сестры и дочерью ее брата не только допускается, но считается правомерным явлением. И в этом случае, как и во всех других, термины брат и сестра — термины классовые, т.-е. нормы, действующие между детьми брата и сестры, распространяются на детей братьев и сестер самых отдаленных степеней родства и свойства. Таким образом, обменный брак между детьми братьев и сестер, как это практикуется, например, у тунгусских народов, не допускается; сыновья имеют права на дочерей брата, но сыновья брата запретны для дочерей сестры, и это для всех классов tuvn. Эта норма, кажущаяся частного порядка, касающаяся только братьев и сестер, играет огромную роль в нормах, регулирующих половые отношения между целыми родами, как это мы увидим в следующем отделе.

Особенно поразительно то, что указанные запреты, регулирующие отношения между детьми брата и сестры, распространяются не только на класс их детей — кузенов, но и на оба рода в совокупности. Права и запреты, связывающие детей брата и сестры и их кузенов, распространены на все поколения обоих родов; именно, в каждом поколении, как мы видели в предыдущем отделе, все мужчины класса tuvn в роде сестры и все женщины — tuvn в роде брата зовут взаимно друг друга от рождения pu и an'g:ej, и они, действительно, имеют право полового общения и брака. Но мужчины из рода брата и женщины из рода сестры друг для друга абсолютно запретны во всех поколениях, и называют друг друга nanax (старшая сестра), если она в восходящем поколении, и n'ern, если в одном поколении, а женщины зовут этих мужчин — axmalk. Таким образом, женщины из рода замужней сестры запретны для всего рода ее брата. Еще более поразительно, что нормы эти распространяются на роды зятя и тестя вообще, хотя бы отцы брачущихся были совсем чужие; стоит только одному какому-нибудь члену из рода *A*, положим, жениться на женщине из рода *B*, хотя бы эта женщина и члены ее рода совершенно были чужды роду *A*, и между обоими родами устанавливаются такие же отношения, как-будто тесть данного человека был братом его матери: весь класс «сестер» (tuvn) в каждом поколении рода тестя — это жены «братьев» (tuvn) рода зятя, и, наоборот, жены последнего запретны для первого.

Родственная номенклатура совершенно соответствует этим нормам: atk, axmalk — обозначает брата матери и тестя вообще, ymg:l — зятя вообще и сына сестры или даже всякого мужчину рода сестры. Эта норма приводит к очень сложным последствиям. Случается очень часто, что отдельные члены того или другого рода *A*, положим, брали жен из нескольких различных родов и, в свою очередь, отдавали своих женщин в несколько различных родов, и вот по отношению ко всем этим родам для рода *A* действуют те же запреты, что и в первом случае, когда дело шло только о двух родах, т. е. женщины рода *A* запретны для всех родов, откуда члены его брали себе жен, и обратно, женщины всех родов, члены которых брали жен у *A*, запретны для рода *A*. Эта стеснительная регламентация усугубляется еще следующим ограничением. Род *B*, положим, откуда мой род *A* берет женщин, в свою очередь, берет жен у рода *C*, и вот этот род *C*, став axmalk'ом рода *B*, становится axmalk'ом и моего рода *A*, и, следовательно, жены моего рода запретны не только для рода *B*, моего непосредственного axmalk'a, но и для рода *C*, который, как мы видели, называется в отличие от первого «tujma axmalk» — (дальний тесть) на Амуре — tun'g:l axmalk. Но это явление имеет и свою обратную сторону. Если для того или другого рода, по мере того, как увеличивается число родов, берущих у него женщин, соответственно растет количество запретных родов, то, с другой стороны, по мере того, как его члены начинают брать жен из различных родов, соответственно возрастает число доступных женщин в этих родах тестей, потому что в каждом из этих родов являются новые целые классы жен — aa'g:ej. Тем не менее расширение запретов на роды axmalk'ов самых отдаленных степеней, естественно, вызвало среди малочисленного племени, насчитывающего едва 4½ тыс. населения, вполне понятные стеснения, приведшие к некоторому ограничению сурового принципа, а именно, запреты в настоящее время не восходят далее родов axmalk'ов третьей степени, и если тот или другой род берет жен из многих родов, то запреты ограничиваются двумя поколениями, а если взятая женщина умерла бездетной, то уже во втором поколении ограничения падают.

Класс jox.

Наконец, остается еще один запретный для мужчин класс, который называется jox. Из родственной номенклатуры мы знаем, что этим именем называет мужчина два совершенно различных класса женщин, именно, с одной стороны, класс жен своих og:la (нисходящих) и, с другой стороны, — жен своих as'x, т.-е. младших братьев (tuvn) и сестер этих жен. Что касается первого класса, то о запретности его мы уже говорили, говоря о запрете между лицами восходящих поколений и женами нисходящих. Запретность второй категории не столь безусловна. Из терминологии родства мы знаем, что по отношению к жене старшего tuvn практикуются в разных местах различные формы именования. В некоторых местах на Амуре, на материковом побережье и на северо-западном берегу Сахалина существует одно и то же название (если «я» мужчина) как для жен младшего, так и старшего брата (an'g:ej — жена), и в таких местах половое общение допускается со всеми женами братьев. Но этот порядок не доминирующий; доминирующим нужно считать порядок именования жены старшего tuvn — an'g:ej, т.-е. так же, как и для своей собственной жены и именования жены младшего tuvn запретным термином jox, и соответственно этому половое общение человека с женой своего младшего брата не допускается. Несмотря на господство этой нормы, в настоящее время, по-видимому, первоначально как терминология, так и нормы общения были тождественны по отношению ко всем женам братьев без различия. За это говорит не только тот факт, что в некоторых местах, как мы видели, этот порядок сохранился еще до сих пор, но и некоторые черты терминологии, которые сохранились даже в тех местах, где господствует новый порядок. Так, например, дети зовут повсеместно безразлично жен всех братьев отца ymk, т.-е. тем же термином, что и свою собственную мать и (во многих местах) всех братьев отца ytk (отец), из чего должно заключить, что половые права мужчин в прежнее время распространялись и на жен всех братьев без различия.

Нормы правомерного полового общения.

Из родственной номенклатуры мы знаем, что целые группы мужчин называют целые группы женщин своими женами и обратно, т.-е. их мужьями. Эта странная номенклатура вполне соответствует действительности: выражаясь языком нашей собственной европейской номенклатуры, такие группы мужчин и женщин состоят в браке.

Но прежде чем приступить к детальному рассмотрению этих, с современной точки зрения, странных отношений, необходимо, во избежание недоразумений, точно проанализировать значение термина «брак».

В институте брака заключаются три главных момента: 1) половое общение, 2) производство потомства и 3) общая хозяйственная деятельность. Совершенно ясно, что существенно необходимым элементом брака является только первый момент, — именно половое общение; вторые два момента хотя и играют огромную роль в брачном союзе, могут совершенно отсутствовать. Бывают браки по естественным или искусственным причинам бездетные; бывают далее браки, хозяйственных целей не преследующие. Но само по себе половое общение между определенными лицами разных полов, хотя бы и регулярное, еще не составляет признака брака. Для того, чтобы половое общение превратилось в брак, необходимо, чтобы оно санкционировалось в той или другой форме данной общественной средой, чтобы оно не вызывало общественной или религиозной реакции, — словом, чтобы оно было правомерным.

Правомерность полового общения составляет, таким образом, существенный признак брака. В этом пункте представление о браке сходно у самых различных народов на самых различных ступенях развития. Если существуют различия, то только в тех формах, в каких осуществляется в браке половое общение. Эти-то различия, часто столь противоречащие представлениям современного общества, наиболее затемняют представление о браке, когда приходится сталкиваться с формами полового общения у первобытных народов.

Больше всего затемняется правильное понимание института брака у первобытных народов привычным нашим представлением о том, что брак непременно предполагает совместное сожительство супругов и, следовательное, явное и регулярное осуществление супружеских прав.

Между тем у многих народов, не только первобытных, но даже исторических, этого вовсе не требовалось. У спартанцев, например, женщины жили отдельно от мужчин, и свидания между мужем и женой происходили обязательно тайно.

Так оно, и как общее правило, у многих современных первобытных народов, у которых существуют так называемые «союзы мужчин». Последние, в том числе и женатые, проводят все время в общем доме, куда нет доступа женщинам, а жены и дети живут в особых маленьких домиках. На островах Фиджи супруги могут провести ночь только тайком. Подобное явление находим и у народов, не знающих мужских союзов. Так, например, у айну женщины, по выходе замуж, часто остаются в доме отца, а муж, проживающий в другом селении, иногда очень отдаленном от селения тестя, только на известное время года является к жене. У киргизов, до окончательной уплаты калыма, муж иногда целыми годами является к своей жене только ночью и то тайком от родителей. Регулярности не видим даже у полигамистов мусульманского типа. Турок может иметь в своем гареме женщин, с которыми он годами не имеет полового общения, но они, тем не менее, считаются женами, состоящими в браке с ним. Еще менее условие совместного сожительства и регулярного полового общения возможно у народов, у которых по общественно-установленному порядку целая группа мужчин считает целую группу женщин своими женами и обратно, и мужчина осуществляет свое право только по мере возможности.

У австралийского племени dieri каждый «куми» (термин, соответствующий гиляцкому pu — муж) находит свою «кроки» (жену) на всем протяжении своей территории, в какое бы селение он не явился. Куми может прожить всю жизнь, не видав той или другой из своих бесчисленных кроки, но она тем не менее его жена, ибо, явись он в ее селение, он может осуществить свое право, не подвергаясь, как если бы это сделал не куми, ни осуждению общества, ни каре богов, ни реакции со стороны индивидуального мужа своей кроки.[1] Потенциальность правомерного полового общения у разных народов принимает различные формы, но юридическая сущность отношений остается та же. В одном месте лица, связанные такой формой брака, облечены не только правами, но и обязанностями, иначе говоря, та или другая сторона не вправе отказываться от полового общения с лицом, на то управомоченным. Так, например, у чукчей женщина не считает возможным отказать мужчине, состоящему с ее мужем в отношениях «переменного брака».

У других индивидуальным симпатиям предоставляется полный простор; например, у тех же куми и кроки, у тунгусских народов, у гиляков, у которых для полового общения требуется согласие обеих сторон, но раз согласие имеется, общение становится правомерным. В сущности, тут мы имеем то же явление, что и в чистой полигамии. Муж может предпочитать одну жену другой, даже совершенно избегать ту или другую жену, но брак тем не менее налицо. То же и при групповом браке: несмотря на разрозненность местожительства групповых супругов и на чистую потенциальность супружеских прав, правомерность полового общения внутри группы, и, следовательно, брак налицо.

---

[1] Fison and Howitt. — Kamilaroi and Kurnai, 1880, p. 340 f.

Конечно, для брака наиболее нормальным является совместное сожительство супругов и регулярное половое общение. Стремление к этому мы наблюдаем, хотя и в различной степени, у самых различных народов. Этого стремления не нужно только смешивать со стремлением к индивидуальному обладанию. Инстинкт полового подбора, индивидуальные симпатии действительно толкают и первобытного человека к установлению парных связей той или иной продолжительности. Но парность не предполагает ни обязательного и индивидуального обладания, ни, тем более, обязательного совместного сожительства. Мы уже приводили примеры айну, жена которого часто остается жить в доме родителей, иногда в нескольких днях пути от своего мужа. Но у айну брак чисто индивидуальный. Тем более естественно отсутствие упомянутых условий у тех народов, у которых существуют групповые формы брака, ибо лица, на которых распространяется право полового общения, многочисленны, и поэтому самому совместное сожительство, и, следовательно, регулярное осуществление права полового общения между всеми лицами, состоящими в групповом браке, редко имеет место.

В действительности, совместное сожительство и регулярное общение связано не с половым моментом брачного союза, а с хозяйственным. Там, где хозяйственные условия требуют совместного сотрудничества целой группы лиц и допускают совместное сожительство, — там групповой брак может превратиться в регулярный, коммунальный. Но такие условия редко достижимы в первобытном обществе. Возможны они — да и то не часто — в тесном кругу братьев: тут групповой брак действительно сопровождается столь привычными для нас элементами совместного сожительства и регулярным осуществлением супружеских прав. Примеры такого рода мы встречаем у гиляков, у некоторых тунгусских племен, также в Тибете, в Индии и в других местах. Но и такие сожительства редки.

Вопреки старому мнению, привыкшему изображать жизнь первобытных людей в коммунистических красках, в действительности хозяйство первобытного человека, по крайней мере, способы добывания средств существования, преимущественно индивидуальные в настоящее время, и только на известные моменты возникают формы общего сотрудничества, которые, по миновании в них надобности, так же быстро прекращаются, как и возникают. Типичный образец индивидуального хозяйничанья мы можем видеть у бродячих оленеводов-тунгусов, которые только на короткое время раза два в год сходятся вместе, да и то небольшими родственными группами. В обыкновенное время они живут врозь на далеком расстоянии друг от друга, выбирая каждый для себя свою территорию для пастбищ и охоты.

У народов не пастушеских, живущих теснее, формы хозяйства все же более или менее индивидуальные. При таких условиях совершенно естественно, что каждый человек, ведущий свое особое хозяйство, стремится к тому, чтобы иметь при себе женщину, которая, сообразно естественному разделению труда между полами, делила бы с ним его хозяйственные труды. Таким образом, возникает само собой совместное и регулярное сожительство между мужчиной и одной или несколькими женщинами. В обществе, где существуют групповые нормы полового общения, такие индивидуальные союзы ничего не изменяют. Индивидуальная жена живет постоянно в одном доме со своим мужем, работает с ним, сообща воспитывает детей, обязана следовать за ним, куда он пожелает, но в то же время она имеет право безнаказанно уделять свои ласки и целой группе лиц, которым это по установленному праву допускается. Жизнь санкционировала такие индивидуальные союзы, тем более, что хозяйственные интересы тут совпадают с другим могущественным мотивом полового подбора, индивидуальным влечением представителей различных полов. Таким-то образом, рядом с нерегулярными брачными отношениями, возникают союзы индивидуальные, тоже санкционируемые обществом. Возникает порядок, при котором каждый отдельный член общества может состоять одновременно в индивидуальном браке и групповом. Лица, состоящие в индивидуальном браке, связаны не только регулярным половым общением, совместным сожительством, но и общим хозяйством и общим потомством. Но в то же время каждому из них предоставляется правомерная возможность иметь половое общение с лицами своей брачной группы. И хотя подобное половое общение совершается нерегулярно, требует часто обстановки таинственности и предполагает обыкновенно согласие обеих сторон на каждый акт общения, но именно потому, что оно общественно-признано, правомерно, не вызывает никакой ни общественной, ни религиозной реакции, то, выражаясь юридически, — ибо брак есть термин права — мы должны такие отношения определять, как отношения брачные. Это не только теоретически верно, это совпадает также с юридическими воззрениями тех народов, у которых эти институты существуют.

Об этом прежде всего свидетельствует уже сама родственная номенклатура, по которой индивидуальные и групповые супруги в названиях не различаются. Далее, отношения эти возлагают на участников группового брака обыкновенно те же обязанности, что и на индивидуальных мужей. Так, например, когда индивидуальный муж умирает, один из членов группового брака должен заступить место мужа вдовы, даже если бы она оказалась уже неспособной к половому общению, и содержать ее и ее детей, которые обыкновенно и считаются детьми всех членов группы.

Теперь станут для нас понятными гиляцкие брачные классы „pu" и „an'g:ej", к подробному рассмотрению которых мы и переходим.

Классы „pu" и „an'g:ej".

Мы уже говорили, что для гиляка, по крайней мере в настоящее время, не возбраняется ни религией, ни общественным мнением иметь половое общение или вступать в брак с любой женщиной своего или соседнего племени, кроме тех, которые связаны с ним тем или другим запретным термином родства. Но по отношению к таким чужим женщинам у него нет никаких прав: незаконное половое общение сопряжено с риском кровавой реакции со стороны известных групп мужчин, а индивидуальный брак является простой гражданской сделкой, сопряженной с тяжелыми условиями платы за невесту. Гиляк, естественнее всего, ищет поэтому полового общения или законную жену среди женщин, на которых у него для этого имеются специальные права. Это именно те женщины, которых по родственной номенклатуре либо уже от рождения, либо с другого точно определенного момента он называет an'g:ej (жена), а всех ее агнатов — axmalk'ами (тестями). Мы уже знаем, кто эти женщины. Это прежде всего: 1) дочери всех «братьев» матери; 2) все «сестры» жены; 3) «сестры» жен братьев; 4) «сестры» тестя сына; 5) индивидуальные жены всех akl, т.-е. братьев, которые старше говорящего (у большинства гиляков); 6) индивидуальные жены всех «братьев» говорящего, без различия возрастов (в некоторых местах).

Каждая женщина, в свою очередь, как мы знаем, зовет своим мужем, кроме своего официального мужа: 1) всех сыновей сестер отца; 2) всех мужей своих «сестер» и «братьев» этих мужей; 3) всех младших «братьев» своего мужа (если она замужем за одним из них), а у некоторых — всех братьев мужа.

Все эти категории «жен» и «мужей» отнюдь не номинальные категории. За этими классовыми терминами (pu и an'g:ej) кроются в действительности два важных реальных права: 1) право на индивидуальный брак; 2) право на половое общение (брак групповой).

Рассмотрим каждое из этих прав в отдельности.

Право на индивидуальный брак

Прежде всего категории pu и an'g:ej связаны правом на брак; иначе говоря, из всего круга лиц, связанных терминами родства, только эти одни имеют право вступать друг с другом в индивидуальный брак; все прочие категории родственных групп в брачном отношении запретны друг для друга. Но это право отнюдь не исчерпывается отрицательным признаком — отсутствием запрета на матримониальные союзы. Конечно, в глазах гиляка крайне важно и мнемонистическое значение этих терминов само по себе, ибо, при крайней запутанности родственных отношений, твердое знание брачных классов является единственной гарантией против нарушения строжайших табу браков в запрещенных степенях родства. Тем не менее мнемонически-разрешительным значением правовое содержание этих терминов отнюдь не исчерпывается. Запреты на брак, как мы видели, отсутствуют и между лицами, совершенно чуждыми друг другу в родственном отношении, и тем не менее лицам таких категорий называть друг друга pu и an'g:ej до вступления в брак совершенно недопустимо. Нет, право на индивидуальный брак между лицами категории pu и an'g:ej не голое nudum jus; это право, которое является в то же время и обязанностью, долгом для обеих заинтересованных сторон. Эта обязанность прежде всего видна на категории «братьев» и их индивидуальных жен, состоящих, как мы знаем, между собой взаимно в отношениях pu и an'g:ej. Вдовы «братьев» (родных и боковых) по общему правилу не могут выходить из рода и становятся, по решению сородичей, женами братьев, переживших их мужей, совершенно независимо от желания этих братьев: никто из них не может отказаться от присужденной ему вдовы.

В тех родах, где «старшие братья» исключены из класса «pu» по отношению к женам «младших братьев», там вдовы достаются обыкновенно одному из «младших братьев» умершего; но и тут, за отсутствием «младших», кто-нибудь из «старших» братьев обязан принять к себе вдову, без права, впрочем, на половое общение с ней.

Но не в этом, столь обычном, институте левирата, о котором нам еще придется говорить особо, кроется типичная сторона брачно-правовых отношений между pu и an'g:ej. Левиратный брак — явление более или менее исключительное и обнимает только один незначительный класс этой категории. Самая характерная сторона брачных право-обязанностей между pu и an'g:e кроется в других классах этой категории, известных нам из терминологии родства, иначе говоря, в условиях нормального брака. Этот право-обязательный характер брака между pu и an'g:ej, правда, под влиянием причин, о которых будем говорить впоследствии, значительно поколеблен, — гиляки берут жен и вне указанных категорий; но не эти брачные союзы представляют собой излюбленную, характерную форму даже современного брака. Наоборот, все, и современные обычаи, и древний эпос, одинаково говорят за то, что именно среди классов pu и an'g:ej брак был обязательным и наиболее удовлетворяющим специфическим воззрениям гиляка. Чтобы показать, насколько императивно это сознание обязательности браков между лицами классов pu и an'g:ej, достаточно привести один пример из записанного мною сказания. В этом сказании рассказывается о борьбе между молодым гиляком и таинственным оборотнем-шаманом. Борьба оканчивается тем, что оборотень получает смертельную рану и возвращается в свою юрту. На смертном одре он вспоминает, что приходится дальним axmalk'ом убийце, т.-е. членом того рода, откуда род убийцы имеет право брать жен, и именно из той категории лиц этого рода, дочери которых являются an'g:ej убийцы. Тогда он немедленно велит позвать в свой дом убийцу, т.-е. человека, по отношению к которому обязательна кровавая месть, Хотя бы убийство было неумышленное, человека, которого впустить в свой дом величайший грех, и в присутствии собравшихся членов рода торжественно объявляет: «Хотя этот человек меня убил, дочь ему мою дайте. Ни за что мое слово не потеряйте». Такова сила древнего категорического императива браков внутри категорий pu и an'g:ej. Этот императив жив и теперь.

Вернемся на момент к терминологии родства. Полный анализ этой терминологии в связи с основами брака мы сделаем впоследствии. Сейчас для нашей цели необходимо напомнить следующие факты: 1) жены сородичей, смотря по поколению, называют друг друга то старшими и младшими «сестрами», то «тетками» и «племянницами»; 2) все агнатные родственники жены считаются по поколениям «тестями» для всех сородичей этого человека; 3) сестру своего «тестя» человек называет «матерью», а дочь брата матери — женой (an'g:ej). Судя по этому, 1) жены всех членов каждого данного рода должны быть взяты из одного рода и, следовательно, в каждом поколении они сестры (родные и боковые); 2) род этих женщин для каждого отдельного мужчины — род его матери, а женой каждого отдельного человека должна быть дочь брата матери. Это мы видим в действительности, несмотря на все отступления новейшего времени, причины которых нами будут выяснены впоследствии. Идеалом сородичей считается иметь женщин из одного рода, из одного рода общих axmalk'ов; если это оказывается невозможным и приходится прибегать еще к другому роду, то опять-таки предпочтительно из того, который уже является axmalk'ом для данного рода, т.-е. откуда уже его отдельные сородичи, деды и отцы и раньше по тому или другому случаю брали себе жен. При этом для каждого отдельного лица самый излюбленный брак — это брак с дочерью брата матери. «Pfandyh an'g:ej gen urdra» — «из рода твоих « pandf» (см. выше), из рода, из которого ты произошел (родился), т.-е. из рода, откуда твоя мать, жену должно брать», гласит гиляцкая максима. «О доме брата матери тоскую» — таков обычный мотив современной гиляцкой песни. И статистика доказывает, насколько эти принципы играют роль в действительности. Уже с первых дней своей статистической переписи, еще не осведомленный во всех тонкостях родственной номенклатуры, я поражался, как много в каждом роде жен сородичей, взятых из одного и того же рода, называвших друг друга по поколениям мужей сестрами и тетками и действительно оказавшимися таковыми. Приходилось регистрировать множество гиляков, состоявших в браке по нескольку раз, и чаще всего жены их оказывались из одного и того же рода, и, именно, из рода матери мужа. Один из моих спутников в путешествии, Исайка, был женат три раза и все на женах из одного и того же рода. А во множестве случаев оказывалось, что мужья и жены не только когнатные кузены, но соответственно дети родных сестер и братьев.

В предпочтении, оказываемом и поныне этой форме брака, всегда сказывается религиозный императив; мы видели выше, что только такой брак считается «чистым». О роли этой формы брака у гиляков можно выразиться в тех же словах, в каких она описывается у племен Song и Bygar из провинции Sathpuras и Центральной Индии. У этих племен «брак между кузенами почти принудителен в случае, когда у брата дочь, а у сестры сын».[1]

У гиляков императивность этого брака столь велика, что подобные браки заключаются очень часто вскоре после рождения будущих супругов во избежание возможных случайностей, которые могли бы помешать этому важному вопросу. Первая забота матери вскоре после рождения сына — это сделать все возможное, чтобы обвенчать его с дочерью одного из своих братьев. Ритуал выражается в том, что ребенок-жених или его отец перевязывает ручку невесты ниткой, скрученной из волос собачьего меха и крапивы — магические символы общего хозяйства — собаководства — и рыболовства: из крапивы выделывают сети. С этого момента брак заключен, а когда невеста несколько подрастет, приблизительно в возрасте 4—5 лет, она обыкновенно переходит в дом жениха, где растет с ним вместе, называя друг друга, как это ни кажется для нас странным, ласкательными именами «жена моя», «муж мой» (n'an'g:ej, n'Iu) вплоть до наступления половой зрелости, когда уже без всякого ритуала они становятся фактическими супругами, без всяких формальностей, которые обычно требуются при заключении брака с посторонними. Этим обычаем объясняется, вероятно, то, что взрослые супруги величают себя чаще всего „yr:x" и „mam", т.-е. старик и старуха, так как в возрасте, когда большинство из нас только собирается жениться, у гиляков молодые супруги уже могут справлять свою серебряную свадьбу. Обычай этот приводит иногда к уродливым брачным союзам. Нередко можно встретить в одной юрте чету, называющую себя мужем и женой, причем муж — подросток лет 16, а жене только 4—5 лет. Это объясняется тем, что либо старшая сестра последней умерла, либо мать ее значительно моложе своего брата. Так или иначе подобные случаи еще более подчеркивают императивность упомянутых браков. Характерно, что особенно ревностно исполняется этот обычай в наиболее богатых семьях, которые обыкновенно отличаются особенно строгим соблюдением всех древних обычаев и обрядов.

О первоначальной обязательности браков между pu и an'g:eḷ свидетельствует другая чрезвычайно важная особенность этой формы брака, а именно та, что калым, т.-е. плата, получаемая отцом или братом невесты и играющая в современном браке, в вопросе о выдаче женщины замуж, огромную роль, тут совершенно отсутствует, или, по крайней мере, играет ничтожную роль. При браках между кузенами первой степени калым не только не требуется, но о нем даже запрещается упоминать при сватании.

---

[1] Fison and Howitt. — Kamilaroi and Kurnai, p. 154.

Отсутствие калыма в браках между pu и an'g:ej ясно свидетельствует о том, что брак между этими категориями был в свое время браком обязательным, а при обязательности, разумеется, не может быть речи ни о каких финансовых обязательствах.

Несомненно, что калым явился институтом позднейшим. В традиционных поэмах гиляков, так называемых n'astund, в которых так часто описывается процедура сватания, о калыме никогда не упоминается. Наоборот, лодку невесты «тести» обыкновенно наполняют всевозможными драгоценностями.

Принимая во внимание, какую огромную роль играет калым в хозяйственной жизни гиляка, представляя нередко единственный ресурс — поставить на ноги хозяйство бедного человека, приходится признать, что пренебрежение калымом в браках указанной категории не может вызываться причинами сентиментального свойства; мотивы такого отношения к калыму должны быть более повелительного характера, а именно, религиозного Каковы эти мотивы, нам придется говорить еще подробнее впоследствии.

Для иллюстрации мы укажем только на те удивительные отношения, которые, благодаря этой религиозной повелительности браков между pu и an'g:ej, характерно установились между лицами класса «тестей» и их юридических «зятей». Эти отношения поражают своей трогательной нежностью, преданностью и бескорыстием. К ymg:l, хотя бы только потенциальному, «тести» относится иногда лучше, чем к собственным детям. «Зятя кормить надо», гласит религиозная формула отношений между «тестем» и «зятем». В этой сухой формуле скрыто богатое содержание. Не только в годину бедствия «зять» иногда вместе со своей огромной семьей переселяется на жительство к тестю, кормясь у него без всякой платы в течение месяцев и даже несколько лет, но и в обычное время «зять» (хотя бы только по названию) — любимый гость в доме тестя.

Целыми месяцами гиляцкая молодежь шумно и весело проводит время в селениях своих «тестей», находя в каждой юрте самый радушный прием и самые изысканные угощения, а когда начинаются промыслы, «зять» непременный участник в предприятиях «тестя» и, возвращаясь к себе, увозит с собой, кроме обычных подарков, и свою долю добычи. В торжественные моменты жизни, например, на медвежьем празднике, «зятья» на первом плане среди приглашенных, — им то и предоставляется честь убить медведя. В трудную минуту войны, «тести» и «зятья», в случае необходимости, обязаны приходить друг другу на помощь.

И чтобы вполне оценить религиозную подкладку этих своеобразных отношений между «тестями» и «зятьями», нужно иметь в виду то распространительное толкование, которое гиляки, с чисто примитивной страстью к расширению своих первоначальных табу, придали термину «тесть».

Из терминологии родства мы знаем, что родом «тестей» считается не только тот род, откуда обычно сородичи человека берут жен, но и все роды, откуда хотя бы какой-либо один сородич случайно взял себе жену. Таким образом, у каждого человека может быть несколько родов «тестей», и все агнатки этих родов по поколениям считаются an'g ej — женами его и его сородичей. Так оно в терминологии родства и так оно в жизни.

Каким образом развилась эта сложная система, об этом подробно придется еще говорить впоследствии.

Пока же сказанного, думаем, совершенно достаточно, чтобы видеть, что в области индивидуального брака звания pu и an'g ej играли и играют огромную роль, символизируя собой замечательный институт права на брак — одно из многих благодеяний, которые родовой строй дает каждому из его участников.

Теперь укажем только на практическое значение этого института права на брак в настоящее время. Для современного гиляка женитьба одно из труднейших дел жизни. Не только в сказках, но и в действительной жизни «найти жену» составляет дело необычайной трудности. Прежде всего, это крайний недостаток женщин. У гиляков по подсчетам, сделанным на основании произведенных мною переписей, на 1000 мужчин приходится 785 женщин, при чем на изолированное охотское побережье приходится 694 женщины, между тем в среднем в Сибири на 1000 мужчин приходится 900 женщин. К этому следует добавить, что значительный процент гиляков, именно наиболее состоятельные лица, держит от 2—4 жен. Так, например, по моей переписи на западном берегу Сахалина к северу от с. Арково на каждые 9 человек одноженцев приходилось по 1 многоженцу, при общем отношении мужчин к женщинам как 1000 : 694. Один старый холостяк приходится на 11 женатых, один многоженец на 19 женатых. Нетрудно себе представить, как ограничен выбор женщин и без того ограниченный целым рядом запретов. При таком ограниченном выборе, при значительном преобладании мужчин над женщинами, калым, плата за женщин (ценностями или долголетней службой), естественно, достигает необыкновенно высокого размера. При таких условиях значительному количеству малосостоятельного населения пришлось бы совсем остаться вне брака. Вот тут-то коррективом является тот институт права на брак с лицами класса an'g:ej, о котором мы говорили выше. На первом плане к услугам гиляка дочери брата его матери, далее их боковые сестры, наконец, вообще дочери того обширного класса лиц, которых гиляк называет axmalk (тестями).

Каковы отношения этих последних к их зятьям, мы уже знаем, и ясно, поэтому, что приобретение индивидуальной жены среди an'g:ej, среди дочерей прирожденных axmalk'ов, обставлено наиболее благоприятными условиями. В крайнем случае, у человека остается верный шанс на вдов своих братьев. Но при общей низкой численности женщин в сравнении с мужчинами и при страшной конкуренции внутри каждого класса pu на своих an'g:ej, при чрезмерной жадности к калыму, развившейся под влиянием торговых сношений и значительно ослабившей традиционные матримониальные отношения, и эта привилегия сплошь и рядом может оставаться nudum jus. Вот тут на сцену выступает другой могущественный корректив индивидуального брака — брак групповой, ничем не ограниченное право на половое общение между классами pu и an'g:ej. К этому праву мы переходим.

Групповой брак. Если право и обязанность на индивидуальный брак в классах pu и an'g:ej значительно поколеблено неизбежным влиянием как исторических, так и бытовых условий, то право на брак групповой, право на половое общение между лицами этих классов продолжает сохраняться в полной силе. Право это не носит, правда, определенно принудительного характера: женщина не может быть принуждаема ни ее родными, ни pu к половому общению. Не допускается даже того, как это делается у народов, практикующих гостеприимный гетеризм, чтобы отец, брат или муж женщины предлагал дочери или жене делить ложе с гостем, который состоит ее pu. Не допускается также публичного проявления половой интимности. Никто не позволит себе в общей юрте улечься под одним покрывалом со своей групповой an'g:ej, даже по предварительному соглашению. Публичность половых сношений не допускается, впрочем, даже между индивидуальными супругами.[1] Общение должно происходить не публично и не на глазах заинтересованного индивидуального супруга.[2] Если акт происходит ночью в юрте, где спят и посторонние, то каждый укладывается отдельно, и только, когда все уснули, мужчина или женщина (инициативу проявляют одинаково обе стороны, женщины, впрочем, реже) перебирается на ложе к своему групповому супругу, который может принять или отвергнуть ухаживание, если до того не произошло предварительного соглашения. Летом дело чаще всего происходит на открытом воздухе: днем излюбленное место «ловли» an'g:ej — места сбора ягод, вечером — где-нибудь за селением, близ колодца; зимой в юрте: днем в отсутствие посторонних, ночью после того, как все уснули. Наконец, бывают периоды, когда групповые супруги свободны от всяких стеснений. Женатые мужчины на несколько недель уходят в тайгу на свои охотничьи территории, а летом и зимой они беспрестанно разъезжают по гостям или на праздники. Вот тут полное раздолье для групповых супругов. Одно только строжайше требуется: ни сами участники, ни посторонние, оказавшиеся случайными свидетелями сношений групповых супругов, под страхом греха, не вправе публично рассказывать о подобных сношениях кому бы то ни было, в особенности заинтересованным лицам. Но эти требования непубличности, установленные в интересах мира между групповыми супругами, с целью предупреждения возможных припадков ревности, нисколько не умаляют публичности самого института группового брака, публичности самих супружеских прав. Права эти всенародно формулированы в юридических тезисах, ставших общим достоянием (самые формулы приведены ниже, в главе об отношениях братьев к их женам), — тезисах, которые каждый отец и каждая мать с самого раннего детства с религиозной заботливостью считают своей обязанностью сообщить своим детям. Публично групповые супруги не только держатся с непринужденной фамильярностью, но иначе не обращаются друг к другу, как с нежными словами: «муженек мой», «женушка моя». Но лучше всего публичность групповых брачных отношений проявляется в случаях смерти человека, не состоявшего в индивидуальном браке. В таких случаях на погребальный помост, перед сожжением трупа, всходит одна из групповых жен (обыкновенно жена старшего брата) и во всеуслышание оплакивает его, как возлюбленного, как мужа. Любопытно, что при переговорах между pu и ang':ej о предстоящем сеансе, употребляются часто те же символические действия, как и при сватании и брачных церемониях, именно, совместное курение или еда. Сказать женщине из категории an'g:ej: «Давайте вместе покурим» равносильно предложению воспользоваться своим супружеским правом.

---

[1] Избегание публичных ласк между индивидуальными супругами не есть исключительная особенность гиляков. По свидетельству Радлова, алтаец публично не позволяет себе в присутствии посторонних даже шуток со своей женой, между тем у этих народов в отношениях между полами господствует самая широкая свобода. Radloff. — Aus Sibirien, I, 314.

[2] Сравни подобное же явление у тибетцев. — Westermarck. — The Origin of marriage, p. 141.

Юридическая сущность этого специфического права, как мы говорили, заключается в том, что осуществление его, ставши известным, не вызывает ни реакции заинтересованных лиц, ни общественного осуждения, равно как не составляет религиозного правонарушения, что является привилегией чрезвычайно важного свойства, ибо половое общение с женщинами вне этой категории влечет за собой тяжелые последствия. Если это совершено чужая женщина — хотя в настоящее время это не составляет религиозного нарушения, — то оно вызывает, как мы уже упомянули, кровавую расправу, если прелюбодеи захвачены in flagrante delicto, а в лучшем случае — жестокую дуэль на палках и штраф. Есть много оснований даже за то, что некогда общение с посторонними женщинами было под религиозным запретом. За это, между прочим, говорит следующий любопытный обычай. Если женщина, не связанная с мужчиной классовым родством, пытается соблазнить его, ловит за ногу в каком-нибудь уединенном месте (символическое предложение себя мужчине), то он (разумеется в случае, если не поддался соблазну) обязан, под страхом кары богов, публично требовать от женщины искупительного выкупа.[1]

---

[1] Мне лично пришлось быть свидетелем подобной церемонии выкупа. Это было в селении Тамлево. Один из моих спутников по путешествию, уже пожилой гиляк, однажды рано утром разбудил меня и с тревогой просил меня отправиться с ним на „суд" в соседнюю юрту. Там я уже застал большое собрание хозяев селения. Им мой спутник изложил свою жалобу на местную женщину, которая накануне вечером поймала его за ногу, на основании чего он требует „выкуп". Позвали преступницу. Она созналась, и по решению собрания она вынуждена была публично передать обвинителю присужденный с нее выкуп, именно, щенка и берестяную посуду. Почему штраф ограничился такими ничтожными предметами (если только это не были символы специально женского труда), я объясняю только тем, что виновная женщина была совершенно одинока и ничем более ценным не располагала.

Нужно иметь в виду, что гиляки очень страстны и далеко не любят упускать благоприятных случаев половеласничать хотя бы с чужими женщинами, так что упомянутый обычай приходится рассматривать, как пережиток эпохи, когда общение с чужими женщинами было под религиозным запретом. Еще строже дело между лицами запретных категорий: тут и осуждение общества, и упреки родных, и кары богов, и угрызения совести, и неизбежное изгнание. О случайном увлечении почти и речи быть не может, а при более серьезном чувстве оно рассматривается, как результат вселения злого духа, и люди предпочитают убить себя. Воздержание по отношению к лицам запретных категорий превратилось в такой же инстинкт, как у нас по отношению к матери или родной сестре. Тем мощнее осуществляется право полового общения между категориями pu и an'g:ej. В этом отношении о гиляках можно выразиться в тех же словах, в каких авторы описывают отношения между «куми» и «кроки» в Австралии: на всем протяжении своей территории, в каждом месте, где гиляк находит свою an'g:ej, он находит и свое супружеское ложе. Для этого гиляку необходимо только помнить термины родства. В этом я множество раз имел возможность убедиться во время своих путешествий по Сахалину. Сплошь и рядом я являлся со своими спутниками-гиляками в такие селения, в которых ни они, ни даже их отцы никогда раньше не бывали. Тем не менее после обмена несколькими фразами, открывались узы родства, и неведомые друг другу pu и an'g:ej с первой встречи затевали мимические переговоры о мимолетном супружестве.

Среди категорий женщин, с которыми гиляк имеет правомерную возможность полового общения, нужно различать незамужних от замужних. Девушки и у гиляков более стеснены в половом общении, чем замужние. Перспектива беременности и деторождения не улыбается и гиляцкой девушке; рождение ребенка от неизвестного отца по родовым воззрениям гиляков, представляется делом опасным уже по одному тому, что половые, брачные и родовые права и, еще более, религиозные права, определяемые отцом, совершенно неопределенны и могут привести к нарушениям табу, которых гиляк больше всего боится. Поэтому беременная девушка подвергается тяжким нареканиям со стороны отца, требующего либо назвать имя соблазнителя, либо вытравления плода или убийства родившегося ребенка. Но как ни тяжело нравственное состояние отдельных женщин в таких случаях, на практике дело обстоит гораздо проще. Во-первых, многие с детства, как мы видели, состоят в замужестве, другие никогда не засиживаются: женщин так мало, что каждая девушка в период, когда соблазны становятся для нее опасными, уже состоит в браке. Наконец, те, которые не в замужестве и свободно предаются половому общению с мужчинами, крайне редко имеют дело с одним возлюбленным и, благодаря этой полиандрической практике, почти не подвергаются риску беременности. До каких размеров доходят эти полиандрические приемы общения девушек, достаточно привести близко мне известный пример. Жена моего приятеля Пигунайки, из селения Аркайво, симпатичная женщина, отличная хозяйка и мать детей, до замужества имела одновременно 14 возлюбленных в одном только родном своем селении, которые называли друг друга и она их navx, axmalk — товарищ, соучастник (любопытно, что navx — буквально значит то же, что punalua в известной моргановской пуналуальной семье). При этом самое половое общение жены Пигунайки с ее возлюбленными происходило весьма часто одновременно. «Мужья» ее мне весьма добродушно рассказывали, как они собирались все 15 на полянке, неподалеку от селения, и один за другим осуществляли свои права. Любопытнее всего, что среди этой веселой компании был и сам Пигунайка, нынешний счастливый муж героини. При подобных условиях естественно, что в среде девушек an'g:ej гиляцкий юноша во многих отношениях чувствует себя гораздо лучше и свободнее, чем среди своих an'g:ej замужних, доступ к которым обставлен большими затруднениями, в виду преимущественных прав над ними их индивидуальных мужей. Туда, естественно, его больше всего и влечет. Но этих девушек он не находит в своем собственном роде, даже среди самых отдаленных своих tuvn. С ними он не только не вправе иметь половое общение, но даже и разговаривать не смеет. В своем роде он имеет только для полового общения женщин замужних. Между тем девушки an'g:ej весьма редко живут в одном селении с их pu. Дочери брата его матери, сестры жен его братьев, дочери его axmalk'ов; иначе говоря, род «тестей» — вот куда все симпатии влекут гиляцкого юношу. В юртах его axmalk'ов ему скрываться нечего: здесь его встречают с распростертыми объятиями, ибо, как мы знаем, ymg:i — самое близкое лицо axmalk'у и его жене. Ymg:i — предпочтительный товарищ по охоте летом и зимой. Он самый дорогой гость, его угощают самыми изысканными блюдами. Ему рады еще и по особой причине. С сородичами-братьями axmalk'и и их сыновья не могут ни разговаривать, ни шутить, а ymg:i — правомерный собеседник, с которым можно веселиться, сколько душе угодно. И среди такой обстановки десятки девушек — его an'g:ej, с которыми открыто можно говорить, шутить и при случае иметь половое общение.

Теперь перейдем к отношениям pu к их замужним an'g:ej.

Из терминологии родства мы знаем, что замужними an'g:ej человека являются прежде всего индивидуальные жены его «братьев» (tuvn), при чем у гиляков, говорящих на западном диалекте, это относится ко всем tuvn, а у гиляков, говорящих на восточном диалекте, — лишь к старшим; далее — все замужние «сестры» его собственной жены; наконец, замужние сестры жен его tuvn — огромная категория, заключающая многие десятки лиц, разбросанных по всей территории гиляцкой оседлости. О последних двух группах — сестрах жены и сестрах жен братьев — необходимо сделать следующую оговорку: обыкновенно, в согласии с общими нормами гиляцкого брака, сестры выходят замуж за лиц одного класса tuvn, так что по отношению к сестрам жены и сестрам жен братьев действует общее правило о женах «братьев». Но, благодаря отступлениям от традиционных норм, может оказаться, что сестра жены «брата» или сестра его жены замужем либо совсем за чужим человеком, либо даже за кем-нибудь из случайных axmalk'ов.[1]

В этих случаях нормы полового общения, равно как и терминология, не однообразны. У большинства родов в обоих случаях половое общение с этими женщинами правомерно, участники зовут друг друга pu и an'g:ej, их дети друг друга — tuvn и сестер матери и их мужей соответственно зовут «матерями» и «отцами». Но у других родов, преимущественно у родов, соседних с айну, порядок другой. Если сестра жены человека вышла замуж за его axmalk'a, то половое общение с ней, как вообще с женой axmalk'a, не допускается абсолютно, и вместо an'g:ej мужчина зовет ее ačk (теща). Если же она вышла замуж за совсем чужого человека, то отношения между ними, как между чужими, т.-е. половое общение не считается грехом, но и не правомерно. Но, что особенно замечательно, это то, что потомство обеих семей считается во всех случаях и при таком отношении tuvn (братьями)[1] до третьего поколения, и это лучше всего показывает, что старый порядок требовал, чтобы сестры жены гиляка были женами его братьев.

---

[1] Случайным axmalk'ом я называю человека из такого рода, из которого случайно один какой-нибудь сородич лица говорящего тайно взял жену, в противоположность роду, из которого все сородичи обычно берут жен.

Таким образом, вопрос об отношениях между гиляком и его замужними an'g:ej на практике сводится, главным образом, к отношениям к женам его «братьев» (tuvn).

Как мы сказали и как это видно из терминологии родства, одни роды строго различают между женами старших tuvn и младших, другие не делают между этими категориями никакого различия: у одних — только жены старших tuvn, у других — все жены tuvn без различия считаются an'g:ej каждого из tuvn, но в обоих случаях право этих pu и an'g:ej на половое общение несомненно.

У гиляков западных, не делающих различия между женами братьев, это право формулировали мне неоднократно в следующих, более чем ясных выражениях: «с женой младшего брата (его) старшему брату иметь половое общение дозволяется» («хорошо»), младшему (брату) с женой старшего (брата) иметь половое общение дозволяется («хорошо»).

В родах, делающих различие между женами младших и старших «братьев», мне это право было формулировано еще более рельефно: «среди сородичей, в одном и том же роде все дозволено («хорошо»), жена старшего (брата) все равно моя жена». Это несомненное и исконное право человека на «жен» своих tuvn неизменно осуществляется по всей гиляцкой территории до настоящего времени, с единственным ограничением, о котором мы говорили выше, т.-е. половое общение должно происходить не на глазах индивидуального мужа женщины и по возможности не публично. Право индивидуального супруга, конечно, преимущественное — он может требовать от жены исполнения супружеских и хозяйственных обязанностей и следования за ним при всякой перемене местожительства. Он имеет формальное исключительное право на рожденных ею детей, но весьма часто гиляк, если он имеет несколько детей, считает своим долгом отдавать одного своего ребенка бездетному своему tuvn, если тот живет в другом селении. Но и субсидиарное право жены и ее групповых мужей в лице его «братьев» на половое общение столь же несомненно. Правда, групповые супруги должны искать удобного случая, чтобы в отсутствие индивидуального супруга (во время его сна, либо вне дома) воспользоваться своим правом, но случаев этих более чем достаточно. Мужчина большую часть времени проводит вне дома: то он на реке за рыбной ловлей, то по целым неделям на охоте или в отъезде, в гостях. С другой стороны и женщины отлучаются на целые дни в тайгу за ягодами, кореньями и т. д. Наконец, общение возможно по ночам в присутствии спящего супруга. Словом, осуществление права группового супружества не представляет особых затруднений. Этим правом наиболее полно пользуются холостые tuvn. Женатые прибегают к нему в своем собственном селении обыкновенно только в случаях какого-нибудь особенного увлечения той или другой групповой an'g:ej, но вне своего селения, когда они оказываются во временной разлуке со своими индивидуальными женами, женатые так же широко пользуются своими групповыми правами, как и холостые. И нужно сказать вообще, что характер отношений между групповыми pu и an'g:ej определяется, главным образом, условиями сожительства. При жительстве в разных селениях отношения между ними, естественно, могут быть только спорадические. Очень часто в таких случаях групповые супруги знают друг друга только понаслышке, но, столкнувшись, они обыкновенно быстро столковываются, и завязываются мимолетные связи, на которые весьма падки как мужчины, так и женщины, не предъявляя друг к другу никаких особенных требований симпатии, любви и пр. Нет ничего легче, чем столковаться таким случайно встретившимся pu и an'g:ej; стоит только где-нибудь в сенях или на дворе коснуться груди женщины, или сделать ей стереотипное предложение: «вместе покурим», чтобы убедиться в прочности шансов ухаживания. Иногда дело просто решается одними перемигиваниями.

---

[1] Приведу пример, хорошо рисующий как отношения подобных tuvn (т.-е. детей сестер, мужья которых чужие друг другу) между собой, так и взаимные отношения их к своим женам.

Wremgin и **Hibl** — лица двух различных родов (k:xal), один из рода Fan gi, другой из рода Xol, но матери их были tuvn, т.-е. сестрами из одного и того же рода. И вот, несмотря на то что их отцы и они сами — лица чужеродные, они называют друг друга tuvn потому, что отцы были женаты на сестрах и имели право полового общения, их как tuvn, они друг с другом ни разговаривать, ни шутить не смеют (см. ниже, запреты), жены их считаются ymk (матерями) для их детей, а **Hibl**, как младший, имеет право полового общения с женой **Wremgin'a**.

На месте постоянного жительства между отдельными холостыми pu и их женами an'g:ej часто устанавливаются прочные связи, сопровождающиеся не только регулярными половыми сношениями, но часто и глубокими симпатиями и привязанностями, что, впрочем, не мешает женщине корректно исполнять свои супружеские обязанности и по отношению к индивидуальному супругу и даже питать к нему истинную привязанность. Подобные отношения создают весьма часто крайне интересные конъюнктуры. Двое, реже трое, братьев, несмотря на полную хозяйственную самостоятельность, при которой каждый имеет возможность обзавестись особой индивидуальной женой, живут тем не менее вместе, имея *одну общую жену*. Официальным супругом этой женщины считается один. старший брат, фактически приобревший ее на правах индивидуального супруга, но по молчаливому согласию жена является *общей*; об этом хорошо знают не только посторонние, но и дети братьев-супругов. С подобными явлениями приходится встречаться и в самых богатых и почтенных семьях. Мой большой приятель, мой первый учитель гиляцкого языка, упомянутый житель с. Танги, самый богатый гиляк на Сахалине, так именно жил со своим младшим братом, Плеуном. Этот последний сам был не менее способный человек, чем его старший брат, пользовался славой отличного охотника и успел накопить огромное количество «ценностей», так что легко мог взять себе не одну, а несколько жен, тем не менее он предпочел пользоваться женой старшего брата. Сложилось оно повидимому так: подростком он пользовался женой Гибельки на правах всякого младшего брата, но постепенно между ними возникла более прочная привязанность, и он предпочел, вместо самостоятельной женитьбы, жить постоянно с женой старшего брата, которую он, действительно, любил. Характерно тут то, что все, в том числе и сам Гибель, относились к этому, как к явлению, совершенно нормальному. Когда я обратился по этому поводу с вопросом к самому Гибелю, легкая тень скользнула по его красивому, умному лицу: он хорошо знал, как относятся русские к подобным отношениям, но вообще вопрос мой не произвел на него особого впечатления.

О своей жене он отзывался восторженно, детей любил нежно, хотя уверенности в том, что они от него, у него не могло быть никакой, а сын его, мальчик лет 14, больше питал привязанности к младшему брату отца, чем к нему самому. Ничто, разумеется, не могло помешать Гибелю удалить младшего брата из своего дома, или его вместе с женой, и купить себе другую и не одну, а несколько самых красивых и знатных жен. И при его крайнем честолюбии, при его непомерной любви к популярности, он не преминул бы предпринять самые решительные шаги для восстановления своей супружеской репутации, если бы он чувствовал что-нибудь шокирующее в регулярном и всем известном сожительстве брата с женой его. Случаю угодно было, чтобы Гибель пережил своего младшего брата, который трагически погиб в одиночестве во время зимней охоты в своем охотничьем балагане. Когда среди огромного и торжественного скопления съехавшихся со всех сторон гиляков покойный был уложен на посмертный помост, за несколько минут до сожжения взобралась на него с распущенными в знак траура волосами жена старшего брата, уселась возле покойника и во всеуслышание стала оплакивать своего «младшего мужа» и «возлюбленного» в таких же патетических и нежных выражениях, как если бы она была его индивидуальной женой.

Этот публичный акт лучше всяких описаний свидетельствует, как понимают гиляки отношения между мужчинами и женами его братьев.

Обычай общего постоянного сожительства братьев с общей женой не всегда легко подметить. Во-первых, половое общение тщательно оберегается от публичности; далее, обыкновенно гиляки живут большими юртами, по нескольку семейных братьев вместе, и постороннему разгадать сокровенные отношения очень трудно, тем более что о таких вещах говорят очень неохотно; наконец, редко какому молодому гиляку охота связать себя с женой родного брата; он предпочитает иррегулярные отношения с женами многих своих tuvn.

Но кроме группово-брачных отношений между братьями и их женами, среди гиляков встречаются — правда, не часто — еще и чисто коммунальные формы, именно, когда два или несколько братьев совершенно открыто и сознательно женаты на одной женщине. Такие случаи я встретил в 1910 г. даже на Амуре, где гиляки отличаются особенным индивидуализмом. Два или три брата формально сватают себе общую жену из рода axmalk'a или покупают чужую женщину и потом продолжают жить в коммунальном браке. Конечно, в то же время и мужья и их жены состоят в группово-брачных отношениях с целым рядом своих классовых pu и an'g:ej.

В старину такие явления, повидимому, были общими явлениями. Так называемые n'astund (героические сказания) и сказки сплошь и рядом начинаются словами: «n'ig:yvyn tenun' tuvn an'g:ej n'ena aivynd» — „два брата-гиляка одну жену содержали", и в дальнейшем раскрывается и само содержание этого понятия. В одном из таких сказаний,[1] в котором рассказывается о похищении общей жены двух братьев горным человеком, мы находим такой пассаж, рисующий формы полового общения и отношение женщины к обоим мужьям: «В тот же вечер она те... жертвенные чашки сделала, чтобы ее мужья их с собой (на охоту) забрали; потом в ту ночь, поспавши несколько (т.-е. под одним одеялом со старшим братом), к младшему мужу (возлюбленному) своему, на средней наре лежавшему, забралась, с ним, совокупляясь, спала. На другой день ее мужья отправились». Любопытен финал этой сказки. После долгих поисков похищенной жены, старший брат (по нынешнему, ее индивидуальный муж) отчаялся в успехах поисков и вернулся домой, и, наоборот, младший брат ревностно продолжал поиски, и когда он, наконец, добрался до дома возлюбленной, рассказчик говорит, что женщина к своему мужу «pivner:kntox» (на самом деле, к брату своего индивидуального мужа) побежала (строка 58)»... Таким языком говорят не только в сказках, а повседневно. Когда мужчина говорит о своей жене или женщина о муже, они отнюдь не подразумевают своего индивидуального супруга, а того или другого из своих «мужей» безразлично. Точно так же, когда женатый человек говорит о своих женах (во множественном числе) или замужняя женщина о своих мужьях, то они всегда подразумевают индивидуального мужа и его братьев, и, наоборот, индивидуальную жену и жен своих братьев.

Право полового общения с женами братьев настолько срослось с обыденными представлениями гиляков, что они не в состоянии представить себе такого порядка вещей, при котором женщина могла бы представлять собственность одного мужчины. Гиляцкие юноши крайне недоумевали, почему я так часто и настойчиво переспрашивал про эти отношения; они считали их настолько обыденными, что они не должны были, по их мнению, вызывать каких-либо сомнений, и с удивлением спрашивали меня: «Неужели у вас не так, неужели у вас спать с женой брата худо?», т.-е. не дозволено, находя, что их закон лучше нашего. Разумеется, человеческая природа остается верной себе. Гиляк тоже ревнует, и в других случаях, когда дело не касается его tuvn, он умеет реагировать с необузданной страстностью первобытного человека. Убить соперника или выдержать с ним кровавую дуэль гиляку ничего не стоит. Но когда дело касается братьев, тут, благодаря усвоенным с детства представлениям и целому ряду запретов, о которых будет речь ниже, грубый инстинкт теряет свою власть над гиляком, он либо вовсе не реагирует на флирты жены, либо весьма слабо. Впрочем, во избежание трений между братьями, практикуются некоторые профилактические средства. Так, например, обычай требует, чтобы старшие братья не только уступали первенство в женитьбе младшим, но даже помогали бы им «ценностями» для покупки жен.

---

[1] Л. Штернберг. - Материалы, II, 21, стр. 171.

С первого взгляда такой обычай кажется тем более странным, что старшие не имеют часто половых прав на жен младших. Но зато получается другая выгода: женя младших братьев, старшие освобождают себя в будущем до известной степени от покушений младших на их собственных жен. Впрочем, такая профилактика дает гарантию, да и то слабую, по отношению к родным братьям, но младших классовых братьев слишком много, чтобы всех своевременно женить и обезопасить. В виде исключения я наблюдал несколько случаев, когда ревнивые люди, сейчас же после женитьбы, переселялись в уединенное место, чтобы избежать конкуренции своих братьев. Так, селение Сах-Котан, самое южное гиляцкое селение на западном берегу, основано было таким ревнивцем, и когда я посетил его в 1897 г., то застал в нем только его основателя с многочисленным потомством, и мои спутники, гиляки, не мало острот послали по его адресу, но он был неуязвим,—его жена была в возрасте, когда женщины уже вне подозрений. Но такие случаи исключительны. Тем более исключительны случаи острых столкновений между братьями из-за ревности. Для избежания их требуется только соблюдение такта. Такие случаи возможны, когда индивидуальная жена и холостой tuvn переходят за пределы приличия и такта: когда женщина начинает бегать публично за своим возлюбленным, пропадает из дому и совершенно пренебрегает обязанностями к своему индивидуальному мужу. В таких случаях возлюбленному приходится иногда удалиться из дома брата или даже из его селения, а женщине иногда достается нахлобучка. Таких изгнанников я встретил дважды на севере Сахалина. Обыкновенно же отношения между tuvn весьма мирные. Если и посердится старший брат, то молча и без всяких последствий. Всякая активная реакция считается грехом. Считается большим грехом вызывать брата на дуэль из-за ревности. Мне лично про такие случаи не приходилось и слышать. Про один такой случай мне пришлось узнать от Б. Пилсудского, но это случай совершенно исключительный. Некий Лохматка, лично хорошо и мне известный молодой гиляк, очень бедный парень, но пользовавшийся необычайным успехом у гиляцких женщин, позволил себе слишком открыто жить с женой одного из своих tuvn. По гиляцкому обычаю, как я уже говорил, публичность в таких случаях не допускается. Прощается она в исключительных случаях, когда герой — выдающийся, богатый человек, всеми уважаемый. Лохматка же был бесхозяйный гиляк, вечно у всех в долгу, легкомысленный и не отличавшийся никакими мужскими добродетелями. Тем не менее старший tuvn нисколько не реагировал даже и на это нарушение этикета. Только вследствие подговариваний окружающих он решил вызвать его на дуэль, но Лохматка решительно отверг это лестное предложение. Тогда соперник ударил его дубинкой, но Лохматка и после этого не реагировал, а так как по гиляцкому обычаю бить незащищающегося возбраняется, то сопернику пришлось оставить дело, а Лохматка, попрежнему, продолжал свои публичные отношения к его жене. Мне ни разу в гиляцкой среде не приходилось наблюдать, как индивидуальный муж реагировал при нахождении жены in flagrante delicto с кем-нибудь из его братьев. Но об этом может дать представление сцена, наблюденная мною у орочей, у которых действует то же правило по отношению к женам братьев. Однажды мне пришлось ночевать в палатке самого уважаемого и богатого ороча, Ивана Кузнеца. В палатке, кроме Ивана и его жены, случайно ночевал очень дальний родственник Ивана, юноша Тимошка, очень бедный и нехозяйственный парень, но большой любитель женщин, предпочитавший хождение по гостям и ловеласничание всяким хозяйственным заботам. С вечера хозяин ушел сторожить лосей, и Тимошка без всяких церемоний забрался под одеяло молодой хозяйки. Старика ждали только к утру; между тем неблагоприятный ветер помешал охоте, и Иван вернулся раньше, чем этого можно было ожидать. Вошедши в балаган, Иван зажег лучину и увидел Тимошку, заменяющего его на супружеском ложе. От вспыльчивого и гордого Ивана можно было ожидать — особенно против бедного Тимошки — самого бешеного взрыва ревности, тем более, что его жена считалась первой красавицей, а он был уже в летах, когда ревность особенно сильно проявляется. И тем не менее Иван ограничился тем, что выругался крепким русским ругательным словом, после чего Тимошка, смущенно улыбаясь, перешел на свое место, а Иван, кряхтя, улегся рядом со своей фривольной женой.

Таковы отношения между категориями групповых pu и an'g:ej. В своем собственном роде к услугам гиляка десятки жен его «братьев». В роде его axmalk'a (а их может быть много) к его услугам десятки дочерей «братьев» матери, и, наконец, вне этих родов, ему принадлежат сестры жен его самых отдаленных tuva и жены сыновей сестер его «матери». А так как вдобавок, благодаря современным условиям жизни, его собственные сородичи и члены родов его axmalk'ов разбросаны по самым отдаленным селениям, то нет почти места, где приезжий гиляк не нашел бы своей правомерной an'g:ej. О гиляках можно сказать то, что рассказывают, mutatis mutandis, про «куми» и «кроки», которые на протяжении всей своей территории везде находят себе законную жену.

Таким образом, каждый гиляк обыкновенно состоит в двойном браке: 1) в обычном индивидуальном браке с одной или несколькими женщинами либо из класса его an'g:ej (в этом случае преимущественно с дочерьми брата матери), либо с женщинами чужеродных групп; эта форма брака у братьев принимает иногда форму чисто коммунальной полиандрии; 2) в групповом браке со всеми женщинами класса an'g:ej, при чем половое общение по отношению к некоторым из них сопровождается совместным сожительством, общим хозяйством с их индивидуальными мужьями и происходит более или менее регулярно (чаще всего при общем хозяйстве братьев), или же это право полового общения является потенциальным и осуществляется по мере возможности и нерегулярно.

Таким образом мы имеем тут дело с типичным групповым браком, примеры которого всем известны у самых различных народов земли. Крайне любопытный типичный аналог из быта других народов представляет брачная система австралийского племени dieri,[1] у которого оба вида полового общения оформлены, в отличие от гиляцкой брачной системы, диференцированными терминами noa и piruari. По этой системе каждая женщина состоит в индивидуальном браке с одним мужчиной, и супруги называют друг друга noa; но в то же время она состоит в групповом браке с целой категорией мужчин, которые называют взаимно друг друга piruari, с тем характерным отличием, что лица этой категории торжественно объявляются великим советом племени.

---

[1] Australian Group relations by Howitt (Papers relating to Anthropology Contrib. to the Smithsonian Institute (1885), pp. 12 passim.

Цель, которую преследует эта мера, повидимому, такова: 1) укрепить в общественном сознании правомерность полового общения известной группы лиц; 2) сделать общеизвестными имена лиц этой группы супругов. У гиляков дело до этого не дошло — племя слишком маленькое, и каждый человек уже с детства, со слов родителей, отлично знает имена своих групповых pu и an'g:ej и, следовательно, все права, с этими именами связанные. При других условиях гиляки, вероятно, дошли бы и до процедуры, практикуемой у dieri. Любопытны еще следующие характерные аналогии между браком гиляков и dieri: 1) «женщина становится noa человека, будучи обвенчана с ним, когда она была еще ребенком».[1] 2) Судя по родственной терминологии, piruari (т. е. групповые мужья и жены) назначаются великим советом не произвольно, а из определенного круга родственников, а именно для женщин piruari являются братья ее мужа, а для мужчины — сестры жены. Так, одним и тем же термином apiri waka называют piruari своей матери и брата отца; точно так же одним и тем же термином andri waka называют piruari своего отца и сестру матери и жену брата отца (ib. Table IV). 3) Все дети каждого noa между собою братья и сестры и все они считаются детьми группы piruari, к которой эта noa принадлежит (ibid., 19).

IV.

МОРАЛЬНЫЕ И ПСИХИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛОВЫХ НОРМ.

Своеобразные нормы полового общения, описанные нами, широко-дозволительные, с одной стороны, строго-запретительные с другой, отразились на морали и психике гиляков в двух диаметрально противоположных направлениях.

Дозволительные нормы, давшие как мужчине, так и женщине, такую широкую правомерную свободу полового общения, естественно, должны были породить и общую половую распущенность. Действительно, добродетели целомудрия, половой умеренности и супружеской верности гиляку не знакомы. Среди замужних женщин встречаются еще, и то в виде редкого исключения, отдельные лица, которые более или менее верны своим мужьям; среди мужчин, по отзывам самих гиляков, и такие исключения не встречаются. В обществе самых почтенных людей с увлечением ведутся разговоры про самые пикантные романические приключения. Богатый романический формуляр нисколько не препятствует репутации джентльмена (urdla n'ig:yvyn). При мне, в присутствии собрания самых почтенных стариков, молодой гиляк Ларук, при общем громком одобрении и веселом хохоте, рассказывал о своих многочисленных романических подвигах; между прочим о том, что в одном селении он наплодил не менее 20 душ детей... Такое отношение почтенных людей к половой распущенности молодежи возможно только в обществе, где групповое половое сожительство правомерно практикуется в обширных размерах. Если иногда приходилось слышать упреки старших по адресу младших за половые эксцессы, то только по хозяйственным соображениям, так как половые увлечения часто отвлекают молодежь от работ на дому. Упреки слышатся также по адресу беременных девушек, но тут действуют совсем особые соображения, о которых мы говорили выше: 1) опасение увлечений с лицами запретных категорий, и, главное, 2) неизвестность относительно отца ребенка. Обыкновенно же похождения молодежи не составляют никакого секрета и не вызывают упреков. Это настолько обычное явление, что молодые люди нарочито отправляются в гости на целые месяцы в селения своих «тестей», где в их распоряжении столько девиц an'g:ej, и старшее поколение не только не препятствует этому, но чрезвычайно радо. Как мы уже говорили, холостой ymg:l (зять) — самый желанный гость в доме. «Ymg:l» (зятя) кормить должно (см. стр. 166). Женщины и даже девушки мало чем уступают мужчинам в легком отношении к тому, что мы называем половой нравственностью. Им только приходится больше остерегаться (особенно, когда дело идет о лицах не из класса pu), и потому наружно они всегда напускают на себя вид самой суровой неприступности, но в действительности они так же легкомысленны, как и мужчины. И при всем том сказать, что гиляки лишены чувства половой нравственности, было бы величайшей несправедливостью. В действительности гиляки дают волю своим инстинктам только в пределах, общественно дозволенных. И, наоборот, то, чего нормы не допускают, например, реакции ревности по отношению к своим tuvn и особенно половое общение с лицами запретных категорий, то соблюдается с величайшим, нам совершенно незнакомым ригоризмом, и это несмотря на то, что запреты полового общения часто не имеют за собой ни физиологического, ни психического, ни какого-нибудь другого разумного основания, напр., запреты между самыми отдаленными агнатными кузенами и кузинами. За многолетнее свое пребывание среди гиляков, несмотря на тщательные расспросы, мне удалось слышать только про два-три случая явного нарушения запретительных норм. Самый выходящий из ряда вон случай произошел в селении Тамлево, где молодой гиляк, после смерти своего отца, некоторое время жил со своей молоденькой мачехой, купленной отцом его незадолго до его смерти. Случай этот взбудоражил весь Сахалин, и о нем рассказывали, как о чем-то чудовищном. Другой общеизвестный случай с молодым гиляком Павлинкой, который женился на женщине из рода своих ymg:l, т.-е. из рода, который у Павлинки брал жен. Но Павлинка был уже значительно обрусевший, состоявший на полицейской службе гиляк, свысока относившийся к обычаям своего народа. Другой обрусевший гиляк, Аллых, из села Тамлево, после смерти одного из своих младших tuvn, заставил собрание сородичей, обсуждавших, по обыкновению, вопрос о том, кому должна достаться вдова покойного, присудить ее ему, хотя он, как akі (старший брат), не имел на то никакого права. Но это случаи исключительные, и на них окружающие реагировали крайне энергично.

---

[1] Howitt, op. cit., p. 15.

В первых двух случаях нарушители вынуждены были уйти в добровольное изгнание, т.-е. поселиться вне селения и вести одинокое существование со всеми лишениями родовых благ, связанными с остракизмом. Но, повторяем, то были случаи совершенно исключительные, связанные с изменившейся, под влиянием чуждой культуры, психикой.[1]

Обычно самая идея половой связи с лицами запретных категорий вызывает инстинктивное отвращение. На редкие случаи возникновения любовных чувств между такими лицами гиляки смотрят, как на внушения злого духа, как на явление, почитаемое неестественным не только у людей, но и у животных. Мы видели, что в таких случаях даже прелюбодейную собаку убивают. Совершенно такое же отношение к людям. Обычно, возлюбленные в запрещенных степенях убивают себя по обоюдному соглашению или под прямым воздействием родных. В одной предсмертной песне такой несчастной пары женщина поет о том, как старшая сестра называла ее сучкой за ее любовь к дяде, а последнего «чортом» и как все — и мать, и отец, и сестры — твердили ей: «Убей себя, убей». Между тем предмет ее преступной страсти, дядя ее, мог быть в ее же возрасте, мог расти вдали от нее, и любовь между преступной парой казалась бы, по нашему, совершенно естественной.

---

[1] Бывают исключительные случаи другого рода, когда нормы брака нарушаются ради поддержания других норм, которые обществом почитаются еще важнее: это бывает во время эпидемии, когда для той или другой вдовы не находится мужа по правилам левирата. Тогда, дабы женщина осталась в роде ее покойного мужа, по постановлению совета рода она отдается любому сородичу восходящей или нисходящей ступени родства с ее покойным мужем.

Чувство полового отвращения к лицам запретных категорий превратилось в инстинкт, как в нашем обществе подобное же чувство к матери или родным сестрам. Впечатление инстинкта производит на нас также и та удивительная способность подавлять в себе чувство ревности, которое проявляет гиляк, когда дело касается групповых мужей его индивидуальной супруги. Без этих инстинктов или, во всяком случае, замечательных добродетелей самообладания и самообуздания реализация половых норм была бы невозможна: ничем не сдержанная ревность привела бы к уничтожению группового брака, а без инстинкта полового отвращения или равнодушия к запрещенным лицам, большинство запретных форм потеряло бы свою силу.

Каким образом могли выработаться эти могучие инстинкты или, по крайней мере, полуинстинкты?

Выработке таких инстинктов прежде всего оказала могущественное содействие классификаторская система родства. С самого раннего детства мальчики и девочки точно знают, кого каким термином они должны называть и какие половые правообязанности с этими названиями связываются; таким образом, те или другие отношения с теми или другими лицами уже с детства начинают рассматриваться как нечто, самой природой установленное и непреложное. Точно так же, как при нашем воспитании вырабатывается половое равнодушие к родителям, детям, родным братьям и сестрам, точно так же у гиляков, благодаря классовой терминологии и рано усвоенным запретам, вырабатывается такое чувство по отношению не только к родному отцу и матери, но и ко всем «отцам» и «матерям», ко всем братьям отца, ко всем «сестрам» и «братьям», сестрам матери, агнатным кузенам и т. д. И точно так же, если ребенок с детства знает права категории pu на его an'g:ej, если он с детства знает, что всякий его tuvŋ имеет право на его индивидуальную an'g:ej, то он, когда подрастет, умеет достаточно равнодушно смотреть на половые сношения своей жены с его tuvŋ и ее pu. Но в то же время он далеко не равнодушен, когда такие отношения происходят с посторонними. Тут гнев его не знает предела:

in flagrante delicto он убивает прелюбодея, в других случаях он яростно дерется с соперником на дуэли. Мало того, если даже его собственный tuvn позволит себе в отношении его жены нарушение установленного этикета, — непубличности, — он не останется равнодушным и заставит его удалиться из селения.

Психические запреты.

На ряду с воспитанием и, я сказал бы, гипнотическим действием терминологии родства, на выработку упомянутых инстинктов действует еще более могучее средство — особого рода запреты, запреты психического общения: запреты разговоров, взглядов и фамильярного обращения (шуток). Соответственно двум различным инстинктам, необходимым для реализации половых норм, запреты эти двоякого рода. Одни из них созданы для лиц, между которыми необходимо ослабить до последней степени инстинкт ревности, другие — между лицами, которые должны избегать полового общения между собой. Оба фактора, как запреты полового общения, так и запреты психического общения, действуют не только как факторы внушения или привычки, но и как строжайшие табу религии. Нарушить ту или другую норму так же опасно в глазах первобытного человека, как самое опасное кощунство. Какую силу в частности имеют табу психического общения и какие инстинкты они способны выработать в душе первобытного человека, можно видеть хотя бы из рассказа Иохельсона про одного юкагира, который по ошибке позволил себе фамильярность по отношению к своему брату, но, когда заметил свою ошибку, он от ужаса скончался на месте.

Вот как рассказывает Иохельсон эту поразительную историю, совершенно применимую и к психике гиляка.

«Жили два брата. С ними жил муж старшей сестры, с которым разговаривать можно Поэтому оба брата нередко шутили с ним, баловались... Братья же были между собою, как водится, в отношениях неговорения. Однажды старший брат, вернувшись с охоты, застал в поселке молодежь, занятую играми и плясками. Его младший брат, случайно одетый в меховую одежду зятя, был в цепи танцующих, будучи обращен спиной к пришедшему. Последний принял младшего брата за зятя, подбежал к нему сзади, просунув между ног руку, хотел его в шутку испугать, при чем коснулся его половых органов. Младший брат быстро обернулся. Тогда старший брат заметил свою ошибку и тут же «от стыда» упал мертвым. По обычаю его вскрыли, чтобы узнать причину смерти, и сердце его, по словам предания, оказалось разорванным пополам».[1]

Перейдем теперь к самим запретам. Запреты первого рода, т.-е. запреты, установленные между лицами одного пола, для ослабления инстинкта ревности, естественно распространяются на лиц, состоящих в одном классе по групповому браку: среди мужчин на классы pu, т.-е. на классы лиц, имеющих право полового общения с определенным классом женщин, и среди женщин на классы an'g:ej, т.-е. женщин, имеющих общих мужей. Все эти лица, все эти групповые мужья или групповые жены, среди которых повседневно и повсечасно так легко могли бы возгораться вспышки ревности, отгорожены между собою непроходимой стеной строжайшего запрета психического общения, запрета, начинающегося от порога жизни и кончающегося только у могилы, и создающего инстинкт сдержанности, не уступающий по своей силе сильнейшим инстинктам природы.

Запреты второго рода, как мы говорили, имеют целью воспрепятствовать половому общению между лицами разных полов запретных категорий. Поэтому между лицами, состоящими взаимно в классах «мужей» и «жен» (pu и an'g:ej), хотя бы они и не состояли в индивидуальном браке, запреты излишни: всякий мужчина свободно разговаривает не только со своими индивидуальными, но и со своими групповыми женами, напр., с женами братьев без различия (в одних родах) или только с женами своих старших «братьев» (у других), словом, с теми женщинами, которых он называет an'g:ej и с которыми он имеет право полового общения. Не то с лицами запретных категорий. Но и в этой категории имеются группы, которые, по воззрениям гиляков, не нуждаются в запретной охране: это, прежде всего, мать и отчасти отец. С матерью сыновья, уж не говоря о дочерях, могут и разговаривать и шутить без всяких ограничений. То же распространяется и на весь класс «матерей» и «сыновей», одно название которых, усвоенное с детства, достаточно гарантирует половое равнодушие между его членами. Строже обстоит дело с «отцами». Отец с дочерью может вести деловой разговор, ругаться, но не шутить, нежничать (фамильярничать) со своими дочерьми. То же с целым классом «отцов» и «дочерей» (дядья и племянницы). По отношению к дедам, прадедам, бабушкам и прабабушкам совершенно нет запретов. Не то с другими лицами запретных категорий. Особенной строгостью отличаются запреты между мужчинами и женщинами своего собственного рода. С лицами класса «сестер», с «сестрами» отцов, которых именуют **nanax** (старшая сестра), мужчины не только ни разговаривать, ни шутить не смеют, но и «глазом взглянуть» на них строжайше воспрещается. Этот запрет распространяется и за пределы лиц одного и того же рода, если только — как увидим впоследствии — лица эти взаимно считаются **tuvn**, напр., дети сестер, вышедших замуж за лиц разных родов. Кроме того, так как — мы знаем это из терминологии родства — для каждой женщины ее «брат» — потенциальный отец ее невестки, а с другой стороны, для каждого мужчины каждая «сестра» — потенциальная мать его «зятя», то из этого следует, что женщине запрещен разговор и пр. с отцом ее невестки (действительным или потенциальным) и с его классом, а мужчине — с матерью своего зятя (в тех родах, в которых старшие братья не имеют половых прав на жен младших). Далее, запреты второй категории действуют (в большинстве родов) между мужчинами с женами их младших **tuvn**, с одной стороны, и между женщинами со старшими **tuvn** их мужей, с другой. Как известно из терминологии родства, лица этих групп называют друг друга запретными терминами **jox** и **atk**. Этими последними терминами называют друг друга также невестки и свекрови. Между ними, как лицами запретных групп, опять-таки психическое общение не допускается, хотя не везде одинаково строго. У одних, напр., у гиляков лимана Амура, не допускается ни разговора, ни шутки. В других местах, обращения деловые допускаются, но шутки и беседы запрещены. Запрета психического общения между зятем и тещей не существует.

---

[1] Иохельсон. Материалы, XIII.

Теперь остается выяснить, как эти запреты осуществляются в жизни. Сами гиляки классифицируют психические формы общения между запретными категориями терминами: **indynd** (смотреть), **xernd** (беседовать, говорить), **lerund** (шутить, играть, баловаться) и **vakrund** (ссориться, спорить, ругаться). Но не все эти четыре формы одинаково применяются между всеми категориями. Так, мы видели, что с дочерью отцу запрещается только **lerund** (шутки, баловство); разговаривать, а тем паче ругаться (со стороны отца) допускается. Запреты «лицезрения» — **indynd**, — наоборот, действуют только между «братьями и сестрами»; **lerund** одинаково строго применяется между всеми категориями. Остается запрет **xernd**. Термин этот заключает в себе два понятия: беседы, разговоры и деловые обращения. Что касается первых, то они являются запретными абсолютно: без бесед обходиться можно, да беседы, кроме того, могут далеко завести. Другое дело с деловыми обращениями: без них обходиться иногда совершенно невозможно. Так, напр., старший брат часто заменяет младшим братьям отца и без сношений с ним обходиться нет возможности; поэтому в крайних случаях младшие братья к старшему обращаться могут. Краткие непосредственные обращения в виде приказаний, деловых советов и т. п. всегда допускаются между братьями, между свекром, свекровью и невесткой, даже между мужчиной и женой младшего брата, с употреблением звательного падежа. Но обыкновенно стараются избегать непосредственных обращений. Если налицо человек дозволенной категории, то передают желаемое этому лицу, адресуя свое обращение так, чтобы слова были слышны лицу запретному, которое, в свою очередь, отвечает таким же способом. В противном случае обращение выражается в третьем лице или в безличной форме. Например: «Невестка, брат и т. д. могли бы то-то и то-то сделать», вместо: «Невестка, сделай!» Или: «Брату моему спасибо», вместо: «Спасибо, брат», и т. д. Благодаря этому обычаю обходить запреты обращения употреблением третьего лица, у гиляков вошло в обыкновение вообще употреблять часто 3-ье лицо вместо 2-го, особенно по отношению к лицам незнакомым, из опасения, повидимому, что они могут оказаться лицами запретных категорий. Сплошь и рядом приходится слышать, при входе незнакомого гиляка, обращение: «Откуда гиляк пришел?» (вместо «Откуда ты пришел?»). В этом обычае, свойственном не одним гилякам, и вызванном запретом говорения, кроется, быть может, причина происхождения этих странных форм 3-го лица вместо 2-го, которые находим в итальянском, польском, татарском и т. д. языках. Наконец, с лицами запретных категорий, чаще всего при обращении, употребляется множественное число, которое обыкновенно употребляется при обращении со стариками и почетными лицами или незнакомыми. Так, напр., к жене старшего брата употребляется обычно обращение в единственном числе чi; наоборот, с женами младших братьев — множественное число — чin.

Запреты разговора имели другое любопытное последствие. Гиляки не знают никаких приветствий при встрече и прощании. Может показаться странным, что гиляк, возвращаясь в свой дом даже после долгого отсутствия или оставляя свою семью на долгие месяцы охоты и опасности, не произносит никаких приветствий. Между тем, гиляки очень церемонны и гостей встречают и провожают всегда с торжественными обращениями и благопожеланиями. Соседи гиляков, ольчи и гольды, равно как и айну, имеют приветствия при встрече и прощании. Отсутствие таковых у гиляков происходит именно от того, что у каждого гиляка в его собственном доме и в его селении масса лиц, к которым всякое обращение является грехом, поэтому привычные приветствия легко могли бы приводить к частым невольным нарушениям психических табу. Запреты разговора, как известно, практикуются у многих народов. Вспомним хотя бы для примера из американских народов arapaho, у которых запрещены разговоры между братьями. Для нас представляют особый интерес запреты у юкагиров. Из запретов, общих с гиляками, у юкагиров находим запреты между «братьями» и «сестрами», свекром и свекровью с невесткой, старших братьев с женами младших, при чем, как и у гиляков, в случаях необходимости, обращение происходит либо в 3-м лице, либо в безличной форме, либо во множественном числе.[1]

Примеры интересной аналогии с гиляцкими запретами представляют буряты. У них в настоящее время брак исключительно индивидуальный, и «братья» не имеют никаких половых прав на жен друг друга. Тем не менее, запреты так называемых хадым'ов явно изобличают прежнюю стадию группового брака. По этому институту между женщиной и старшими братьями ее мужа запреты очень строги; наоборот, по отношению к младшим братьям мужа запреты отсутствуют. Содержание запрета (запрещение мужчине садиться на кровать своей хадым, видеть ее обнаженной и т. д.) свидетельствует, что этот запрет имел исключительной целью предупредить половое общение.

V.

ГЕНЕЗИС ГИЛЯЦКИХ НОРМ БРАКА И ТЕРМИНОЛОГИИ РОДСТВА.

Мы рассмотрели нормы полового общения и видели, что они совершенно соответствуют терминологии родства. Теперь нам необходимо перейти к тому, как сложилась эта сложная система родства и брака, каков тот психический субстрат, который вызвал ее возникновение. Очевидно, такая сложная система не могла возникнуть искусственно. Она, без сомнения, должна была развиться из одного простого принципа, ясного для примитивного человека категорического императива, из которого неизбежно должен был, как из зерна, вырасти тот сложный организм гиляцких институтов, которые так подробно были рассмотрены нами. Но, на ряду с генезисом этой системы, нам необходимо выяснить и долгую эволюцию этой системы, без понимания которой целый ряд особенностей родственной номенклатуры кажется совершенно необъяснимым и как-будто несогласованным с общей системой.

---

[1] Иохельсон. Материалы, 210.

Почему, например, жены самых отдаленных tuvn, хотя бы они были совершенно чужие друг другу, называют себя сестрами? Почему я, мужчина, называю своего тестя, хотя бы он был совершенно чужой, «братом матери», и при тех же условиях женщина зовет свою свекровь «сестрой отца»? Почему, если я, мужчина, женюсь на женщине совершенно чужой мне и моему роду, то с этого момента все сестры ее отца, даже не замужние, становятся моими матерями и никто из ее рода не может жениться на женщинах моего рода?

Почему женщины моего рода не могут выходить замуж не только в тот же род, откуда кто-нибудь из моих сородичей берет жен, но и в тот, откуда этот последний берет для себя жен? Каким образом мог произойти такой с виду парадоксальный факт, что человек может иметь агнатов и агнаток (сыновей, дочерей, братьев, отцов и матерей) в совершенно чуждом ему роде? Эта запутанность и видимая несообразность может быть объяснена лишь тем, что первоначальная простая и логически согласованная система брака, как всякая религиозная норма, по свойственной ей естественной тенденции, создала вокруг себя ткань распространительных норм. С другой стороны, под влиянием *исторических и бытовых условий*, она подверглась постепенным расширениям и усложнениям, в то время как терминология родства, как элемент, по природе своей, в виду своей формальности, отличающийся крайней устойчивостью, остался неизменным. Какова же была первоначальная схема брака? В отдельных местах нашего изложения нам уже приходилось говорить о ней. Теперь мы должны выяснить этот вопрос во всей его полноте. Детальный анализ как запретительных, так и разрешительных норм брака, сделанный нами в предыдущей главе, показал, что нормы эти вполне соответствуют терминологии родства; иначе говоря, вся сложная гиляцкая терминология родства является ничем иным, как автоматическим регистратором системы брака. Этот верный регистратор, столь устойчивый при всех переменах, является естественным ключом к восстановлению гиляцкой системы брака в ее чистом первоначальном виде.

Чему же нас учит терминология родства?

Прежде всего, мы видим, что гиляцкая терминология родства не знает специальных терминов, свойства которых являются совершенно тождественными с терминами кровного (когнатного) родства. Свойственники называются по-гиляцки — пандф, т.-е. люди общего происхождения, когнаты, для мужчины со стороны матери, для женщин — со стороны отца. Тесть — брат матери; свекровь — сестра отца; муж — сын сестры отца; жена — дочь брата матери, и т. д.

Ясно, такая терминология могла сложиться только при условии, когда браки обязательно заключались исключительно с кровными родственниками по отцу или по матери. Это первое. В каком виде совершались эти браки, показывают нам другие термины родства.

Внутри каждого рода, как мы видели, в каждом поколении жены tuvn, т.-е. братьев родных и боковых, зовут друг друга сестрами, а своих свекровей, т. е. матерей всех этих tuvn — теткам
и (сестрами отца), и обратно, последние их — племянницами; с другой стороны, каждый мужчина зовет сестру своего тестя своей матерью. Отсюда ясно, 1) что жены всех членов рода — обязательно родственницы, взятые из одного рода, иначе говоря, каждый род берет жен для себя исключительно из одного общего рода; брак вне этого рода невозможен; 2) что при этом брак регулируется по поколениям, т.-е. в каждом поколении сородичи-«братья» берут из обязательного для брака рода соответствующее поколение «сестер», племянниц тех женщин, на которых женилось поколение их «отцов», а их нисходящие, в свою очередь, берут следующее поколение «сестер», племянниц своих матерей, и т. д. Вот почему жены «братьев» зовут друг друга «сестрами» (ибо таковыми они являются в самом деле), своих свекровей — тетками по отцу, а мужья зовут сестер своих тестей матерями. О групповом характере этих брачных союзов и о вытекающих отсюда классах «матери», «отцов», «братьев», «тестей» нам здесь говорить не приходится, ибо это уже выяснено нами детально раньше.

Таким образом, к первому принципу — обязательности браков с кровными родственниками — прибавляется другой принцип — жены сородичей обязательно должны быть взяты из одного общего рода, т.-е. два рода связаны между собою взаимной обязанностью: один должен брать жен у другого рода, а этот последний — отдавать своих жен первому. Все мужчины последнего по поколениям уже от рождения считаются мужьями женщин соответствующего поколения другого рода, и, как мы видели, эти классы называют друг друга в действительности pu и an'g:ej.

Но из терминологии родства мы знаем, что обратное не допускается, т.-е. мужчины второго рода и женщины первого уже не состоят в классе мужей и жен. Таким образом, обменный брак между указанными двумя родами не допускается. Все эти принципы, выведенные нами выше a priori из терминологии родства, вполне соответствует современной действительности. Мы видели, что и теперь существует право на брак, что и теперь брак из класса axmalk считается единственно «чистым», и что браки сородичей обычно заключаются из одного общего рода, что обменный брак между родами не допускается. Теперь мы можем с уверенностью продолжать наш анализ.

Кто же этот род, откуда сородичи обязательно должны брать жен? На это нам отвечает та деталь номенклатуры, по которой мать каждого человека — сестра отца его жены; иначе говоря, все жены сородичей взяты из того рода, откуда пришла их родоначальница. Члены рода, таким образом, и по отцу, и по матери одной общей крови. Для каждого отдельного члена рода, как мы видели выше, это выражается в том, что человек обычно женится на дочерях брата матери, иначе говоря, дочери каждого человека принадлежат сыновьям его сестры. Этот принцип и является тем звеном, из которого выросла не только столь сложная на вид система классификационного родства, но и групповой брак и, наконец, род. Эту динамику мы и рассмотрим. Мы увидим ниже, что принцип этот, столь обычный еще теперь у многих первобытных народов, принцип, что дочери братьев принадлежат сыновьям их сестер, восходит к самой древнейшей стадии материнской семьи, той, которая непосредственно последовала за браком кровным, и служил основным способом обеспечения группы женщинами. Ради удовлетворения этой насущнейшей нужды на ранних стадиях человеческого общества каждая мать получала для своих сыновей дочерей своего брата, иначе говоря, все нисходящие сестры получали в жены всех нисходящих ее брата. Почему сложился такой принцип, почему в жены брали исключительно дочерей брата матери, а не детей сестры матери или дочерей брата отца, это мы увидим ниже. Теперь посмотрим, какие последствия имел этот принцип в своем практическом применении.

1) Раз уже от рождения дочери брата принадлежали сыновьям сестры, то естественнее всего было, чтобы будущие мужья в самом раннем возрасте переходили в семьи своих будущих жен. Этот порядок мы еще видим теперь у гиляков, как и у многих других первобытных народов. При «чистых» браках, т.-е. между детьми брата и сестры, уже с раннего детства будущая жена переходит в дом «мужа» и вырастает вместе с ним. Терминология увековечила этот порядок тем, что уже от рождения дети в определенных классах состоят взаимно в отношении pu и an'g:ej друг к другу.[1]

2) Упомянутый принцип создал в лице дочерей брата постоянный фонд женщин для каждого человека, но этой меры было недостаточно для удовлетворения той цели, ради которой она была создана; требовались соответственные нормы распределения, которые должны были гарантировать мир между обладателями группы жен. Прежде всего ясно, что нормы распределения не могли быть ни исключительно индивидуальные, ни исключительно коммунальные. Коммунальное обладание, как общее правило, вызывало бы беспрерывные распри; чисто индивидуальный порядок не всегда был возможен, вследствие неизбежных случайностей в распределении мужчин и женщин, особенно в ограниченной среде немногих семей. Нормы, таким образом, должны были выработаться такого рода, которые могли бы удовлетворить при любой комбинации.

Индивидуальный способ распределения, конечно, был бы самый удовлетворительный, но он требует равномерного распределения полов, что не всегда возможно, особенно в ограниченной среде немногих семей. Нормы распределения при таких условиях должны были явиться компромиссом между индивидуальным и коммунальным способом, чтобы удовлетворить любой комбинации распределения полов.

Создался таким образом тот тип индивидуально-группового брака, который мы видим у гиляков и у всех других народов, у которых брак основан на общем с ними принципе брачных отношений. Эта система индивидуально-группового брака сложилась под влиянием различных комбинаций распределения полов в потомстве брата и сестры. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть несколько таких комбинаций.

---

[1] Этот факт радикально опровергает утверждение Вестермарка, Crawley и др., что запрет брака между братьями и сестрами происходит от инстинктивного полового отвращения, созданного близким сожительством. Crawley ссылается при этом на категорическое утверждение Ellis'a (см. Exogamy and Mating of Cousins. Anthropological Essays. Oxford, 1907, p. 52).

1. Самая простая — один брат и одна сестра. При этом у брата столько же дочерей, сколько у сестры сыновей. Тогда, конечно, вполне возможно распределение индивидуальное, да и то, если мужчины и женщины одновременно достигли брачного возраста. Но à la longue такая комбинация почти совершенно невозможна, потому что потомство сестры и потомство брата разрастается в несколько семей, а в такой среде только по исключению могут быть случаи, когда число мужчин брачного возраста в одном потомстве во всякий данный момент будет равно числу женщин в другом потомстве.

2. Возьмем тот же случай: один брат и одна сестра, но в данный момент у брата лишь одна дочь, а у сестры несколько сыновей. Тогда неизбежен брак коммунальный, как он описывается у многих народов и является столь типичным во всех описаниях тибетцев. Это тот случай, который описывается в эпосе гиляков в таких выражениях: «Двое (или более) братьев одну жену содержали», случай, который, как мы указывали, и теперь нередко встречается в действительности. Наиболее обычный способ пользования женами, как и при групповом браке — каждый брат пользуется общей женой в отсутствие другого: «В Тибете, где братья очень часто имеют лишь одну общую жену, редко бывает, чтобы в доме в одно и то же время находился больше, чем один брат».[1] У гиляков и этого не требуется в случаях коммунального обладания: жена спит сначала с одним (старшим), а потом перекочевывает к другому. Что касается детей, то они или вовсе не различаются по отцам, либо, как у племени тода, первый ребенок считается потомком старшего, второй следующего брата и т. д.

3. Тот же случай в новой вариации: первый брат достиг брачного возраста раньше второго. Старший брат берет единственную дочь сестры своего отца своей индивидуальной женой; но вот младший брат достиг брачного возраста. Старший брат остается индивидуальным супругом, а второй пользуется брачным правом на правах супруга группового. Но дальше подрастает у брата еще одна дочь брачного возраста. Она естественно становится индивидуальной супругой второго брата, но старший брат получает такие же групповые права на жену млад-

---

[1] Westermarck, op. cit., p. 116.

шего, какими и последний в свое время пользовался по отношению к жене старшего.

4. В данный момент у брата несколько взрослых дочерей, а у сестры пока один только взрослый сын. Последний становится мужем всех дочерей сестры брата. Так оно теперь у большинства индейских племен, где человек, женившийся на старшей дочери, тем самым обязывается забрать в жены всех ее сестер. Но вот подрастает другой брат. Одна из жен уступается ему, как индивидуальная, остальные остаются у старшего брата, как наиболее хозяйственного, который скорее способен содержать несколько жен, чем только-что начинающий вести хозяйство брат. Последний, естественно, по праву является групповым супругом всех жен старшего брата, обратное же право старшего брата не столь бесспорно.

Аналогичное произойдет, если у старшего брата-полигамиста постепенно подрастет несколько братьев: каждый из них получит свою индивидуальную жену, но в то же время каждый младший будет иметь групповое право на жен старших, которые в свое время пользовались его женами. В большинстве случаев, поэтому, мы видим, что только младшие братья пользуются групповыми правами на жен старших.

5. До сих пор мы брали простейшие комбинации — одного брата и одной сестры. При нескольких братьях и сестрах последствия будут те же, но в более сложном виде. Если бы сестер постоянно было бы столько же, сколько и братьев, и у каждой сестры и брата было соответственное количество женского и мужского потомства, то каждая пара братьев и сестер могла бы составить замкнутую брачную группу, но в действительности такие случаи могут явиться только редкими исключениями. Обычно, наоборот, число братьев и сестер неодинаково, еще менее возможно равномерное распределение полов в их потомстве. Возьмем несколько примеров. У нескольких братьев одна сестра; у братьев несколько дочерей, у сестры несколько сыновей. На этот раз уже не только родные сестры, но и двоюродные являются групповыми женами братьев. Или: несколько братьев и несколько сестер, но распределение полов такое, что родных сестер нехватает на родных братьев, тогда уже в групповом союзе окажутся, кроме братьев и сестер родных, и двоюродные сестры и двоюродные братья.

Наконец, не всегда у женщин имелись братья и не всегда имелись у них дочери, и тогда, естественно, приходилось прибегать к дочерям двоюродных, троюродных братьев. Словом, в одну брачную группу потомства сестры и брата неизбежно втягиваются с одной стороны все боковые братья до самых отдаленных степеней, с другой — боковые сестры, и таким образом устанавливается групповой брак между братьями родными и боковыми, с одной стороны, и сестрами родными и боковыми, с другой, — типичная пуналуальная семья в ее наиболее чистом виде.

Естественным результатом этой системы явилась та классификационная система родства, по которой человек называет женой не только свою индивидуальную жену, но и всех ее сестер, и жен всех своих братьев, и сестер этих жен, родных и боковых; на том же основании он называет всех жен братьев отца, родных и боковых, своими матерями, а их мужей — отцами, и их детей — своими братьями и сестрами; точно так же брата матери называет тестем, сестру ее — матерью, а дочерей братьев матери — своими женами.

Классификационная система, кажущаяся столь сложной, становится совершенно ясной и простой, логически выведенной из основного принципа — женское потомство брата принадлежит всему мужскому потомству сестры. Сразу, например, может показаться странным и крайне сложным, что женой человека являются не только жены братьев, но и их сестры. На самом же деле это объясняется очень просто — женами братьев не могут быть иные женщины, как только сестры, и все они принадлежат всей группе «братьев», кузенов этих сестер. Или человек называет брата матери «тестем»: это потому, что тестем может быть только брат матери, никто иной.

Единственная вариация, возможная в этой системе, связана с различиями в правах группового брака старших и младших братьев. У одних народов все братья одинаково групповые супруги своих взаимных жен, у других только младшие братья пользуются групповыми правами по отношению к женам старших братьев. У гиляков мы находим, как мы видели, обе системы, и соответственно этому и две терминологии по отношению к братьям отца и женам братьев. У одних только старшие братья отца именуются отцами, у других только младшие; точно так же у одних только жен старших «братьев» человек называет женами, у других всех жен братьев одинаково.

Теперь продолжим наш анализ гиляцких норм.

6. Раз каждая мать по праву забирает дочерей своего брата

для своих сыновей, то по тому же праву ее дочери должны принадлежать сыновьям сестры ее мужа, при чем эта последняя не может быть замужем за ее братом, потому что, как мы видели, обмен женщинами между потомством сестры и брата не допускается. Таким образом, рядом с двумя группами потомства брата и потомства сестры, образуется третья группа — потомства сестры мужа последней.

7. Так как в каждой из этих групп мужчины берут жен из группы братьев матери, а женщины выходят в третью группу сестры отца, то каждая группа образует совершенно экзогамную единицу, т.-е. род, и смотря по тому, уходили ли мужчины в род жены, или, наоборот, женщины уходили в род мужа, получался либо род материнский, либо отцовский. У гиляков с давнего времени род отцовский. Сила и единство такого родового союза покоились не только на отрицательной связи экзогамности (экзогамность или запреты в известных степенях родства может существовать и без родового союза), но на драгоценных положительных узах, на общем праве брака, на общем праве сородичей на женщин кровного рода своей родоначальницы, на взаимных правах группового брака, на привилегии иметь зятьями кровных родственников — детей сестер своих отцов, членов того рода, который испокон веков женился на их родоначальницах. Крепость этого союза усугублялась особенностью его состава. Внутри рода не было ни одного некровного элемента: если род был материнский, и зятья переходили в дом жены, то все женщины, родившиеся в роде, оставались вместе; взятые в род их мужья были все из одного рода, это кузены их жен, сыновья сестер их отцов. В роде агнатном пришлые женщины оказывались все родственны между собой, либо сестры, либо тетки и племянницы (и кровные родственницы — кузины со своими мужьями), дочери братьев их матерей. Это общее кровное родство представителей обоего пола, как коренных, так и пришлых элементов рода, является еще более важным цементом родового союза, цементом религиозным, связывающим все элементы высшими узами общего культа предков. Терминология увековечила этот порядок тем, что жены в каждом поколении зовут друг друга сестрами и своих свекровей — тетками, и дочь брата матери мужчина зовет женой, а женщина зовет сына сестры отца мужем.

8. Так как брак обязателен исключительно в группе сестер отца, раз дочери человека принадлежат уже от рождения сыно-

ньям его сестры, и это правило естественно стало религиозным императивом, то ни при каких обстоятельствах ни мужчины, ни женщины не могут вступать в брак вне указанных групп. Отсюда двойной левират, столь часто встречающийся, между прочим, среди индейцев. У женщины умер индивидуальный муж; из группы своего мужа она ни в коем случае выходить не может. Стара она или молода, она переходит к одному из класса «братьев» своего покойного мужа. Наоборот, умерла у человека жена, он не может искать себе жены иначе, как в классе ее сестер.

9. При этом порядке, пока он сохранился в полной чистоте, внутри брачных групп не может быть и речи ни о похищениях, ни о казыме.

Нет надобности человеку похищать то, что принадлежит ему по религиозному императиву, столь властно действующему в примитивном обществе. Похищение может возникнуть только при особых обстоятельствах, когда в брачной группе не оказывается женщин, а посторонние группы связаны, в свою очередь, обязательством давать своих женщин в определенные группы. Отдельные случаи похищений приводят к институту имитативного похищения. Для стороны, дающей вопреки запрету женщин, это является способом обмана богов, богов-предков, для которых браки с чужекровными являются тягчайшим оскорблением. Этим одним можно объяснить распространенность этого иначе необъяснимого института у примитивных народов. Только этим благочестивым обманом богов можно объяснить те страшные жестокости, которые практикуются при имитативном похищении, хотя обе стороны вступают в брак с доброго согласия родных жениха и невесты. Достаточно привести пример племени kurnai, у которых существует аналогичный гиляцкому институт обязательного брака. У этого племени родные невесты, добровольно дав ей бежать с ее женихом, пускаются потом в погоню за ней и, поймав, прокалывают ей ногу копьем и избивают до полусмерти. Но и похититель у многих племен считает своей обязанностью избивать возлюбленную не менее жестоко, чем ее родители, желая этим показать богам-предкам, что вовсе не любовь, не намерение жениться руководило им при похищении.

Недостаток мужчин или женщин может привести и к другому, тоже нередкому у первобытных народов институту, именно, к убийству новорожденных. Вымер, допустим, род *A*, откуда род *B* берет женщин; тогда, во избежание гнева богов за будущие браки на чужекровных, прибегают к убийству мальчиков.

Наоборот, если вымер род, куда обычно отдают женщин, возможны случаи убиения девочек. Такие примеры известны у племен тода, несмотря на то что количество мужчин превышает там количество женщин.

10. Точно так же при этом порядке в нормальных обстоятельствах невозможен институт калыма. Плата за невесту недопустима, иначе обязательность брака была бы только фиктивной. Это мы видим у гиляков и теперь: как ни жадны гиляки к калыму, но при браке на дочери брата матери он не допускается.

Чтобы такая, в сущности, эндогамическая система могла сохраниться и функционировать во всей чистоте, для этого необходим целый ряд благоприятных условий. Прежде всего необходим комплекс благоприятных экономических, социальных и санитарных условий для того, чтобы, с одной стороны, при размножении отдельные семьи фратрии могли сохраниться на общей территории, с другой стороны, чтобы размножение превышало убыль семей и чтобы не было случаев вымирания целых родов, составляющих звенья фратрии. Необходима, далее, большая или меньшая изолированность племени от посторонних влияний, дабы сохранился во всей строгости религиозный императив обязательных браков внутри фратрии. Наконец, необходимо сохранение таких экономических условий, при которых, с одной стороны, социальное равенство членов фратрии оставалось более или менее обычным явлением, с другой — чтобы под влиянием новых экономических условий не народился так или иначе соблазн сделать женщину предметом купли и продажи.

Сохранение всех этих условий среди примитивных народов в течение долгого времени неизбежно встречает целый ряд препятствий. Так оно было и у гиляков. Как ни дорожат гиляки исконными обиталищами предков, экономические условия заставляют отдельных лиц, отдельные семьи, а иногда и целый род менять свое местопребывание и все более и более удаляться от своих родственников. На моих глазах в течение немногих лет в поисках лучших рыболовных и охотничьих угодий целые роды — семьи за семьями — переселялись в самые отдаленные районы, из Тыми в Тарайку (территории айну), на Амур и т. д. Специфическую роль в расселении играют нелады среди сородичей и войны. В главе об истории родов мы видели, какую огромную роль в перетасовывании и расселении играли эти факторы. Яркой иллюстрацией служит приведенная нами история рода Nila-wo, который на самой южной окраине гиляцкой территории, на самой границе с айну, перекочевал сначала на крайнюю северную часть западного берега, близ мыса Марии; отсюда часть перешла на низовья Амура, и, наконец, на средний Амур почти под Хабаровском, где они совершенно огóльдились. Правда, все многочисленные ветви этого так далеко разошедшегося рода, хотя и не сохранившие между собой никаких связей, остались до сих пор экзогамными, но продолжать свои старые фратриальные брачные отношения оказалось для них совершенно невозможным. В большей или меньшей степени такие явления имеют место и теперь. Вот почему в действительной жизни, как и в эпосе, гиляку приходится сплошь и рядом ездить за сотни верст искать себе жену из надлежащего рода, но подобные единичные, можно сказать, героические случаи не выполнимы для каждого и поневоле остаются исключениями. Чаще всего такой одиночка вынужден добиться адопции в чужой род и жениться на вдове члена адоптированного рода и, таким образом, совершенно разлучиться со своей старой фратрией.

Если же выселялись не холостые индивиды, а целые семьи, то потомство их поневоле начинало вступать в брачные союзы с ближайшими родами.

Еще губительнее действует *процесс вымирания*. Мы говорим не о процессе постепенного вымирания отдельных семей, а главным образом, о процессе катастрофического вымирания. Этот процесс сравнительно недавнего происхождения, ибо он явился непосредственным результатом столкновения с культурными народами, сначала восточными, а затем и с европейскими народами. Эти народы вместе с алкоголем и эксплоатацией принесли гилякам целый ряд заразных болезней, особенно опустошительно действующих в неиммунизированной первобытной среде. Об опустошительном действии этого процесса нам пришлось уже говорить раньше. Здесь достаточно сказать, что на моих глазах вымерли целые роды, и нередко приходится встречать роды, в которых осталось 1—2 индивида. *Необходимо иметь в виду*, что процесс вымирания поражает роды далеко неравномерно, так что в каждый данный момент один род может оставаться неприкосновенным, а другой потерять значительную часть своих членов.

Подобно болезням и другим разнообразным причинам, действует и *война*. Хотя по правилам междуродовым в войне щадятся женщины, и ограничено число убиваемых мужчин, но не всегда в пылу сражения правила соблюдаются, и, таким образом, военная эпопея может тоже привести к гибели рода.

Косвенно разрушающим образом должны были действовать и столкновения с другими народами, как первобытными, так и более культурными. По общему закону столкновение воззрений расширяет умственный горизонт и ослабляет силу религиозных императивов. Представитель высшей культуры свысока относится к институтам низшей расы, и представители последней постепенно и сами начинают относиться менее ригористично к своим учреждениям. Сначала отдельные личности начинают нарушать понемногу закон, а за этими индивидами тянутся постепенно и многие другие. Сами гиляки уверяют, что с приходом русских значительно ослабли регламентации брака. Но еще до появления русских гиляки сталкивались с разными другими народами.

Снабжали, как мы увидим, гиляков женами и китайцы; они же, равно, как и айну, снабжали их рабынями. Некоторое влияние имели также отхожие торговые и охотничьи промыслы в территории соседних народов. Амурские гиляки часто на целые годы уходили на охотничий промысел, или с торговыми целями в территорию айну и увозили с собой нередко на родину аинских женщин. Обратно, представители тунгусских народов или айну селились среди гиляков и вступали с ними в брачные отношения или увозили от них женщин. И хотя случаи эти могли быть единичными, тем не менее остаться без влияния они не могли.

Совершенно специфическое влияние оказало общение с культурными народами на экономической почве. До столкновения с китайцами и русскими не было стимула к накоплению богатств. До того существовали лишь предметы потребления. Их никто не копил, и высшим честолюбием более способного или удачливого человека было делиться своей добычей с другими. Торговля с китайцами создала стимул к накоплению. Явились новые ценности, которых нельзя было потреблять, но которыми стали дорожить, которые было выгодно накоплять. Явились богачи, счастливые обладатели ценностей, и другие, которые их не имели и хотели ими обладать. У богачей нарождалось сознание своего богатства и знатности и вместе с тем честолюбие родниться с себе равными. У бедных явился соблазн сделать из замужества своих дочерей источник приобретения ценностей. Старая форма обязательного брака, когда женщина отдавалась без калыма, становилась невыгодной, и при малейшей лазейке каждый старался обойти старый императив. Наконец, появление института богатства усилило институт индивидуального брака. Все реже и реже становился обычай сожительства братьев с одной женой. В произведениях эпоса почти обычны такие пассажи, как «столько-то братьев одну жену содержали». Сто с лишним лет тому назад Мамио Ринсо описывал такие факты, как обычные явления, а теперь они встречаются все реже и реже.

Таковы условия, которые стояли на пути неприкосновенного существования фратрии. Но как ни могущественны оказались эти условия, сила исконных норм, ставших религиозными императивами, естественно сохраняла свою власть, и новые влияния прокладывали себе путь, приспособляясь к старым нормам путем целого ряда коррективов и фикций... Как это произошло, мы сейчас увидим.

VI.

ДИНАМИКА РАЗРУШИТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ.

Из всех разрушительных для фратрий условий, о которых мы говорили (эмиграция, вымирание, войны, разрушение экономического равенства, отхожие промыслы), самым могущественным фактором является вымирание родов, притом, как мы говорили выше, вымирание катастрофическое, неравномерно поражавшее отдельные роды. Как же должен был действовать этот фактор на пережившие роды? Припомним таблицу 3-ю нашей четырехродовой фратрии. Допустим, что вымер или оскудел людьми род *А*, откуда род *С* брал женщин. Рассмотрим первый случай, когда род *А* вымер без остатка. Что тогда произойдет? Что должен тогда делать осиротевший род *С*, который брал женщин у *А* и *В*, дававших женщин в род *А*? Конечно, прежде всего члены этого рода будут искать какой-нибудь выход внутри самой фратрии, в среде которой только и возможен чистый брак. Но род *С* не может брать женщин у *Д*, потому что последний у него берет женщин, а взаимный обмен женщинами между двумя родами не допускается ни в коем случае; на том же основании род *В* не может отдавать своих женщин в *Д*. Остается единственный исход, чтобы *С* брал женщин у *В*. Этот исход для обоих родов имеет, кроме того, все признаки ортодоксальности. Прежде всего, эти два рода раньше не состояли в брачных отношениях. Затем для *С* род *В* после исчезновения рода *А* является самым ближайшим по матери (ибо из этого рода брал женщин род *А*, снабжавший женщинами род *С*), и, наконец, род *В* есть тесть *С*, хотя и 2-й степени, так что после *А* он является его естественным преемником по отношению к *С*. Единственным препятствием к законности этого компромисса является то, что род *С*, благодаря тому, что он дает своих женщин *Д*, в свою очередь, является **tujma axmalk** рода *В* и, таким образом, не вправе брать женщин у этого последнего. Словом, дело кончается тем, что фратрия превращается в трехродовую. Единственный исход — это увеличить фратрию еще одним, пятым родом *Е*, который давал бы женщин *Д* и брал бы их у *С*. Этот новый для фратрии род мог явиться, как в С. Америке, путем разделения одного из старых родов на два фиктивных рода (в данном случае *С* разбился бы на две половины, из которых одна явилась бы в роли рода *Е*). На это ни в современной практике, ни в преданиях у нас данных не имеется. Но в этом и надобности не было. Процесс вымирания поразил одновременно и все другие фратрии. И легко находился одинокий род, остаток погибшей фратрии, который, в свою очередь, искал возможности присоединиться к фратрии. Что такой исход был наиболее практичный, видно не только из практики современного быта; он вытекает из неизбежной логики фактов. Мы исходили из предположения, что только один род *А* вымер, но сплошь и рядом фратрии могли потерять не один, а два, три рода, тогда неизбежно должно было наступать: либо кооптация отдельного рода во фратрию, либо слияние отдельных чуждых между собою родов в новую фратрию.

Вот таким-то образом, правда, при условиях исключительных, пробита была брешь в основу брачно-родового строя, но раз она была пробита, она должна была расширяться все более и довести до того, что браки отдельных лиц вне старой фратрии стали если не законным, то совершенно терпимым явлением.

Теперь рассмотрим второй случай, когда род *А* не вымер совершенно, а только оскудел людьми. За недостатком женщин в роде *А*, часть мужчин рода *С* вынуждена брать себе жен, как и в первом случае, у ближайшего законного рода, именно, у *В*; но тогда, как и в первом случае, *С* не вправе будет давать своих женщин в *Д*, и поэтому к фратрии, для обеспечения *Д* женщинами, должен прибавиться пятый род *Е*, который дает женщин *Д* и берет их у *С*. Но, кроме того, явится еще другое последствие, еще более запутывающее положение.

Так как и члены рода *А* и некоторые члены рода *С* берут женщин у рода *B*, то первые и вторые в каждом поколении окажутся женатыми на сестрах, и хотя они члены разных родов, они окажутся в групповом браке с группой сестер,[1] и их дети, как показывает терминология (см. выше), окажутся tuvn, т.-е. братьями и сестрами, и, следовательно, запретными друг для друга, так что в следующем поколении женщины из рода *A* не будут иметь возможность переходить в *C* и вынуждены будут через поколение искать себе мужей совершенно вне своей фратрии, что еще более разрушает силу и единство последней. Правда, жизнь несколько смягчила суровость запрета; в некоторых родах теперь запрет распространяется только на тех членов родов, которые фактически женаты на сестрах, но раньше, повидимому, запрет обнимал всех членов обоих родов; однако, и в смягченном виде запрет так или иначе ведет неминуемо к частичным случаям брака вне фратрии.

Случай, сейчас разобранный нами, отнюдь не гипотетический: он повторяется в своеобразной форме в повседневной жизни гиляков в настоящее время. Иллюстрацией этого может служить приведенный нами ранее юридический казус с последствиями, которые повлекли за собой брак двух лиц разных родов на двух сестрах, при чем один из рода axmalk, другой из рода yngːi. Интересно здесь повторить, что в этом случае групповой брак у некоторых родов уже не допускается, но дети этих браков считаются tuvn и не могут вступать в брак друг с другом.

Таким образом, вымирание и оскудение рода людьми приводит к следующим крайне важным последствиям: 1) начинает допускаться вольный брак на женщине не из рода матери; 2) члены одного и того же рода могут быть женаты на женщинах различных родов; 3) человек и его «зять» (navx, брат жены его брата, т.-е. брат его же жены) не могут быть женаты на сестрах; 4) наконец, благодаря свободным бракам, старая четырехродовая фратрия теряет совершенно свои пределы, ибо, как мы увидим дальше, на каждый род, в котором хотя бы один член фратрии породнился браком, распространяются те же права и обязанности, которые принадлежат фратриальному роду, и, таким образом, этот новый род как бы адоптируется в старую фратрию.

До поры до времени «вольный» брак был явлением более или менее исключительным, вызываемым обстоятельствами тоже исключительного характера. На пути его стояло огромное препятствие — религиозный императив, запрещающий выдавать женщин в чужие роды. Добывание таких женщин представляло большие трудности. В результате этой долгой борьбы за женщин чужих родов, — борьбы, о которой подробнее нам предстоит говорить впоследствии, — явился институт «калыма», платы за невесту, — институт, который устранил все препятствия к свободному браку.

---

[1] По любопытному совпадению, в данном случае групповые мужья называют друг друга navx — термин, означающий то же, что знаменитый термин punalua, товарищ, соучастник.

Но раз появившись, институт калыма, в свою очередь, явился могучим фактором к распространению института свободного брака.

Калым стал могущественным соблазном к нарушению старых норм даже в тех случаях, когда в нарушении их не было никакой надобности.

Для бедных людей дочери явились капиталом, а богатые люди, народившиеся с установлением торговых сношений, на свободный брачный союз стали смотреть, как на средство удовлетворить своему честолюбию и породниться с людьми, равными по богатству и знатности.

И тем не менее, несмотря на все неблагоприятные условия, несмотря на вторжение нового института «вольного» брака, старые нормы продолжают жить и сохранять свою власть над умами. Все еще в огромном большинстве случаев, старый императив крепче всех соблазнов калыма и свободного брака. Все еще в глазах современного гиляка брак из рода axmalk, из рода матери, единственный «чистый» брак, и самый излюбленный брак для каждого отдельного человека — жениться на дочери брата матери, при чем в этом случае калым не только не требуется, но и не допускается. Вольные браки являются скорее эпизодическими явлениями, которые на момент только разрушают обычную норму и затем стихийно втягиваются в колею старой нормы. Происходит это различным образом. В одних случаях человек мог жениться, по той или другой причине, не из рода матери, но его потомство, тем не менее, сполна начинает брать жен из старого рода родоначальницы. В других случаях, если почему-либо возврат невозможен, то чужой род, из которого человек женился, становится законным брачным родом для его потомства, которое в каждом поколении женится согласно старой норме на дочери брата матери. Наконец, в иных случаях, потомство этого человека, смотря по обстоятельствам, берет жен то в старом, то в новом роде тестей, и оба рода начинают считаться законными родами. Может случиться, что не два, а гораздо больше таких законных родов с течением времени накопляется как у отдельного человека, так и у целого рода, но все-таки каждый в отдельности при заключении брака стремится соблюсти старую норму, ища себе жену прежде всего из рода своей матери, предпочтительно всегда дочь брата последней.

Такова власть старой нормы. Но этим ее роль не ограничивается. Вынужденная делать уступки в одном направлении, она еще с большей интенсивностью развивает силу своей вековой инерции в других направлениях. Допустив по необходимости браки вне фратрии, допустив возможность членам одного рода брать жен из различных родов, она распространила всю систему регламентации и на вольные браки и на все роды, которые хотя бы эпизодически состоят в брачных отношениях к тому или другому роду.

Это амальгамирование старого института с новым и распространение на него всей регламентации старых норм и запретов необычайно усложнили и запутали не только терминологию родства, но и характер группового брака. При старом порядке, когда браки заключались из одного определенного рода, картина группового брака представлялась совершенно ясной и простой: в каждом поколении все «братья» одного рода состояли в групповом браке со всеми сестрами того же поколения в другом роде. Поэтому жены братьев друг друга называли сестрами, а мужья сестер друг друга называли братьями, ибо таковыми те и другие были в действительности.

С появлением института вольного брака, сородичи-братья могут быть женаты на женщинах из различных родов, т.-е. совершенно чужих друг другу, и все-таки по старой презумпции эти женщины называют друг друга сестрами и будут групповыми женами своих мужей-братьев. Точно так же сородичи-сестры могут быть замужем за людьми из различных родов, и тем не менее, эти последние, хотя и совершенно чужие между собой, будут иметь групповые права на своих жен, потомство их будет называться tuvn (немец. Geschwister), и они не имеют права вступать друг с другом в брак.

И, наконец, мы видели, что даже «зятья», т.-е. люди, из которых один состоит в групповом браке с сестрой другого, могут оказаться женатыми на сестрах из третьего рода. И при этом, хотя лица эти утеряли свои права группового брака по отношению к их женам-сестрам, но все же дети считаются tuvn и не могут вступать друг с другом в брак.

Далее, раньше, при чистом внутрифратриальном браке, род не имел права давать женщин ни в род, откуда он сам берет женщин, ни в тот, откуда последний берет жен, т.-е. в роды тестей 1-й и 2-й степени родства. Это, как мы видели, было автоматическим последствием правила, по которому род обязан был давать женщин в один из остальных трех родов фратрии, именно в род, где замужем сестра отца родоначальника, и потому другие два рода тестей стали eo ipso запретны для женщин данного рода. Теперь, когда отдельные члены рода могут брать жен и вне рода матери, название axmalk 1-й и 2-й степени распространяется на все роды, откуда хотя бы один сородич взял себе жену. Таким образом, может получиться положение, что если 5 человек из рода *А* вступило в вольные браки с 5 лицами из пяти различных родов, то все эти 5 родов, а также 5 родов axmalk'ов этих последних, будут axmalk'ами всему роду *А* и будут запретны для женщин *А* (правда, только до 3-го поколения). А если прибавить к этим 10 родам еще два рода исконных axmalk'ов 1 и 2 степени, то окажется, что у рода *А* будут 12 родов axmalk'ов 1 и 2 степени, куда он давать своих женщин не может. Эта распространительная тенденция могла бы привести к чрезвычайным затруднениям в заключении брака, потому что с каждым новым вольным браком суживается число родов, доступных для брака, но на практике последствия этой распространительной регламентации смягчаются все еще крепкой тенденцией рода и отдельных членов его только в самых крайних случаях отступать от старой нормы брать жен из одного определенного рода, рода матери.

Еще большую запутанность внесла эта распространительная регламентация в терминологию родства и в нормы группового брака. Раньше классификационная система распространялась, кроме рода лица говорящего, на два рода: род тестей и род зятя, и названия соответствовали половым отношениям. Если, например, я, мужчина, называл сестер своих тестей матерями, то это соответствовало действительности, ибо сестры «тестей» были групповыми женами моих «отцов», и одна из них была действительно моей матерью. Или если я, мужчина, в том же роде «тестей» всякого «тестя» называл братом матери, а его дочь (дочь брата матери) своей женой, то это соответствовало действительным родственным отношениям. Теперь, когда благодаря случайным вольным бракам классификационная терминология распространяется на целый ряд совершенно чуждых всем сородичам родов, названия «тестей», «матерей», «дочерей брата матери» и пр. распространяются на лиц, которые в действительности таковыми не состоят, и тем не менее в этом новом кругу лиц все старые нормы группового брака между соответствующими лицами обязательны. И совершенно естественно, что число лиц, втянутых в круг классификационного родства, все возрастает, и знание этого родства, прежде столь простое, стало настоящей наукой, в которую человек посвящается с детства и постигает в совершенстве только в зрелом возрасте. Естественно поэтому, что классификационная система на европейца производит впечатление полной запутанности и необъяснимости. В действительности же все кажущиеся ныне столь запутанными и нелогичными термины родства и половые нормы объясняются совершенно просто — вторжением новой практики вольного брака в старую, стойко продолжающуюся, систему старого императива, по которому брак был кровно-родственный и обязательно из рода матери.

VII.

ФРАТРИЯ И ЕЕ ГЕНЕЗИС.

Мы видели как, в силу исконных норм брака, главной целью которых было обеспечить потомство родоначальника женами из лиц определенных категорий кровного родства, автоматически возникли экзогамные группы, роды. Существенное назначение рода состояло в общем праве и обязанности обеспечить своих членов женщинами вне своей собственной среды, в других, строго определенных группах-родах. Таким образом, в основной своей функции каждый род в отдельности отнюдь не является самодовлеющим организмом. Существование каждого рода органически связано с существованием, по крайней мере, еще двух кровно-родственных с ним родов, одного рода своей родоначальницы, откуда он берет себе жен, другого рода сестер родоначальника, куда он обязательно отдает своих собственных женщин, при чем эти два рода, как мы видели, не могут совпадать, так как обмен женщинами между двумя родами не допускается.

Для каждого отдельного члена рода это выражается в том, что вне того рода, в котором он сам родился и в котором ни он, ни его потомство вступать в брак не могут, он должен иметь по крайней мере еще два рода: один род брата матери, откуда он и его мужское потомство берут жен, и другой — род сестры отца, куда уходит замуж его женское потомство.

Как мы знаем из терминологии родства, предпоследний род по отношению к первому носит специальное название **axmalk k:xal** (род тестей), а последний **ymg:i k:xal** (род зятьев), а все вместе **pandf** (люди общего происхождения). Так как все эти три рода кровно-родственны (мужчина женится на дочери брата матери, а женщины выходят за сыновей сестры отца), то таким образом в брачном отношении каждый отдельный род является органическим членом триединого кровно-родственного трехродового союза **pandf**, настоящей когнатной фратрии, ибо в каждом поколении все мужья и жены — когнатные кузены и кузины. Гиляцкая фратрия, впрочем, ничего общего не имеет с моргановской, ибо внутри ее браки не только допускаются, но обязательны.

Гиляцкую трехродовую фратрию можно представить в виде следующей схематической таблицы:

Схематическая таблица № 1 трехродовой когнатной фратрии.

Род А *(Андрей)*	**Род В** *(Василий)*	**Род С** *(Степан)*
Родоначальники: Андрей, Вера. Андрей брат Анны, которая замужем *в роде С.* Вера — сестра Василия *из рода В.*	Родоначальники: Василий, Софья. Василий — брат Веры, которая замужем *в роде А.* Софья — сестра Степана *из рода С.*	Родоначальники: Степан, Анна. Степан - брат Софьи, которая замужем *в роде В.* Анна сестра Андрея *из рода А.*
Их дети: 1) *Сыновья* женятся на дочерях брата своей матери, Василия, *из рода В.* 2) *Дочери* выходят замуж за сыновей сестры своего отца, Анны, *из рода С.*	**Их дети:** 1) *Сыновья* женятся на дочерях брата своей матери, Степана, *из рода С.* 2) *Дочери* выходят замуж за сыновей сестры своего отца, Веры, *из рода А.*	**Их дети:** 1) *Сыновья* женятся на дочерях брата своей матери, Андрея, *из рода А.* 2) *Дочери* выходят замуж за сыновей сестры своего отца, Софьи, *из рода В.*

В следующих поколениях браки происходят по тому же правилу: мужчины женятся на дочерях брата своей матери, женщины выходят замуж за сыновей сестры отца.

В таком виде фратрия обеспечила в брачном отношении все входящие в нее роды, удовлетворяя основной норме брака, потому что в каждом из этих родов мужчина женится на дочери брата матери, а женщины выходят замуж в 3-й род за сыновей сестры отца.

Но такая брачная организация фратрии нарушает другую норму брака, по которой запрещается давать женщин в род тестя 2-й степени (**tujma axmalk**). Применив эту норму к нашей гипотетической фратрии, получим следующее:

Род *В*, дает женщин в *А*, который, в свою очередь, дает их *С*, следовательно, *В* — тесть 2-й степени *С*, а потому этот последний не может давать женщин роду *В*, и, таким образом, жена Василия не может быть сестрой Степана. Таким образом, мужчины рода *В* остаются без жен, а женщины *С* — без мужей. Для устранения этого препятствия необходимо, чтобы во фратрии был еще один род, четвертый, из которого *В* брал бы женщин и куда род *С* отдавал бы своих женщин, и, таким образом, явилась на сцену четырехродовая фратрия.

Соответственные изменения в родственных отношениях четырехродовой фратрии будут видны из таблицы № 2.

Схематическая таблица № 2 четырехродовой когнатной фратрии.

Род А *(Андрей)*	**Род В** *(Василий)*	**Род С** *(Степан)*	**Род Д** *(Демьян)*
Родоначальники: Андрей, Вера. Андрей — брат Анны, которая замужем *в роде С.* Вера — сестра Василия *из рода В.*	Родоначальники: Василий, Софья. Василий — брат Веры, которая замужем *в роде А.* Софья — сестра Демьяна *из рода Д.*	Родоначальники: Степан, Анна. Степан — брат Марии, которая замужем *в роде Д.* Анна — сестра Андрея *из рода А.*	Родоначальники: Демьян, Мария. Демьян — брат Софьи, которая замужем *в роде В.* Мария — сестра Степана *из рода С.*
Их дети: 1) *Сыновья* женятся на дочерях брата своей матери, Василия, *из рода В.* 2) *Дочери* выходят замуж за сыновей сестры своего отца, Анны, *в роде С.*	**Их дети:** 1) *Сыновья* женятся на дочерях брата своей матери, Демьяна, *из рода Д.* 2) *Дочери* выходят замуж за сыновей сестры их отца, Веры, *в роде А.*	**Их дети:** 1) *Сыновья* женятся на дочерях брата своей матери, Андрея, *из рода А.* 2) *Дочери* выходит замуж за сыновей сестры отца, Марии, *в роде Д.*	**Их дети:** 1) *Сыновья* женятся на дочерях брата своей матери, Степана, *из рода С.* 2) *Дочери* выходят замуж за сыновей сестры своего отца, Софьи, *в роде В.*

В следующих поколениях браки происходят по тому же правилу, как и в предшествующем поколении: мужчины женятся на дочерях брата своей матери, а женщины выходят замуж за сыновей сестры отца.

Анализируя эту таблицу, мы видим, что:

1) в каждом роде мужчины по поколениям берут жен из того

рода, откуда пришла их родоначальница, в частности, каждый отдельный человек берет жену из рода своей матери, а женщины каждого рода выходят по поколениям в тот род, где была замужем их родоначальница; в частности, каждая отдельная женщина берет мужа из того рода, где замужем сестра ее отца. Обмена женщинами между двумя родами не допускается.

2) Род *А* берет поэтому женщин из рода *В* (рода, откуда взята родоначальница *А*, Вера), но своих женщин этому роду в обмен дать не может и отдает их в род *С*, где замужем сестра родоначальника, Анна. Таким образом, роду *В* остается брать жен либо у *С*, либо у *Д*, но род *С* для него запретен, ибо он по отношению к этому роду — **tujma axmalk**, тесть 2-й степени (см. выше), поэтому роду *В* остается брать жен только из рода *Д*, откуда взята родоначальница рода *В* (София). После этого остаются неангажированными еще только женщины рода *С* и мужчины рода *Д*, и, как мы видели из таблицы, последние женятся на первых; таким образом, вся фратрия обеспечена в брачном отношении и все брачные нормы соблюдены.

3) В каждой супружеской паре муж — сын сестры отца своей жены, следовательно, муж и жена всегда когнатные кузены.

Отношения членов различных родов фратрий между собой явствуют из следующего анализа отношений между родоначальниками. Начнем с Андрея из рода *А*.

Андрей — кузен 1-й степени Василия и Веры, потому что сестра отца последних была матерью Андрея. Точно так же Андрей — кузен 1-й степени Степана и Марии, потому что мать последних — сестра отца Андрея. Только по отношению к Демьяну и Софии Андрей — кузен 2-й степени, ибо род Демьяна (*Д*) берет женщин у *С*, который, в свою очередь, берет их у *А*; следовательно, бабушка Демьяна была сестрой деда *А*, и, таким образом, Андрей и Демьян — когнатные кузены 2-й степени.

Легко видеть, что отношение каждого другого родоначальника к остальным такое же, как у Андрея, и такие же отношения будут в каждом поколении между представителями различных родов, так как брачная норма одна. Из этого анализа следует: 1) в каждом поколении представители всех четырех родов между собою либо братья и сестры, либо кузены, словом, люди общего происхождения с мужской и женской стороны; 2) в родах, состоящих между собою в брачных отношениях, в каждом поколении мужья между собой, с одной стороны, и жены их, с другой, когнатные кузены 1-й степени; 3) между родами, не состоящими в брачных отношениях, т.-е. родами, которые друг другу tujma axmalk, напр., между родом *А* и *Д*, как мужья, так и жены их взаимно — кузены 2-й степени, т.-е. находятся между собою в более отдаленных степенях родства, чем брачущиеся роды; таким образом, отдаленность родства далее известной степени, как в Австралии, является препятствием к браку.

Отношение между брачущимися более детально определяется в следующем виде: если «я» мужчина, то мой тесть — брат моей матери и кузен 1-й степени моего отца, а теща — кузина 2-й степени моего отца и кузина 1-й степени моей матери. Если «я» женщина, то мой свекор — кузен 1-й степени моего отца и кузен 2-й степени моей матери, а свекровь — сестра моего отца и кузина 1-й степени моей матери; иначе говоря, муж и жена родственны и со стороны их отцов и со стороны матерей. Со стороны отцов, с одной стороны, и со стороны матерей, с другой, они одинаково кузены 2-й степени; со стороны отца жены и матери мужа — они кузены 1-й степени, а со стороны отца мужа и матери жены — кузены 3-й степени.

4) Родственные отношения между родами складываются таким образом: а) род *А* — axmalk (тесть 1-й степени) рода *С*; он же tujma axmalk (тесть 2-й степени) *Д*, и, наконец, ymg:l (зять) рода *В* (хотя в то же время формально приходится этому последнему тестем 3-й степени, потому что *Д* — тесть *В*); б) в таких же точно отношениях находится род *В* по отношению к родам *А*, *С* и *Д*; род *С* — к родам *Д*, *В* и *А*, и, наконец, род *Д* — к родам *В*, *А* и *С*. Все роды между собой pandf (люди общего происхождения). Из этого отношения между родами следует, что ymg:l является тестем 3-й степени по отношению к своему настоящему тестю, из чего, в свою очередь, явствует, что тесть 3-й степени — совершенно ненужная для брачной регламентации степень родства. И, действительно, в терминологии она совершенно отсутствует, она знает только две формы родства с тестем: axmalk (тесть 1-й степени) и tujma axmalk (тесть 2-й степени).

5) Из вышесказанного следует, что tujma axmalk предполагает отношение взаимное: *А* — tujma axmalk *Д*, а *Д*, в свою очередь, tujma axmalk *А*, а так как, как мы знаем из современного брачного права гиляков, в род tujma axmalk нельзя давать женщин, то в виду взаимности родов, состоящих в отношениях tujma axmalk, между ними никакие брачные отношения невозможны. Как мы видели выше, препятствием тут служит не близость

родства, а, наоборот, слишком отдаленная степень родства в сравнении с отношением к другим родам фратрии.

VIII.

КУЗЕННЫЙ БРАК.

Мы видели, что основная форма брака у гиляков — брак между сыном сестры и дочерью брата. Таким образом, тип гиляцкого брака — разновидность так называемого кузенного брака.

Как произошла эта разновидность? Это вводит нас поневоле в общую проблему кузенного брака (cousin marriage), как важной стадии эволюции брака. На этой проблеме я позволю себе несколько остановиться.

Еще в 1900 г. в своем докладе в Русском географическом обществе и в последующих статьях — «Теория родового быта» и «Эндогамия и экзогамия» — мне пришлось указывать, исходя из анализа гиляцкой формы брака, что кузенный брак является первичной формой экзогамии, что он породил классификаторскую систему брака, групповой брак и институт рода. Тогда же я указывал, что экзогамный институт рода являлся не только институтом запретов, но и институтом, главное назначение которого — обеспечить данному родственному союзу постоянный фонд жен и притом из круга лиц, связанных общностью крови, играющей такую важную роль на разных ступенях общественности.

Работы последнего времени, в особенности работы **Rivers'а**, **Crawley**, **Фрэзера**, в связи с работами их предшественников в области австралийского и дравидийского брака, как **Fison** и **Howitt**, **Spencer** и **Gillen**, **Kohler** и др., раскрыли не только картину широкой распространенности этой формы брака в настоящее время,[1] но и на примерах австралийского брака с несомненностью доказали, что кузенный брак явился первым опытом сознательного ограничения браков между братом и сестрой и что вся дальнейшая эволюция брака представляла ряд постепенных ограничений браков между кузенами 1-й степени. Один кардинальный вопрос в этой проблеме до сих пор, можно сказать, остается открытым. Это именно вопрос о том, почему кузенный брак требует брака между детьми брата и сестры, но в то же время запрещает браки между детьми двух братьев, равно как между детьми двух сестер? Впрочем, один только **Rivers** прямо отказывается находить объяснение этому удивительному факту. «Кузенный брак, — говорит он, — по всем видимостям пережиток. Весьма трудно найти прямое психологическое основание, которое объяснило бы причину, почему брак между детьми брата и сестры желателен, между тем как брак между детьми двух братьев или двух сестер так строго воспрещается».[1] Другие пытаются дать объяснение этому факту, но эти объяснения чисто механические. **Kohler**, например, видит объяснение этого факта в двойственной организации общества,[2] — объяснение, по меньшей мере, странное, ибо двойственная организация сама является последствием института кузенного брака. **Crawley** стоит на той же точке зрения и потому впадает в ту же ошибку, что и **Колер**. Он считает эту форму кузенного брака «автоматическим результатом того факта, что название семьи наследственно. Дети брата и сестры могут вступить взаимно в брак, потому что по своим названиям они принадлежат к противоположным фратриям».[3]

---

[1] Эта картина дала право **Crawley** выразиться, что „кузенный брак — вообще самая излюбленная форма брака у примитивных народов" (Exogamy and Mating of cousins. Anthropological Essays. Oxford, 1907. p. 57).

В этом же смысле высказывается и **Фрэзер**. По его мнению, причина, почему этим кузенам 1-й степени, т.-е. детям двух братьев или двух сестер, воспрещено вступать в брак, кроется в том, что они принадлежат к одному и тому же экзогамному классу и потому стеснены основным законом, воспрещающим человеку жениться на женщине из своего собственного экзогамного класса.

Основная ошибка всех этих писателей заключается в том, что они принимают следствие за причину, а именно, что так называемый перекрестный кузенный брак, т.-е. брак между детьми брата и сестры, явился результатом деления общества на 2 экзогамных класса, но они не задаются вопросом о том, что же породило, в свою очередь, это двойное деление? Между тем, в действительности, двойное деление на два экзогамных класса явилось результатом нового института браков между детьми брата и сестер, взамен прежнего кровного брака эндогамного.

До того группа — потомство одной родоначальницы — была неделима; браки происходили внутри группы, обычно между братом и сестрой. И только тогда, когда эти браки были признаны вредными, и установлен брак между детьми брата и сестры; первоначальное единое общество разделилось на две экзогамные половины: в одной из них оказались братья со своими женами и потомством, в другой — сестры с их мужьями и потомством. Следовательно, двойное деление — следствие перекрестного кузенного брака, и не в двойном делении поэтому приходится искать причину упомянутой регламентации этой формы брака, а в чем-то другом. Эту причину нужно искать в той обстановке, при которой произошел переход от кровных браков к браку экзогамному в форме кузенного брака. Изучение австралийских классов прежде всего подтверждает столь долго оспаривавшееся мнение Моргана, что экзогамия результат сознанного вреда браков кровных, браков между братьями и сестрами. Оно показало также, что переход к экзогамным формам происходил с чрезвычайной постепенностью и медленностью, которая легко объясняется обычным консерватизмом первобытного человека вообще и в особенности по отношению к такому институту, как брак, столь тесно связанному и с религиозными идеями. Эта-то психология консерватизма, которая при всякой перемене старого института старается спасти хотя бы старую форму, в которую она и облекает новый институт, и привела к тому, с виду парадоксальному факту, что институт, который, в сознании вреда кровного брака, установил браки между кузенами 1-й степени, допустил таковые исключительно между детьми брата и сестры и в то же время запретил их между детьми двух братьев и двух сестер, хотя последние в смысле кровном почти ничем не отличаются от первых.

---

[1] Marriage cousins in India. The Journal of the Royal Asiatic Society, July, 1907, p. 623.

[2] Zur Urgeschichte der Ehe, 121.

[3] **Crawley**, op. cit., 57.

Как это произошло? Дело в том, что перекрестный кузенный брак несомненно явился на смену той стадии, при которой излюбленной ортодоксальной формой брака являлся брак между братом и сестрой. При этой форме брака не только супруги являлись братьями и сестрами, но и их родители. Таким образом, формула этого брака выражалась в том, что браки заключались между детьми брата и сестры, причем эти последние, в свою очередь, являются супругами.

Вот почему, когда необходимость вынудила оставить эту форму брака и заменить ее кузенным браком, консервативный ум первобытного человека выбрал ту форму, которая по внешнему ближе всего подходила к старой освященной веками и религией форме, именно ту, при которой ортодоксальными браками являются только браки между детьми брата и сестры (хотя теперь эти последние уже не были супругами), но не между детьми двух братьев или двух сестер. Спасена была, таким образом, форма, всегда играющая первостепенную роль в глазах первобытного человека. Спасая форму, этот последний наивно воображал, что этим скрывается от божества существо новой перемены, — обычная благочестивая манера обмана богов.

Таким-то образом, братья — родные и боковые — и их потомство, с одной стороны, сестры и их потомство, с другой стороны, образовали две экзогамные половины прежнего единого общества.

Другой, хотя и менее кардинальный, но очень важный, вопрос, на который исследователи кузенного брака не дают ответа, следующий. Если кузенный брак объясним, как первая стадия экзогамии, как первая мера, то откуда ее обязательный, почти принудительный характер? Казалось бы, наоборот, что раз сознана была польза экзогамности, то логичнее всего было поощрять браки между наименее близкими, даже совершенно чужими друг другу лицами, а браки между кузенами должны были допускаться на первое время лишь как вынужденное зло, malum necessarium, с тем, чтобы совершенно исчезнуть из обихода, как антисоциальный институт.

Лучшим примером этого странного факта может служить эволюция брака у австралийских народов. У этих народов, судя по организации классов и по их личным заявлениям, очень развито сознание вреда браков в близких степенях родства, и они проявили большую изобретательность, чтобы преградить возможность близких браков, превзойдя в этом другие народы. Такая сложная система, как восьмиклассная система племени арунта, специально придумана для уничтожения браков между кузенами 1-й степени. Казалось бы после этого, что поощряться должны были браки в наиболее отдаленных степенях родства, а браки между кузенами 2-й степени должны были рассматриваться лишь как терпимые. Между тем у них даже «кузены 3-й степени считаются слишком отдаленными, и браки дальше этой степени родства воспрещены».[1]

Таким образом, брак с кузенами и в наивозможно близкой степени является не только допустимым, но обязательным.

Далее, если кузенный брак только первая стадия экзогамии, то почему, несмотря на громадный истекший со времени ее возникновения период, она продолжает так упорно сохраняться до настоящего времени у целого ряда племен, в том числе у таких многочисленных, как дравидийские, в своем первоначальном неизмененном виде. И даже там, как у племен Австралии, оно претерпело ограничения в смысле исключения браков между кузенами 1-й степени, но все же принцип, как мы сейчас видели, сохраняется неприкосновенным, и дальше кузенов 3-й степени браки не допускаются. Это упорное вызывание принципа, это настойчивое стремление к увековечению его путем обязательности должно покоиться на серьезной основе. Нам кажется, что сила кузенного брака покоится на двух важных моментах. Первый момент — естественное стремление каждой родственной группы, в частности каждой матери, обеспечить свое потомство женами.

---

[1] Crawley, op. cit., 61.

На первобытной стадии человеческого развития элемент борьбы в половых отношениях, без сомнения, играл такую же огромную роль, как в зоологическом царстве вообще. И одной из важнейших задач человеческих общежитий было ограничить по возможности эту борьбу путем той или другой регламентации.

Институт брака, притом обязательного между лицами определенной группы, и явился той формой половой регламентации, которая призвана была удовлетворить упомянутую насущную потребность общежития. До установления экзогамности эту потребность могли удовлетворить внутрикровные браки, обязательные между братьями и сестрами. С установлением принципа экзогамности перекрестный кузенный брак удовлетворительнее всего разрешает эту задачу. Уже от рождения сыновья женщины — мужья дочерей ее брата, и сыновья последнего — мужья ее дочери. Эта комбинация удовлетворяет в одинаковой степени и отца семьи, потому что его дети вступают в брак с детьми его сестры.

Другой мотив кузенного брака — религиозный: при таких браках у домашнего очага с его богами-предками сходятся люди не чужие по крови, а общего происхождения по отцу и матери. И оба супруга в одинаковой мере могут рассчитывать на благосклонность общих богов-предков. Это момент первостепенной важности в глазах примитивного человека, для которого благословление богов и соблюдение религиозных обрядов является крайне важным делом жизни, одним из главнейших средств борьбы за существование. Вот почему эта форма брака стала не только излюбленной, но и религиозно обязательной. Вот почему до настоящего времени у целого ряда дравидийских племен брак принудителен, когда у брата есть дочь, а у сестры сын. Вот почему, как мы видели у австралийских племен, при всем стремлении к ограничению кузенного брака, браки далее кузенов 3-й степени запрещены; следовательно, браки между кузенами 2-й степени обязательны. Вот почему у монголов, у которых излюбленными браками считаются уже браки между чужими друг другу лицами, браки между детьми брата и сестры называются «белым грехом», т.-е. считаются терпимыми, а браки даже между самыми отдаленными членами одного рода — «грехом черным», т.-е. совершенно недопустимыми. И чтобы не умножать примеров, закончим гиляками, у которых, несмотря на все перипетии этого малочисленного племени, «чистым браком» считается только брак между сыном сестры и дочерью ее брата.

После этих предварительных замечаний, можем перейти к рассмотрению того вопроса, какое место занимает гиляцкая норма брака в истории эволюции брака вообще.

Кузенный брак, как мы видели, обязан своим происхождением сознанию вреда брака между близкими по крови родственниками. Мы видели также, что по целому ряду мотивов — консерватизм, религиозные идеи, связанные с культом предков, наконец, стремление к мирной организации брака — первобытный человек не перешел сразу от кровного брака между братом и сестрой к отдаленным степеням родства или к браку между чуждыми по крови лицами. В великом перевороте в кровно-родственном браке соблюдалась самая щепетильная постепенность. Таким образом, как мы видели, еще и теперь у австралийских народов первая форма экзогамии приняла форму обязательного брака между детьми брата и сестры. Так как эти браки происходят однообразно из поколения в поколение, то общество при таком порядке разделено на две половины, которые взаимно по поколениям отдают друг другу своих женщин. В применении к отдельным семьям этот порядок выражается в том, что сын брата женится на дочери сестры и, обратно, сын сестры на дочери брата. Супруги между собой кузены первой степени, а жена каждого человека является, с одной стороны, дочерью сестры его отца, с другой, дочерью брата его матери, потому что отцы супругов женаты каждый на сестре другого.

Такова была первая стадия ограничения браков между лицами, близкими по крови. Дальнейшее ограничение пошло в различных местах различно. В Австралии это ограничение очень рано пошло по наиболее простому пути: от браков между кузенами 1-й степени перешли к бракам между кузенами 2-й степени, а прежние браки между кузенами 1-й степени были запрещены.

При этом порядке ничто в социальном строе не изменилось. Общество осталось разделенным попрежнему на две половины, которые обменивались женщинами с той разницей, что человек женился не на дочери сестры своего отца, а на дочери его кузена 1-й степени, так что потомство брата и сестры только во втором поколении снова могло вступить между собой в браки. Супруги стали дальше друг от друга как с отцовской, так и с материнской стороны на одну ступень. Принцип обмена женщинами, то, что составляет сущность перекрестного кузенного брака, сохранился в неприкосновенности, зато в основе нарушен принцип, что брак обязателен между детьми брата и сестры. Сохранить оба принципа в полной чистоте оказалось не возможным.

Иначе, при аналогичных предпосылках, пошла эволюция у тех народов, у которых брак построен по принципу гиляцкому. Во имя консерватизма они сочли более важным сохранить второй принцип, пожертвовав первым.

И народы этой группы, самым ярким представителем которых служат гиляки, стали ограничивать браки между кузенами 1-й степени, считая необходимым установить более отдаленную степень родства между супругами, но они не пожелали пожертвовать тем принципом, который казался им наиболее важным, именно тем, по которому каждая мать получает для своего сына дочь своего брата. Этот принцип они действительно сохранили, но, чтобы удовлетворить необходимости уменьшить близость родства между супругами, они пожертвовали другим принципом перекрестного кузенного брака.

Как мы знаем, сын женщины получает дочь ее брата, но обратное, т. е. брак сына брата на дочери его сестры, не допускается. В результате достигается ограничение близости родства — супруги кузены 1-й степени только с одной стороны — со стороны матери мужа, но не со стороны матери жены, в то время как раньше, при перекрестном кузенном браке, они были кузенами 1-й степени и со стороны матерей и со стороны отцов обоих супругов. Но в то же время здесь сохранен старый основной принцип — брак на дочери брата матери, и супруги остались кузенами 1-й степени, — правда, с одной стороны только.

Это расхождение с народами австралийского типа в форме ограничения брака между кузенами 1-й степени повело за собой коренную перемену в организации общества. Оно привело к переходу от двойного деления общества с его классами к организации чисто родовой и, в частности, к той четырехродовой фратрии, которую мы видели у гиляков.

При австралийской системе ограничений браков в близких степенях родства, как бы далеко ни шли эти ограничения (в настоящее время они дальше кузенов 2-й степени не идут), общество неизменно остается разделенным с точки зрения брака на две экзогамные группы, состоящие в постоянном взаимном обмене женщинами. По существу, каждое деление является настоящим родом, потому что внутри деления браки запрещены. Правда, на ряду с этими двумя делениями установлена сложная система брачных классов, но эти последние ничего не изменяют, ибо к какому классу человек ни принадлежал бы, он продолжает оставаться в своем делении, так как классы не меняют положения человека в роде, а являются только мнемоническими титулами, ограничивающими лично человека (но не его потомство) в выборе женщин с определенной степенью родства: при четырехклассной системе — только кузинами первой степени, при восьмиклассной — кузинами 2-й степени. В действительности, классы и не являются обязательной принадлежностью австралийского двойственного деления. У племени dieri, например, существует такой же запрет относительно браков между кузенами 1-й степени, как и у arunta, но в то время как у этих последних установлены для мнемоники 8 классов, у первых это ограничение на дальнейшем классовом делении не отразилось.

Таким образом ясно, что в австралийской системе, в силу того, что она сохраняет принцип обмена женщинами, перекрестный кузенный брак требует только деления на 2 рода. Общество представляет собой двухродовую фратрию.

Гиляцкая система на этой двухродовой фратрии остаться не могла. С того момента, как перекрестный кузенный брак, т.-е. взаимные браки между детьми брата и сестры, были запрещены, двухродовая фратрия оказалась недостаточной: один род брал женщин у второго рода, но последний должен был искать себе женщин в другом месте, а с другой стороны браки вне данной этнической группы не допускались (как теперь это видим в Австралии). Оставалось преобразовать самое двухродовую фратрию в фратрию многородовую.

Этот тип одностороннего кузенного брака, столь просто объясняемый при свете эволюции более древних форм перекрестного кузенного брака, совершенно не обращал на себя внимания исследователей. Многие ученые даже с недоверием относились к этому институту, считая его неправдоподобным. Так, почти одновременно с обнародованием мною этого института у гиляков (в 1901 г.), известный ученый Kohler в своей статье «Das Recht der Hottentots»,[1] констатируя со слов своего корреспондента такой же институт у этого племени, с недоверием относится к этому сообщению. Причина такого недоверия очень проста. Не зная генезиса этого института и места, занимаемого им в эволюции кузенного брака, не имея иных образцов этого института, кроме пережитков его в брачных запретах, трудно было понять причину того одностороннего запрета, по которому сын сестры может жениться на дочери брата, но дочь сестры не может выйти замуж за сына брата, хотя степень близости кровного родства в обоих случаях одинакова, и потому скорее видели в односторонности запрета аномалию, чем нормальный признак живого института.

Благодаря такому недоверию исследователей, этот институт совершенно игнорировался в трактатах о человеческом браке и оставался совершенно непонятым. Между тем этнографическая литература дает достаточно данных о широкой распространенности его у самых различных народов. Особенно многочисленны следы его в Индонезии и среди дравидийских народов Индии, у которых Морган нашел наиболее ярко выраженную форму туранской системы, в которой сохранился даже групповидный брак. О нем, как мы видели сейчас, сообщает корреспондент Kohler'а из Африки у готтентотов. Из Индонезии о нем сообщает такой авторитетный исследователь, как Wilken, который пишет следующее: «Среди батаков, реджангов (rejangs) и туземцев Амбоины сыну сестры дозволяется жениться на дочери брата, но сын брата не может жениться на дочери сестры».[2]

Этому порядку соответствует родственная терминология: у батаков на Суматре, например, жена или возлюбленная называется ibibere-re-datang, т.-е. дочь брата матери.

В еще более определенной форме институт этот констатирован уже с 1870-х годов у дравидийских племен Индии. Так, например, у племени song и byger из провинции Sathpuras в Центральной Индии брак между кузенами принудителен, когда у брата есть дочь, а у сестры сын. В литературе новейшего времени много данных приводится у Rivers'a.[1]

---

[1] В Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. B. XVI, p. 341-342.

[2] Wilken. Bijdrangen. Serie 7, v. I, p. 148.

IX.

ГИЛЯЦКАЯ СИСТЕМА РОДСТВА И ГИПОТЕЗА МОРГАНА.

Гиляцкая система родства и брака вполне подтверждает основную гипотезу Л. Моргана, что термины родства являются результатом соответствующих половых норм, норм брака. То, что у Моргана являлось только умозаключением, мы в гиляцкой жизни видим на деле и притом в наиболее полной мере. Если гиляк называет группу женщин термином «жена», то эти женщины действительно являются для него в соответственном смысле женами. Если гиляк называет известную группу мужчин — отцами, то это действительно лица, которые имеют половые права на его мать. Если он называет брата матери тестем, то это потому, что по исконному закону он действительно обязан жениться на дочери этого своего дяди, который и будет его тестем. В гиляцкой системе находят свое объяснение даже такие универсальные классификационные термины, как старший и младший брат, старшая и младшая сестра, которые очень важны именно в брачных нормах. Прежде всего эти термины регулируют индивидуальный брак в роде матери. Старший брат обязательно женится на старшей сестре, младший — на младшей. Эти термины важны при левирате, так как вдова переходит к младшему «tuvñ». Наконец, у одной половины гиляков только младшие братья имеют половые права на жен старших братьев.

Насколько в гиляцкой терминологии ярко индивидуализировано это соответствие между термином родства и брачными правами, это особенно наглядно видно на отношениях братьев к их женам. У одной половины гиляков, как мы видели, все братья безразлично имеют взаимные права на своих жен, и у них термины действительно соответствуют этому: термином «жена» человек называет всех безразлично жен своих братьев, и поэтому дети братьев безразлично зовут этих последних термином «отец». Но у другой половины гиляков только младшие братья имеют права на жен старших. И это опять-таки сказалось на терминологии. Жену своего младшего брата, с которой я не имею права общения, я называю запретным термином jox, а жену старшего тем же термином, как и свою собственную жену; соответственно этому дети братьев называют только младших братьев отца, так же как и последнего, термином ytk (отец), а старших братьев отца — atk.

---

[1] Marriage of cousins in India. Jour. Royal Asiat. Society, July, 1907, p. 626 pass.

Возражения, которые приводились против гипотезы Моргана, в этом смысле являются возражениями чисто кабинетного характера. Так, например, известное возражение, повторяемое всеми противниками Моргана, относительно необъяснимости класса матерей, так как мать человека, мол, всегда известна, объясняется из норм половых отношений у гиляков совершенно просто. Матерью гиляк называет всякую женщину, с которой лица класса его отцов имеют право полового общения. Насколько гиляки сознают значение этого термина, видно из следующего. Мы только что видели, что у той половины гиляков, у которых только младшие братья имеют права полового общения с женами старших, дети братьев различают старших братьев отца от младших и этих последних они называют термином «отец», но жен братьев отца они не различают и называют матерями. Почему? А вот почему. Жен младших братьев отца я называю матерями потому, что их мужья — мои отцы (они имеют право полового общения с моей матерью), а жен старших потому, что мой отец имеет на них право полового общения, и они его жены.

Матерями гиляк называет также и сестер своего тестя, но и это совершенно правильно, потому что, как мы видели, отец и сын берут жен из одного рода, при чем отец берет сестру человека, а сын — дочь этого последнего, так что сестра тестя действительная мать человека. Точно так же совершенно не основательно возражение Кунова, что классификационные термины обозначают лишь возрастные классы. В гиляцкой действительности возраст никакой роли в терминах родства не играет. Мой классовый «отец» может быть моложе меня, и тем не менее он не может жениться на женщине класса моих жен, но он, наоборот, должен жениться на классе жен моего настоящего отца, и, по достижении зрелости, он будет фактическим мужем моей матери.

Гиляцкая система и пуналуальная семья.

В свете гиляцкого строя подтверждается и выясняется не только общая гипотеза Моргана о происхождении классификационной системы родства из системы брака, но и более частная гипотеза его о происхождении туранской системы родства из пуналуальной семьи. Гиляцкая система родства по основным своим признакам туранская, а система брака представляет наиболее совершенную форму пуналуальной семьи. В самом деле, по Моргану, основой пуналуальной семьи служит «групповой брак или нескольких родных коллатеральных сестер с их супругами, при чем общие мужья не обязательно были родственниками, или групповой брак нескольких родных или коллатеральных братьев с их женами, при чем эти жены точно так же не были обязательно родственниками, хотя в обоих случаях это часто встречалось». Старая гиляцкая семья с обязательным браком из одного определенного рода представляла групповой брак всех братьев (родных и коллатеральных) со всеми сестрами определенного поколения, так что группы мужей являлись братьями, а их жены всегда — сестрами. Это видно из терминологии родства — жены братьев зовут друг друга сестрами.

В настоящее время, когда допускается брать жен из различных родов, все братья (родные и боковые) все же являются групповыми мужьями своих жен, которые часто оказываются сестрами. И мы видели, что даже тогда, когда сестры выходят замуж за людей различных родов, все еще сохраняются последствия группового брака, и их дети считаются братьями и сестрами.

Строй гиляцкой семьи дает нам, таким образом, возможность констатировать самый генезис гавайской семьи, из которой Морган построил семью пуналуальную. Семья эта первоначально состояла не из группы нескольких братьев, состоящих в групповом браке со своими женами или, обратно, нескольких сестер в групповом браке с их мужьями, которые могли быть неродственны между собою. Такая семья не могла бы создать туранской классификационной системы родства, ибо она предполагает возможность нескольких групп братьев или сестер, из которых каждая совершенно самостоятельно состоит в групповом браке, к которому не причастны другие группы; следовательно, общих названий для всех братьев по их брачным отношениям не могло и образоваться.

Гиляцкая семья в ее чисто первоначальной форме дает настоящую картину этой семьи. Семья — это внутриродовая организация. Поэтому каждая групповая семья представляет поколение всех братьев данного рода (родных и коллатеральных), состоящих в групповом браке с целым поколением женщин другого рода. Эти женщины обязательно сестры, ибо дочери сородичей-братьев, как мы видели, являются обязательно женами сыновей сестер их отцов. Когда же, как мы видели, в силу причин, нами указанных, эта обязательность брака ослабла и братья стали брать жен из разных родов, а женщины стали выходить замуж в разные роды, сестры могли оказаться в групповом браке с неродственными между собой мужьями, и братья в таком же браке с неродственными между собой женами, с той разницей, что коллектив сестер, с выходом замуж в разные роды, разбивался, как в пуналуальной семье, на несколько групп, между тем как коллектив братьев, всегда остающихся в роде, сохранился в целости. И так как гиляцкая семья наиболее идеальная форма пуналуальной семьи, то естественно, что гиляцкая терминология самая совершенная форма туранских систем. Действительно, в ней мы находим классификационные группы, которые должны были существовать и в туранской, но утратились с утратой системы брака. Так, например, в этой туранской форме, которую в свое время Морган считал наиболее полной, именно в тамильской, нет двух важнейших классификационных терминов — «муж» и «жена».

Тамильская система, по Моргану, выработалась при условиях, когда братья имели общих жен и сестры — общих мужей. Соответственно этому в тамильской системе человек называет отцом не только своего родного отца, но и всех братьев отца, и своими матерями не только свою родную мать, но и всех ее сестер; равным образом, всех детей братьев отца и сестер матери он называет братьями и сестрами. Соответственно этому должен был бы существовать и общий термин «жена», которым каждый человек называл не только свою жену, но и жен своих братьев и сестер своей жены, а равно общий термин «муж», которым каждая женщина называла бы и своего мужа, и братьев его, и мужей своих сестер.

В действительности, как в тамильской, так и в ирокезской системах этих общих терминов нет. Так, у тамилов человек называет свою жену en mainavi, жену брата enɜnni, en maittuni, сестру жены en korlunti, en maittuni; такое же несоответствие и с термином «муж».[1]

У гиляков мы находим эти термины «муж» и «жена» — pu и an'g:ej, охватывающие всех лиц, связанных групповым браком, что, таким образом, еще больше подтверждает верность истолкования Морганом терминов родства.

---

[1] См. таблицу у Моргана

Объяснение некоторых терминов турано-ганованской системы, казавшихся необъяснимыми Моргану.

При свете кузенного брака становятся для нас понятными некоторые термины родства в турано-ганованской системе. Так, Моргана очень смущало и казалось даже необъяснимым, почему у тамилов я, мужчина, детей своих кузенов (считая таковыми безразлично детей сестры отца и брата матери) называю племянниками и племянницами, но детей кузин своими сыновьями и дочерями. В то же время у сенека-ирокезов господствует как раз обратное правило. В своем Consanguinity and Affinity он считает этот факт необъяснимым: «Разграничение степеней кузенного родства, — говорит он, — замечательный факт в тамильской системе. Теперь он обнаружен лишь в немногих системах туранской семьи. Из структуры и принципов туранской системы, как я указал раньше по отношению к системе ганованской, неизбежно вытекает, что в дальнейшем развитии это родство должно применяться и ограничиваться детьми брата и сестры. *Оно, вероятно, было неизвестно в примитивной системе*... Это единственная особенность, которая отличает ее существенно от формы семьи у ирокезов сенека. В этом отношении эта последняя логически более согласуется с принципами туранской системы, нежели система тамильская. Трудно найти объяснение этому различию».[1]

Впоследствии в «Ancient Society» Морган нашел объяснение этому факту.

«Это показывает, — говорит он, — что у тамилов в то время, когда была введена туранская система, *все мои кузины были моими женами*, тогда как это не относилось к женам моих кузенов».[2]

Морган и не подумал, что вся туранская система основана на этом принципе. Между тем эта особенность есть именно результат примитивной системы перекрестного кузенного брака, из которого и развилась туранская система. При перекрестном кузенном браке брак между детьми брата и сестры — единственная форма брака, и такие кузены и кузины так и называли себя «мужем» и «женой». Что туранская система есть результат кузенного брака, видно и по другим терминам, которые для Моргана должны были быть необъяснимы и которые он даже не пытался оговорить, не находя для них объяснения. Так, у тамилов, если «я» мужчина, то жена сына моей сестры — моя «дочь» (как в гиляцкой и австралийской терминологии); муж дочери моей сестры — мой «сын» (как в австралийском кузенном браке); муж дочери сестры отца — мой «брат» (как в гиляцкой и австралийской терминологии), отец моей жены — «тесть» и «дядя» (тесть и брат матери у гиляков; тесть и брат отца или матери у австралийцев); мать моей жены — «теща» и «тетка» (тетка и сестра отца у гиляков, теща и сестра отца или матери у австралийцев); жена брата — моя «кузина» (т. е. дочь брата матери или сестра отца), и, наконец, «жена сына сестры отца и жена сына брата матери — моя «сестра» (типичный перекрестный брак). Соответственный ряд терминов встречаем, если «я» женщина.

---

[1] Morgan. — Systems of Consanguinity and Affinity of the human family, 1871, p. 391.

[2] Morgan. — Ancient Society, 1877, p. 414 (рус. перев. „Первобытное общество", стр. 427).

Все это несомненно свидетельствует о том, что туранская система была системой перекрестного кузенного брака, хотя примеры, приведенные нами выше (батаков и племен Центральной Индии) свидетельствуют, что и на родине этой системы перекрестный кузенный брак уже стал переходить в односторонний кузенный брак гиляцкого типа.

Теперь остается объяснить с этой точки зрения противоречивый (по мнению Моргана) факт в ганованской системе, именно, что, в противоположность системе тамильской, если «я» мужчина, то все дети моих кузенов-мужчин, т. е. дети сына сестры моего отца и дети сына брата моей матери, — мои «сыновья и дочери». Аналогию этому мы находим в гиляцком строе. Вспомним четырехродовую фратрию и тот случай, когда род *B* оскудел женщинами и кузены первых родов *A* и *B* вынуждены были брать жен из соответствующего поколения рода *C*; при нормах группового брака дети этих кузенов между собой «братья» и «сестры», и, следовательно, они дети для обоих кузенов. Первым шагом в этом направлении было образование той четырехродовой фратрии, которую мы видели у гиляков. Случилось это весьма просто, и мы увидим, что в зародыше эти четыре рода существуют и в австралийской системе.

Представим себе общество, подобно австралийскому, разделенное на две фратрии, обменивающиеся в каждом поколении женщинами таким образом, что дети сестры вступают в брак с детьми ее брата, так что жена каждого человека есть сестра мужа его сестры.

Представим себе далее для простоты, что каждая фратрия состоит из одного поколения — из групп братьев и сестер родных и боковых различных степеней родства.

Группы кузенов-мужчин одного деления будем обозначать заглавными буквами $A^1 + A^2 + A^3 + A^4$.., а их сестер соответственными буквами малыми $a^1 + a^2 + a^3 + a^4$. В другой фратрии соответственное обозначение будет для братьев $B^1 + B^2 + B^3 + B^4$.., а для их сестер $в^1 + в^2 + в^3 + в^4$, при чем одноименные буквы с одноименными показателями обозначают группу родных братьев и сестер, а разные показатели — в какой степени кузенного родства стоят друг к другу различные группы (соседние группы будут кузенами 1-й степени, а степень родства между другими выразится разностью в их показателях). Одинаковые показатели разноименных групп показывают, что лица этих групп между собою кузены первой степени как со стороны отца, так и со стороны матери; A^1, a^1, по отношению к B^1, $в^1$ — кузены 1-й степени; A^2, a^2 по отношению к B^2, $в^2$, тоже кузены 1-й степени и т. д. В разноименных же группах с разными показателями разность показателей $+ 1$ будет показывать соответственную степень кузенного родства: A^1, a^1 по отношению к B^2, $в^2$ будут кузенами 2-й степени; A^2, a^2 — кузены 2-й степени для B^3, $в^3$ и т. д.

Так как разноименные группы с одинаковыми показателями суть кузены 1-й степени и эти группы обязательно взаимно вступают в брак, то A^1 женится на $в^1$ (сестре B^1), а последний женится на a^1, сестре A^1; точно так же A^2 женится на $в^2$, а B^2 — на a^2 и т. д.

Общая картина брака может быть, таким образом, представлена в следующей таблице:

I деление $(A^1+в^1) + (A^2+в^2) + (A^3+в^3) + (A^4+в^4)$ и т. д.
II деление $(B^1+a^1) + (B^2+a^2) + (B^3+a^3) + (B^4+a^4)$ и т. д.

В каждом предшествующем поколении браки происходили в том же порядке: т. е. браки всегда происходили между детьми женщин, из которых одна замужем за братом другой, так что супруги их — кузены 1-й степени и со стороны отца и со стороны матери. Обозначим этот брак термином «перекрестный» или «двусторонний брак» между кузенами 1-й степени.

Общий состав фратрии может быть представлен в следующей таблице (см. стр. 230).

I	II
Группы кузенов-мужчин $A^1 + A^2 + A^3 + A^4 + A^5 + A^6 \ldots$ их сестры: $а^1 + а^2 + а^3 + а^4 + а^5 + а^6 \ldots$	Группы кузенов-мужчин $B^1 + B^2 + B^3 + B^4 + B^5 + B^6 \ldots$ их сестры: $в^1 + в^2 + в^3 + в^4 + в^5 + в^6 \ldots$

Так как группы $A^1 + A^2 + A^3 + A^4$ и т. д. и их сестры стоят по степени родства друг к другу в таком же отношении, как во 2-м делении группы B^1, B^2, B^3, B^4, и их сестры, то, по нормам перекрестного кузенного брака, A^1 женится на $в^1$ (сестре B^1,) A^2 женится на $в^2$, A^3 на $в^3$, A^4 на $в^4$ и т. д. и, обратно, B^1 женится на $а^1$, B^2 на $а^2$, B^3 на $а^3$, B^4 на $а^4$ и т. д. в каждом поколении.

Теперь представим себе тот момент, когда впервые общество пришло к сознанию вреда перекрестного брака между кузенами 1-й степени. Из подробностей австралийского брака мы знаем, что первый шаг в этом направлении состоял в запрещении перекрестного брака между кузенами 1-й степени и в установлении перекрестного брака между кузенами 2-й степени. Вследствие этого, отныне A^1 уже не женится на $в^1$, а на своей кузине 2-й степени, $в^2$, равно как B^1 должен жениться на $а^2$ и т. д.

Браки при этом новом порядке представляются в следующем виде: $(B^1 + а^2) + (B^2 + а^1) + (B^3 + а^4) + (B^4 + а^3) + (B^5 + а^6) + (B^6 + а^5)$ и т. д.

Легко видеть, что при этом порядке каждая половина общества разделится на две половины, на две обособленные в брачном отношении группы, а именно: нечетные члены каждого деления составят одну такую группу, а четные — другую; стало быть, в обоих делениях в общем образуется четыре группы.

Это четырехгрупповое деление выразится в следующем виде:

I группа: $(A^1 + в^2) + (A^3 + в^4) + (A^5 + в^6)$ и другие нечетные члены.

II группа: $(A^2 + в^1) + (A^4 + в^3) + (A^6 + в^5)$ и другие четные члены.

III группа: $(B^1 + а^2) + (B^3 + а^4) + (B^5 + а^6)$ и другие нечетные члены.

IV группа: $(B^2 + а^1) + (B^4 + а^3) + (B^6 + а^5)$ и другие нечетные члены.

Первая группа небракоправомочна (inmarriageable) с IV, потому что в одних случаях, если семьи будут брачеваться в последовательном порядке, например, $(A^1 + \text{в}^2)$ с $(B^2 + a^1)$, то дети этих семей будут двусторонними кузенами, ибо отцы их женаты взаимно на сестрах; в других, например, в семьях $(A^1 + \text{в}^2)$ и $(B^1 + a^3)$, дети будут уже не кузенами 2-й степени, а кузенами 3-й или 4-й степени, что по австралийской системе избегается. По той же причине небракоправомочны II и III группы. Между тем I и III группы и II и IV группы вполне бракоправомочны в последовательном порядке семей. Так, например, в семьях $(A^1 + \text{в}^2)$ из I группы и $(B^1 + a^2)$ из III, как это видно по показателям, отец 1-ой семьи — кузен 1-й степени матери 2-й семьи и обратно, отец 2-й семьи — кузен 1-й степени матери 1-й семьи; следовательно, дети их и со стороны отцов и со стороны матерей кузены 2-й степени, что именно необходимо в австралийском браке.

Но эти группы в австралийской системе не могли развиться в настоящие родовые единицы, потому что каждая пара бракоправомочных групп оставалась бракоправомочной только для одного поколения; следующие поколения, как потомство брата и сестры, не могли, следовательно, будучи перекрестными кузенами 1-й степени, взаимно вступать в брак, и потому группы эти не могли фиксироваться в наследственные союзы и образовали поэтому только классовые поколения, все практическое значение которых в мнемонической фиксации брачных норм.

Совершенно иначе сложилась роль четырехгруппового деления при браке гиляцкого типа. Исходным моментом и тут служило сознание вреда браков между кузенами 1-й степени, но в то время как в австралийском браке вопрос разрешался путем перехода к бракам между кузенами 2-й степени и абсолютным запретам браков между кузенами 1-й степени, с сохранением, однако, обменного брака, в гиляцком браке перемена норм ограничилась только запретом браков между двусторонними кузенами 1-й степени, т.-е. таких браков, где супруги — кузены 1-й степени и со стороны отца и со стороны матери. Тут брак оставался обязательным между кузенами 1-й степени, но только односторонними, т.-е. либо со стороны отца, либо со стороны матери, и потому взаимные браки между двумя семьями стали абсолютно запретными: два человека никоим образом не могли жениться взаимно на сестрах друг друга; следовательно, брак даже между двусторонними кузенами 2-й степени стал невозможен.

Теперь посмотрим, как эта регламентация привела к гиляцкому типу фратрии.

Вспомним опять фратрию с 2 делениями при браке между кузенами 1-й степени. Для облегчения ориентировки, повторим приведенную выше схему состава каждого поколения брачущихся по степеням родства при перекрестном браке между кузенами 1-й степени.

I деление: мужчины $A^1 + A^2 + A^3 + A^4$...
их сестры $a^1 + a^2 + a^3 + a^4$...
II деление: мужчины $B^1 + B^2 + B^3 + B^4$...
их сестры $в^1 + в^2 + в^3 + в^4$...

Одноименные буквы с одинаковыми показателями обозначают группу родных братьев и сестер, а разные показатели — степень их кузенного родства. Лица разноименных групп с одинаковыми показателями, например, A^1, a^1 и B^1, $в^1$ или A^2, a^2 и B^2, $в^2$ — двусторонние кузены 1-й степени, и они-то обычно вступают в перекрестный брак, т.-е. A^1 женится на $в^1$ и B^1 на a^1. Лица разноименных групп с разными показателями — кузены более отдаленных степеней, смотря по большему показателю.

И вот представим себе тот момент, когда начался переход от двустороннего кузенного брака к одностороннему браку и когда обмен сестрами, т.-е. перекрестный кузенный брак, стал запретным.

Сразу этот переход совершиться не мог. Между лицами обоих делений вовсе не было односторонних кузенов, потому что все они произошли от перекрестного кузенного брака. А так как между кузенами 1-й степени браки стали абсолютно запретными, то пришлось бы несомненно на первый раз устраивать браки между кузенами следующих наиболее близких степеней. Самым рациональным должен быть, как мы видели у австралийцев, брак между кузенами 2-й степени, но, в противоположность австралийскому режиму, где эта форма могла быть строго проведена в обоих делениях,[1] здесь, вследствие запрета обмена женщинами, эта форма могла быть применена только в одном делении общества.

В самом деле, если A^1 женился на своей кузине 2-й степени $в^2$, то уже брат последней, B^2, не мог жениться ни на a^1, ни на a^2, потому что в таком случае 2 человека оказались бы женатыми на сестрах друг друга. Поэтому B^2 должен был взять уже кузину 3-й степени, a^3. Точно так же происходит дело и в остальных случаях.

---

[1] См. выше табл. на стр. 230

Применяя это правило к нашим схематическим рядам, мы получаем следующую таблицу брака:

I деление: $(A^1 + в^2) + (A^2 + в^1) + (A^3 + в^4) + (A^4 + в^3) +$
$+ (A^5 + в^6) + (A^6 + в^5) + (A^7 + в^8) + (A^8 + в^7).$

II деление: $(B^1 + a^3) + (B^2 + a^4) + (B^3 + a^1) + (B^4 + a^2) +$
$+ (B^5 + a^7) + (B^6 + a^8) + (B^7 + a^5) + (B^8 + a^6).$

В следующем поколении уже оказывается возможным осуществить новый принцип одностороннего кузенного брака без обмена женщин, при чем каждая мать может женить своего сына на дочери своего брата.

Анализируя таблицу, мы видим, что в нечетных членах первого деления показатели у женщин соответственно такие же, как у мужчин, в четных членах 2-го деления, т.-е. в этих двух группах и в каждой паре семей одного и того же порядка, например: $(A^1 + в^2)$ и $(B^2 + a^1)$, женщина 1-й семьи приходится сестрой мужчины во второй, но женщина 2-й семьи уже не сестра, а кузина 1-й степени; мужчины первой семьи — потомство этих семей, следовательно, они будут односторонними кузенами 1-й степени. Таким образом, соответственно гиляцкому принципу, по которому сын сестры получает дочь ее брата, сыновья первой семьи женятся на детях второй. Обратное не допускается.

С другой стороны, сравнивая нечетные члены первого деления с нечетными же членами второго деления, мы видим, что мужчины нечетных семей первого ряда и женщины четных семей второго ряда, например, в членах $(A^1 + в^2)$ и $(B^4 + a^2)$, имеют одинаковые показатели, т.-е. они братья и сестры, следовательно, сыновья второго ряда женятся на дочерях первого ряда. Легко видеть, что то же отношение будет между четными членами первого деления и другими двумя рядами второго деления.

Таким образом, как и в австралийском браке, общество, естественно, в брачном отношении разбивается на 4 группы:

I деление: I группа: $(A^1 + в^2) + (A^3 + в^4) + (A^5 + в^6) + (A^7 + в^8)$
и другие нечетные члены.
II группа: $(A^2 + в^1) + (A^4 + в^3) + (A^6 + в^5) + (A^8 + в^7)$
и другие нечетные члены.
II деление: III группа: $(B^1 + a^3) + (B^3 + a^1) + (Б^5 + a^7) + (B^7 + a^5)$
и другие четные члены.
IV группа: $(B^2 + a^4) + (B^4 + a^2) + (B^6 + a^8) + (B^8 + a^6)$
и другие четные члены.

Семьи первой группы берут для своих сыновей жен в соответственных семьях IV группы, где матери первых — сестры отцов вторых, но дочери из первой группы уходят в третью группу — в семьи, где родные сестры их отцов. Точно так же вторая группа берет женщин у группы IV. Словом, имеем буквально все то, что мы видели в гиляцком браке. Так как обменного брака между двумя группами не существует, и, следовательно, в каждом следующем поколении потомки брачущихся родов будут односторонними кузенами, то браки будут происходить неизменно между теми же группами и в том же порядке семей, так что, в противоположность австралийским группам, в этом случае эти экзогамные группы превращаются в настоящие роды. Вот мы и получили гиляцкую четырехродовую фратрию. В этой фратрии каждый род состоит в брачных отношениях с двумя другими, но 4-й ему абсолютно запретен, потому что он и этот 4-й есть подгруппа его собственного первоначального экзогамного деления (I и II группы запретны между собой, и III и IV опять-таки запретны между собой). Вот этот-то запретный род и есть тот гиляцкий **tujma axmalk k:xal**, род 2-й степени, запретность которого кажется столь непонятной. Теперь причина ясна: роды **tujma axmalk** запрещены, потому что они входили первоначально в одно общее экзогамное деление.

Что этот запретный род вполне соответствует гиляцкому, мы это легко можем проверить по нашей таблице.

1-й род дает женщин в 3-й, следовательно, он этому последнему **axmalk** 1-й степени, но 3-й род, в свою очередь, дает женщин второму, т.-е. он последнему тоже **axmalk** 1-й степени. Таким образом 1-й род является **tujma axmalk** второму роду, т.-е. роду, который входит с ним в одно экзогамное деление.

Таким образом, я надеюсь, нам удалось доказать тесную генетическую связь гиляцкой системы с австралийской, от которой она отделилась на той ступени, когда начался поворот к устранению браков между двухсторонними кузенами 1-й степени.

Одна система разрешила вопрос путем перехода к бракам между кузенами 2-й степени и окончательного запрета браков между детьми брата и сестры в первом поколении — запрета, фиксированного в институте классов, как у арунта. Другая система запретила обменные браки, сохранив обязательные односторонние браки между потомством брата и сестры и фиксировала свои нормы в институте четырехродовой фратрии.

Возможен еще и третий вариант. Представим себе тот момент, когда от двустороннего брака кузенов 1-й степени решено перейти к одностороннему, когда обмениваться женщинами нельзя будет. До этого момента общество было разделено на 2 половины следующим образом:

I. $(A^1 + \text{в}^1) + (A^2 + \text{в}^2) + (A^3 + \text{в}^3) + (A^4 + \text{в}^4) + (A^5 + \text{в}^5) + $
$+ (A^6 + \text{в}^6).$

II. $(B^1 + a^1) + (B^2 + a^2) + (B^3 + a^3) + (B^4 + a^4) + (B^5 + a^5) +$
$+ (B^6 + a^6).$

Теперь приходится перейти к браку одностороннему, ибо меняться сестрами нельзя, но односторонних кузин 1-й степени сейчас уже не имеется, и на первый раз возможно только соблюсти запрет обмена сестрами; следовательно, сын A^1 может жениться на дочери B^1, но сын B^1 не может жениться на дочери A^1; он может жениться на дочери A^2, его ближайшей по степени кузине и т. д. Тогда картина брака представится следующая:

I. $(A^1 + \text{в}^1) + (A^2 + \text{в}^2) + (A^3 + \text{в}^3) + (A^4 + \text{в}^4) + (A^5 + \text{в}^5) + (A^6 + \text{в}^6)$
I. $(B^1 + a^2) + (B^2 + a^1) + (B^3 + a^4) + (B^4 + a^3) + (B^5 + a^6) + (B^6 + a^5)$

I. 1) $(A^1 + \text{в}^1) + (A^3 + \text{в}^3) + (A^5 + \text{в}^5)$: 1-й род берет женщин из рода 3 брата матери.

2) $(A^2 + \text{в}^2) + (A^4 + \text{в}^4) + (A^6 + \text{в}^6)$: 2-й род берет женщин из рода 4.

II. 3) $(B^1 + a^2) + (B^3 + a^4) + (B^5 + a^6)$: 3-й род берет женщин из рода 2.

4) $(B^2 + a^1) + (B^4 + a^3) + (B^6 + a^5)$: 4-й род берет женщин из рода 1.

X.

ЧЕРТЫ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ У ДРУГИХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.

Сорок лет тому назад Л. Морган в своих «Systems of Consanguinity and Affinity» уже уделил специальное внимание вопросу об отношении между туранской системой родства и ганованской и пришел, после долгого анализа, к твердому заключению, что родство этих систем могло произойти только на почве общности крови, что нынешние носители ганованской системы, т.-е. народы американские, принесли ее с собой из своей старой родины, из Азии. В свое время Морган в состоянии был проследить туранскую систему среди дравидийских народов Индии до южных границ Средней Азии. Ни о монгольских, ни о тунгусских, ни даже о тюркских народах он не мог добыть никаких сведений. Тем более ему трудно было получить сведения о народностях

Амурского края и тихоокеанского побережья СВ Азии. Между тем, именно Амур он считал таким же исходным пунктом для перехода туранской системы из Азии в Америку, как он с большим основанием считал р. Колумбию исходным пунктом распространения ганованской системы по континенту С. Америки. Как ни относиться к гипотезе Моргана с этой точки зрения, но его уверенность, что от берегов Амура по всему северо-востоку Азии, включая сюда и Алеутские о-ва, должны быть открыты несомненные следы туранской системы, теперь начинает оправдываться, в одних случаях *на системах родства, в других — на пережитках кузенного брака*. Особенно подкрепляет ее найденная мною у гиляков система родства и брака. Великая гипотеза Моргана, так близко касающаяся проблемы взаимодействия народов Азии и Америки, заслуживает того, чтобы хоть в кратких чертах остановиться на обзоре брачных норм у названных народов.

Итак, начнем с амурских народов. В Амурском крае есть две основные этнические группы — палеоазиаты, гиляки и тунгусские народности и отчасти айну, которые к ним примыкают со стороны Японского архипелага.

О гиляках уже говорить не приходится — у них не только имеется туранская система в наиболее законченном виде, но у них уцелела идеальная форма пуналуальной семьи, анализ которой нам показал, что туранская система — результат кузенного брака.

Племя айну, которому, как соседнему с гиляками, будет посвящена особая глава, мы исключаем из нашего обзора, как племя, совершенно особо стоящее среди круга народов СВ Азии как в расовом, так и в лингвистическом отношениях. Особо оно стоит и в своем семейном строе. У них есть классификационная система, но она во многом существенно отличается от гиляцкой и от тунгусской. Так же радикально отличаются от этих последних и нормы их брака и социальная организация. У айну, например, допускаются браки как между детьми братьев, так и между детьми сестер, и в этом отношении они ближе подходят к северным палеоазиатам — юкагирам и чукчам. Черты группового брака, в виде права братьев взаимно на своих жен, найдены мною лишь в некоторых пунктах, и только левират вполне совпадает с гиляцко-тунгусским. Но самая важная характерная черта аинского строя — это типично выраженный матернитет и отсутствие родового строя, — черта, которая тоже сближает их более с северной палеоазиатской группой. Во всяком случае, в виду совершенной изолированности этого племени во всех других отношениях от интересующей нас группы народностей, мы только отмечаем эти особенности, не вдаваясь в какие бы то ни было сопоставления.

Перехожу к тунгусским народностям, доминирующим на Амуре и распространившимся к северу вплоть до берегов Берингова пролива. Брачные нормы этих народностей я изучал, главным образом, у наиболее изолированного племени, именно у северных орочей, и имел возможность сравнить и дополнить эти сведения данными, собранными среди других народностей Амурского края.

Несмотря на то, что эти народности, по своему первоначальному образу жизни, как бродячие охотники и оленеводы, значительно разнятся от гиляков, оседлых рыболовов и собаководов, тем не менее, в их классификационной системе и нормах брака находим много существенно сходного. Род, как и у гиляков, на основах патернитета. В каждом поколении данного рода мужчины и женщины — старшие и младшие братья и сестры. Дети этих классов — общие сыновья и дочери и между собою братья и сестры. Сородичи-«братья», родные и боковые, живут в групповом браке со своими женами и именно как у гиляков восточного диалекта, т.-е. младшие с женами старших. Как и у гиляков, здесь предпочитают брать жен из одного рода, из чего можно заключить, что, опять-таки как и у гиляков, некогда брак из одного рода был обязателен.

Групповой брак существует и с сестрами жены, которые замужем за лицами чужеродными, но, по аналогии с женами братьев, этот брак у некоторых племен распространяется только на младших сестер жены. В двух отношениях групповой брак у тунгусских племен гораздо шире, чем у гиляков. Прежде всего, каждый человек имеет право не только на жен своих старших братьев, но и на жен младших братьев отца, которых он поэтому называет тем же классовым термином, как и своих старших братьев, именно, ɛki, a'ga. С другой стороны, допускается брак на дочерях младших сестер, и, таким образом, эта категория племянниц втягивается в круг класса групповых жен. Легко видеть, что первая норма — простое последствие второй, потому что дочь сестры отца есть кузина. Этой последней нормой тунгусская система сближается с коряцкой, где, по свидетельству Иохельсона, брак с племянницей — дочерью сестры — тоже допускается. Еще одной особенностью тунгусский брак напоминает коряцкий: и те и другие не допускают при жизни жены жениться на ее сестре. Одна особенность тунгусского брака особенно характерна и свидетельствует о происхождении этой системы из самой ранней стадии кузенного брака. Эта особенность заключается в том, что излюбленной формой брака до сих пор является обмен сестрами с братом жены. Так как в то же время самые предпочтительные браки — это браки сородичей, и, следовательно, отцов и детей, — из одного общего рода, то в результате большинство браков — типичные перекрестные кузенные браки. Принимая во внимание, что в настоящее время тунгусская система уже в стадии разложения примитивных форм, мы вправе заключить, что в прежнее время перекрестный кузенный брак служил единственной формой брака, породившей и классификационную систему и черты группового брака.

В заключение о тунгусских народностях интересно упомянуть, что у некоторых из них, например, у южных орочей, есть институт побратимства, как и у чукчей, при чем побратимы — anda — пользуются правом взаимного полового общения с их женами. Как и у гиляков, браки между детьми братьев, равно как и между детьми сестер, запрещены.

Переходим к палеоазиатскому племени — юкагирам, обследованным Иохельсоном. Сам Иохельсон воздерживается от суждения о том, какое место занимает юкагирский брак в общей эволюции этого института, но данные, которые он приводит, дают достаточно материала, чтобы ввести юкагирскую систему в круг моргановской гипотезы.[1]

Если рассматривать юкагирскую систему только с точки зрения того, что она представляет в настоящее время, то эта система может действительно показаться совершенно изолированной, запутанной и необъяснимой. Она имеет, например, сложную классификаторскую систему родства и систему запретов, одни термины которой вполне совпадают с турано-ганованской, но другие совершенно отличные и противоречащие этой системе; например, термин стуерої, который включает не только братьев и сестер, но и кузенов первой, второй степени и т. д. как со стороны отца, так и со стороны матери.[1]

Далее, в то время как некоторые термины родства и запреты общения, как мы увидим подробнее ниже, говорят о переживаниях группового брака, и хотя отношения между полами здесь очень свободные, тем не менее не только никаких реальных следов группового брака в настоящее время не имеется, но некоторые запреты, например, запреты браков между кузенами, как бы прямо говорят против существования группового брака и в прежнее время. Но, присматриваясь ближе к этой системе, приходим к заключению, что это система турано-ганованская, только искаженная под влиянием чрезвычайных обстоятельств. Юкагиры совершенно вырождающееся племя. В настоящее время их насчитывают до 800 душ, из которых, по крайней мере, половина — юкагиризованные тунгусы. До прибытия в край тунгусов, они, повидимому, жили еще более изолированно, чем теперь, и процесс вырождения шел еще быстрее. Под влиянием этого процесса с ними произошло то, что в настоящее время происходит среди тунгусов Туруханского края, именно они вынуждены были перейти к эндогамии (бракам внутри рода), которая у них практикуется и в настоящее время. Этот эндогамизм — явление сравнительно позднего характера — неизбежно должен был запутать до крайности прежнюю стройную классификационную систему, следы которой все же еще сохранились до настоящего времени. Это лучше всего видно на упомянутом термине emyepol. Раньше, при экзогамном браке, этот термин, без сомнения, обозначал братьев и сестер родных и боковых, т.-е. братьев, сестер и кузенов либо только с отцовской стороны (если род был отцовский), либо только с материнской (если род был материнский). С переходом к бракам внутри рода кузены как с отцовской, так и материнской стороны, естественно, все одинаково превратились в «братьев и сестер», образовав нынешний класс emyepol. Образование этого класса имело чрезвычайное последствие: оно уничтожило групповой брак.

---

[1] Jochelson. Jukagirs, 68.

Как мы знаем, групповой брак практикуется только между братьями-сородичами, женатыми на женщинах из другого рода. Но когда, с введением эндогамии, братья-сородичи стали вступать в браки с кузинами из своего же рода, то групповой брак всех братьев родных и боковых стал невозможен, ибо в таком случае были бы допущены половые сближения родных братьев со своими родными сестрами.

Но до введения эндогамии групповой брак несомненно существовал. Об этом свидетельствует целый ряд вышеупомянутых терминов запретов и брачных норм.

Из запретов общения упомянем совершенно аналогичные с гиляцкими: между старшим братом и женой младшего брата или между старшим кузеном и женой младшего кузена запреты, вытекающие, как мы видели, из того, что младший «брат» состоит в групповом браке с женами старших братьев, что обратно последним запрещено. Другие запреты, как запрет сожительства старшего брата с женой сына младшего брата, указывают на то, что у юкагиров существовал групповой брак не только между «братьями», но, как и у тунгусов, между некоторыми категориями восходящих и нисходящих поколений. С другой стороны, в брачных нормах мы видим явные следы кузенного брака. «Юкагиры уверяли меня, — говорит Иохельсон, — что, согласно их прежним обычаям, браки были воспрещены лишь между поколениями кузенов первой степени».[1]

Принимая во внимание, что и теперь у юкагиров мы видим наклонность к бракам с единокровными[2] и брак между кузенами широко практикуется, нужно думать, что в прежнее время это была излюбленная форма брака. Вопрос только в том, о каких кузенах говорит старое предание, приведенное выше. Существующий ныне запрет общения и обязанность половой стыдливости между лицами класса emyepol, обнимающего ныне кузенов как с отцовской, так и с материнской стороны, мог образоваться только тогда, когда emyepol были членами экзогамного рода, и ясно доказывает, что в старину кузенный брак предполагал браки с кузинами только чужого рода или деления, как у гиляков или австралийцев, у которых (последних), кстати сказать, тоже встречаются ограничения между кузенами 1-й степени.

Еще одна характерная особенность. Мы указывали, что кузенный брак влечет за собой право на брак, и вследствие этого при этой системе калым, плата за невесту, не допускается.

То же мы видим у юкагиров. Наконец, существование клана у юкагиров тоже не маловажный признак того, что эндогамия здесь новейшее явление, ибо у чисто эндогамных племен, как у айну, настоящего института рода не существует. Род — институт по существу своему экзогамный.

Переходим к той обширной группе северных палеоазиатов, которая включает чукчей, коряков и камчадалов. Из этой группы наиболее детально обследованы чукчи, на которых мы должны остановиться подольше.

Обычный способ брака, по описанию Богораза, с родственниками и «чаще всего между кузенами», при чем по возможности в одной и той же семье, а если это невозможно, то между родственниками одного и того же стойбища, т.-е. кузенами более отдаленных степеней; браки дядей с племянницами запрещены — чисто туранская черта. Так как при этом практикуется обмен женщинами, то таким образом мы имеем типичный перекрестный кузенный брак — опять-таки типичная туранская черта.

---

[1] Jochelson, op. cit., 82.

[2] Jochelson, op. cit., 86.

Брак несомненно был здесь некогда обязателен между кузенами. Это мы видим, между прочим, из того, что у чукчей, как и у гиляков и тунгусов, браки заключаются в раннем возрасте. У чукчей этот обычай еще более в ходу, чем у гиляков, так как, по словам Богораза, большинство браков заключается в детском возрасте, и он упоминает даже случаи, когда родители уславливаются о браке своих детей еще до их рождения. Обязательностью брака объясняется и тот замечательный факт, что чукчи не знают пока института калыма. Обычный способ приобретения жены — вступление зятя в дом жены или посредством работы в доме тестя, что вероятно является только пережитком того времени, когда жених всегда переходил в дом жены. И замечательно, что даже в случае похищения женщины, единственным выкупом является женщина, но никоим образом не олени, что опять-таки указывает на старинную обязательность обменного брака. Описывая этот обычай, Богораз делает очень важное замечание, что «похищение не рассматривалось, однако, как основание для непримиримой вражды и междоусобия. Родители приходят потом и требуют выкупа, который уплачивается женщиной за женщину».[1] Таким образом участниками группового брака первоначально были исключительно кузены, и, вероятно, как это теперь еще практикуется у алеутов, такой брак был обязателен. А так как, по словам Богораза, индивидуальные браки заключаются между кузенами, то, таким образом, групповые мужья являются кузенами, женатыми на кузинах, а это возможно только в том случае, если мужья — либо дети братьев, либо дети сестер (смотря по строю семьи), а групповые жены — дети братьев и сестер. «Дети, родившиеся в семьях брачного союза, рассматриваются как кузены, даже как братья и сестры. Они не могут вступать в брак друг с другом». Ибо, в противном случае, если допустить, что групповыми мужьями и женами могут быть всякие кузены, без различия их происхождения, то могло бы случиться, что среди групповых жен человека оказалась бы его родная сестра, т. е. то именно, что заставило юкагиров запретить групповые браки между кузенами. В настоящее время из круга группового брака исключены родные братья и кузены 1-й степени. Но это может быть ограничение позднейшего происхождения. У чукчей мы находим и другую форму: групповой брак сестер с их мужьями. Люди, женатые на сестрах, называют друг друга takälkin—термин, соответствующий русскому «супруг» (муж и жена), т.-е. «запряженные в одну упряжку».

---

[1] Bogoras. The Chuckchee, 589.

Похищение является, таким образом, скорее имитативным, in frandem legis, когда брак происходит не между кузенами. Поэтому похититель, по словам Богораза, опасаясь погони и отобрания жены, спешит присоединить похищенную женщину к родовому культу, «помазав ее если не кровью жертвы, то сажей и золой от семейного очага».[1]

Богораз, исследования которого дали нам материал для суждения о чукотском браке, употребляя в своей работе термин кузен, к сожалению, не указывает, нужно ли понимать под этим термином безразлично всякого кузена, или только детей брата и сестры. Возможно поэтому допустить, что в настоящее время практикуются браки с кузенами как с отцовской, так и с материнской стороны, как и у юкагиров, и что оно может быть объяснено теми же причинами, что у юкагиров.

Что в прежнее время кузенный брак предполагал только браки между детьми брата и сестры, лучше всего доказывается той формой группового брака, которая ныне практикуется у чукчей, и, несмотря на свои особенности, очень близко подходит к гиляцкой форме этого института. Этот своеобразный институт, выражающийся в договоре нескольких лиц о взаимных правах на своих жен, может быть заключен между неродственниками, но «кузены второй и третьей степени почти неизменно соединяются узами группового брака». И совершенно справедливо замечает Богораз, что «в прежние времена эта форма группового брака представляла, по всем видимостям, союз между родственниками, ибо теперь лица, вступающие в такой брак (повидимому, только чужие), делают жертвоприношение».[2]

Чукотские нормы брака, вероятно, были также и у других народностей общей с чукчами лингвистической группы, именно у камчадалов и у коряков. О камчадалах мы имеем свидетельство Крашенинникова в «Описании земли Камчатки» (II, 169), что браки беспрепятственно заключались между кузенами и кузинами. Что касается коряков, то, повидимому, их нормы оказались под сильным влиянием тунгусских народов. Так, в то время как у чукчей брак на племяннице считался кровосмесительным, у коряков он допускался. Как и у тунгусов, брак одновременно на двух сестрах у них не допускается. Но основная черта туранского брака — обязательность женитьбы в одном и том же роде — увековечена в коряцком браке в институте сорората или, как его Иохельсон называет, двойного левирата. Как известно, особенность этого института, широко распространенного и на континенте С. Америки (алгонкины, томсон, скиди, пауни), выражается в том, что вдовец обязан жениться на женщине из рода покойной жены — именно на младшей сестре, кузине или на племяннице покойной (последняя категория — племянницы — заимствована, очевидно, у тунгусов). Иохельсон объясняет происхождение этого института желанием поддержать религиозную связь, установившуюся между супругами и нежеланием допускать чуждый элемент к священному семейному очагу. Такое объяснение весьма легко было допустить, но тогда непонятно, как же была допущена к священному очагу первая умершая супруга, тем более, что никаких религиозных обрядов вроде упомянутого чукотского обряда приобщения жены коряки не знают. Между тем, институтом обязательного брака это объясняется гораздо проще. При обязательном кузенном браке сестры и кузины одной семьи принадлежали братьям и кузенам другой, и, естественно, когда умирала жена человека, он брал ее младшую сестру или кузину. Это был институт не только юридический, но и религиозный, ибо супруги были связаны узами единой крови. Иохельсон нам не сообщает, на ком вообще женятся коряки. Судя по примеру чукчей, у которых браки заключаются преимущественно между кузенами, можно с уверенностью сказать, что и коряк обычно женится на кузине (т.-е. на лице общей крови — потому-то и никаких обрядностей в брачной церемонии нет), поэтому и после смерти ее он следует тому же старому закону и берет ее сестру или кузину.

---

[1] Bogoras, op. cit., 602.

[2] Ibid., 576.

Перейдем теперь к алеутам, которых Морган считал посредствующим звеном между азиатскими и американскими народами. Об их брачных нормах мы не имеем обстоятельных сведений, но и то немногое, что мы знаем, представляет для нас большой интерес с точки зрения рассматриваемого нами вопроса, тем более, что эти факты сообщены наблюдателем, который прожил среди них много лет, именно Вениаминовым. Прежде всего оказывается, что у алеутов обычной формой брака был брак кузенный. Вениаминов не сообщает деталей, но определенно говорит, что предпочтительнее всего в невесты избирается дочь дяди.[1] Еще более интересное описание полиандрии у алеутов. «Женщине, — пишет Вениаминов, — дозволялось иметь двух мужей, из коих один был главным, а другой его помощник или, как называют русские, половинщик. Такая женщина не только не почиталась развратной, но еще славилась как расторопная. Второй муж, вполне пользуясь правом мужа, должен был наравне с первым мужем промышлять и вообще стараться о содержании жены и семейства.[2] То же сообщает и Erman,[3] но он не указывает при этом ни родственных отношений между общими мужьями, ни отношений их в случае брака второго участника. Но из этого никоим образом нельзя заключить, что только сообщаемыми деталями брак у алеутов ограничивался. Мамио Ринсо, как мы указывали выше, описывал гиляцкий брак в тех же точно выражениях, как и Вениаминов — алеутов, а между тем мы видели, что у гиляков типичный групповой брак. Описание группового брака в том виде, как это делают Вениаминов и Ринсо, для наблюдателей неспециалистов совершенно естественно, ибо легче всего при групповом браке бросается в глаза тот случай, когда второй муж сам не состоит в индивидуальном браке, как это описывается в гиляцких сказках: «два брата одну жену содержали». Но когда несколько женатых людей состоят в групповом браке, это для неспециалиста обыкновенно проходит совершенно незамеченным. И поэтому с большой уверенностью, — особенно принимая во внимание сообщение о предпочтительном браке на кузинах, — можно сказать, что полиандрия алеутов, о которой сообщает Вениаминов, была в действительности формой группового брака. В подтверждение своего предположения позволю себе сослаться на следующий пример из жизни тода, племени, живущего в Нейльгеррийских горах.

Старинный писатель Маршаль описывает брак у тода следующим образом:[4]

«Если муж имеет братьев или очень близких родственников, которые живут все вместе, каждый из них может, при согласии женщины, разделять право считаться ее мужем».

---

[1] Творения Иннокентия. Кн. III, стр. 322.

[2] Ibid., 323.

[3] A. Erman. -Ethnographische Wahrnehmungen. Zeitschr. für Ethnologie. B. III, 1871, S. 162-163. Berlin.

[4] W. E. Marschall.—A phrenologist among the Todas. London, 1873, p. 213.

По этому описанию, приводимому у Вестермарка, брак тода представляется простой полиандрией, как ее описывают обычно в Тибете, или как описывает ее Вениаминов у алеутов. Но вот как описывает тот же брак ученый наблюдатель Шорт.[1]

У тода, обитателей Нейльгеррийских гор, девушка, выходя замуж, в то же время становится женой всех братьев своего мужа, а они становятся вместе с тем мужьями всех ее сестер. В этом случае первый родящийся ребенок считается принадлежащим старшему брату, следующий — второму.

В этом описании мы имеем уже типичный групповой брак, идеальную форму пуналуальной семьи. И нужно заметить, что это описание сделано в 1869 г., за 8 лет до появления «Ancient Society» Моргана и одновременно «System of Consanguinity and Affinity», когда, следовательно, наблюдатель никаких тенденциозных представлений о пуналуальной семье иметь не мог.

Эти строки уже были написаны, когда я встретился с Иохельсоном, только что вернувшимся из своего путешествия к алеутам. И то, что он сообщил мне по этому вопросу, окончательно подтвердило мое предположение.

Оказывается, что у алеутов, как и у тунгусов и у части гиляков, младшие братья в прежнее время состояли в групповом браке с женами старших братьев, а в настоящее время этот брак сохранился между кузенами, при чем не в виде факультативного, а обязательного института. Участвовать в групповом браке — прямая обязанность всех кузенов.

Особенности алеутских норм брака не остались изолированными на Алеутских островах. Почти в аналогичных с Вениаминовым выражениях отмечают их наблюдатели и на северо-западном побережье Американского континента, вплоть до самой р. Колумбии, которую Морган считал исходным пунктом ганованской системы. Мы находим их у эскимосского племени коняг, обитателей о. Кадьяк, о которых Давыдов пишет: «Некоторые женщины имеют по два мужа: первый есть настоящий, выбирающий другого с согласия жены. Сей в то же время делается прислужником, т.-е. носит дрова и другие разные работы отправляет. Он может спать с женой только в отсутствие настоящего мужа, по возвращении же его лишается сего права. Таковых мужей русские называют половинщиками».[1] В этом описании, словно скопированном у Мамио Ринсо и у Вениаминова и у путешественников по Тибету, опять-таки отсутствует указание на родственные отношения между супругами, но зато ценно указание на право второго мужа пользоваться своими супружескими правами только в отсутствие мужа, как у гиляков, и видимое подчиненное положение этого второго мужа. Это подчиненное положение подмечено верно и бросается в глаза и у гиляков, но это имеет место не в силу брачного договора, а в силу того, что старший брат всегда играет роль главы дома и, кроме того, в виду запрета разговоров между братьями: отношения старших к младшим могут произвести впечатление отношения между хозяином и работником.

---

[1] John Short. — An Account of the Hilltribes of the Neilgherries. Transactions Ethn. Society N. S., v. VII, p. 240. London. 1869.

Более определенно описывает этот институт Вениаминов у тлингитов (колошей), прямо уже говоря, что «второй муж всегда должен быть или брат или ближайший родственник».[2] Подобные же явления отмечены Россом у центральных эскимосов. Впрочем, об Америке, стране ганованской системы, столь близкой системе туранской, мы распространяться не станем. Нашей целью было заполнить hiatus, отделявший родину туранской системы от ганованской. И мы, после сделанного нами обзора, вправе сказать, что этот hiatus теперь заполнен.

XI.

ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ.

Нормы группового брака, предоставляющие гиляку такую широкую свободу полового общения, уже сами по себе должны бы служить благоприятным фактором для чрезмерного развития сексуального сенсуализма. Обычный образ жизни гиляков, в свою очередь, только мог содействовать чрезвычайному развитию этого фактора. Главное занятие гиляка рыболовство оставляет ему слишком много досуга. С другой стороны, единственный промысел, который мог бы дать значительный исход эмоциональной жизненной энергии, а именно охота, в жизни гиляков играет сравнительно незначительную роль. Далеких охотничьих походов гиляк не предпринимает. Сезонные охоты на соболей, белок, лисиц и оленей и даже спорадические экскурсии на местного довольно кроткого медведя особенных опасностей не представляют; охотничий спорт, поэтому, развит очень слабо. Выдающихся страстных охотников, как у тунгуссов, среди гиляков очень мало. Не знают гиляки, особенно за последние полвека, и героических эмоций войны. Да и в прежнее время-то, что гиляки называют именем войны, сводилось к спорадическим родовым стычкам из-за родовой мести, а еще чаще из-за женщин. Войны, как профессии, как любимого занятия молодежи, гиляки никогда и не знавали. Естественно, что эмоциальная энергия направилась главным образом в сторону сексуализма. Гиляки начинают свою половую жизнь с наступлением зрелости, и все свои досуги, все свои помыслы уделяют женщинам, тем более что далеко не всякий, как мы увидим, имеет возможность вступать в брак. Холостая молодежь не довольствуется теми женщинами, к которым она имеет доступ в своем селении; она не ограничивается тем кругом женщин, на которых она имеет законные права. Единственная категория женщин, перед которыми гиляк останавливается, это класс женщин, который является для него запретным. Для романических похождений гиляк не останавливается ни перед продолжительностью времени, ни перед дальностью расстояний, лишь бы найти побольше женского общества. Охотнее всего, конечно, молодой человек отправляется в селения своих «тестей» — axmalk'ов, но он непрочь предпринять путешествие и в совершенно чуждые селения. Во время моих путешествий ко мне часто добровольно присоединялись молодые люди, предлагая безвозмездно свою помощь в течение многих недель, и это делалось в надежде найти случай для романических похождений, благо это не так-то трудно. Благодаря традиционному гостеприимству и жадности гиляков ко всем новостям, двери каждого дома широко открыты для каждого приезжего. Таким образом, гиляк чувствует себя везде дома. За несколько часов по приезде в какое-нибудь селение он успел уже побывать в каждом доме, всюду рассказать свои новости, к которым одинаково жадно прислушиваются и женщины и мужчины, и в то же время успел остановить свой взор на той или иной приглянувшейся ему женщине. Остальное уже дело его любовного опыта и искусства. Гиляцкая женщина, правда, с виду держится крайне неприступно. При появлении чужого человека она опускает глаза, сидит все время, нахмурив брови, на вопросы постороннего едва отвечает. Но это только неприступность наружная, скрывающая внутреннюю похотливость. Незаметно для окружающих она искоса бросает пытливые взгляды на нового человека, во-время им подхватываемые. И если гость произвел надлежащее впечатление, то дело завершается очень быстро. Мужчина ее выследит у колодца, на ягоднике, а то просто поймает в сенях и тогда, после краткого символического диалога, в роде: «давай-ка вместе (т.-е. поочередно затягиваясь из одной трубки) покурим» или: «давай новости рассказывать», — вопрос решается крайне просто. Иногда гость просто остается в юрте своей возлюбленной и ночью перебирается на ее ложе или обратно. Иногда дело обходится без слов, ограничиваясь безмолвной символикой, прикосновением к грудям, хватанием за ногу, и если эта символика не встречает отпора, согласие женщины обеспечено. Любопытно, что символика любовных предложений напоминает обряды брачных церемоний. Предложение курить вместе есть шутливое подражание обряду conferratio. Хватание за ногу или за груди хотя у гиляков в настоящее время не фигурирует в брачных церемониях, но оно встречается еще и теперь у некоторых народов С. Америки, например, у индейцев лиллуэт, по свидетельству Боаза и Тейта.

---

[1] Давыдов. Двукратное путешествие в Америку офицеров Хвостова и Давыдова, ч. II, стр. 50-51.

[2] Творения Иннокентия, кн. 3, стр. 619.

Подобного рода вольности в чужих селениях позволяет себе не только холостая молодежь, но и женатые пожилые гиляки. В одно из первых моих путешествий среди моих спутников был старый почтенный гиляк, Гибелька, пользовавшийся широкой известностью на всем Сахалине благодаря своему богатству и выдающемуся уму. Во время остановок в селениях он наравне со своими молодыми спутниками, захлебываясь, говорил о красавицах селения и однажды до того увлекся, что стал советоваться со мной, не «купить» ли ему приглянувшуюся красавицу и увести ее домой, хотя он давно был женат и не мог нахвалиться своей женой. Он, правда, не участвовал в ночных похождениях своих молодых спутников, но только потому, что конкуренция и без того была уже слишком велика, так как между молодыми людьми дело едва не дошло до револьвера.

В виду сравнительной доступности женщин, насильственные действия по отношению к ним редки. Но мне приходилось слышать и про такие случаи, что компания молодежи в сезоны, когда женщины отправляются на несколько дней за ягодами или сараной в места, очень отдаленные от селений, совершает настоящие набеги на беззащитных женщин, при чем если женщины не сдаются добровольно, то не отступают и перед насилием. Впрочем, насилие главным образом сводится к разрыванию набедренных штанов, которые, как у чукчей и коряков, делаются совершенно глухие, без всяких прорезов. Подобные походы, как и вообще романические поиски вне своего родственного круга женщин, носят характерное название s'anx nan'gynd — «за женщинами охотиться». Термин этот, впрочем, применяется и к случаям поисков невесты, так как он имеет два значения — «охотиться» и «искать чего-нибудь, кого-нибудь вообще».

Специальные далекие походы в чужие селения в поисках женщин, конечно, явление исключительное, любительское, так сказать, тем более, что в дальнем селении приезжий обыкновенно сталкивается с сильной конкуренцией местной молодежи, да и женщины имеют уже своих местных поклонников, не говоря уж о мужьях, и нужны специальные качества, чтобы на чужбине добиться легкого успеха. Таких счастливцев мне удавалось встречать: это обычно хорошие светские рассказчики, балагуры и певцы. Таких выдающихся любителей женщин, впрочем, и среди гиляков не очень много, для них даже существует особый термин. Обычно холостая молодежь довольствуется женщинами своего селения или уходит в гости в селения своих axmalk'ов, где, как мы видели, их ждет всегда самый радушный прием.

Трудно в общих выражениях представить картину половых нравов среди гиляков. Нужно прежде всего различать женатых от холостых. Первые, пока они живут в своем селении, скорее озабочены тем, чтобы охранять свою жену от посторонних вторгателей, чем затевать внебрачные флирты. Только в пути или в гостях в других селениях они охотно дают волю своим сексуальным инстинктам. Наоборот, замужние женщины окружены столькими соблазнами со стороны своих групповых мужей и посторонних, что при каждом удобном случае они легко нарушают свою супружескую верность, тем более что далеко не все выходят замуж по любви, или за лицо своего возраста, и вознаграждают себя охотно внебрачными флиртами. Впрочем, с гиляцкой точки зрения на благопристойность, подобные флирты не представляют ничего ненормального, ибо по большей части они происходят между групповыми мужьями и женами. Так или иначе пальму первенства в отношении эксцессов среди состоящих в браке нужно отдать женщинам. «Среди мужчин, — говорят гиляки, — еще „один-один" хороший найдется, среди женщин — ни одной».

Настоящие эксцессы распущенности имеют место среди неженатой молодежи. Тут возможны такие экстравагантности, как рассказанный мною выше случай с гилячкой Pigunajko, которая до выхода замуж одновременно была в связи с 14 возлюбленными, в том числе со своим будущим мужем. Или другой пример, который заимствую из гиляцкого эпоса. Герой приходит в дом одного старика сватать жену. Его будущий тесть ему говорит: «Твоя жена вон там в маленькой юрте живет. Люди к ней приходили, с ней все совокуплялись, после этого она ноги потеряла». И жених нисколько не возмущается. «Ничего», — говорит, — «в таком виде взяв, увезу», не видя в этом, повидимому, ничего особенного.

Однако, такие случаи нельзя считать общим явлением. На ряду с фактором повышенной сексуальности и половой свободы действуют другие сдерживающие факторы. У замужних женщин таким фактором является материнство, хозяйственные заботы, и, наконец, как у замужних, так и у незамужних, такие чувства, как любовь и стыдливость. Но в общем половая распущенность играет не малую роль в жизни гиляков не только в хозяйственном, но и в психическом отношении. Обыкновенно ловеласы либо не заводят семьи вовсе, либо если и заводят, то ведут свое хозяйство крайне небрежно. И в жизни и в поэзии постоянно приходится сталкиваться с резкими упреками и руганью старших по отношению к молодежи за лень к работе в связи с распущенностью. Далее, распущенностью гиляки сами объясняют бездетные браки. Но самое печальное это влияние распущенности на психику. Целый ряд нервных болезней, специфических для гиляков, как мяречение у мужчин и у женщин, болезни, связанные с полной потерей психического самообладания (selfcontrol) — результат распущенности, которая у женщин, вдобавок, сопровождается серьезными нарушениями в области половой сферы, а последние, в свою очередь, приводят к явлениям истерии.

На ряду с описанной широкой сексуальностью и половой свободой, чувство любви играет все же большую роль в жизни гиляка. Самый употребительный термин для любви es'-mund означает любовь как половую, так и любовь вообще, к детям, к друзьями, и т. д. Есть особый термин для взаимной любви — os'mund для брака по любви os'mur:kir, vavynd. Есть еще некоторые другие термины для любви, например, hyvnd и др., но нет специальных терминов «возлюбленный», «возлюбленная», хотя можно сказать es'mula nig:yvyn, т.-е. «человек, которого любят», но на языке влюбленных возлюбленные именуются либо терминами «муж» и «жена», либо словами, означающими — «мой мужчина, моя женщина» —n'az'myч, n'an'x. Сами гиляки считают любовь за нормальную стадию жизни, которую каждый должен пережить в молодости. Очень хорошо это сознание передается в одной песне, записанной мною на Амуре, где девушка, жалуясь на придирки матери по поводу ее увлечения, поет:

> Мать, мать, матушка,
> разве собственную молодость забыла ты?

(Буквально: «Свое время прошлое ты забыла, оставь меня»).

Родители, впрочем, за любовные увлечения никогда не упрекают детей. Если молодежи приходится иногда услышать ворчание старших, то чаще всего по чисто хозяйственным соображениям, так как в период увлечения молодые люди забрасывают работу, становятся небрежны, неаккуратны. Вообще же реагировать чем-нибудь на половое увлечение детей, в том числе и девушек, даже не допускается. Если отец или брат узнает про прелюбодеяние своей дочери или сестры, то им не только нельзя употребить насилие против соблазнителя, но даже нельзя вызывать его на поединок, а по отношению к дочери даже сердиться нельзя. К любовным увлечениям детей относятся, как к совершенно естественному явлению. В частности мать часто является даже поверенной сердечных тайн своих детей. Во многих песнях, записанных мною на Амуре, сыновья все время обращаются к матери, делясь с ней своими любовными мучениями, спрашивая советов, где и как найти свою возлюбленную. Серьезные протесты родителей, протесты активные, доходящие до безжалостности, встречают только любовь к человеку запретной категории. В таких случаях сами родители подсказывают дочери самоубийство. Часто безжалостность родителей, главным образом отца, проявляется тогда, когда любовь расстраивает выгодный и с детства договоренный брак и девушку насильно отдают нелюбимому человеку. Но это случаи исключительные.

По содержанию своему любовь у гиляков ничем не отличается от любви в цивилизованном обществе. Грубая сексуальность в ней совершенно отсутствует. В любви этого примитивного народа мы находим всю гамму этого общечеловеческого чувства, от самых нежных тонов поэтической сентиментальности и тихой любовной тоски до самых бурных порывов героической страсти, не останавливающейся ни перед какими препятствиями, не отступающей перед мужественной решимостью расстаться с жизнью.

Очень хорошо эта психика гиляка отражается в любовных песнях, особенно в песнях женщин.

Природа одарила гиляцкую женщину глубиной и тонкостью чувства, которое она умеет выражать в трогательных образах и формах. «Ночь и день о тебе думаю... Как мать родную выглядываю... Если уедешь, о тебе лишь думать буду, где ты ходил, там и я ходить буду. Из колодца, откуда вместе пили, твою тень черную пить буду. Как из многих деревьев самое высокое больше всего нравится, так и ты из всех людей самый лучший, самый прекрасный. О, возьми меня с собой, твоей сумкой с кремнем, что на поясе твоем висит, сделаться хочу. Сделаюсь дном твоей лодки, с тобой быть хочу. Моя левая слеза течет и падает, как дождь, правое подколено слабеет, неподвижно стало, высохла вся, ноги не движутся», — вот в каких выражениях, наудачу взятых мною из разных любовных гиляцких песен, женщина выражает свою любовь. Но замечательно, что и в песнях мужчин звучат те же сентиментальные ноты, и так же часты упоминания о левых и правых слезах, стучащих, как дождь, о колени, та же тоска о разлуке, те же сладкие мечты о свидании. Встречаются такие эмоциональные выражения как — «тебя всю целиком полюбил...» Изредка только прорвется неуклюжая, пошлая (с нашей точки зрения) грубость, в роде: «Жирной ляжки сустав (подколени) крутится (дергает), вот как нравится». Но никогда никакой циничности.

О роли любви в жизни гиляков можно судить по обилию песенного материала. Не всякий человек может рассказать какую-нибудь сказку или поэму, но любовные песни всякий знает. В любви гиляков песни играют совершенно исключительную роль. Песня — язык влюбленных. При свидании любовники вместо разговоров поют друг другу импровизированные песни, и, если не имеют возможности встретиться, посылают друг другу через третье лицо ad hoc сочиненные песни. Выработались даже особые термины для такого рода песен.

Об интенсивности любви у гиляков можно судить по тому, как реагируют влюбленные в случае, когда любовь встречает непреодолимые препятствия. В таких случаях исходом является самоубийство. Препятствия в гиляцкой среде двоякого рода. Чаще всего это препятствие со стороны родителей, которые либо из корысти, либо из-за нежелания нарушить договор обручения в малолетстве, отдают насильно замуж, или когда женщина забрана силой. Самоубийства в таких случаях имеют место часто спустя довольно продолжительное время после принудительного замужества. В таких случаях женщина прежде всего пытается спастись бегством от нелюбимого человека, но, в случае неудачи, кончает самоубийством. Помню такой характерный случай. Девушка из с. Няниво была выдана замуж вопреки ее воле. Вскоре она убежала от мужа к своему отцу, который отдал ее любовнику, соблазнившись вторичным получением от него калыма. Ее первый муж с этим не примирился, улучил момент и отобрал ее силой. Через полгода несчастная повесилась. Известны случаи, когда женщина, убегая от нелюбимого человека, убивает прижитых с ним детей. Мужчины предпочитают активно защищать свое право на любовь. Обычно пытаются с помощью сородичей увести женщину силой, но не останавливаются и перед убийством мужа возлюбленной. Один совершенно из ряда вон выходящий случай любовного героизма записан мною там же в с. Няниво. Самым уважаемым и богатым человеком местного рода был в мое время гиляк по имени Nyugun. В свое время его возлюбленную насильно выдали замуж за другого. Он убил своего соперника, после чего был арестован и отвезен в Николаевск. Тем временем брат вдовы выдал ее снова насильно за другого. Убежав из тюрьмы, Nyugun сразу отправился в селение своей возлюбленной. Подошедши к ее юрте, он сбросил с себя все, кроме коротких штанов стыдливости, и, голый, несмотря на зимнее время, ворвался в таком виде в юрту, переполненную народом, и так напугал своим решительным видом присутствующих, что беспрятственно вывел за руку свою возлюбленную и отвез к себе, после чего он спокойно прожил с ней много лет (покойная успела ему сшить четыре лисьих шубы и четыре шубы из собольих хвостов).

Самым трагическим препятствием в любви является состояние влюбленных в запрещенных степенях родства. Тут положение безысходное. Сами родители настаивают на самоубийстве. Обычно в таких случаях влюбленные отправляются в лес и вешаются рядом на двух деревьях. Перед самоубийством они поют друг другу песни, воспевают свой путь в загробный мир, где никто препятствовать их любви не будет. До нас дошли некоторые из таких песен следующим образом. Случается, что один из участников, именно мужчина, срывается и после этого теряет охоту повторить опыт. Он-то и сохраняет для потомства предсмертную песню. Один из таких трагических случаев незаконной любви стал популярной легендой. Это было лет сто тому назад. Одна девушка вступила в связь с младшим братом отца. Вскоре после этого ее возлюбленный поехал в долгое путешествие в Маньчжурию за товарами. Тем временем она забеременела, скрывать больше нельзя было, и она покончила с собой, повесившись. Когда возлюбленный вернулся, он сжег все привезенные товары на ее могиле, выпустил из клетки своего медведя, которого откармливал для праздника, и тоже повесился. Сохранилась песня, которую пела несчастная в момент разлуки. В отделе лирики мы дадим ее полностью. Здесь приведем только первые строки: «Возьми меня с собой, досками дна твоей лодки сделаюсь... Теперь о Млыво[1] лишь думать приходится. Чтобы помнить обо мне, на стене повешенные сережки сохраняй».

Против неразделенной любви гиляки употребляют магические средства. Одним из таких средств служит высушенный мозг кукушки, который примешивают к табаку, предлагая девушке покурить. Или же зашивают тайком в платье перо кукушки. Но есть и другие средства, не столь невинные, которые приводят к трагическим последствиям.

Как рассказывают, вкусивший снадобий от таких средств впадает в тяжелую меланхолию и через несколько дней умирает. Я знал двух человек, несколько обрусевших, которые за дорогую цену продавали такие снадобья и погубили ими несколько женщин.

Среди гиляков, как и в нашей стране, есть субъекты робкие, которые свои признания не решаются сделать лично. Посредником в таких случаях служат старухи, которым за это полагается «чай» — гостинец. Иногда посылают через таких посредниц какой-нибудь подарок, обыкновенно материю, на которой завязывают несколько узлов по числу дней, через которые поклонник придет на свидание.

Остается еще сказать о том, каковы стимулы любви у гиляка, какие индивидуальные черты привлекают к любимому человеку. Прежде всего, конечно, эстетическая сторона — красота, в особенности красота лица. Слово «красивый» в гиляцком языке выражается термином роч urland, буквально — «лицом хороший».

Замечательно, что красота у них расценивается не только со своей расовой точки зрения. И мужчинам и женщинам нравились русские женщины. Из мужчин-европейцев гиляцким женщинам нравились даже непривычные для них типы, как рыжие и блондины. Так, например, мой друг Бронислав Пилсудский, рыжеватый блондин, пользовался большим поклонением среди гиляков не только за свое симпатичное к ним отношение, но именно за свою привлекательную наружность. О нем иначе не выражались как роч uraxrä — «красавец», буквально — «лицом прекрасный», и когда он уезжал с Сахалина, гиляцкие женщины на прощание ему диктовали песни признания.

---

[1] Загробный мир.

В любовных песнях воспевают не только красоту, но и «кожу белую, как кора березы», пышные волосы (коса до поясницы, волосы приглаженные), грациозность походки («голову набок склонив, улыбаясь ходит», «саженным шагом ходит»), физическую силу, рост (туловище — маховая сажень, «ноги в землю по голени входят»).

Конечно, и изящество в одежде играет не последнюю роль в эстетической оценке возлюбленного. В любовных песнях воспевается — у женщин расшитая в уборах одежда, множество нашитых медных побрякушек и т. п., у мужчин — черная собачья шуба, из пестрых тюленей юбка, богатый налобник из мелких беличьих шкурок, и т. п. Из летних одежд для женщин наиболее красивой считается одежда черного цвета, мужчины франтят в рубахах, сшитых наполовину из красной, наполовину из белой или синей материи. Но помимо внешней красоты ценятся и моральные качества.

В мужчине женщину привлекают черты мужества, солидность («твой голос подобен голосу urdla n'ivux'a, т.-е. почтенного человека»), или же таланты собеседника — балагура, певца. В женщине, помимо внешней красоты, мужчина увлекается чертами женственности, которой гиляцкие женщины обладают в большой степени и от природы, и путем ранней тренировки: уже с раннего детства девочка приучается говорить с тихой мелодичностью и придавать лицу мечтательно-кокетливое выражение.

Женщина не мало берет и песенным талантом. В своих песнях женщины не только умеют тонко выражать свою любовь, но и зло высмеивать неугодных поклонников. В своем сарказме женщина не останавливается ни перед какими гиперболами. В одной песне нос нежеланного сравнивается с полыньями, с открытой дверью, и в таких же тонах описывается его одежда, его собаки, его запряжка и т. д.

Половые ненормальности и извращения.

Я много раз расспрашивал гиляков, практикуются ли у них такие половые извращения, как мужеложство и скотоложство. О случаях мужеложства никто, оказывается, никогда и не слыхал. Что касается скотоложства, то только в одном селении на Тыми рассказывали, и то с отвращением, про одного психически больного гиляка, что он совокуплялся с собакой. Каково отношение гиляков к этим извращениям, ясно видно из следующей легенды, записанной мною на Амуре. «Тигр и барс, и даже лев (?), некогда были людьми. Однажды, случайно, бог Кур увидел, что они совокупляются через задний проход. Тогда он в возмущении сказал: «А, раз вы по-зверски совокупляетесь, то и навсегда впредь зверями и оставайтесь». Таким образом, по воззрениям гиляков, упомянутые извращения почитаются актами, уподобляющими человека зверю.

Совершенно просто отношение гиляков к гермафродитам (miskund на восточ. диалекте, miskij — на запад. диалекте), в особенностях которых они видят, повидимому, простую аномалию, но ими отнюдь не гнушаются и охотно имеют половое общение. Браки гермафродитов — обычное явление.

В виду того, что в этнографической литературе половое общение и браки гермафродитов часто смешиваются с гомосексуализмом, приведу известные мне очень характерные случаи гермафродитизма из жизни гиляков. На Сахалине мне известны два случая. В селе Ямы, близ Александровска, жил старый гиляк Чубук, который был всем известен, как гермафродит, так как до определенного возраста он считал себя женщиной (membrum virile был слабо развит) и носил женскую одежду. Впоследствии membrum virile получил надлежащее развитие, и он стал одеваться мужчиной и, наконец, женился. Другой случай мною констатирован в селении Мый Гырк на крайнем севере Сахалина, по западному берегу. Здесь однажды я встретил сидящими на берегу двух молодых людей, мужчину и женщину, которые оказались супругами. Последняя лицом сразу показалась мне очень похожей на мужчину. Мои спутники объяснили, что еще год тому назад она носила мужскую одежду, сама считала себя мужчиной и очень дружила со своим нынешним мужем. Однажды они пошли вдвоем рыбу ловить. Им пришлось вдвоем заночевать, и вот тогда-то гермафродит и открыл свою тайну своему другу. С тех пор они стали сожительствовать и кончили тем, что поженились, хотя молодого человека очень отговаривали от этого шага. Подобные случаи могут легко подавать повод к легендам о превращенных людях (об оборотнях).

На Амуре гиляк Путук рассказал мне любопытные подробности о своем приятеле гермафродите. Этот последний до известного возраста был девушкой. Вдруг он стал замечать, что у него растет membrum virile, то увеличивается, то уменьшается, то вовсе пропадает. Он сообщил об этом своему возлюбленному, который пробрался к нему ночью и убедился в справедливости его слов, и на другой день всем рассказал об этом. Через несколько лет у него выросла борода и мужской орган окончательно развился, хотя и vagina у него была вполне развита, и он мог иметь общение с мужчинами. После этого он и стал одеваться в мужскую одежду, женился, и теперь он первый охотник на всю округу. Он нормально живет с женой, но иногда совокупляется и с мужчинами. Последнее он считал приятнее. Говорит о себе с удовольствием: «Я имею два шанса, два счастья». Все относятся к нему как к urdla n'ivux. Всего среди гиляков я мог насчитать до 5 случаев, столько же, сколько Богораз нашел среди чукчей.

У гиляков нет особых обрядов при достижении половой зрелости. Единственным внешним признаком девушки, достигшей половой зрелости, является то, что ей начинают заплетать две косы. Моментом наступления половой зрелости девушки считается появление месячных, что обыкновенно наступает на 13-м—14-м году. Этот момент считается началом брачного возраста, хотя, собственно, термином для женщины, достигшей половой зрелости, служит выражение — «женщина, увидевшая свое тело», т.-е. у которой созрели груди до такой степени, что она может их видеть. Для мужчины существует такой же термин — «человек, увидевший свое тело», но в данном случае под словом «тело» подразумеваются усы.

Еще до появления месячных мать подготовляет свою дочь к предстоящей перемене в ее жизни и обучает ее всем необходимым обрядам и табу, с кровью связанным. Гиляки, как мужчины, так и женщины, вполне сознают значение месячных как момента половой зрелости и до этого не позволяют себе актов полового общения. Гиляки взрослые часто женятся на малолетних, с которыми с первого же дня спят под одним одеялом, но половое общение начинают лишь тогда, когда жена сообщает мужу о наступлении первых месячных.

XII.

СПОСОБЫ ДОБЫВАНИЯ ЖЕНЫ.

Данные эпоса.

Прежде всего интересно восстановить картину добывания жены в старое время по данным народного эпоса. Судя по этим данным, особенно по так называемым n'as'tund (поэмы), добывание жены и в старое время отнюдь не было легким делом.[1] Наоборот, один из главных подвигов героев — искание жены. Чтобы найти себе жену, герою гиляцкой поэмы приходится предпринимать самые отдаленные и рискованные путешествия за край земли, переплывать бурные моря, даже подниматься на небо или спускаться в подземное царство и на дно моря, уже не говоря о всевозможных героических поединках с целыми родами самых ужасных врагов, — поединках, связанных с этими походами.

Почему так, почему герою, человеку сильному, непременно нужно искать жену вдали, когда у него поблизости есть все возможности найти себе жену?

Прежде всего заметим, что указанный термин an'g:ej na'nig:ynd «жену искать» — может подать повод думать, что обычным способом добывания жен героями явилось насилие, похищение. Правда, что и это практиковалось ими, но чаще всего они добывали своих жен самым мирным образом, даже без всякой платы. Это явствует и из самого выражения an'g:ej n'anyg:ynd, где для обозначения жены употребляется слово an'g:ej — термин, употребляемый для категории женщин, по отношению к которым у гиляка существует право, даже обязанность на брак. И действительно, все показывает, что целью поисков героя является именно законная жена, которая ему принадлежит по праву рождения. Всюду, куда герой ни является со своими требованиями, к нему обращаются термином ymg:i — зять, и женщин, на которых он претендует, называют an'g:ej, и, наоборот, когда ему указывают на возможную кандидатку, ему чужую, ее называют уже не an'g:ej a sanx. Вот характерный пример. Герой одной поэмы[2] получил отказ от своей законной an'g:ej которая заявила, что если ей придется за него выйти, она себя убьет. Тогда отец говорит: «Зять! Раз девушка тебя не хочет, что поделаешь? Другую женщину (sanx, а не an'g:ej) искать ступай». После этого он пришел в другое место. В одной юрте он нашел старуху. Та сказала: «Сын (так часто тещи зовут своих зятей), зачем шел? жену ли искать пришел? Твои жены вон в той (что в гору) свайной юрте, твои жены находятся там, ступай».[1] Множественное число здесь употреблено потому, что там оказались две сестры, и обе, согласно гиляцкому праву, принадлежат ему. Правда, странным может показаться, что героям поэмы приходится отыскивать с огромными трудностями законную жену, что, наоборот, казалось бы, должно быть крайне легко, потому что женщин этой категории обычно очень много, и местопребывание их всякому заинтересованному известно, да обыкновенно их можно найти в ближайшем селении. Но такова уже судьба героев: им всегда выпадают на долю исключительные похождения. Обычно это люди одинокие, с родными которых произошла какая-нибудь катастрофа. Могли вымереть от эпидемии или от голодовки ближайшие роды его тестей, а пережившие отрасли могли давным-давно выселиться далеко и потерять всякую связь с оставшимися, — при таких обстоятельствах не мудрено, что герою приходится метаться во все стороны, чтобы, как на охоте, по каким-нибудь заметным следам, расспросам, догадкам добраться до желанной цели.

---

[1] Что добывание жены было делом не простым, показывает самое выражение для этого предприятия an'g:ej napyg:ynd, где глагол na'nygynd — технический термин для охоты на зверя, обыкновенно сопровождающейся трудностями поисков и всевозможными опасностями.

[2] Л. Штернберг. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. 1908 г., стр. 118.

Наконец, бывает и так, что та желанная an'g:ej, которой добивается герой, сосватана чужому, и нужна вся импонирующая сила и слава героя, чтобы заставить тестя нарушить данное другому слово, за что ему грозит поплатиться либо войной с родом обиженного жениха, либо, в лучшем случае, судиться и заплатить большой выкуп. А герою самому за добытую таким образом жену потом приходится выдержать целый ряд войн. Вот характерный пример этого рода из одного **n'as'tund**. Герой, явившись в дом той женщины, которая должна была стать его женой, в ответ на свое требование услышал такой ответ от отца этой женщины: «Она сосватана — n'ig:yvyn joxta' (технический термин для девушки, сосватанной за чужого). Горных людей род один, еще разные другие роды к тебе воевать придут». Наш гиляк сказал: «Я все-таки, взяв, увезу». Старик отвечал: «Ты только завтра обратно пойдешь». На другой день, после обычной общей трапезы, он не только отпустил свою дочь, не получив за нее ничего, но еще велел нагрузить ей в приданое две лодки, полные драгоценностями, что возможно только, когда женщина — законная невеста человека по праву рождения.

---

[1] Л. Штернберг, op. cit., 118.

17*

Характерно, что в чисто гиляцких поэмах, не носящих следов гольдо-маньчжурского заимствования и влияния, мы не встречаем никакой процедуры сватания, которая в настоящее время играет такую большую роль. Все сводится к лаконическому диалогу: Жених: «Я жену взять пришел». Отец: «Ладно, возьми!» После этого все делается необычайно просто. Брак совершается немедленно. Единственная церемония, о которой я впоследствии скажу подробнее, это confarreatio, совместное курение или еда.

Старик, отец невесты, спрашивает героя: «Ты откуда пришедший человек?» Наш гиляк: «Я житель деревни, что посередине бухты, твою дочь замуж взять пришел». Тогда этот старик сказал: «Дитя мое, этот гость тебя взять пришел, или за него». Эта женщина сказала: «Ладно, пойду за него». Этот старик сказал: «Эй, рабы, приготовьте закуску, гостя покормите»... Наш гиляк вместе с женой сообща ели. Поевши, покончив, с женой вместе вот отправились».[1] Другой пример еще лучше рисует эту простоту обряда. «Тот старик (отец невесты) сказал: «Со своим мужем вместе кушайте». Вот эта женщина вместе с нашим гиляком кушала. Поевши, вышли, помочились, вошли, постельку сделали, забрались, под одним одеялом улеглись, спали». На другой день герой вместе с женой и приданым уехали.[2]

Но на ряду с такими законными браками описываются и случаи насильственного увода женщины. И это совершенно естественно, ибо героя могло постигнуть и такое несчастье, что роды его законных тестей совершенно вымерли, и волей-неволей приходилось добывать жену силой. Такие катастрофы, как увидим впоследствии, очень нередки. Эта альтернатива, которая, согласно эпосу, стояла в старое время перед человеком — либо жениться на своей законной an'g:ej, принадлежащей ему по праву рождения, либо добыть жену насилием, в то время как о сватании чужой женщины, как об особой форме брака, почти не упоминается, — доказывает, что приобретение жены покупкой явилось позднейшим институтом, ставшим коррективом обычая похищения, со всеми его кровавыми последствиями, точно так же как выкуп явился коррективом кровавой мести.

---

[1] Штернберг, op. cit., 47.

[2] Ibid., 81.

Так рисуются нам способы добывания жен в традиционном эпосе.

Современные способы добывания жены.

До сих пор гиляк предпочитает старый ортодоксальный способ жениться на женщине категории an'g:ej на женщине, которая считается его женой по праву рождения. Только такой брак и считается «чистым». И люди, стойкие в законах старины, стараются соблюсти старый закон. Из всей категории an'g:ej наиболее предпочтительна женитьба на дочери брата матери; иначе говоря, наиболее ортодоксальным считается кузенный брак между дочерью брата и сыном сестры. Таким браком настолько дорожат, что еще до появления на свет будущих супругов сестра и брат дают друг другу слово соединить своих детей браком. После рождения детей, когда они достигают возраста трех-четырех лет, происходит, в присутствии сородичей той и другой стороны, формальный акт сговора или даже настоящего заключения брака. Переговоры может вести и мать жениха, но не с отцом невесты (ибо она ему приходится сестрой, а братьям с сестрами разговаривать запрещено), а с его женой. Вся процедура сговора сводится к тому, что сват (отец или мать жениха) при всех обвязывает нитками из крапивы и собачьего волоса каждую руку и каждую ногу сосватанных, при чем отдает родителям невесты собаку-самца, но не самку. Повязки снимать нельзя, так как она считается свидетельством сговора. С этого момента дети считаются мужем и женой, и этими терминами они друг к другу и обращаются. Обычно в таких случаях малолетняя жена переходит в дом своего малолетнего мужа, спит с ним на одной постели, проводит с ним свои детские годы, а по достижении половой зрелости начинает брачную жизнь.

Эта поспешность в заключении брака между малолетними объясняется многими причинами, но основная причина сводится к тому, чтобы закрепить своевременно свое право на брак. Через несколько лет может народиться или подрасти другой такой же законный претендент, сын другой сестры или двоюродной сестры. Далее, с течением времени может измениться экономическое положение обеих сторон. Отец невесты может впасть в нужду и соблазниться калымом со стороны. Бывают, конечно, случаи, когда брачущиеся кузены различного возраста: жених, сын сестры, может быть даже взрослым парнем, а дочь брата совсем малолетка, но процедура та же самая. Мой знакомый гиляк Плетун, парень лет 20, женился таким образом на своей пятилетней кузине, дочери Иксуса, взял ее сразу к себе, стал с ней спать вместе и начал фактически сожительствовать с ней, когда она ему сообщила про первую свою менструацию. Но бывает и так, что малолетняя жена остается в доме своих родителей и переходит к своему мужу при появлении менструации, но для этого перехода никаких формальностей не требуется: первоначальный сговор считается публичным актом, всем известным. «Об этом весь Сахалин знает» с большим пафосом сказал мне знакомый гиляк, сговоривший свою малолетнюю дочь с сыном своей сестры. При таких браках не только калыма не полагается, но и речи не бывает об этом. Делаются лишь взаимные подарки, но и это отнюдь не обязательно. Так же просто происходит дело при сватании детей двоюродных братьев и сестер, хотя в этих случаях в некоторых местах на Сахалине уже бывает речь и о калыме, правда очень незначительном.

XIII.

ТЕРМИНЫ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК И ПЕРЕЖИТКИ МАТЕРНИТЕТА.

Весьма характерны в социологическом отношении термины, употребляемые в гиляцком языке для обозначения вступления в брак.

Как в древнеарийском, как в современном русском, так и в гиляцком языке не имеется такого общего для лиц обоего пола термина, как английское to marry, французское se marier, немецкое heiraten; наоборот, в гиляцком языке в этом случае для лиц каждого пола существует свой особый термин.

Когда речь идет о мужчине, употребляется глагол gend, xgend (основа ge) с дополнением шапх (женщина) или an'g:ej (жена); а именно: шапх gend, an'g:ej gend. Когда речь идет о женщине, употребляется совершенно другой глагол — avind (основа — av) с соответствующим дополнением nigyvyn: — человек или pu — муж или, если без дополнения, просто javind[1] (je — его + avind).

Каково же основное значение каждого из этих индивидуальных терминов g:end и javind?

---

[1] Беру термин восточного диалекта; в других диалектах те же термины с обычными диалектическими особенностями.

Что касается первого, мужского термина gend. то его основное значение совершенно ясно. Это один из наиболее употребительных глаголов в гиляцком языке, означающий «брать что-нибудь» и «купить». По отношению к браку поэтому смысл его тот, что 1) мужчина получает женщину в свое обладание, как законную жену; 2) что он покупает жену путем уплаты калыма и 3) в обоих случаях, в смысле римского термина — uxorem ducere, т.-е. увода женщины в свой дом, как это обычно практикуется в настоящее время.

Не так ясно с первого взгляда происхождение женского термина javind, который в этой форме является только *брачным* термином для обозначения выхода замуж. Но первоначальное значение его нетрудно выяснить из близких к нему этимологически форм. Прежде всего имеем ближайшую к нему форму, возвратный глагол p'ȧvind = pi + ȧvind, означающий — „себя содержать", „себя кормить" и, наконец, „жить" в хозяйственном смысле. Вот характерный пример: n'ig:yvyn' n'enyn' pyr:k pavrä — „гиляк один сам (т. е. одинокий) жил" (в смысле хозяйственном). Если речь идет о многих лицах, этот глагол приобретает значение „вместе жить", т.-е. сообща кормиться, вести общее хозяйство. Отсюда наречие p'avind — вместе. Далее имеем производную форму действительного залога ȧjvund содержать кого-нибудь на своем иждивении, принять кого-нибудь на попечение, усыновить, кормить, — в форме среднего залога означает кормиться, пастись (jalvun exan — пасущаяся корова). Наконец, javind. javend означает и „согревать" кого-нибудь (огнем), приютить.

Таким образом, термин javind, употребляемый женщиной по отношению к мужчине, ныне означающий выходить замуж, первоначально должен был буквально означать — «взять мужчину на свое иждивение», «принять в свой дом». Если эта этимология верна, в чем трудно сомневаться, то из этого следует, что первоначально среди гиляков, как это ныне практикуется у их соседей айну, господствовала система матернитета, когда муж по общему правилу переходил в дом жены, точно так же мужской термин g:end — «брать себе» — свидетельствует о современной форме патернитета, когда жена переходит в дом мужа. В настоящее время первоначальное значение настолько исчезло из сознания народа, что нередко для выражения «выходить замуж» к глаголу javind прибавляют глагол vind, avin vind, что буквально означало бы — «иди мужа взять на содержание», а это явное contradictio in adjecto. ибо означает переход к мужу в дом и, следовательно, на его содержание. Лингвистическим пережитком старой формы брака служит то, что в старом языке, поскольку о нем свидетельствуют тексты, все термины совместной брачной жизни выражаются посредством производных форм от javind. Возвратный глагол v'avind значит — жить в браке с кем, совместное вступление в брак двух лиц, или, например, ytk menax vavin kuil itynd, т. е. «отец нам велел вступить в брак», буквально — «отец нам велел друг друга содержать». Далее, действительный глагол ajvund употребляется в смысле быть женатым, иметь жену, например, menin' tuvn an'g:ej n'enyn' ajvutà — «два брата жили в браке с одной женой», буквально — «одну жену содержали», и т. д.

В современном быту гиляков также сохранилось не мало пережитков прежнего матернитета. Об этом красноречиво свидетельствует современная формула обычного брачного права, о котором мы говорили раньше, а именно — ymg:l arinx jag:n'ldra — «зятя кормить должно», хотя, по общему правилу, зять уводит жену к себе и живет отдельно от тестя.

Очевидно, такая формула могла сложиться лишь при таком строе, когда либо зять совсем переходил в дом жены, либо, как у современных айну, он регулярно приходил к ней жить на известное время, и, само собой разумеется, семья жены обязана была кормить зятя на тех же основаниях, на каких в настоящее время семья мужа обязана кормить его жену.

Эта формула сохранила свое жизненное значение и теперь. Зятю полагается регулярно посылать подарки съестными припасами и долей от всякой добычи. Далее, молодые люди из категории ymg:l в течение нескольких месяцев в году являются неизменными гостями в селении своих тестей и непременными участниками в важнейших охотничьих предприятиях.

Особенно это отношение ярко сказывается во время дальних морских экскурсий для охоты на морских животных. Хозяин лодки — он же глава предприятия — специально в таких случаях созывает своих ymg:l для участия в охоте.[1]

Все это время ymg:l не только кормятся даром, но увозят с собой при отъезде равную долю в добыче и сверх того разные подарки. К этим молодым людям отношение часто гораздо нежнее, чем к собственным детям. И это вполне понятно: ведь ymga человека — это сыновья сестер или дочерей человека, его племянники, которые при материнском строе должны жить вместе с ним, а его собственные сыновья и внуки уйдут в селение своих жен и будут от него совершенно отчуждены.

---

[1] Аналогичное явление находим у индейцев haida, племени чисто матернитетного. Здесь, как сообщает Swanton (Haida, стр. 69) человек, предпринимая военный поход, созывает своих племянников, которые являются потенциальными или действительными зятьями его.

Эта обязанность «кормления» племянников по женской линии, впрочем, обычный институт при матернитете. У некоторых народов, как, например, у полинезийцев, право племянников на имущество дяди по матери приняло совершенно невероятные формы, когда племяннику предоставляется право безнаказанно грабить владения своих дядей. В виде пережитков это право сохранилось даже у народов, ныне перешедших к патернитету: например, у народов Кавказа, где племянник имеет право украсть у дяди лошадь, если он отказывается ее подарить. У алтайцев до сих пор сохранилась поговорка, что «племянник хуже семи волков».

Далее весьма характерна роль брата при выдаче замуж сестер. Во многих случаях не отец, а брат играет главную роль в этом деле, от него зависит и согласие на брак, и ему передается калым.

Сохранилось не мало других крайне показательных следов в языке и обычаях, которые могут считаться пережитками матернитета. Так, если гиляк хочет сказать, что он женат, что у него дома есть жена, он говорит: n'l-umgarvo lvrä, буквально: «у меня женина деревня имеется» (n'l — я, umgar — женина, vo — деревня, lvra — есть), выражение, которое совершенно соответствует нынешнему быту айну, у которых доныне сохранился матернитет, и часто муж и жена живут в различных селениях, при чем первый является к ней жить на несколько месяцев, возвращаясь назад потом в свое селение, так что у человека, кроме своего родного селения, есть еще селение, где живет его жена.

Другой пример: термином для обозначения происхождения человека служит выражение pandlos', буквально: «рождения корень». Этим термином обозначается не род человека, как это естественно ожидать при современном агнатном строе, и не селение, в котором он родился, а то место, откуда родом его мать. Интересно при этом случае отметить то благоговение, с которым гиляк относится к родине не только своей матери, но и ее предков-женщин. Как бы отдаленно такое селение ни было, каждый старается найти случай навестить его, и не раз мои спутникигиляки, во время моих путешествий, поражали меня той нежностью и благоговением, с каким они приближались к селению, где, по их словам, проживала когда-то какая-либо их прародительница.

В некоторых местах до сих пор, на вопрос о происхождении, гиляки указывают на места, откуда их матери и жены. Так, в с. Ныйво, на восточном берегу Сахалина, и устье р. Тыми, на вопрос о происхождении жителей этого селения, они отвечали — «мы ныурские», т.-е. происходящие из с. Ныур, что на самой северной оконечности Сахалина, и когда я спросил объяснения этого странного ответа, мне пояснили: «потому что мы берем из Ныура жен».

Таким образом, эти люди считали свое происхождение по месту родины своих матерей, ибо, как мы видели выше, жены у гиляков берутся преимущественно из рода матерей. Приведу еще один интересный пережиток.

Обыкновенно в настоящее время детям дают имена по сородичам отца. Таково общее правило, но есть еще места (напр., сел. Наниво, на западном берегу), где имена даются по братьям и сородичам матери: дети, таким образом, вступают, как будто, в род матери.

Все это пережитки, которые совершенно не вяжутся с агнатной организацией современного гиляцкого рода, но это пережитки, интимно связанные с нынешней психологией гиляков. Для самих гиляков это не пережитки: это объясняется, главным образом, нормами брака, согласно которым супруги являются кузенами, детьми брата и сестры, и члены каждого рода предпочтительно берут жен из одного и того же рода, так что психологии патернитета и матернитета перекрещиваются между собой, и между женской и мужской линией принципиально нет такой пропасти, как в тех агнатных организациях, где гиляцкие нормы брака не действуют.

До известной степени можно допустить влияние на матримониальную психологию гиляков со стороны айну, которые, судя по преданиям, в лице отдельных иммигрантов беспрерывно инфильтровались в массу гиляцкого населения и оказали на него свое влияние во многих отношениях, как это мы увидим особенно ясно при рассмотрении религиозных институтов. Но в области брака влияние вообще было весьма ограниченное: ни в терминах родства, ни в нормах брака сходства между обеими системами найти невозможно.

XIV.

ФОРМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА.

Нам уже пришлось в своем месте привести, как яркую иллюстрацию прежней обязательности брака на женщине из рода матери из категории a'ng:ej, тот эпизод из гиляцкой поэмы, когда гиляк, умирающий от раны, нанесенной ему человеком, имеющим право на его дочь, зовет своего убийцу и говорит окружающим: «хотя этот человек меня убил, дочь мою ему отдайте, ни за что мое слово не потеряйте». Так же ярко рисует нам эпос и старые формы заключения брака, совершенно соответствующие нормам обязательного брака.

Раз брак обязателен, не может быть речи о сложных процедурах при заключении брака, как сватание, переговоры об имущественных обязательствах, тем более не может быть речи о плате за невесту. Не может быть речи и о религиозных обрядах, связанных с переходом в чужой род. Невеста и жених одной общей крови по отцовской и по материнской линии. Поэтому во всех произведениях эпоса мы находим одну и ту же картину заключения брака без всяких формальностей. Стоит только человеку, явившемуся даже издалека, хотя бы только понаслышке считающемуся кандидатом в зятья, заявить о цели своего прихода, и он сейчас получает согласие родителей, и вслед за тем и все права супруга, и на другой же день может увести к себе жену. Мало того, от него не только не требуют никакой компенсации, но обычно тесть снабжает уезжающих щедрыми дарами. Правда, для проформы спрашивают согласия дочери, но обычно девушки повинуются воле родителей и требованию закона. Единственный обряд, который неизменно практикуется, это своего рода римская confarreatio, только в самой примитивной форме: жених и невеста должны вместе поесть и покурить. Вот образчик процедуры заключения брака из одной записанной мною поэмы. Старуха, мать двух дочерей, спрашивает пришедшего молодого человека: «Сын, зачем пришел? жену ли искать пришел? Твои жены вон в той свайной юрте, твои жены находятся, ступай!» Наш гиляк туда поднялся, вошел, молодых женщин две там находилось. Между ними сел, в своем кисете зачерпнув, закурил, младшей сестре дал, она взяла, курила; снова старшей сестре дал, та взяла, курила. Старшая сестра сказала: «Закуску приготовив, нас накормите...» Втроем все вместе ели. Поевши, кончили, спали, на другой день рано встали, поели, наш гиляк сказал: «Сегодня ли пойдем?» Та женщина сказала: «Ну, сегодня переднева́в, завтра пойдем!» Передневав, на другой день в лодке обратно поехали.[1]

В другой поэме, в ответ на требования жениха, тесть ставит только одно условие: «Ты только завтра обратно пойдешь!» Затем приказывает рабам закуску приготовить и, обращаясь к дочери, говорит: «Со своим мужем вместе кушайте!» Вот эта женщина вместе с нашим гиляком кушала. Поевши, вышли, помочились, вошли, постель постлали, под одним одеялом улеглись, уснули. На другой день тот старик сказал: «на пяти больших лодках до верху нагруженных одними только драгоценностями, отправитесь».[2]

Другой пример. Герой поэмы в многолюдную деревню пришел, когда он в среднюю юрту вошел, молодая женщина одна там находилась. Эта женщина сказала: «О, гость, откуда ты пришел?» Наш гиляк сказал: «Я тебя взять пришел!» Эта женщина сказала: «Если меня взять хочешь, к моему отцу ступай, переговори!» Наш гиляк вот вышел, в юрту одну пришел; старик один, старуха одна там была. Эта старуха сказала: «Ты откуда пришедший человек?» Наш гиляк сказал: «Твою дочь взять пришел!» Тот старик поднялся: «Ну, мось приготовив, моего зятя накормите!» Наш гиляк вот вышел, к своей жене пошел: «Твой отец сказал, чтобы мы оба, вечером в гости пришедши, мось кушали». Его жена: «Ладно!» В этот вечер в гости пошли, мось покушав, пошли; выспавшись, встали, ели, потом обратно пошли (т.-е. с мужем в его деревню ушли).

Ортодоксальные формы в настоящее время

И теперь, как мы видим, в каждом гиляке крепко сидит сознание, что только ортодоксальный брак, т.-е. брак из рода axmalk'ов, из рода матери, является правомерным, «чистым». Даже на Амуре, где старые нормы особенно подверглись изменению, на вопрос о нормах вступления в брак прежде всего вам скажут: «у тестей — корня своего рождения (т.-е. происхождения от общей матери) — необходимо жену брать». Излюбленной и наиболее частой формой такого ортодоксального брака являются браки между сыном брата и дочерью сестры. Такие браки заключаются в детстве. Переговоры ведутся вскоре после рождения детей между их матерями, но после соглашения устраивается публичная церемония, в которой, кроме отцов, участвуют деды брачущихся детей. Отец жениха приводит собаку-самца, а мать прядет две нитки из шерсти этой собаки и крапивы; одной она повязывает ручку девочки, а другой отец жениха повязывает ручку сына.[1] Все это совершается в присутствии старейших членов рода, и брак считается ненарушимым.

---

[1] Штернберг. Материалы, стр. 118—119.

[2] Штернберг. Материалы, стр. 84.

[3] Штернберг. Материалы, стр. 57, 58.

Идея ортодоксального брака до сих пор сознается не только как желательная, но как правообязанность. Когда сватают на Сахалине из рода **axmalk**'ов (хотя бы этот род только недавно стал в такое положение в силу того, что какой-нибудь сородич взял жену из этого рода), обычно начинают переговоры такими словами: «Ты мой **axmalk**, пусть мои дети и твои дети тоже **axmalk**'ами будут. Если ты не дашь своей дочери моему сыну, старый закон совершенно сломаешь, плохо будет. Давай все по закону («чистыми жить»)».

После такого напоминания редко кто отказывается от своей обязанности, хотя эта обязанность сопряжена с имущественной потерей, ибо в таких случаях калыма не дают, или дают очень маленький, если **axmalk** не старинный.

Неортодоксальные формы заключения брака.

Самые различные обстоятельства привели к нарушению ортодоксальных браков в родах **axmalk**'ов. Одна из причин — вымирание родов, из которых брали жен, что заставляло вступать в браки с женщинами чуждых родов. Другая причина, быть может, самая главная, экономическая, вызванная столкновением с культурными народами Дальнего Востока, — столкновением, которое дало толчок к развитию промыслов для торгового обмена. Предметы, не имевшие раньше никакой ценности, как шкурки соболей, лисиц, стали предметами, за которые можно было получить не только предметы роскоши, как дорогие материи, ценное оружие, украшения, но и предметы питания и вкусовые, как рис, крупу и, наконец, алкоголь и табак. Еще и теперь свежо в памяти гиляков то время, когда соболи и лисицы ходили во множестве и безбоязненно вокруг гиляцких жилищ, и никто их не убивал, предпочитая одеваться в собачьи меха. И вдруг за этих зверьков стало возможно получать самые желанные предметы. Огромная перемена неизбежно произошла в психике гиляка и в отношении людей между собой. Если раньше мечта человека не шла дальше того, как добиться репутации хорошего человека urdla n'ivux, т.-е. выдающегося охотника, делившегося своей добычей со своими соплеменниками, то теперь urdla n'ivux стало синонимом «богатого человека», мечтой которого было накопить предметы роскоши. На сцену явилось корыстолюбие, чванство, жажда превзойти других своим богатством, хотя бы оно сводилось к обладанию несколькими кусками шелковой материи, японскими саблями и т. п. На сцену явилась тенденция к диференциации. Богатый пожелал знаться и родниться только с богатыми. В вопросе о выборе жены явились новые требования. От жены требовалось, чтобы она были из семьи, равной по богатству и, следовательно, по знатности. И теперь и даже в старинных «tylgund» сказаниях уже в матримониальных делах слышатся выражения: «неровня он (или она) мне». С другой стороны, богатство давало возможность в выборе жены проявлять особенную разборчивость, гнаться за женщинами, которые славятся особенными качествами, выдающейся красотой, хозяйственными талантами, искусством в шитье и других женских работах. Но раз брак стал практиковаться между представителями чуждых родов, исчезла прежняя простота заключения брака. На сцену явился новый институт калыма, который внес в институт брака элемент купли-продажи; кроме того, брак между лицами чуждых родов требовал предварительных переговоров, процедуры сватания. К этим институтам мы и перейдем.

---

[1] Любопытно, что у haida церемония заключения брака малолетних, которая у них выражается дарением вместо собаки одеяла, носит техническое название: „накладывание перевязки" (англ. "putting the string on"). Повидимому, раньше эта церемония, как у гиляков, производилась посредством обвязывания веревкой или ниткой, как это до сих пор в таких случаях практикуется у тамилов в Индии.

Термины сватания

Процесс сватания выражается различными терминами, означающими буквально: «согласиться, договориться о невесте»; отсюда сват «договаривающийся человек»; невеста «будущая жена»; жених «будущий муж». Для нас особенно интересны термины для жениха и невесты. При ортодоксальном браке особого термина для жениха и невесты нет, ибо уже по праву рождения жених именуется pu муж, и невеста — an'g:ej. Совершенно недопустим при ортодоксальном браке применяемый теперь для невесты термин jox, потому что, как мы видели, jox при ортодоксальном браке термин запретный для полового общения. Таким образом, уже термины показывают, что процедура сватания возникла после смягчения режима ортодоксального брака. Для соглашения об ортодоксальном браке с малолетней есть даже особый термин ɩxagund (восточный диалект ɩygnyʒ.

Действующие лица при сватании.

Со стороны жениха представителями бывают: 1) отец и мать; 2) брат отца; 3) старший брат жениха; 4) муж сестры отца. Роль последнего объясняется, повидимому, из норм ортодоксального брака. Согласно последнему, муж сестры отца - это отец мужа сестры жениха. Так как по нормам гиляцкого брака его дочь выходить замуж за брата невестки не может, то муж сестры отца считает своей обязанностью содействовать браку своего ближайшего axmalk'a, брату своей невестки. Если отца нет в живых, его заменяет один из urdla n'ivux (почетных лиц) из его сородичей. Кроме этих лиц, участвуют часто и несколько почетных лиц-сородичей, так как брак считается делом рода. Когда сватают у очень богатого, почетные сородичи приезжают на нескольких лодках, везя с собой сразу и предметы калыма, и часто, если такое представительство плюс богатый калым производит соответствующее впечатление, то сейчас же по окончании переговоров девушку уводят.

При сватании присутствует и сам жених. Если жених совсем одинокий или, если, наоборот, он достаточно богат и знатен, то он может сватать и сам. В одной песне девушка поет своему возлюбленому: «Мою руку держа, меня сватай».

Без сватов обходится, если дело идет об уже женатом человеке, который хочет сосватать еще одну жену. Тогда он едет сам, обычно в род своей первой жены, но часто последняя сама едет в свой собственный род или чужой (если в ее собственном нет подходящих кандидаток) для выбора и сватания новой подруги своему мужу.

Со стороны невесты обычно представительствуют отец и мать, но при окончательном решении требуется присутствие представителей рода. Последние, как со стороны невесты, так и со стороны жениха, хотя и вмешиваются в переговоры, но участие их скорее пассивное. В решении вопроса играет роль, кроме согласия отца и матери, воля братьев. Часто воля последних бывает решающей. Тут сказывается пережиток матернитета. В эпосе роль братьев особенно рельефно выступает. В одной записанной мною сказке, отец, когда сын сообщает ему о намерении своем выдать сестру замуж, отвечает: «Ты, только со своими младшими братьями посоветовавшись, подумай!» Замечательно также, что роль матери, несмотря на то, что женщины вообще в общест венных делах не принимают участия, в делах матримониальных не меньшая, чем роль отца. Впрочем это соблюдается только на Сахалине, на Амуре же с желанием невесты обычно не считаются, хотя переговоры ведутся в присутствии девушки, которая молча сидит на своем обычном месте среди сундуков со своим приданым и ждет решения своей участи. Ее роль начинается обыкновенно, когда дело уже решено, и ей остается только подчиниться. И если у нее нет возлюбленного, которому она обещала, а жених более или менее приемлем по наружности, она обычно отделывается лаконическим: «Раз вы только этого желаете, мне ли перечить!» Но случается, что девушка при появлении сватов с женихом сразу убегает и не возвращается до отъезда сватов, тогда часто дело кончается ничем.[1] Впрочем невеста выступает на сцену в последний момент, когда жених приезжает, чтобы забрать ее к себе. Неглижирование воли дочери отнюдь, я думаю, не результат новейшей стадии брака, сопровождаемого калымом, когда у родителей являются корыстолюбивые мотивы в выборе жениха; это скорее пережиток брака ортодоксального, когда уже с детства девушка предназначалась обязательно одному определенному лицу или ограниченной группе лиц, и о полной свободе выбора речи быть не могло, тем более, что браки фактически заключались вскоре после рождения.

Процедура сватания.

В процедуре сватания у гиляков находим черты, которые с замечательным однообразием повторяются у самых различных народов. Процедура сватания является подлинной дипломатической войной, обставленной целым рядом военных хитростей. В серьезных случаях, когда дело идет об очень богатой и знатной невесте, сваты стараются застать другую сторону врасплох и сначала скрывают цель приезда. Являясь в дом, говорят, что они здесь проездом. Как бы невзначай добывают из дорожных припасов водку. Ничего не подозревающие хозяева охотно угощаются, и когда они приходят в хорошее настроение, сваты начинают вспоминать, что они старые друзья с хозяином, что он никогда не отказывал в их просьбах и надеются, что и впредь не будут встречать отказа. Хозяин, ничего не подозревая, охотно обещает помочь всем, что в его распоряжении. И вот тут его ловят на слове и приступают к делу.

---

[1] Интересно отметить, что у негда, обычаи которых, вследствие старинных матримониальных связей, обычно сходны с гиляцкими, мною отмечены существенные отличия. Невеста при сватании отсутствует, мать имеет безусловное право veto, а сородичи роли не играют.

Отказываться уже невозможно, ибо слово дано. Чтобы хозяин не мог отрекаться, сваты заблаговременно принимают меры, предупредительно пригласив свидетелей. Впрочем, свидетели и без приглашения всегда находятся, ибо приезд односельчан сейчас же становится известным, и юрта наполняется посторонними. Отказ от своего слова — дело серьезное, за это требуют к суду, который кончается большим штрафом.

Но если сваты не желают или не могут скрывать цели приезда, этикет все же не позволяет сразу приступить к делу.

Сначала говорят о самых посторонних вещах, не подавая и виду о цели приезда. Среди разговора устраивается выпивка. Достаточно наговорившись о «новостях, событиях», исподволь приступают к делу, но обязательно обиняками, намеками, желая выведать, насколько благоприятны шансы. Если отец невесты наперед не согласен, он сразу обрывает сватов категорическим отказом. Но это случается редко, ибо никто не едет сватать, не имея шансов на согласие. Обычно едут, как выражаются гиляки, «ровные к ровным», ибо все гиляки, как бы далеко друг от друга ни жили, друг о друге знают все до мельчайших подробностей, даже сколько кто соболей убил в последний сезон. Дело идет только о том, чтобы не соглашаться скоро, чтобы выторговать как можно больше. Этикет требует, чтобы отец невесты долгое время делал вид, что он и не догадывается, чего хотят сваты, и когда уже дальше притворяться оказывается невозможным, он должен придумывать всевозможные отговорки и препятствия. Обычно прибегают к уничижительным отзывам о своей дочери, утверждая, что она безобразной наружности, ничего не понимает в хозяйстве, что она сварлива и т. п. Но гости достаточно подготовлены к подобным уверткам и имеют наперед приготовленные ответы. «Мы, мол, говорят они, не гонимся за красотой, а что касается нехозяйственности, то она, ведь, еще молода, научится, да у нас достаточно женщин-искусниц и без нее, да и сварливость не беда, с годами научится с людьми жить». Или же коротко отрезывают: «Это тебя не касается. На то наша воля. Если худая, мы ее учить будем!» Этого безусловного одобрения невесты только и нужно хозяину, за это он потом сумеет поставить самые выгодные условия, на которые сваты вынуждены будут согласиться.[1]

---

[1] Так именно и объясняют гиляки мотивы уничижительных отзывов отца о своей дочери. Думаю поэтому, что Иохельсон неправ, объясняя этот обычай у коряков тем, что этим предупреждаются возможные в будущем претензии (The Koryaks, 739).

Но бывает, что отец и виду не подает, что его радует такое отношение сватов к недостаткам его дочери. Когда все возражения исчерпаны, он неожиданно выпалит то словечко, которое обычно пускает в ход гиляк, когда он желает отделаться от неприятного разговора: «Ничего не знаю», цедит он сквозь зажатую меж зубов трубку... И после некоторой паузы сердито заявляет: «Спросите жену, как она хочет, меня это не касается». Тогда начинают угощать мать невесты, которая после долгих отговорок, в свою очередь, заканчивает лаконической фразой: «Чего вы меня спрашиваете? пусть мужчины решают!» В конце-концов переговоры переходят на деловую почву о калыме и приданом. При этом обычаи различны на Сахалине и на Амуре. На Амуре, где народ более меркантилен, сторона невесты беззастенчиво перечисляет до мельчайших деталей предметы калыма.

На Сахалине ведут себя более стыдливо: сначала называют только 2—3 предмета, наиболее ценных из ожидаемого калыма, а потом лишь договариваются о второстепенных ценностях. Но процедура переговоров и тут и там ведется в повышенной атмосфере.

На этой стадии тягучесть переговоров достигает своего апогея, и «тайорай» начинает играть совершенно исключительную роль. Мне пришлось присутствовать, когда в с. Пильво на Сахалине один из моих знакомых гиляков, некто Исайка, сватал для своего мальчика у старухи-вдовы девушку лет 15. У старушки в селении не было родных, ни своих, ни со стороны покойного мужа. Собирались поэтому по ее просьбе все почетные лица селения. Со стороны жениха, кроме отца, выступал его сородич, Софронка. Сначала казалось, что дело кончится скоро, потому что старуха очень нуждалась и сама навязывалась со своим предложением. Но когда дело дошло до вопроса о калыме, то Софронка с ней бился целый день. Напрасно он употреблял все свое красноречие и просил присутствующих помочь ему убедить старуху в приемлемости условий. Она неизменно твердила одно: „tajoraj!" Наконец, после целого дня мучительных переговоров, когда старуха нашла, что она достаточно выдержала характер и целиком выполнила, что полагается по этикету, она выставила условие, на которое другая сторона с самого начала была согласна, именно, чтобы калым был уплачен сразу целиком.

Для характеристики церемонии переговоров приведу записанный мною вступительный диалог свата с отцом невесты на

Амуре. Сват, отец жениха, по имени Певн, сватает дочь Лаккана. Оба зажиточные люди, старые знакомые.

После обычного обмена новостями, после угощения водкой, Певн говорит (перевожу буквально): «Оба мы с тобой, ведь, с давних пор, как старший брат с младшим (как братья) все равно были, большими приятелями, ведь, были. Теперь я по нужде пришел, к вам пришлось прибегнуть. Дело есть, большое дело, когда нужда приключилась, ты мне на помощь приди».

Лаккан: Что есть у меня (тем) тебе помочь готов, хотя ничего нет у меня.

Певн: Если имеешь что, разве меня не пожалеешь, не пожелаешь помочь?

Лаккан: До сих пор я ни в чем тебе не отказывал, не правда ли?

Певн: Конечно.

Лаккан: Ведь, если ты будешь иметь, то меня пожалеешь. Раз у тебя будет, то и я буду иметь, не так ли?

Певн: Если ты так сказал, меня это радует. Так, по правде, ты что имеешь, готов мне дать?

Лаккан: Что имею, если просить будешь, я готов тебе дать.

После этого снова сват угощает и, наконец, неожиданно заявляет: «Ты обещал, что имеешь, мне дать. Теперь у тебя есть дочь, у меня сын. Axmalk'ами сделаемся».

На это Лаккан отвечает: «Я уже слово другим дал».

Певн: Что же, что другому дал, но ты мне при свидетелях тоже слово дал. Судиться с тобой буду.

После подобных предварительных переговоров переходят к деловым переговорам о калыме.

Калым и приданое.

В гиляцком институте калыма, платы за невесту, крайне характерен тот термин, которым гиляки именуют этот институт. Термин этот, думается мне, бросает свет на самое происхождение института.

На гиляцком языке калым выражается словом az', az'r от jas'ing (?) — дарить, так что буквально az', az'r значит подарок, дар, который семья или род жениха дает семье или роду невесты. Что этот термин образовался не случайно, видно из следующего. В других обрядовых случаях, когда возмещение ценностями является обязательным, например, при вире — выкупе за похищенную женщину, за убитого, — употребляется термин jus'kind, что значит платить. Любопытно, что самое слово

не

jus'kind — „платить" происходит от слова us'kind, которое в среднем залоге синоним uxskind бороться, воевать (jus'kind только действительный залог того же глагола). Иначе говоря — us'kind первоначально был институтом мести, впоследствии сменившимся вирой — примирением за выкуп. Эту эволюцию и теперь еще можно проследить в эпосе. В одной записанной мною поэме, в которой герой поехал мстить за убитого отца, по его возвращении спрашивают: Pytk us'kind joylo? „Ты за отца us'kind исполнил (буквально us'kind — „исполнил") „отомстил?" Ответ: „sik xuxra!" — „Всех перебил". Здесь термин us'kind употреблен в смысле акта кровавой мести. Но в другой поэме тот же термин употребляется в смысле виры. Yvn naix us'kim — „За их (убитого товарища) выкуп, виру заплатили".

Уже из этого видно, что калым по первоначальному своему смыслу вовсе не был платой за невесту, а даром, хотя и обязательным. Но это становится очевидным из того, что дар этот отнюдь не односторонний. Для отца невесты, помимо приданого, столь же обязателен послесвадебный дар жениху, при чем эти дары платьем, разными ценностями продолжаются в течение нескольких лет, и они сплошь и рядом не меньше калыма.[1] Считается позором не отдаривать равноценным жениха. Гиляк, нарушивший этот обычай, становится общим посмешищем. Наряду с дарами жениху, на обязанности отца снабдить дочь приданым, равноценным калыму, а приданое в сущности столько же дар дочери, как и ее мужу, который освобождается от больших расходов по тратам на жену.

Таким образом ясно, что по крайней мере у гиляков (есть много оснований думать, что и у других народов)[2] калым отнюдь не является заменой брака путем похищения, как это до сих пор многими утверждается, а еще очень недавно считалось аксиомой. В правосознании гиляков брак, сопровождаемый калымом, не является и актом купли и продажи; об этом свидетельствует и то, что покупать жен друг у друга абсолютно не допускается.

---

[1] Вот для иллюстрации института калыма, как института взаимного дарения, один из многих записанных мною примеров. Старота в с. Помр, человек небогатый, дал в качестве калыма за свою дочь 2 китайских котла, один японский и 5 собак. Обратно тесть зятю послал 2 китайских халата, и в течение двух-трех лет регулярно посылал ему рис, табак, чай и уделял ему из всего им приобретаемого из предметов потребления. Кроме того, дал большое приданое одеждой, мехами и украшениями.

[2] Между прочим у тюркских народов и у индейцев-шошонов, у которых брак действительно носит характер купли-продажи, отдаривать жениха столь же обязательно, как и у гиляков.

Остается ответить на вопрос, почему калым не практикуется при ортодоксальном браке. Дело в том, что в последнем случае браки заключаются между людьми, связанными общей кровью как со стороны отца, так и со стороны матери, брак санкционирован и с социальной, и с религиозной стороны. Но когда браки заключаются между чуждыми родами, обмен подарками играет роль и магическую (взаимная гарантия безопасности от дурных магических влияний) и социальную, как символ дружбы, аналогично обмену дарами при заключении побратимства. Что такому символизму новых отношений гиляки придают социально-религиозное значение, мы увидим из обрядов, соблюдаемых при вступлении невесты в дом жениха.

Возможно также, что в концепцию калыма внесен был элемент не только магический, но и чисто религиозный. Выдача замуж в не ортодоксально предписанный род являлась табу, а всякое нарушение табу, по логике примитивного человека, должно чем-нибудь искупить — если не кровью, то ценностями. Калым с этой точки зрения является данью умиротворения духов предков, оскорбленных нарушением родового табу. Этим только можно объяснить, почему гиляки так же сильно реагируют на неуплату калыма за женщину, как на убийство сородича. Обязанность добиться удовлетворения в этом случае, как и при убийстве, тяготеет до третьего поколения на всем роде.

Ради достижения этого люди готовы итти на такой же риск и лишения, как и для выполнения акта кровной мести. Геройские подвиги таких лиц, предпринимающих далекие и рискованные походы в самые отдаленные места, один из наиболее обычных сюжетов эпических произведений.

Объекты калыма и условия уплаты.

Объектом калыма обычно служит особый вид ценностей, предметы sui generis, так называемые шаgynd (В. Д.), шуgynd (З. Д.). Это ценности, преимущественно добываемые от китайцев и японцев путем торговли. К таким предметам принадлежат: китайские шелковые одежды и куски материи, китайские шубы, некоторые нефритовые изделия, маньчжурские копья, инкрустированные серебром, японские сабли, а также большие чугунные котлы. Кроме того, к объектам этого рода принадлежат шубы, лисьи и собольи, и женские ценные украшения. В старину, повидимому, и топоры, сначала каменные, а впоследствии железные, тоже служили предметом шagynd.[1]

Это предметы неотчуждаемые, extra commercium. Только в исключительных случаях крайней бедности или отсутствия сородичей допускается отчуждение предметов категории шagynd, и то только части их. Так, одна бедная вдова в с. Пилаво, продавшая единственную дочь свою, на мой вопрос, что она сделает с шagynd, ответила: «часть я продам, а остальное пойдет со мной в Mlyvo — в загробный мир». Они хранятся только для исключительных случаев при жизни владельца — для уплаты виры за убийство, когда нужно женить сыновей и платить калым или давать приданое дочерям, а после смерти владельца — для сопровождения его в загробный мир. Только такие объекты фигурируют в калыме богатых людей. Но у людей менее состоятельных калымом служат ценные объекты потребления — лодки, ружья, собаки и т. п.

Богатые люди, гонясь за большим калымом, руководствуются, главным образом, честолюбием, ибо получение богатого калыма лучшее свидетельство его собственного богатства. Для бедного человека часто калым единственный шанс завести самостоятельное хозяйство. Но тут и другая сторона медали — бедному человеку почти невозможно обзавестись семьей и, следовательно, самостоятельным хозяйством. Выручают его до известной степени права группового брака и возможность вести общее хозяйство с братьями. Все же мечта каждого — обзавестись собственной семьей. Обычно выручает бедного человека род в лице состоятельных сородичей. Но не в каждом роде имеются богатые люди, да кроме того есть лица, у которых род вымер. Единственный исход тогда — приобрести жену работой. Обыкновенно на такую сделку идет семья, в которой нет потомства мужского пола, и зять как бы объявляется приемным сыном, хотя настоящим наследником он, как чужеродный, быть не может. Практикуются способы, облегчающие уплату калыма: покупают жену с ежегодным погашением маленькими частями до ее совершеннолетия. Но и при покупке взрослой тоже иногда практикуется рассрочка платежа, смотря по условию. Любопытный способ уплаты калыма представляет случай уплаты калымом будущей дочери. Мне известен такой случай. Гиляк Канка женился на сестре малолетнего Плетунки. Калыма не уплатил, зато обещал кормить его мать-вдову и отдать ему калым своей будущей дочери. И договор был выполнен. Плетунке было лет двадцать, когда Канка выдал замуж свою дочь и весь калым отдал Плетунке.

---

[1] Об этом свидетельствует следующая прекрасная легенда. В средней части Сахалина есть гора Kryus' pal; рядом с ней другая гора поменьше, „жена" последнего, от него убежавшая и спрятавшая свой шagynd. Три прибрежные утеса представляют отдельные предметы шagynd. Один носит название Wa-ul-a'il, означающее „место, где зарыта японская сабля", другой Wyn-ul-al — „место, где зарыт котел" и третий Kys'oxll — обух топора.

Принципиально калым принадлежит роду. В трудную минуту жизни, например, если понадобится платить виру, каждому сородичу придется участвовать своим шagynd. Но обыкновенно калым распределяется между братьями, хотя и непропорционально: обыкновенно самый младший, как наследник дома, получает меньшую долю. Кроме того, обычно младшему брату покупает жену старший брат до своей собственной женитьбы, так что младший брат не нуждается в шagynd для калыма. Наряду с посемейным разделом калыма сохранились обычаи совершенно исключительного характера, ярко свидетельствующие о старой ортодоксальной форме брака. Именно, часть калыма дается «старому axmalk'у», т.-е. тому axmalk'у, с которым данная семья заключила ортодоксальные матримониальные союзы. Так, например, если в течение нескольких поколений семья *A* брала жен из семьи *B*, т.-е. сыновья сестер в каждом поколении женились на дочерях своих братьев, то всякий раз, когда семья выдает замуж кого-нибудь из своих женщин, которые, как мы видим, запретны для мужчин семьи *B* в силу односторонности кузенного брака, и получает калым, то часть его она отдает старшему в семье *B*, обычно брату матери женщины, выданной замуж, реже отцу последнего, если он жив. Любопытно, что этот дар старому axmalk'у подносит, как часть калыма, семья жениха. Этот обычай практикуется еще в более резкой форме. Брату матери отдают свою малолетнюю сестру, или брату жены отдают свою дочь для того, чтобы эти лица получили впоследствии за них калым, но участия в доле последнего нельзя требовать. «Лучше самому предложить свою дочь или сестру старому axmalk'у», обычно добавляют гиляки, говоря об этом обычае, «чем ждать просьбы об этом». Мало того, если у матери несколько братьев, а у племянника несколько сестер, то каждому из них полагается дать по одной. Чем объяснить этот странный обычай? Совершенно аналогичный обычай мы имеем у тамилов, где брат матери тоже получает часть калыма при выдаче женщины замуж. Но у тамилов кузенный брак двусторонний, так что, если сестра человека выдает свою дочь замуж не за сына своего брата, она этим нарушает право; у гиляков же кузенный брак односторонний, и для сына брата матери дочь последней запретна. Но почему брату матери такое преимущество? Тут возможно двоякое объяснение: либо это пережиток материнства, когда брат матери играл привилегированную роль, либо современный институт одностороннего кузенного брака у гиляков явился на смену более древнему двустороннему, когда всякая девушка обязательно выходила замуж за сына брата матери, и, таким образом, рассматриваемый обычай — пережиток более древней нормы брака.

Перехожу к другому преимущественному обязательству, сопутствующему институту брака — к приданому.

Для приданого гиляки имеют термин jox nond:, означающий буквально — «приносимое невестой, женщиной». Приданое, главным образом, состоит из различного вида одежд и украшений. Приданое богатой невесты состоит из ассортимента дорогих шуб — лисьих, собольих и из серебряных браслетов, дорогих серег, китайских трубок, также богатой резной и орнаментированной посуды, в том числе ассортимента художественно орнаментированных березовых ложек. Мать обычно отдает дочери свои украшения, а иногда также и постель, но подушек почему-то нельзя отдавать. Приданое начинают готовить с самых ранних лет и продолжают вплоть до выхода девушки замуж. Это называется jox wax — «невесту готовить». Приданое заблаговременно укладывается в заветные сундуки с семейными драгоценностями, между которыми в состоятельной семье обычно восседает невеста. Размер приданого обычно должен быть пропорционален размеру калыма. Говорят о «богатом» и «бедном» приданом, когда кумушки толкуют про ту или другую свадьбу. Кроме вещей, считалось за высшую гордость снабдить дочь рабыней или рабом. В роде одного моего знакомого гиляка Юскина девушке дали в приданое рабыню (ах), которую снабдили японской саблей, служившей ей для чистки подошвы сапог своей госпожи. Особенно честолюбивые богачи отводили для дочери-невесты отдельный дом и приставляли к ней для услужения раба, который потом давался ей в качестве приданого.

Приданое, хотя являлось компенсацией за калым, так как освобождало мужа от больших расходов на жену, все же является исключительно даром невесте, ее личной собственностью, на которую муж никаких прав не имеет. Она может его продавать, либо отдавать дочерям в приданое. После смерти оно переходит к ее дочерям, а если таковых не имеется, она может его завещать, или же оно переходит к ее братьям.

После соглашения о калыме.

Переговоры о калыме сводятся к двум вопросам, вопросу о количестве и вопросу о сроке. Бывает, что калым уплачивается сейчас после переговоров, и тогда брак сразу считается заключенным. Зовут жениха и невесту, велят им вместе поесть и покурить, устраивается маленькое пиршество с выпивкой, а вечером мать невесты велит жениху укладываться на постель своей жены, и после проведенной на брачном ложе ночи новобрачный увозит жену с известной церемонией, о которой скажем после, в свой дом. Но такие случаи редки. Это бывает, когда и жених и невеста принадлежат к семьям малосостоятельным и калым настолько маленький, что его привозят сразу, а приданое невесты сводится к самым необходимым вещам ее туалета, и никаких приготовлений не требуется. Среди богатых семейств немедленный увод невесты бывает только тогда, когда жених живет очень далеко, когда данным браком особенно дорожат, либо по причине знатности родителей невесты, либо вследствие особой славы, которой пользуется невеста («по всей земле славившаяся девушка»), и боязно откладывать из опасения нарушения соглашения, если явится более богатый конкурент. В таких случаях сразу приезжают на нескольких лодках со всем калымом и в сопровождении знатнейших сородичей, и после внесения калыма, пиршества и некоторых коротких церемоний увозит невесту вместе с ее приданым. Но, повторяю, такие случаи редки. Обычно в таких случаях свадьба откладывается. Внесение калыма рассрочивается. Вначале оставляется только один предмет, большею частью котел; остальная часть вносится либо непосредственно перед уводом невесты, либо, если калым очень большой, часть его вносится даже после увода невесты в течение условленного срока.

Откладывается свадьба и из-за приданого. Хотя приданое начинают готовить с детства, тем не менее, в зависимости от внесенного калыма, приходится приготовлять новое. Последний момент переговоров — срок свадьбы. Это считается очень важным, ибо ко дню приезда жениха должно быть готово приданое, а также многочисленные яства не только для свадебного пира, но и те всевозможные яства, которые невеста увозит с собой, как дар семье жениха.

Сговор, заключенный между двумя семьями, считается сговором между двумя родами, и сама невеста считается с этого момента принадлежащей роду. В случае отказа с ее стороны или со стороны родителей, род будет требовать ее вооруженной рукой.

Договор обязателен и для другой стороны, но тут никакой санкции не требуется, ибо, в случае отказа, он лишается внесенной части (обыкновенно половины) калыма. Бывает только, и то редко, что жених просит вместо одной сестры другую. Но это абсолютно не допускается. В таких случаях отвечают:

«Если одна тебе не нравится, то и обе (и та и другая) тебе не нравятся. Когда дело идет о собаках, ты хочешь хорошую и я тебе (хорошую) даю; если одна для тебя худая, то обе будут для тебя худые. Когда тебя угощают, если ты первое блюдо все съел, то тебя вторым угощу».

Иначе говоря, двух дочерей просить можно, но требовать одну вместо другой не допускается.

Когда, наконец, наступает условленный день, жених вместе с родителями приезжает летом на лодках, зимой на нартах, привозя с собой условленную часть калыма и угощение. Этикет запрещает приходить пешком, хотя бы невеста жила в ближайшем соседстве. К этому времени семья невесты предметы калыма развешивает для публичного обозрения сородичей, и устраивается угощение для старших представителей обоих родов. Женщины всячески ухаживают за невестой, утешают ее, дают ей советы, как жить на чужбине, а если она недовольна браком, всячески уговаривают. Во время прощального пиршества жених сидит рядом с невестой и оба едят из одной посуды и курят из одной трубки, но в течение дня обычно не разговаривают. Жених вообще весь день должен вести себя скромно, не разговаривать. Поздно вечером, когда пир окончен, мать невесты велит жениху укладываться на постель невесты, и свадебный акт завершен. На другое утро уже новобрачная приносит новобрачному еду и называет его «мужем». В то же утро отъезд. Перед отъездом последнее угощение, и в это время родители новобрачных обмениваются благопожеланиями-молитвами. Вот образец таких благословений, записанный на Амуре:

«Если бог дает счастие, свой век счастливо доживают. Если счастия нет, дожить свой век худо. Боже, сделай жизнь наших детей счастливой».

После этого отец или сородич жениха произносит следующую молитву: «Боже, сделай, сделай счастливым век наших детей, чтобы мы счастливо жили, совместной нашей жизни счастие дай!»

Произнося свои благословления, брызгают водкой по направлению к небу и во все стороны. Перед самым отправлением устраивается церемония, носящая название «топтание котла». Она состоит в следующем. У порога внутри юрты устанавливается большой с 5 ушками маньчжурский котел (для кормления собак) из калыма жениха, а с наружной стороны маленький котел родителей невесты. При выходе из юрты, поочередно, невеста, а потом жених одну ногу ставят в большой котел и другую в малый, не топча порога. Большой котел забирает отец невесты, а малый забирает жених. Церемония эта устанавливает символически союз взаимного кормления и взаимной дружбы перед лицом двух женских пенатов,— «старухи-хозяйки порога» и «хозяйки поперечины над дверью». Замечательно, что такая же церемония «топтания котла» производится у тунгусского племени «негда», издавна заключающего браки с гиляками, у которых они несомненно ее и заимствовали.

Через год после женитьбы новобрачные обыкновенно уже с ребенком приезжают пожить в семью жены, и когда снова уезжают, устраивается вновь церемония «топтания котла», только на этот раз вместо котлов фигурируют чашки.

Превратности брака.

Как и в нашем обществе, браки не всегда бывают счастливые. Так как согласия женщины на брак не спрашивается, и редко какая девушка решается не повиноваться воле родителей и очень редко родители уступают протестам дочерей, не отступая от своего решения даже перед угрозой самоубийства, то послебрачная жизнь бывает чревата трагедиями. Либо женщина убегает со своим возлюбленным, либо убегает к родителям, особенно часто в случае дурного обращения со стороны мужа. В таких случаях муж часто пытается насильно отобрать беглянку, в противном случае он требует возвращения калыма. Так как никому не охота расставаться с тем, что однажды стало его собственностью, тяжбы из-за возвращения калыма бесконечны. Во время моих странствий среди гиляков, которые принимали меня первое время за власть имущего, в каждом селении мне приходилось выслушивать жалобы о возвращении калыма. Впрочем, предпочитали просить о насильственном возвращении жены, что часто делалось сахалинскими администраторами при благосклонном содействии священников. Дело в том, что лица, увлекшие или похитившие чужую жену, чтобы гарантировать себя от насильственного отобрания ее прежним мужем, являлись к миссионеру с просьбой крестить их и обвенчать. Миссионер охотно исполнял такие просьбы и выдавал им брачное свидетельство, которое давало право ее обладателю в полицейском порядке вернуть ее в случае насильственного отобрания. И это приводило к трагедиям. Один такой случай заслуживает быть увековеченным. У амурского гиляка по имени Тысь из с. Мхыль, 22 лет, другой гиляк Ургайн из Вайды украл жену и поехал с ней к миссионеру Москвитину. Муж нагнал их и стал умолять миссионера не венчать их, но тот исполнил за известную мзду просьбу похитителя. Тогда муж собрал сородичей и силой вернул к себе жену. Похититель представил брачное свидетельство в полицию, которая за мзду предписала женщину вернуть законному обладателю. Кончилось тем, что муж застрелил жену и себя. Без тяжб возвращают калым тогда, когда жена вскоре после женитьбы умирает бездетной, или когда жена убегает от мужа, потому что муж беден и не в состоянии кормить жену, и, наконец, когда умирает жена, сосватанная малолетней.

ОТДЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ АМУРСКИХ ГИЛЯКОВ

(ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК И ДНЕВНИКОВ)

I.

ПЛЕМЕННОЙ И РОДОВОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ НИЗОВЬЕВ АМУРА.

Предание

Давно-давно гиляки, орочи, гольды — один народ были. Они родились на ольхе, на одной ветке. Брат и сестра не знали, куда итти. Сестра сказала: «на землю» и первая сошла.

С. Булава. Дуэ (кути) — 35 человек; еще имеются они в Пату. Тебах. Маго. Когда пришли 3 человека, уже застали 1 дом Ulча xaľa. Mongol — xala Djaxsul пришел сверху из гольдской деревни Чольчи (1896).

С. Майя. 1) Род Ungika. Его род есть еще в Вайры — они хозяева Вайры, но случилось, что брат брата убил, тогда разделились и разделили огонь: «если друг дружку убивать, тогда кто родиться будет?» 2) Род Beldy бывшие гольды, пришедшие сверху три поколения тому назад. 3) Род Polmk. Гиляки с реки близ Михайловского, живут здесь всего 5 лет (1896).

С. Монголь. Род Valsu из деревни Валь Оросутбу — из той деревни, где войны были. Зaij из деревни Джай.

Valsu 4 колена из Уваль-хотин на Сунгари — Solodo. Когда они явились сюда, они застали только род Sigdyli (natni), но эти все вымерли (1896).

С. Койма, в верхнем Амуре. 1) Čoril пришли с Тро· один в Коль, другой сюда, третий еще куда-то. 2) Bajal — род маньчжу или Solodo из Козимы. Bajal будто бы раньше всех жил тут, потом их вызвали в Кизи, а затем они назад пришли, и им дали старосту.

С. Керн. Kern — xal-Dea. Беглые китайцы во время войны приехали на плоту, зацепили плот крючком, свой род сделали, потом огилячились. Затем пришли маньчжу, утвердили название этого рода и назначили старост. Dua-Tvanbling (Pat) Ajumka из Тыми-финг.

С. Пули. Samagil — 2 колена с Горина. Отец осведомителя оленей держал. 2) Tumuli — с Джонгли, возле пермской: гольды.

С. Ухта. Tyvl-fing — жители Тывль — ульчский род (ulчan-xala). Они ушли в Коль и образовали Tyvl-fing, но вернулись обратно через озеро Чля (3 дня ходу) — „шесть тятька, как назад пришли“, т. е. шесть поколений тому назад. 2) Dea — покойников сжигают: родоначальники narni пошли вниз, в Коль, и вернулись гиляками. Dea kern-xal. Джatala — с. Удыли.

С. Мыхыль. Ygna (Лангр) Kugi из Руи (теперь Александровск на Сахалине).

С. Лыйво (третья падь). Dea в Койма, чистые огнут (ульча с Сахалина) «давно-давно» пришли.

С. Ахча. Arxong kugi (айну). Пришли к гольдам и образовали с ними один род (отдали гольду жену умершего брата). Они же живут и в Тэбахе, откуда пришли в Ахча 5 поколений тому назад, а также в Чильми.

С. Тыльми. Xok-xal принят в Kern-xal, по случаю войны (перед приходом русских). Xok-xal убил Kalmfing, жителя Кальмы, из-за женщин. Xok-xal был маленький. Тогда убийца сказал своим сородичам: «вас мало, оставьте меня, пусть убьют». Кальминские пришли, окружили дом. Он вынес чумашку с калужьим маслом. Тогда старик отворил ему окно, тот выскочил, брат убил его сзади копьем, но он успел (перед тем) убить другого стрелой, и опять casus belli. Тогда-то Kern-xal принял Xok-xal: отдал ему свою вдову, ломали огонь и купили медведя.

С. Тварво, у устья Петровского залива. Род Alrong — Kugi (айну), переселившиеся несколько поколений тому назад с юга. Есть еще этот род в Тебах.

Другой род Narlaf 2 поколения тому назад пришел из Ныура (1896).

В Таура, Чильба и Тыр — гольды и негда говорят на своем языке. Если отец гольд, а мать гилячка, то родители говорят с детьми каждый на своем языке, а дети говорят на обоих языках.

В семье гиляка Кандо дети больше говорят по-гольдски, как на языке более легком (1896).

С. Тыр, Тыри. Xal Xok (Hólnч'a) приходил сюда и уходил. Шесть колен здесь живет. Согласно преданию давно-давно его род (Чykчajl на Амгуни) пришел с верховьев Амура. Передняя партия пошла на Амгунь и оставила заструженную палку (чjax-varaз:, гиляцкое, gesams'a, gesxa narni); вторая партия не заметила и пошла на Чхарбах (Турхунг), а третьей не понравилось быстрое течение Амгуни и она поселилась в Гок.

После китайцев в Тыре жили Kojma-fing. Это было в то время, когда «щука жила на земле, а змея в воде; щука кусалась, ей войну объявили неводом, стрелками и пр. Тогда бог рассудил, чтобы щука в воде жила, а змея под камнями». После этого Kojma-fing ушли в Койму.

С. Дэ, 1 км от Тыр. 1) Xal Ajumka. 2) Xal Samaxajl. 3) Xal N'asxajl.

С. Хок (1½ км от Тыр). 1) Kalm-fing — гиляки. 2) Род Udan (Ханьгану — 40 лет) — негда; переселился с Амгуни, а на Амгунь пришел с Удыли.

С. Кальма в 7½ километрах от Тыр. Три китайца: один женат на гилячке; один куги из Косуная, живет здесь уже лет 20, не женат, «денег нет купить жену».

Тут живет один xal, смешанный из Чокчагил и аинского xal'a Дмитрия в Тыре. Чёлэигр (см. ниже) делают, жен берут и от ольчей и от гиляков; есть женщины и с Амгуни. Теперь еще женщин с чokчagil брать нельзя. Двух сестер брать можно. Меняться женщинами между родами нельзя. Здесь тоже могут брать вдов. Дают дочь брату жены для продажи, но требовать этого он не может. — На медвежьем празднике в медведя стреляет кто угодно (1910).

С. Дальджа. — Род негидальский. Первоначально ры-негда жили в Дальджа, в 30 км отсюда. Вымерли все (осталась только одна девочка). Они жили в зимовье. Однажды летом тигр появился перед входом. Они пытались выйти из юрты, но не могли. Наконец вышли, перешагнув через тигра. Потом они во сне видели, что тигр спал с девочкой, днем, когда никого не было. Шесть раз спал, шесть раз «мальчик родился». Потом они поспорили и разошлись в разные стороны. Четыре поколения тут живут. Тырская ветвь адоптировала куги. У гольдов тоже их род есть (1896).

С. Кук, 10½ км от Кальмы. Чilba-xal (гольды) — говорят по-гиляцки, хоронят в земле (1896).

С. Тхнало (в 2 км от Кук). Kern-xal (он же в Тауро, Тыльма, Тахта; 1896).

С. Кабачи (3 км от Тхнало). Kern-xal. Taxta-fing, Чalym-fing (1896).

С. Тахта (4 км от Кабачи). 1) Бывший род Хузут. Одна семья говорит по-гиляцки; покойников хоронят. 2) Род Чoz'm (от чozmuз: — клевать кучей, как птицы) Nag: ramlanз: (nag: — гора и рыбье молоко) сошлись вместе. Чoz'm — бедные люди. Они поспорили с какими-то гиляками, вступили в родовой союз со вторым родом и слились в один род. Чoz'm живут также в Кальме. На Пилаво тоже чoz'm[1]. У Tvaŋ-fing и Чilba-fing — гольдские законы и язык. Kalma-fing. Этот xal имеется еще в Чильми и Хэзь; будто бы из Пилаво. Kern-xal пришли из Тыльми: 2 маньчжу, мужчина и женщина, на пароме плыли и кричали: „sinч arixal munyз:ná? — какой род меня возьмет на берег?“ Их крючками поймали на плоту.

С. Чильма. Чilma-fing из Пилаво, близ северного Сахалина. Один род Чilma-fing из Пилаво северного; 3 брата: 1 пошел на юг (Пилаво), другой сюда, третий к гольдам (1896).

С. Пилаво-хэ́зь (5 км от Чильми). В этом селении исключительно род pilavyng (1910).

С. Хэзь. Исключительно род pilavyng.

С. Тэбах (по-гилядки Тевх). Всего 3 юрты, около 30 человек. Род arxong — айны; пришел из Косуная, на Пронги поставил tax — заструженную палку; сзади человек пришел, палка упала по направлению к Иски. Род arxong больше всего в Тэбахе, далее в Акча, Чильми (1 дом) и в Иски (1910). Ignan вместе с arxong, живущим в Ахчи, составляют один род: в Ахчи — гольдская половина, в Тэбахе — другая половина (1896).

С. Мачала, против Хэзь; 2 юрты негидальцев (1910). В 1896 году тут жили xez'-ping и негидальцы (ry).

С. Пачи (Бачи). 22 семейства, около 100 душ. Девять русских домов и два nigryi. В нем роды: 1) Tva-bing (Тва было селение за Мхыль, возле Пат). 2) Amkan живут в Плах (Пилаво), ниже Мариинска. Они жили на Амгуни, но братья подрались, и несколько братьев ушло в Плах, взяв кусок огня — tuur rоз — „делать огонь“. Там они сделались ornyr, потом давно, еще во время японцев, из Корсаковского перешли в Тэвх и Кальво. Здесь два старых lezing, а также по одному в Каки, Маго. Васин мыс и в Тамлаво. 3) Род pyri-fing (2 юрты), старая деревня против Кальво. Раньше, давно, жили амгунцы. Зеленый бор — Туyз; в Ухте — ольчи (1910).

С. Ныких Хез́бин (одно из Пилаво), на протоке Ный Мачала́. Гиляков тут человек 20, есть еще амгунцы n'asxagil, которые по-гиляцки называются n'as'xon. Двое из Пилаво поселились за последние 10 лет (1910).

---

[1] См. ниже Предание о Пилаво, 1910.

С. Кальга (гиляцкое K:alvo). Родов два: 1) 4 юрты lezing-ran-tva-bing (от lezing + tan — хозяин). Lezing-ran это колено (hyn'izlyx hyz'i') tva-bing. Они ловили много медведей и имели большой lezing. Они поссорились еще в Тва и уехали давным-давно в Тамлво. Теперь они в Ег:ли (Яли) и Маго. 2) Pyrifing; три lezing и три uigryf (1910). Одна женщина ry — umgu — негидалка. 3) Lezgrang с сахалинского Тамлво. 4) Pyrifing ornyr, пришли сверху; самый старший род здесь. 5) Narmlang — сверху близ Хабаровска; гольды (1896).

С. Мокрая (Мохрво). Роды: 1) Narmlang (ornyr:) — pyrifing (ygdymsyl из Кизи, где их много). Здесь их 3 дома, четыре поколения тут живут. 2) Lezgrang — 1 дом, 17 человек. Гиляки все будто бы пришли с Амгуни (hynk) и поселились на Амуре. Один uigryf (1910).

С. Маго. Роды: 1) Mol'-tan (ornyr:); 2) Lezgrang (1 дом) 3) Naromlang; 1 дом, 3 семейства (1910).

Роды: 1) Lezgrang, 2) Pyrifing, 3) Tyvlafing, 4) Hutyvix, с речки Тыми, 5) Narmlang, 6) Pnarnung (1896).

Йоом-баль — гора в 6½ км выше Вайды; раньше тут гиляки жили из сел. Йоом. На левом берегу Амура за Йоом'ом бухточка, а за ней высокий берег с белым обнаженным k:aned'ж dzif (известняк) (1910).

С. Вайр (Вайды); в 1896 году было 3 рода: 1) Keg:n, 2) hirlung (hirlung + шafping), 3) lumr-ping. Теперь ornyr всего 12 человек осталось; гиляков 10 человек; hirlung 17 человек (см. также ниже), шafping — 13; lumr-ping — 7 человек. Keg:n — ольчи из с. Аур; 4 колена в Вайр. Было три брата; старший брат здесь взял жену hirlung; за ним два брата пришли. Keg:n — пришли из южного Пилаво. Тут еще и свежеприкочевавшие ольчи; староста 12 лет тому назад пришел. Keg:n слился их гольдов из Софиевска и айнов с Крыус-пал', их древнего селения (1896). Шafping — это амгунцы из Дальджи; отцы еще говорили по-амгунски много-много поколений тому назад. Hirlung — старинные жители. Их род в Чильби, Кехрво (ороки). Чilbi-fing — ornyr из Кехрво Lumr-ping пришел из Удыль (Hurulong по-гиляцки). Больше этого рода нигде нет (1910).

Сходятся в один род так: женился ольча на вдове keg:n, потом за покойника медведя купил. Если женщины не взять, то (общего) рода нельзя сделать. Когда роды слились, то у них один lezing и один uigryf («грешный» дом, т. е. запретный).

С. Яли (Эг:ли), в 4 км ниже селения Мокрая; 7 юрт. Роды:

1) iezing-ran (1 дом); 2) чiing-ling (Кеду'-Орель — озеро), негидальцы, вероятно; 3) одно семейство из Н'аниво (1910).

Amng-xal, narmjang, Jarli-ling (гольды с Хунгари), Jegni и Njenxajling. О происхождении последнего рода существует следующее предание. Один брат гольд хотел снять or (см. ниже с. Коль) с девочки, другой предложил убить ее. Убийца уехал в Ньенха (близ Николаевска).

С. Каки (от Вайды 13 км). До эпидемии 20 домов было; юрт 5. Трое русских, один uigryi. Роды: 1) Tvabiling — 14 человек. 2) Amng из амгунцев; всего 3 человека осталось, остальные вымерли; в последнюю эпидемию вымерло 3 дома (1910). 3) Kegnang из Чомы. 4) Tvan-ling. Один старик говорит, что он от гольдов сверху, другой с р. Уль близ Авра. 5) Amn-xal — гольды; пришли сверху; первый хозяин этой деревни; это самый старый xal. Прежде большой xal был, потом все вымерли (1896).

С. Чхарбах. Torxung-xal (1896).

С. Тебах раньше была деревня, лет 20 тому назад (1896).

Вась, Васин мыс. 1) Levx-ping, мыс возле Hалево; 2) Derxr-vun (1896).

Кукля и Мео. Первый хозяин деревни до русских был род keg:n, теперь 9 человек осталось; живут в Вась (1896). Meo-ling из Хаймы, выше Богородского (1896).

С. Коль. Роды 1. Miera-ling. Miera самый старый xal это Чvunung xal (Ларун), пришел с севера, с речки Али (2 дня ходу от Шантар Kyvrmif), потом xal разделился, и часть его пошла на Сахалин (Larun, Ylevut). Берет женщин у xovnung. Али — речка, широкая как Амур. Давно-давно y'lur и гиляки один xal были. Слыхали, что алеуты тоже собак держат и медежий праздник делают. 2. Tigr tor ping. На hovyx (плот) по вАмуру плыл человек. Мачинские гиляки его поймали и на лодке отправили сюда. Берет женщин у perxvung. 3. Kez:ung (из Петаха) берет женщин у xovnung. 4. Perxvung (с Сахалина). Берет женщин у xovnung. 5. Nynxaj-ling и xovnung из сел. Кыр за Софиевском, где речка Нынхай (они оттуда пришли чinirox). Здесь в Коль один xal с Xovnung. Берет женщин в Лангр. 6. Xovnung (гольды). Два брата поссорились и решили поделить or — цепь и камень на девочке одного брата, и ее убили. У них есть айнский кинжал с серебряной ручкой. Женщин берет у snarnung. 7. Snarnung берет женщин у Perxrvung. 8. Tyvliing — с Ухтр, близ Софиевска (Ornyr). Берет женщин у Perxvung.

Старик Нашг (86 лет): его род тут живет по крайней мере лет 150, по его мнению 8 колен. Теперь его xal Snarnung. Предок его пришел с Амгуни, у устья Амгуни столб поставил, но он упал. Он пошел с семьей через озеро Чля, перевалил сюда. И теперь его род на Амгуни — N'as'xajl. Пешком пришел. Тоже ломал огонь. Купил речку Тыыв (приток Коль) — обменяв за сестру (1896).

II.

ПРЕДАНИЕ О ПИЛАВО.[1]

На севере Сахалина у отца было много детей. При дележе поспорили из-за камня с дырой ог', надеваемого невесте на грудь на серебряной цепи. Один брат говорит: «Вы поделили все, а уж камень мне отдайте». Надел дочери на шею и через ночь снять не может. Другие сказали: «Дочери — не наш род, они замуж уходят, как же такую дорогую вещь им оставить?» Старший брат: «Только сыновей считаем, дочери не наши. Детей сколько хочешь можно сделать, а таких камней не найдешь». Потом старший брат все хотел девочку убить, а младший брат караулил. Младший брат рассердился и убежал с южного Пилаво на северный. Случился голод. Во время самого сильного голода они убили тюленя, одну маленькую нерпу убили. Сварили, по кускам разделили, поели и косточки остались. Ребятишки стали грызть, драться. Один брат пришел и стал бить сына другого брата этой же косточкой по «роже»: «Ты, собака, на, жри!», и бьет парня. Парень начал плакать. Отца дома не было. Мать заступилась за сына, и матери досталось. Через некоторое время отец приехал. Мать пожаловалась мужу, и произошла драка.

После этого стали делиться, поделились. «Жалко бросать свою деревню, буду искать такую местность, как Пилаво». Переехал лиман: такой местности нету. Стал подниматься по Амуру и нашел Хез'ь; местность такая же, как Пилаво, и назвал его Пилаво. В северном Пилаво есть гора Ныкых, где собирают ягоды и корень. Против Тебаха он нашел остров, похожий на сопку; он назвал его Ныких и поселил там своих сородичей. И теперь есть такая деревня. Жили, плодились, ребятишки выросли, стали «мужики», в Хез' образовалась целая деревня, и на Ныких тоже целая деревня. На Ныких народу было мало.

---

[1] Записано в с. Тахта в 1910 г. Пилаво четыре селения: два на Сахалине, одно — Хез'-Пилаво и еще Нкм, гольдское селение близ Хабаровска. Там еще сжигают покойников и есть медвежий праздник. Местность одинакова во всех четырех селениях.

Сверху на 12—13 сколоченных лесинах во время самого большого наводнения какой-то незнакомый человек плывет вниз по течению. С Ныкцх выехали, поймали этого человека, пробовали говорить, ничего не понимает. Этому человеку было лет под тридцать. Накормили его, приняли его. Он жил у них около года. Начал работать, что покажут. Стал по-гиляцки понимать. Никто не знал, кто и откуда этот человек. Когда он хорошо научился по-гиляцки, стали его спрашивать. Его звали Маньчко. — «Откуда ты приехал, не бойся, расскажи всю правду!» — «Я полюбил одну женщину, хотел было на ней жениться. Эта женщина другими сосватана была. Они приехали, от меня отобрали. Хорошо, что меня дома не было. Без меня отобрали, увезли. Все время этот жених караулил меня. Я его тоже караулю, чтобы столкнуться один на один: или я его, или он меня. Слышу, он в тайгу ехать на охоту собирается. Через несколько дней мимо моей деревни со своими товарами на нартах, наполненных разными орудиями, проехали двое. Сейчас же мои люди начали: «Твой враг (чin orgop n'lyux)». Мне и так обидно было, а тут еще люди смеются, а он в роде насмешки через мою деревню проезжает. Я все-таки вытерпел. Когда они уехали, через несколько дней я собираю свои стрелки и свою дубинку (мучо) в рост человека, — нижний конец, как у тормоза, только длиннее, а другой конец вытянутый и острый. Что делать? стрелки, нож и дубинка. За ним поехал, его табор нашел; еще один табор нашел. Они в тайгу пошли. Дело было летом. Далеко ли они пошли, где и когда их встретить, не знаю. На третью ночь нашел настоящий табор. Ночью сделать нападение? Мне совестно будет, если я, мужчина, кого-нибудь украдкой убью или раню. Лучше я высплюсь хорошенько и отдохну и днем приду в их табор со своей дубинкой. Буду просить, чтобы кто один на один ко мне вышел. Отдохнул. Недалеко от их табора ночевал и подумал: «Если двое на меня нападут, я, однако, с ними не справлюсь» (так думает). Утром встал, идет к ним: что будет, то будет. Одинокому человеку не страшно. Убьют, туда и дорога, — «Ixa' Igra' Idif tugut». Подходит к их балаганам: «Ну, товарищ, выходи! Будет вам надо мной смеяться! Только один на один с дубинкой. И будет нам уже подкараудивать друг друга». Тот говорит: «Я брал свою, не вашу. Вам за мной гнаться и караулить меня не следовало бы. Если со мной хочешь пробоваться, почему не так? Раз вы надеетесь на себя, хочешь меня проучить или надо мною смеяться? У тебя кости не железные, такие, как мои — мясо!» А Маньчко же говорит: «Ты, мужик, не баба, мы с тобой долго будем лаяться. Выходи, а то стрелять буду».

Тот охотно или неохотно вышел, давай дубинками воевать. Недолго времени и как-то тот ударил Маньчко в локоть. Маньчко чувствует, рука плохо действует. «Молодец, ты меня сразу изувечил». А товарищ неприятеля Маньчко стоит и смотрит, кто кого? Неприятель говорит Маньчко: «Люди так не делают, брось смеяться!» Маньчко пустил удар ему по голове, но не попал. Тот ударил Маньчко, опять в локоть попал. Маньчко думает: «Дело мое плохо». Засмеялся другой товарищ, который стоит и говорит: «Ты такую даль проехал, как без рук, без ног назад пойдешь?» Конечно, забрало: и больно, и совестно, и думает: «Верно, так и будет: хоть одна рука цела, зачем я такую даль прошел?» Правой рукой схватился за нож, раз ударил, другой ударил; тот свалился. Его товарищ говорит: «Не по закону делаешь. Так это не делается, больше не делай раны и этого достаточно». Маньчко повернулся, обратно пошел, две ночи в дороге ночевал. Приехал домой и ничего не говорит. Другие стали расспрашивать. Маньчко говорит: «Делал дела, вам нечего спрашивать, я один в ответе, вы за меня не будете отвечать, вы хотя со мною, винить вас не буду (ɥing n'igrigir ɥing daxɥ xejlo). Через несколько дней слышу: выехали охотники. Шибко болел. Маньчко себе думает: «Меня защищать некому. У него родня, сватья (брагу): если он поправится, меня убьют, как собаку выбросят; мне здесь не житье! Лучше мне удалиться. Чорт с ними, с бабами! Лучше мне удалиться».

Маньчко оказался с Горина (Гыр), рода самагир. Взял себе топорик, стрелу, дубинку и пошел на охоту. Пошел по тайге бродить, шел, шел тайгой. Вышел к речушке, давай паром (t'om) делать. Если есть в этой речушке быстрое течение, куда понесет, туда поеду. Может быть, в какую-нибудь деревню приеду. Сделал паром, спустился вниз, сел на паром без весла, без ничего, толкнул от берега. Течение здорово вниз понесло. Плыл вниз, куда поведет. Дойду ли до живых людей? Думал и плыву. Через несколько дней — деревня, собачий голос слышен. Вот подойдет скоро деревня, может меня снимет кто с парома. К деревне не подошел, вода мимо деревни пронесла, и есть нечего! Без весел пристать никак нельзя.

Вот и плыву вниз. Ночь плыву, день плыву. С этой речушки вышел на Большой Амур. Ветерок начинается, паром несет быстро, тальниковые кусты только мелькают. Ветер начинается. Мой паром начало трепать (разрывать), t'om herongdox-herongdox ɣuʒ: lar: z'ar: (к парому плещет вода). Ах я дурак! Когда я услышал собачий лай, надо было орать, и кто-нибудь снял бы меня с парома. Теперь ни за что погибну. Начал богу молиться. Начал укреплять паром ремнем, кушаком. Веревки нет. Вдруг начинает светать. Перед рассветом собаки стали выть. Как услышал собачий голос, начал кричать во всю глотку. Туман начал проходить; вижу, берег близко. А течение несет здорово. Вдруг впереди меня какая-то городьба поперек Амура стоит. Дай бог к этой городьбе пристать, чтобы дальше меня не несло. Вдруг паром к городьбе пристал. Когда паром остановился, шумит вода поверх парома, стало заливать. Делать нечего, взял свои вещицы, дубинку, стрелы, повесил на городьбу, сам вылез на нее и сел. Нет, нет да кричу, ору, и вдруг лодка откуда-то едет прямо. Смотрю человек». Маньчко стал махать, кричать, махать. Тот подъезжает к нему, смотрит на него. Маньчко начал говорить ему по-своему: «Возьми меня к себе», тот ничего не понимает. Маньчко подошел к нему, отдал ему свою дубинку, стрелки, одежду. Тот взял и его пустил на лодку, повез его, принял его к себе, кормил его, и он стал жить у них.

Поймавший был pilavyn (житель Пилаво) из Ныких (Магулä?); там посадили березу, осину, ель и пр. Теперь старики померли. Прибавился пойманный, сделали его k:xal (т. е. приняли в род). Его колено теперь вымерло. Плодились, множились (taxta — 2 юрты, kabaчl — 2 юрты, чilmi — 8 семейств, xez'l — все pilavyn. Плодились, множились, построили большую избу - сажен 15[1] (3 обычных), там жил. В этой полной юрте все pilavyn (жители Пилаво) живут, а остальные в другой юрте. Жили богато, ездили в Японию, Маньчжурию (Сайсин), в Корсаковск, покупали китаянок, к ним рабынь (за Сайсином), также аинок и к ним рабов и рабынь (крыгрыс); жили очень богато, все имели полное богатство». Однажды был праздник. Раз сварили собачье мясо (прежде собачье мясо ели). Ребятишки подрались, старшие вступились, и пошла драка. Даже дошло до ножей. Из Тебаха приехал старик Yɯyng (из рода arxong) и помирил их. Все-таки после того, нет-нет, напьются ханьшину, и снова драка. Собрали сходку полную (сходка — vopud kymlyʒ) и стали делиться. Работники были женатые и дети их тоже были рабами. Сначала делили рабов, вещи разные, меха. Один брат вместе с рабами поехал вверх по Амуру: „Буду искать такое место, как Хезь (раньше оно называлось Пилаво, в китайских книгах называлось Tajrá, а по-гольдски daj gasá — большая деревня). Прозвали их hes'-pilavo от слова hes' — глотка, потому дерутся из-за глотки, а не за серьезные вещи. Он остановился возле гольдского сел. Ыкы (с. Сарапульское). В Ыкы — старинные гилицкие выселенцы из с. Пилаво на Сахалине. Плодились, множились, теперь их мало осталось. Покойников все еще сжигают.

---

[1] Т. е. около 30 метров.

III.

ПРЕДАНИЯ О ПРОШЛОМ.

Старик-тонон по поводу раскопок[1] сказал: «Это корейские. Давно-давно война была. Раньше тут корейцы жили; потом китайцы пришли и выгнали».

«Давно-давно китайцы жили в Пуире на Амуре. Китайцы погнались и стреляли из пушки».

«Гиляков еще мало было тогда. У мыса на горке близ самой деревни (Лангр) пушку поставили (ямка осталась), стреляли в русских у осыпей в бухте Пуир (осыпи Пахзыр). Ямка на горке почти заросла, прежде она была глубиною в 4 метра; обсажена камнями. От пули 8 ночей горел лес, переулок сделался; пулю в Коль нашли — 4 человека поднять не могут».

По преданию возле озера видели 28 черепов, которые «ночью кричали, ходили воды пить; теперь вся вода высохла, «судно помирай».

По уверению одного старика, на его памяти и памяти отца его гиляки и их соседи издревле занимали те же места. Маньчжу (китайцы, манзы) явились со времени русской войны, больших городов они не строили, селились одним-двумя домами, и только в Тыре, Ахчи, Мыхыль у них были караулы. В Тыре жил губернатор.

При появлении маньчжу, во время войны с русскими, гиляки удалились на море, на Сахалин и т. д., но, по удалении маньчжу, стали возвращаться назад.

По другому варианту, когда часть жителей убежала, а часть была захвачена, спаслись 3 человека (2 мужчин и 1 женщина), которые убили 2 солнца. Вернувшись, они на месте Амура нашли горы и ушли обратно (от Шульгина Xokling. 80 лет).

---

[1] Которые производил Штернберг.

Маньчжу воевали с русскими, пришедшими сверху; весной, во время хода горбуши, часть русских попряталась в тайге, и их нельзя было найти.

Русские с Амура спаслись на Амгунь; манзы их преследовали, но безуспешно. Тогда китайский генерал попросил у бога снега, и выпал снег по колено, и по следам нашли русских и перебили.

После войны с русскими китайцы поставили на верхней Амгуни (Бурухан) — столб — «пока он будет стоять, русские не могут ходить». Теперь столб упал.

На Амгуни есть также гора «Намнахан», ниже Гуги 19 км, со следами копыт. Там была ночевка маньчжу во время войн с китайцами.

Каменный котел и сапог на утесе «Гуляхан», пониже склада Шадринского прииска.

По преданию на одной горе сохранилась маньчжурская надпись.

Проводниками китайцев по Амгуни были негидальцы из рода umkan, а по озеру Орель — N'as'xajl.

Русские жарили детей на штыках и кушали их мясо; женщинам отрезали головы (1896).

Сохранилось предание о способе борьбы туземцев Амура с русскими. Однажды маньчжу преследовали русских, но часть оставили. Возвращаясь, русские решили напасть на Тыр, полагая, что это манзы. Гиляки на доски положили камни и привязали их. Когда русские подошли к утесу, они отпустили веревку; и все русские погибли, но один пустился вплавь; его поймали и Kern-xal отдал его Arn-xal'y, который устроил в тайге медвежий праздник.

В Мача (левый берег Амура), против Кальмы, был такой случай. Гиляки отправились на охоту, устроили балаган; вернувшись, они увидели массу людей. Тогда они тайком убежали, собрали со всех деревень людей и устроили в разных пунктах за тальником засады. Когда русские стали выходить, их всех перестреляли.

Гиляки применяли иногда и такой способ борьбы: они привязывали бревно так, что оно отскакивало и било по ногам, и враги падали; потом их окончательно добивали (с. Каки).

Сохранились также воспоминания об отношениях китайских чиновников к амурским туземцам. Гольды платили даже за собак, гиляки — с человека; китайские чиновники брали по произволу, и их халки (лодки) с людьми надо было кормить. За это выдавали квитанцию, дававшую право на въезд в город Сунгари (Ычх-хотин). В противном случае в этом городе пытали. Рассказчик самагиль в молодости ходил без квитанции; по его словам, платили за кормового человека 40 руб., а за простого 20 и по соболю с каждого человека.

IV.

СЛИЯНИЕ РОДОВ И МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК.

Два рода сошлись — k:xal m'ek:r: vytч. Сходятся в одну юрту; присутствуют и посторонние, сговариваются, и, если препятствий нет (напр., друг у друга не брали жен), то xlaj nivux объявляет, что два рода в один слить можно. Другой представитель отвечает: «Верно, большие дела вместе мы работали, вы тоже нам помогали, мы тоже вам помогали. Раз образовав один род, к:xal сделаемся». Он говорит: «Препятствий нет, наши сыновья и дочери будут братьями, но у нас есть дочери, сватья, необходимо, чтобы все знали и потому необходимо сделать общий медвежий праздник». Каждый к:xal должен купить по одному, лучше по 2-3-4 медведя. Соглашаются. Покупают медведя, приготовляют мось, откармливают медведя как можно жирнее, кормят год-два; приготовляют мось, покупают беговых собак. Наконец, наступает время празднества: играют, борются, потом медведя убивают. Перед убиением медведя избирают старика — он может и не быть хозяином медведя; это nga xez'-nl'vux; отказаться он не может. Он говорит медведю слово: „Чi pilá pal' urgur p'aч'az: kukujá pxylava:r чajpidugujá!" — ты, большая гора (горный человек), хорошенько нашу гиляцкую быль вытряхивай; повернувшись стань, чтобы я еще тебя увидел".

Убили, разрезали мясо (костей нельзя разбивать), внесли в избу, мясо сварили. Состязаются „гонкой" — varз:. Созывают оба рода, и мужчин, и женщин, раздают всем медвежье мясо. Обыкновенно старший советуется с хозяином, как делить медведя. Самые главные кости, это две берцовых — tereng и две тазовых — pyjx. Берцовые и тазовую кости дают самым почетным лицам. Голову и почки грех давать молодым; почки очень важны. Потом xlaj n'ivux говорит: „K:xal m'ex:r: ólagu k:xálgu umguólagu umgugu-tox lts: furará; navat m'er: чuz'n'axr:, ngar:

n'ax:r: munaxana. K:xal ltз: furará: „umgu n'l ó:la, utku n'l ó:la, umgu n'anak, n'i n'anak; n'i nanak'ar. Nafxá-чi n'anak furará navát. чiagr. Nl ykyn furará n'an ч'aч'ek munaxaná". Другой представитель отвечает: „Agitlá, pilymra siktumú mer: vará tyngyzlá чing ag:yr: ningrola, ningagr vara чingrodá, n'lшak lyt k:xal, k:xal munaxaná". „Двух родов детям, родам, девочкам, женщинам говорю: „Теперь мы мясо одно, кровь одна сделаемся". Род так говорит:[1] „(Каждая) женщина мне дитя (дочь), (каждый) мужчина мне дитя (сын), женщина — старшая сестра (также тетка) мне сестра (мне тетка). Теперь ты, товарищ, сестрой называешься; ты тоже. Я старший брат, ведь; я тоже тебе младшим сделаюсь". „Конечно, так. Большие дела все мы одинаково работали. Вы тоже нам помогали, мы тоже одинаково вам помогали. Раз образовав род, родом сделаемся".

„Старший (т.-е. избранный для дележа мяса; он может быть и молодой)! Хорошенько думай, девочкам большим, сестрам (теткам) большим, зятьям хорошего не выделяй. Большим людям много подай, девочкам дай поменьше, большого старика в роде почками накорми, голову подай; спинное сало поровну раздели, не обдели. Берцовую кость старшим зятьям подай, тазовую кость зятьям подай. „Pilynga urgur kymlyjá, umguolagu pilý, nanakagú pilý, ok:ongú-tox urlý чus' ngox ta rozgujá, pila n'ivuxdox malg:ógur xet'ijá umguolagudox xiskloguja! K:xalgu pila, hejmartox, tafut jarjá k:orx xet'ijá. Tereng pily oxomdox xitirá, pyjx n'yn'yv póradox xet'ijá, mur:k ngox vará rozjá ta rozgujá..."

Отдельное лицо, после предварительного совещания, наконец, приводит медведя и отдает его самому важному лицу, а тот спрашивает в присутствии нескольких urdla n'ivux (хорошие люди): «Зачем?» Приведший медведя отвечает: «Я хочу побрататься». — «Ну, ладно».

После этого без него советуются с k:xal. Во время праздника новые сородичи покупают собак, готовят кушанье. За едой говорит аналогичное зять, а сваты называют его своим тестем, шурином и т. д. По окончании праздника адоптированному дают своего кресала — tugur:, но настоящий ulg tuur (табуированный огонь) ему не дают. Ulg tuur на деревне бывает не больше двух-трех. Им зажигают огонь на медвежьем празднике, на охоту его берет только urdla n'ivux, когда идет за медведем.

Устраивается медвежий праздник и по другим поводам, например, для примирения с зятем, k:xal'ом или чужим. Если человек своего зятя обидит, при покупке, напр., то он молчит, молчит и k:xal, но дуются, пока для примирения (urla lytnyз:) тот не устроит медвежьего праздника.

---

[1] Повидимому, один представитель рода другому.

К каждому новому медвежьему празднику необходима чашка для головы — hyl. Медвежью голову кладут всегда на новую чашку, а старую употребляют для мяса и пр. Посуду для медвежьего праздника всякий может сделать. Чашка для мяса повязана детородным членом медведя. Чашка, из которой медведя кормят в последний раз в юрте и непременно со стороны, противоположной двери, называется pukstov-n'ir.

Когда брат своей сестре дарит медведя, то ему самому завезти его нельзя; за ним надо заехать с помпой. Медведя встречают с музыкой zaз-чаз. Когда хозяин в последний раз кормит медведя, он ему говорит: „U'rur humyjá! Wingan úrur humyjá — хорошо живи! Когда пойдешь, хорошо живи".

Даритель не стреляет в медведя и сейчас же по окончании праздника уезжает, даже (кусочка) не попробовав, а сам должен принести с собой мось и всякие блюда.

Когда медведь заболел, тогда устраивают pyling-tvysk и готовят uig, мось из самых различных яств и самых различных ягод.

Luk: — собака, нарочно рожденная для uig.

Когда жертвуют собаку, то ее шкуру, голову и кости кладут возле lezing в сруб (k:avnyx) и туда же кладут и кости медведя. Одни роды вешают головы на деревья. Место это называется k'ork ngangol.

V.

РАБЫ.

Сын раба остается свободным до шеи (т.-е. голова свободна), его внук — до пояса, правнук — до ступни, в четвертом поколении — потомки «чисты». Тогда он k:xal, т.-е. сородич хозяина, и если кто-нибудь называет его рабом, он может судиться с ним, и потому, когда спрашиваешь про потомка раба, какого он рода, он отвечает тихонько: „Pilavon k:xal purará hoxagirn os' krygrys".[1] т. е. что он рода Пилаво, по происхождению раб („корень раб"). Когда ругаются, говорят: „Ты только до плеч чистый, а там нечистый".

---

[1] Krygrys — раб аинский, ax — китайский.

Если крыгрыс и выкупил себя и хозяин должен был дать ему жену, хозяйство и отделить его (roz'd'), он все же считался крыгрысом, нечистым. Всякий крыгрыс считался k:xal и до его перехода в свободное состояние за него мстили, он участвовал в жертвоприношениях. Хорошему крыгрысу дают пай от заработка — он имеет право на половину дохода и вправе требовать ее через суд — xlaj-n'ivux'ов; и женщины пожилые имеют право участвовать в суде (их приглашают, и они имеют право сами прийти, если жалеют раба). Жаловаться можно и за побои.

Крыгрыс — женщина не может себе требовать пая через суд, потому что она замужем. За нее и муж не может требовать пая.

Китайский раб — a x, имеет такие же права, как и крыгрыс. Свободный — kislylygy n'ivux („чистый"). За убийство раба достается от рода. Убийцу ругают, когда напьются: «Если ты храбрый человек, то у нас есть старший зверь (pal pila k:olr — горный большой медведь, mer edr: — тигр), с ним сражайся; медведя хоть бы убил и нас бы угостил. Таких храбрецов нам не нужно, ты можешь храбриться только около своей жены». Особенно бабы нападают. Но и теперь еще к потомкам крыгрыс относятся свысока. В 1909 году в Тахто стояли еще две юрты бывших рабов.

Чаще всего рабы приобретались через покупку айнок, которые в приданое получали раба и рабыню. При покупке жен цена соответствовала придаче рабов. В 1896 году жил там бывший раб, о котором имеются нижеследующие сведения. Нарин купил с Кизи девушку куги (айнку), и родился незаконнорожденный ребенок. Отец Хузина купил сына этой куги (крыгрыс) в Кизи. Ему было лет 25; за него заплатили 9 кусков шелковой материи (21 метр) по 75 рублей каждый.

Этот работник служил у него 5 лет. 18 лет тому назад он убежал в Кизи, потом в Арво (возле Нижнетамбовского). Имя этого крыгрыса Кутр. Его бывший хозяин из Хэзь позвал его шаманить, и он воспользовался этим и убежал. Теперь он старик, слепой. Его обязательно надо взять назад хоть слепого, кормить его и похоронить собственными руками, тогда его душа пойдет за ним в Млыво (отец, умирая, просил его об этом).

Китаянок тоже покупали таким образом. Необходимо было брать с собою соболей 100, лисиц 100, выдр 100, белок 100, хорьков 100, чернобурых лисиц от 10 до 100, нерп 100, медведей 100. Приезжих в Сансин встречает, бывало, купец, забирает к себе все товары и, не считая, завозит в амбар. Два дня угощают, расспрашивают по-гольдски или через переводчика. Приезжие сообщают о своем желании жениться, потом записывают, сколько каждый привез, и ведут к губернатору. Он дает телеги, провизию и их везут в главный город (Пекин). Их представляют, помещают во дворце, дают им прислугу, кормят, ухаживают, как за «господами», водят по городу с переводчиком. Наконец, перед ними выстраиваются целые ряды женщин, с покрывалами на лице; за каждой стоит оскопленный раб. Старые гиляки советуют: «молодой раб — старая женщина — фарт». Тут же забирают, отводят каждому по комнате, раб подметает, стелет и в эту же ночь он узнает свою судьбу. Подмалеваны. Сует язык в рот: зубов нет.

Обратно едут в Сансин с женами и рабами; там каждому дают одно- или многомачтовый баркас, который нагружают на 10 лет провизией, одеждой, шелками и пр. на всю семью. Когда возвращаются, жена уже в положении. Если родится дочь, то ей и приданое дают раба. Те, которые приехали в Сансин только дать ясаку (одного соболя), получают две гребенки, кусок дрели, 10 бутылок ханшину и пр. Аинок покупали так: ходили на охоту, привозили соболей и пр., также китайские товары и попутно жен покупали.

Женщина, вышедшая замуж в род Jusk'ln, получила в приданое от отца рабыню а х, которую снабдили японской саблей для чистки подошв ее госпожи. Потом гиляк купил ее в обмен на свою дочь. Бедные отцы (вообще) продавали своих дочерей в рабство.

VI.

СЕМЬЯ И РОД.

Брачные нормы и тотемные роды.

Сородичи-братья могут одну жену содержать, но лишь один из них считается хозяином, хотя купили жену оба вместе: второй пользуется супружескими правами только в отсутствии первого.

Если пожили год-другой, муж советуется со старшей женой, кого взять еще. И она сама едет выбирать помощницу из своего xala или из чужого, и жены называют друг друга сестрами. Мужчина спит отдельно, и каждая жена отдельно или мужчина посредине. Старшая жена заботится о всех детях. Младшие не могут распоряжаться над ней, и она командует. Бывает, что ревнуют и дерутся. Сватать едет: 1) отец и мать, 2) старший брат, 3) брат отца, 4) муж сестры отца.

Двух сестер в жены брать можно. Братья безразлично могут брать вдов. Лучше всего брать жену из рода матери, тогда можно получить ее даже даром, а если платит, то все же меньше. Раньше совсем не платили за женщину, если она из рода матери. Меняться женщинами между родами нельзя. Здесь тоже дают дочь брату жены для продажи, но требовать этого последний не может.

Запрет на потомство сестры до 4-го поколения.

В Вайды (см. выше) есть гиляки рода Hirulung, вступившие в союз k:xal n'ax:r: с хузуг' в Чильби. Раньше они жили вместе в одной местности и принадлежали к роду тигра. Есть гиляцкий род, который породнился со змеем (на Амгуни есть змеи; их видел на Амгуни Путюн).[1] Есть и гольды, родственные со змеями.

Молодой человек из Вайды полюбил жену корейца, гилячку, и пользовался взаимностью. Она поехала с рыбой в город, кореец остался караулить картошку. Тогда любовник едет в город. Сошлись они, две недели провели в городе. Приезжает домой - теща тоже любит гиляка.

Кореец требует жену, жена стала бросаться. Ночью гилячка убегает на двор и спит с гиляком. Кореец раз побил, теща и братья заступаются, кореец жаловался, зачем гилячку взял. Убил корейца (с. Маго).

Ссоры и способы примирения.

Если зять шурина побил, то он должен (подарить) партию беговых собак (3-5; продаются только партиями) — kylyn k:an. Первая собака kyly-k:an, вторая — k:ax, третья — jerxpe-k:ax, четвертая — tyly-k:ax. Если первую отдельно продать, то все никуда не годятся. Их ставят на известном расстоянии (шагов 10-15) друг от друга и притом в обратном порядке, именно, первую — kyly-k:an — последней, дальше всех, и она должна всех обогнать, и вся штука в том, что все должны сойтись одновременно, а если kyly-k:an придет раньше всех, то это не его пара. Стоимость партии до 100 рублей. Зять, в случае драки с шурином, дарит ему такую партию собак, при чем привозит их сам или, если совестно, через другого, и отослать их обратно нельзя, разве только, если собаки плохие. Если же шурин зятя обидит, то для примирения он дарит шелковый халат (35-60 рублей) или медведя.

---

[1] В тексте „удав", но, судя по примечанию 6 на стр. 222 „Материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора", это описка при путевых записях.

Внутри рода поссорились.

N бросил жену, получил калым обратно и стал бродяжить по русским и пр. Старики собрались и решили получить обратно женщину, тесть не соглашался: «Баба не собака, пробуют и бросают». Все-таки для одного молодого человека купили ее. Тогда N и Хел' стал буянить и грозиться за то, что те взяли брошенную им жену. Но они ему возразили: «Ты не сам купил, а на деньги отца» (родовые). Кончилось тем, что дали беговую собаку, мех и две бутылки водки.

Присяга.

Присяга — simbl чaxei lambe -- по-гольдски, чxyz'u пууз:rá -- по-гилицки.

Надо убить волка (lygyz') и сухожилия на обеих задних ногах поочередно пилить ножом от пятки до колена и спрашивать: «Где жилка для вора? (ennixrongz'? ennix — пятка, tongz — жила), где краденая жилка? — jeng:az' tongz' шamdжпа? Ту жилку, которую дергает, вынимают тайком, сушат и хранят до тех пор, пока будет спор о воровстве. Ищут человека, понимающего присягу чxyz'u n'ivux, а этот дар передается по наследству (теперь лучший род это род чxyzyl; к нему принадлежит Ильи Тобонка из Чильби). Если посторонние пробуют, то большой грех будет.

Вор, устрашенный угрозами присяги, со своими xal'gu сородичами приезжает в деревню обиженного; раскладывают большой огонь на берегу.

Обиженный со своими людьми тоже выходит к костру, кричит: „Pryja mygja', n'i heg:at pxalgun polagun pryз:rá чigry' tuur pugutá enan'ivux. jugut prydóx kaukrá, par:k pryз:rá. Ni stзymral'ó, stз:jejmraló чerax jot'in (pryз:rá) helá eg:ur pxog:e jaxgujá", т.-е. „Приди, спустись, я испугался со своими сородичами, со своими детьми пришел; на твоем берегу огонь зажжен; чужие люди со мной не пришли; одни пришли (Я ничего не знаю). Какое дело (какая вина), к тебе пришел спросить. Ну, скорей свою думу выскажи". — Тот посылает посла — ximu n'ivux'a (главный во время войны) с копьем, на которое он вместо костыля опирается и начинает говорить. Вор с своей стороны посылает ximu-n'ivux'a. Ничего не выходит, приходится присягать. Приезжие и местные выстраиваются по обеим сторонам огня. Тут же присутствует и „присяжный". Они спорят: „Ni valvg:aj n'erax elvg:az'ó если я вру, пусть будет мне плохо".

Присяжный тихонько начинает греть жилку на огне, и вор начинает подергивать, и тогда он сознается (pyimз). „Yrk pyimз: vurará. Navat taktó jaxojló. Чing vark kymlyvé" — „Уже сознаюсь, теперь что поделаешь. Вы сами подумайте". Если же напраслина, то настоящего отсутствующего вора будет подергивать.

Пострадавшему платят, сколько потребуют, и если вор беден, то дают женщину. Присяжному дают по усмотрению. Присяжный, когда жилку вынимают, вороне и кошке говорит: «Я не знаю, правда ли, нет ли, ты мне худого не делай; все равно ты тоже не знаешь. Если, действительно, дело есть совершивший, туда худо пусть будет». «Ni tajorá mykyslu jag:yd-lu ta-n'erox lox elyvgujá. Чi narl'ár: чan majg:oxaná. Mykyz' mra lylyng lvg:aj huktóx elyvg:az'o». Пока спорят, пускают ворона (ves') и кошку живую в огонь. Ворон каркнет — и человек каркнет и тоже в огонь лезет. Кошка мяукнет, и человек тоже.

Присягу делают для завзятого злодея, желая ему смерти: все равно вора будет дергать. Ворону и кошке, когда они горят и еще барахтаются, говорят: „Чi tajroз: furará n'ivyx lerý mra чi unaxana uixyndor hy nivuxdox elyvgujá". „Ты не знаешь, ты за игрушечное дело будешь терпеть (т. е. ты гиляку для примера послужишь), за закон греха пусть сделается этому человеку худо».

Присягу с каждым отдельным животным знает только определенный xal. Есть род, у которого k:xal волк – kexr: ping чnarpung. Они поймали волка. Они ездили на охоту на нерпу, волк на льду сидел, и его унесло в лиман. Как раз эти охотники увидели его и носом к берегу подъехали. Этот волк пришел и сел на нос лодки. Хотели его убить, да пожалели. Они его высадили и выпустили. Через некоторое время эти же (люди) охотились, и медведь на них сделал нападение. Тогда этот волк явился, стал кружиться, нападать на медведя и спас их. Т[illegible] случилось) много раз. Плодился этот волк и его часто встречали (вообще же волков мало там). Чnar-pung волка не убивают, и когда увидят, кормят его. Когда охотники, убив много нерпы, оставляют целые туши, волк их портит, но если Чnarpung оставляется, тогда он не портит. Поедут в тайгу, волк близко ходит около, они оставляют там юколу, мось и пр. Чnarpung его могут называть atk. Волков две породы, как и тигров: смирные и несмирные.

Эта же жилка волчья употребляется иначе. Когда потеряется что-нибудь, тогда из гнилушки делают чучело человека, и на голову надевают ему пузырь нерпичий. Сухожилием волка обвязывают ему шею и ночью ходят и постукивают в угол первой юрты, говоря: „Pyz' nyngjá — своего хозяина ищи!" И так всю деревню обходят и при этом тянут за жилку. Тогда вор начинает задыхаться от испуга и сознается. Поднимается крик; случается, что вор при этом умирает.

При спорных делах тоже присягу принимают. При суде в балагане, где сидит xłaj-nivux, нельзя ничего варить, едят сырую юколу.

Палка (kys') — в аршин длиной с человеческим чхнај.

Если дело доходит до ломания палки, тогда потом платят больше — вдвойне. В балагане xłaj-n'ivux'a сходятся большие и маленькие (с. Карга, 1896).

Женщина, роды и дети

Девушка, достигшая половой зрелости, заплетает две косы. Женщины прокалывают оба уха для продевания серьги (mes'x); прежде и мужчины прокалывали уши.

С малолетней женой сношения допускаются лишь после того, как у нее появятся месячные. Во время менструации женщина одевается в самое старое и не спит с мужем. Женщины подмываются, но не горячей водой, иначе tiġurmam (хозяйка огня) обидится.

У kexal (орочи) человек, имеющий двух жен, укладывает гостя под одним одеялом.

Женщина беременная не должна смотреть на Амур, когда он начинает ломаться, чтобы не замедлить вскрытие реки.

Рожают в балагане (повитуха — languv-mam). Зимой роженица проводит в нем 1½ дня, а летом — 3 дня.

Кричать при родах нельзя — грех. Муж в это время никуда не ходит. Если ребенок умер при родах, то женщина целый год не должна ездить ни по реке, ни по морю — рыбы не будет. За месяц до родов нельзя туго вязать, ни вбивать колья, чужому ничего нельзя починять. При трудных родах отпирают ящики, распарывают заплатки, развинчивают ружья. Новорожденного умывают холодной водой. Повитухе не платят. Пока пупок не заживет, родильница свой огонь имеет. После родов женщина 3 дня моется, потом переходит в юрту, но 7 дней сидит отдельно и ест из другого котла. В течение 10 дней после родов нельзя холодной воды пить, сырой рыбы есть, но если родилось двое младенцев, то можно. Когда ребенок рождается, вносят две палки, всовывают их ему в ручки и поднимают его. Когда он заболеет, ему тоже дают в ручки палки и заставляют его подниматься.[1]

---

[1] На другой странице той же тетради находим следующую запись: „Эти палки kyz' nyngyз' (от kyz' — фарт, удача и пупуз — искать)", что, нужно думать, относится к вышеописанным палкам.

Если два ребенка родилось, то делают две пары prung. 2 k:ong z'ax, 2 палочки — тальниковые, полосато-изрезанные (pyling z'ax), 2 лучка (puз:) и стрелки особой формы (m'erlar) и привязки для люльки — pitus'. Когда готовят пищу, деревья эти — ola' bituz' — кормить нужно (с. Кальма).

Пока ребенок подрастает, пуповину — kylmyr хранят дома, а потом самому надо отнести ее в лес и повесить на дерево. O'ging чxnaj — фигура, которую делают, когда ребенок внезапно пугается во время сна. Чxnaj — фигура, когда человек сам, без шамана, делает то, что ему снится.

Детские экскременты выливаются около пихты (мужского или женского экземпляра); сюда же бросают и волосы, после стрижки (только у близнецов нельзя срезать волосы). Нужно следить, чтобы на мочу и отбросы не попала женская кровь, ибо тогда ребенок пропадет. Если стоящее тут дерево сломать, то ребенок умрет. Это дерево называется pila uigi, а место называется ki markl" — буквально — „мочу выливать место".

Детский амулет — ola bituz состоит из двух тоненьких елочек — prung, вырванных с корнем в день рождения мальчика; крону их повязывают берестой. Затем их укрепляют, окружив простыми палками, и привязывают к ним связки листьев Ledum palustre — багульника (tykr), а также заструженную головку k:xong z'ax, головку щуки (ius) и крючки для одежды мальчика. Если мальчик умирает, все это бросают, если же он выживает, то все потом идет другому ребенку (сел. Кальма).

VII.

РЕЛИГИЯ.

Душа и обряды после сожжения трупа

Душа — чeg:n, чexn, ytyx, uz' (сердцевина, как у дерева). У человека три души: одна главная — чeg:n и две ее тени, помощники. Когда чeg:n шамана ранена, то шаман умирает.

Если во сне что-нибудь ясно привидится и сбывается, то это действие главной души, а если не сбывается, то ее тени — помощника. Есть толкователи снов. Если корову увидеть, будет буран; если красную ягоду увидеть, то скоро заболеешь.

На другой день утром, после сожжения покойника, приходит его семья, сгребает пепел; с четырех сторон огораживает дощечками, покрывает еловыми ветками, а поверх дрелью, потом берестой, досками, которые прикрепляют к земле деревянными крючками. Добытую из пепла черепную кость (čongr pupyv) завертывают в белое, кладут между двумя дощечками и скрепляют их пупом («корень, из которого человек рождается»); таким образом, делают mu n'ivux k:ak. Некоторые помещают косточку в верхней части, другие — возле пупка. Укрепляют в земле доску в некотором расстоянии от места сожжения покойника — mu n'ivux tuv. Одевают покойника в чулки, кушак, женскую шапку из рыси; если покойник мужчина, то и в мужскую зимнюю шапку, а к поясу привязывают с одной стороны кривой ножик (ig:dżeko), а с другой kes'kes' — железную цепочку и игольник, а спереди mly — сумочку с кремнем, трутом и огнивом. Потом рядом ставят колышек и на нем человеческий волос (от жены, сестры, матери) — mu n'ivux kiur, который будет служить покойнику стелькой для обуви при переходе в загробный мир; возле колышек с тремя рогами (сучками), на который ставится чашечка для кукушки (pyk nir), далее колышек с деревянной кукушкой — mu n'ivux pyk, т. е. «мертвого человека кукушка», наконец, еще колышек с орлиным пером — čamngar.

Постройка могильного домика может быть отложена, но одетое чучело k:ak[1] непременно должно быть сделано. Временно над ним воздвигается балаганчик из корья, k:ak-raf. Наконец, строят домик — raf и устраивают поминки.

Через день, через неделю, через месяц приходят ближайшие родственники, пьют, плачут, поминают; это проделывают в течение года, у некоторых два или три года; если некому, то один месяц, смотря по состоянию. По окончании срока «наблюдения» (tigr az'raʒ: — „наблюдение за деревом", время периодических поминок у домика покойника). Покупают водку, рис, созывают родных и «сватьев» и в течение 3—4 дней приходят на могилу и поминают; это последние поминки (raf pykyz'ʒ:, tigr pykyz'ʒ:). Ходят на tuv, место сожжения покойника, льют туда водку, сыплют от всех блюд, приводят любимую собаку и кормят ее. Собака эта называется pryski — g:an (у гольдов — xan'a, т. е. душа); у каждого человека непременно своя pryski, даже у ребенка. Каждый с детства имеет свою любимую собаку, и когда человек умирает, то выбирают или его любимую собаку или лучшую собаку из запрягаемых в нарту и делают из нее pryski. Если она умирает, ее хоронят и закрывают чурками. Каждый говорит покойнику следующее: „Ning yvr: hůmnyʒ: kys' k:avr: tog:agán urgur vija mu-n'ivux gudóx mlyvo-tox (pimlyx-tox). Vingán, erirózonyз:, hüin pyk tynaxaná, pyk tyké, чi jerinaxana hongan pi oz'ngan, чam nar:kir: pxuukuja plyngu tengu, hoxaród vétana xan'a nyn'gir: kiur keraj'a, hyhagyskú vetajá k:akgir:, turi xer: toz'ja, pykn'ir: pyk чax tanýз: pyk teké: pernaxaná. Urgur vir: namugur humyjá pytyxu dog:a pymyxu dog:a, pi ykyngudog:a, vijá.

---

[1] K:ak — деревянное изображение покойника, вместилище для души.

«Возле нас жить, счастья нет (не судьба), в таком случае хорошо иди к покойникам, в селение мертвых (в свое селение мертвых). Когда пойдешь, через реку перейдешь, тут же кукушка будет куковать; после того как кукушка будет долго куковать, ты проснешься. Тогда ты встанешь, орлиными перьями отряхнешь с себя пепел и уголь, потом оденешься, из волос[1] стельку сделаешь, эту одежду одень, из фигуры, как мостик сделав, перейди; кукушка из чашки воду пьет, после того как, долго прокуковав, устанет.[2] Хорошо идя, хорошенько живи, своих отцов закон, своих матерей закон, своих старших братьев закон (соблюдай), иди». Эти слова говорят при обычных поминках.

Через некоторое время покупают медведя, кормят его два года и потом устраивают медвежий праздник. Если родственник покойного не покупает медведя, его презирают, ругают — «Inain xardз:» «Ты какой же человек? Мать тебя воспитала, гавно чистила, хороший человек своего прыски так не бросит». За такую ругань судиться нельзя. При устройстве медвежьего праздника всегда помогают сородичи.

Пока большие поминки не кончены, женщина не может выходить замуж.

Ребенка до недели хоронят на дереве, до полугода — в земле. Если сжечь ребенка, умершего до третьего дня, то женщина долго не будет иметь детей.

На Амуре над могилой ставят 4 елочки с корнями.

В pila-dax (эпидемия оспы) покойников не сжигают, а обязательно хоронят в могиле.

Утопленник. Uiglyi — место, где вытащили утопленника. Когда человек утонул, его сжигают, а на 3-ий день делают одну toln'ir, т. е. чашку для жертвоприношений хозяину воды, корыто и kinys — чашку для утопленника; в корыто кладут mos', в чашку — красную смородину. Жалко человека: выбирают 2—3 храбрых людей, укладывают покойника в лодку, на берегу, тут же у воды, и ставят kinys nič, китайский котелок и один тальниковый прут стоймя, в рост человека. Тут один чековек говорит: „Котел кипи, пар поднимайся, иди вверх, этот тальниковый прут расширься, хорошим заслоном сделайся, чтобы чорт гиляка не видел".

---

[1] Из волос жены, сестры или матери.

[2] Кукушка всю дорогу до речки будет кричать, до речки не будет ни воды, ни пищи. Она устанет, и ей надо из чашки пить». Есть кукушки, которые пищат, значит, устали при проводах покойника.

Два человека, друзья покойника, садятся караулить, не шевелятся, не говорят, всех собак привязывают и ждут. В юрте шаманит шаман, вызывая того колдуна, который утопил человека, поесть из kinys n'ič: «Иди человеческое мясо есть!» Из-за гор, из-за долин он мчится. То среди полной тишины волна заплещет, вихрь пронесется, птица приплывет, черная собака прибежит. Волна вдруг к самой чаше уже подошла; покойник то шевелится, то голос издает, то садится. Тогда надо бывшей в постоянном употреблении дельфиновой острогой или копьем кольнуть покойника или (ударить?) в чашку, и почувствуется, будто копье в человека ударилось, и следы крови на нем. На другой день у колдуна рана или болезнь, от которой он умирает. Потом хоронят покойника, а чашку держат два лета и бросают. Можно чашку и тотчас уничтожить. Очень красивой ее не делают. Потом делают настоящие toln'ir и жертвуют из них до третьего поколения.

Шаманское камлание.

Есть шаманы 1) toldox urly чam; 2) pal'dox urly чam; 3) kurdox urly чam; 4) pang:at n'ivux ворожея. Дома шаман обращается с вопросами к камню с дыркой — tolfang. Если камень сразу дает ответы, его бросают. Шаман спрашивает у своего pal'pang:'a (это деревянная фигура, обвязанная поперек белой дрелью, а на шее — стружками; ее подвешивают на веревочке). Качание фигурки утвердительный ответ. Если нет pang, то к камню привязывают табак, завернутый в белую дрель. Он советует шаману лекарства, указывает, какие жертвы давать и какому именно pal'y (т.-е. pal'y своего или чужого рода) и пр. Изгнать нечистую силу он не может но может узнать, какой дух сидит, а также дать указания насчет воровства и насчет рыбы. Получает человек своего pang тоже во время болезни. Он может быть и шаманом, но часто плохие шаманы крадут (переманивают) у них их главных kexn. Есть шаманы, которые имеют pang:x, но не каждый их имеет. Есть шаманы, которые имеют kitus', нечто вроде земляного червячка.

Шаман вызывает своих kexn и угощает их салом, сахаром, водкой. — «Ребята, уходите с окна!» кричит шаман. Через некоторое время окно трескается, и kitus' входит. Kitus живет не у шамана, а за хребтами, за 9 хребтами, за 9 речками; там есть гольцы (páxtigral). Там хозяин старик. Дом из железа и камня. У него ворота: первые ворота удав караулит; вторые ворота — крокодилы (здесь есть маленькие ящерицы-крокодилы — tèng:aj); последние третьи ворота караулит тигр. Под порогом сидит pal g:an = haluvtə: (?), т.-е. маленький тигр, — караулит. У этого старика находится главный старик pila k:ak hejmar (pal yz. paliung n'ivux — горный хозяин-человек). Возле pila-xas' (столб, подкрепляющий матку) должен быть в каждой юрте камень для котла (nivvax); другой камень у порога. Под первым камнем хранится этот червяк. В этом доме находятся разные животные: простые лягушки rall и лягушки этого дома milpiə:. Этого червячка шаман отдал на хранение своему червячку. Шаман: «М... (неразборчиво), иди туда, попроси удава и тигра, сторожей ворот». Иногда по целым дням упрямится удав; ему сулят черную собаку, собачью кровь, двойную картошку, красивое инау и т. д. Pal-yz'y сулят копье и пр. «Панцырь тебе подарю, копье тебе подарю, большой котел с 4 ушками, кусок китайской шелковой материи, собаку черную, лохматую, еще пятнистую, рябую собаку пожертвую». „Pet'gi: чxuz' nyxtá k:ax чxuznyxta' piavyn' noz nykrvyn' tala чarbgir, k:angir ygrluk anчi kurgur g:angir ч'xyz' nyxta". Тогда он соглашается и начинает просить kitus'а вылезть. Kitus медленно выползает, масси заворачивает его в белый шелк и приносит шаману. Тогда шаман говорит: „От окна отстранившись сидите, червь идет, от какого-то окна отстранившись сидите. „Pax jenvetxnga live, kitus' pryjvura! Kenbax pax jenvetxnga livé". Вот стрелой червь прошил окно и прямо к шаману. Шаман взял к себе.

Главным образом нужно лечить проказу — хачиз и накожные болезни.

Лечение прокаженного.

Шаман просит ввести собаку в юрту. Больной сидит, спустив ноги с нар на пол. Перед ним чугунный котел, отверстием вверх. Человек держит собаку, а шаман ходит по юрте и камлает (шаманит); потом шаман харкает — «выпускает дух», достает изо рта маленького червячка и подносит его по направлению к собаке. Собака отскакивает — ее укололо. Тогда озлобленного червячка направляют к больному; шаман становится против больного с червяком в руках, и голова шамана превращается в большого дятла — ves xr: — черного с красным лбом — и, зажмурив глаза, начинает мо тать головой вокруг лица больного, чтобы определить, где ему долбить лысину, т.-е. чтобы узнать, где червь болезни (шаман, зажмурив глаза, насквозь видит человека, и больной «весь голый» сидит). Шаман находит мягкое место, кольнет червяком и вытаскивает оттуда другого червяка, которого бросает в котел. Так он из всего тела вытаскивает всех червей, оставляя лишь одного червя samuk, без червя человек не может жить; этот червь плодиться уже не может. Видевшие этих червей в котле по- говорят, что они напоминают древесных червей. Этот котел по- крывают другими котлами. Тем временем он велит ночью своим kexn караулить чашу. На другой день он велит гилячкам крепко обмотать котел калужьей сеткой и закопать в землю, а сам ша- манит. Шаман отвозит его через 5 рек и 5 хребтов. Он поет, чтобы маленькие горы сделались большими, а речки — большими реками. Там он выкапывает яму, куда складывает котлы и обма- тывает их. Идущие должны считать 5 распадков и 5 хребтов. А шаман снова поет, чтобы высохшие маленькие ключи превра- тились в большие реки, реки — в утесы, а калужья сетка — в самый густой проволочный мешок — «сделайся проволочным мешком, чтобы червь не вышел». Шаман словами запаивает кот- лы: «Два котла, вместе растаяв, сливайтесь, сделайтесь взаимно одним».

Перед тем, как сделаться шаманом — poxtyrз-чam, — шаманом, умеющим вести душу на тот свет (от poxtyrз — вести душу на тот свет), он хворает, мучается, пока изо рта не выходит pulk (гольдское tulin) — шаманское медное зеркало, lovz (гольдское pün'чu) — кусок меди для дымокура у шамана, потом рога — murki' и, наконец, laxч — нож у пальмы. Laxч гиляцкого шамана его собственного изделия, но рогов он не имеет, а pulk покупает. Uz'mu kexn — дух покровитель шамана, то, что у гольдов ajami, живет в uz' шамана. Uz' — одна из трех душ шамана, буквально, сердцевина у дерева.

VIII.

ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОХОТОЙ И РЫБНОЙ ЛОВЛЕЙ.

Чédzigr-turl, toigo.

Чédzigr — дерево (лиственница), которое ставят в тайге возле охотничьего балагана и перед которым жертвуют хозяину неба. Каждый год ставят новый чédzigr, но старого трогать нельзя, даже руками нельзя касаться.

Если же он сам упадет, то его относит на охранительное место – чédzigr nan'gof.[1] В с. Кальво на чédzigr на перекладине — 2 фигуры yzix — мужик и баба. Чédzigr кормят в первый день месяца anlong (декабрь), другой раз в июле. Все усаживаются вокруг, старик берет у каждого понемножку из угошенья; делает чux-чugind — жертвоприношение — и ставит инау. Инау делают из рябины.

К месту, где стоит чédzigr собираются только представители рода, k:xal n'axr:. Приносят рису, булы, чушку и водку. Перед деревом лабаз для посуды. Чушку режут и брызгают ее кровью, приговаривая: «Kur, indyjá — бог, посмотри!» На дереве никаких изображений не делают.

Дерево это также дорога: все дают tly-n'ivux'y; жертва идет по дереву, потом по нитке, которая идет от дерева и служит следом. Разводят огонь, чтобы смолить чушку. Огня не кормят, но зато его оберегают, не топчут. Обязательно требуется, чтобы светило солнце при жертвоприношении, а потому иногда приходится ждать. Когда балаган ставят на новом месте, то делают новый чédzigr.

Tlyrox — жертвоприношение небу.

Все собираются в одной юрте. Рано утром отправляются искать лиственницу (для чédzigr), а женщины готовят разные блюда; потом укрепляют принесенное дерево и несут все блюда в китайской или японской посуде. Есть деревни, где tlyrox совсем не делают; в Тэвх вместо чушки и петуха закалывают только красную собаку pag:r x:an:, привязывают ее к чédzigr, удавливают, вырезывают сердце и бросают вверх. Угощают друг друга водкой, и водкой мажут чédzigr. Празднуют один раз в год в январе — чamlong. „Слово" при tlyrox: „n'jongarja kinyngич: hunguja', xólaŧi lygyguja'", т.-е. „пожалуйста, чтобы я жил хорошо, чтобы болезни не было".

Потом делают новую березовую чашку (han'gar:), ставят на землю и кладут в нее жертву. Тут же ставят лыжи, палку, самострел:; (narfóз:); „слова" (молитвы) не говорят и тихонько удаляются. Дома огонь «делают», и, когда все сварено, кладут все жертвоприношения между хвойными ветками, потом помещают между двумя развилинами (tunrg'a'vk): развилку бросают в огонь и назад вынимают. Развилку эту по окончании охоты кладут под голову, что защищает от milk'a (злого духа). На утро тихонько, крадучись, нужно взять обратно лыжи и пр. Эти вещи кладут для того, чтобы Tly-n'lvux по дереву спустился, и по этим вещам узнают, каков Tly-n'lvux и «хорошее ли у него сердце» и даст ли он «фарт» или нет. «Ведь нас 5 человек ходит, один поймал, а другой гоняет, гоняет и ничего не добыл. Как так?»

---

[1] В другом месте говорится, что чédzigr не возобновляют до его падения.

Во время tax — осенней эпидемии — в Тыр все гиляки собираются и приносят жертву — кланяются, дают рис, коренья, ягоды. Первым жертвует 120-летний старик Зявкаю из деревни Дыльмю. Молятся перед деревом чėdzigr. Этот старик помнит 4 больших tax.

Pal любит дерево с различными особенностями, и когда совершают что-нибудь торжественное, то выбирают такие предметы. Жертву всегда дают своему родовому Pal-yz'y (хозяину гор), но Pila-yz''y (большому хозяину) не дают. Его чаще всего видят на сопке. Кричать ему нельзя. По той стороне разговор идет — это Pal yz'. Pal — горный хозяин — любит черную собаку Tol — хозяин морской — белую. В каждом большом доме два огня, Pal-tuur и Tol-tuur. Если у кого одна печка, то только tol-tuur, а если нужно медвежье мясо варить, то идут к сородичу того xala, у которого две печи.

Tol-taxej — это taxej из лиственницы; к нему привешен молоток чong-чtás'. Возле halyпyr (лабаз), на который укладывают туши дельфинов, калуги, оленей. Тут же непременно и варят дельфинов, тут же и кости остаются лежать, кроме черепов и голов, которые отвозят на k:xork n'angol, т.-е. место, где кладут череп. На halyпyr во время fynyвк ставятся только два блюда — mos' и muvi (кисель). Отсюда же, в присутствии всего xala, бросают в Амур всего понемножку, но ничего не говорят — иначе еще несчастье случится. — Потом на taxej вешают табак, ag:a (axyз') — пучку, юколу — pys' и дают знать, чтобы все вышли кормить. Здесь главная контора Tol'a. Посылают кричать: „ыrk-lu? — Хватит ли?“ — „ыrkrá! — хватит!“ Все подходят домами и кормят, и каждый свое говорит: «Дельфина пришли! рыбку пришли!» После этого всем надо вместе одновременно вернуться, а то большой грех будет, если встретиться друг с другом.

Обыкновенный taxej охотника — индивидуальный nig. Кто коснется его, дает собаку. Если же чужеродец оскорбил lezing (место для медвежьего праздника), то собирается vopund kymlyз: и его судят, требуют медведя или luk — лохматую собаку. Pyl-yz' — духа-хозяина кормят каждый месяц. Если поймали вкусную рыбу, режут себе кусок и ему кусок, а через полчаса, когда его куски полежат, сами их съедают.

Когда строят pila uigryl (дом, в котором устраивается медвежий праздник), надо обязательно медвежий праздник устроить. Если негде купить медведя, то надо убить luk: — лохматую черную собаку («все равно molk», т.-е. как медведь). Если дом простой то убивают только собак, в количестве 2—4 и безразлично каких. Если на lezing столб упадет, то двух черных собак убивают Для pila uigryl не требуется вовсе, чтобы человек был задран медведем. После медвежьего праздника, когда чужеродцы возвращаются (к себе) домой, медвежьи кости перевязывают ремнем, а их собак убивают у особого чédzigr.

В одной деревне одному роду два lezing нельзя делать, но uigryl может быть несколько. Всякий дом, где происходит медвежий праздник, это уже uigryl.

IX.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ.

Чoramla: (чxoramland) — как кошка, хорек, даже меньше кошки; губа черная. Ходят табунами: видели их следы. Считаются самыми опасными зверями. Если наткнешься на них, то надо взлезть на дерево; они окружают дерево, но взлезть не могут. Человек привязывает к сучку шапку и пускает вниз, звери подскакивают; человек назад, те падают, грызут шапку и т. д. Наконец, он спасается: машет вокруг длинным стягом, и они бегут от этого шума.

Старший из всех сухопутных зверей pal-miv-kmyg: myg:nga lgagü syktymu yz'mus:gu. Они человеческой природы. Когла-то лев, тигр, медведь были людьми. Они со своими женами «через зад делали». Kur случайно увидел это. Он им говорит: «А, раз вы по-зверски имеете сношения, так и впредь останьтесь зверями». Тогда они сделались зверями. Поэтому их считают человеческой природы. Медведь тоже был человеком, но ходил на четвереньках. Kur увидел это: «Раз ты ходишь по-зверски, то и ходи по-зверски». Но он сношения имеет не через зад.

Скотоложства нет. — На Сахалине родился раз мальчик с хвостом.

Жаворонок делает гром, а потому его нельзя убивать. Подходить к его гнезду с птенцами грех — булет гром.

Громовая птица — tet lyj zevrk: — делает гром, а раскрывая рот — молнию.

Гагара — самая главная водяная птица. Самая старшая гагара ugn с хвостом, кричит тонким, как бы человеческим голосом «о-б-о!», вторая — k:axtr, ag:n'l, поменьше, кричит «ка, ка, ка», или «вах, вах!» Третья гагара — arn' самая меньшая, кричит почти человеческим голосом «а-а-а!»

X.

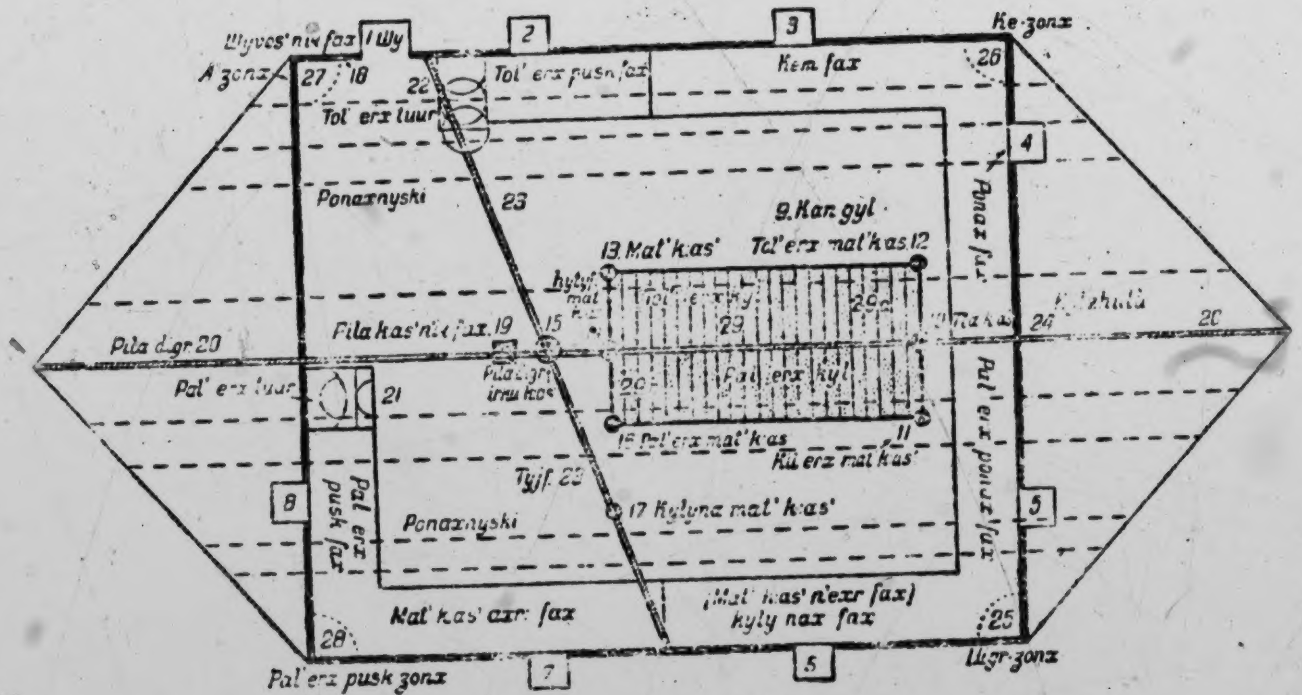
ПОСТРОЙКА ДОМА, ЕГО ПЛАН И СВЯЗАННЫЕ С ДОМОМ ОБРЯДЫ.

Перед укладкой первого венца пробуют сыпать муку; если при этом на утро след человеческой ноги будет, то хорошо, если руки человеческой или зверя, то худо, и тогда меняют место. Если никакого следа, тоже хорошо.

Объяснение к плану дома (см. чертеж). 1. Шу — дверь 2. Tol-erx pusk fax — окно, расположенное в направлении очага „хозяина“ моря. 3. Kem-fax. — второе окно налево от двери 4. Ponax-fax — окно над средней нарой. 5. Pal-erx ponax-fax — окно в направлении хозяина горы. 6. Kyly nax fax (mat' k:as' n'exr fax) — окно вдоль длинной нары. 7. Mat' k:as' axr fax — окно возле маленького столбика. 8. Pal-erx pusk fax — окно со стороны горы. 9. Kangyl место для привязи собак. 10. Tly k:as' — большой столб. 11. Kil erx mat' k:as' — маленький столб. 12. Tol erx mat' k:as' — столб со стороны моря. 13. Mat k:as' — маленький столб. 14. Hytyli mat k:as' — средний маленький столб. 15. Pi'la digr-irku k:as' — большой продольный столб под маткой. 16. Pal erx' mat k:as' — маленький столб со стороны горы. 17. Kylyná mat' k:as' — длинный тонкий столбик. 18. Ilyvos n'iч fax — небольшой камень у по- камень у порога. 19. Pi'la k:as' nir fax — небольшой камень у порога на уровне пола. 20. Pi'la digr — продольная матка. 21. Pal erx tuur — очаг хозяина горы. 22. Tol erx tuur — очаг хозяина моря. 23. Tyjl — поперечная балка, основа дома. 24. Kylzhutá — середина нары, куда кладут раненого медведем человека. 25. Uig з:onx — табуированный угол для медвежьей головы и пр. 26. Ke з:onx — верхний угол. 27. А з:onx — нижний угол. 28. Pal erx pusk з:onx — угол со стороны горы для табуированных вещей. 29. Пол — делится на две половины: а) pal erx kyl и в) tol erx kyl. На каждой половине ставится только то, что относится к соответственному духу, к tol или pal'.

Жертвоприношения (жертвенные блюда — чmáus) ставятся на соответственной половине; если места нехватает, то на соответственную нау (tol или pal').

RX2 Gilyak
I: Shternberg


Wyvos'nix fax
1 Wy
2
3
Ke·zonx
A zonx
27
18
22
Tol' erx pusn fax
Kem fax
26
Tol' erx luur
4
Ponaxnyski
23
9. Kan gyl
Ponax fax
13. Mal' k:as'
Tol' erx mal'k:as 12
hylyf mal
29
29
Kizhulu
Pila kas'nix fax. 19
15
Ma k:as
24
Pila digr 20
20
Pal' erx luur
21
Pila digr inu kas
20
Pal' erx kyl
Pal' erx ponax fax
15 Pal' erx mal' k:as
11
Ku erx mal k:as'
8
Pal erx pusk fax
Tyjf. 23
17 Kylyna mal' k:as'
5
Ponaxnyski
Mal' k:as' n'exr fax)
Mal' k:as' axr: fax
kyly nax fax
28
25
Pal' erx pusk zonx
7
5
Ugr·zonx

План дома амурских гиляков.

Tyvyz — „хозяин" дома, живет или под столбом (10) или под камнем (19). Иногда это старик, иногда старуха или молодая женщина.

Хозяин дома и его семья занимают tol' erx pusk; если семья большая, то еще kemfax (3) и ponaxfax (4). Медвежью голову ставят посредине (25).

Осенью во время чистки кормят решительно все: и стены, и пол, и подпорки под нарами, края нар и пр.

Обряды при окончании дома.

Когда кончают новый дом, то ставят две палки: одну спереди, другую сзади (дома) и между ними протягивают нитку, на которую навешивают изображения солнца (keng) и луны (long чах). Их не возобновляют впоследствии.

По окончании дома устраивается жертвоприношение: готовят mos' 1), alys — ягоды 2), rak: — кашу из риса или пшена и кормят 4 угла (чonx), 4 столба (mon'-nax) и 2 столба посредине — передний amxas' и задний — kemxas', в котором живет хозяин; кормят тоже поперечину — tyjf (ез:). При этом старик говорит: „Urla dyf muja' nolagu kýnynguч: humguja', ta sixyз x:olaf ta hum guja'" — хороший дом будь (чтоб крепко сидело). Моим детям сделай, чтобы было благополучно, какой-нибудь болезни чтобы не было». Осенью дом чистят, мажут глиной и жертвуют — tyv arnyз:.

Tyv yz' bax — камень перед порогом или за порогом, либо кусок чугуна; под ним сидит „хозяин", караулящий вход milk'ов.

Lym yz' — порог. За порогом под землей кладут разные кушанья (чyuз:) — земле, — хозяину и tol fynyз:.

Освящение дома.

Накануне освящения, в день окончания постройки, с закатом солнца надежный человек должен забраться туда и прислушиваться, не будет ли треска или сияния.

Если раздастся треск во время заката или замечается багровое сияние, то это худой признак. Если треск на рассвете или сияние ярко-светлое — то это признак хороший. Худой признак означает, что в доме поселился не настоящий „хозяин", а чорт — kins Тогда надо звать шамана, который делает чхnyr чхnaj — травяную фигуру и изгоняет беса. Настоящего «хозяина» два раза кормят — осенью (чисткой)[1] и в другой раз по желанию. Кормят все столбы, косяки, порог, матку, камень под порогом возле двери, где живет старик или старуха, оберегающие дом от входа нечистой силы.

---

[1] Повидимому, речь идет об очистке очага кормлением „хозяина" огня.

Изгнание нечистой силы происходит следующим образом: травяную (фигуру — чхnaj, на трех ногах, ставят посредине юрты. Человек держит ее за шнурок, привязанный к руке; в другой руке он держит дубинку. Шаман шаманит с бубном. Нечистая сила должна скрыться. Шаман перечисляет стенки, ящики и разные другие вещи в юрте, из которых его kexn должны изгнать нечистую силу, и только не называет одного угла — тут-то и прячется нечистая сила.

Тогда шаман говорит: «gy, gy (т.-е. «хорошо»), в таком-то углу нет нечистой силы», и все отвечают: «Gy-gy, gy-gy, в таком то углу нет нечистой силы». Наконец, шаман говорит: «В таком-то углу спрятался kings, Massi (повидимому, дух — помощник шамана, иди достань его, а остальные сделайте облаву!» «Вот-вот вышел, собакой вышел..» (обращаясь к kexn, т. е. к духу): «Сделайте облаву, гоните к этой травяной фигуре. А! Он обернулся мышью. Хор: «Он идет туда. Он обернулся в человеческий образ... Он обернулся птицей. Он забрался в столб!»

Наконец, нет больше места, и ему волей-неволей надо забраться в чхnaj — травяную фигуру. Когда он вошел в нее, то в руке державшего нить дрожь появляется Шаман кричит: «Бей его!», и тот бьет. Зажигают свечу, освещают, смотрят травяную фигуру: она опять головой не к поро[illegible] Шаман снова ищет его. Находит. Опять то же самое. Наконец, чхnaj головой к порогу, значит, злой дух вышел. Шаман оставляет на ночь своего Massi караулить. На другой день вечером он зовет настоящего «хозяина»; но тот отвечает, что запоздал. Настоящий «хозяин» обыкновенно бывает спрятан под землей, шаман ищет его и обращается к нему с просьбой: «Вот построили избу, будь хозяином, тебя кормить будут, наблюдай, береги!» Наконец-то хозяин появился посреди пола, голову высунул. «Выходи, говорит шаман, не стесняйся, чего желаешь, скажи, все приготовим!» Хозяин отвечает: «Собаку убейте, кровью угол мажьте, варите мясо, чтоб собачий пар наполнил дом. Костерку варите. Mlyk marɣo (рыбу с двумя плавниками у хвоста) варите, белого линька, пучку, кеты голову сварите, каждый столб паром угощайте, так делайте, багульником дымокур делайте, чугунный кусок вбейте, несколько штук у порога и в других местах пола, тогда пол будет железный. Так и укрепляйте».

XI.

РАЗНЫЕ.

Между Хэзь и Чильми утес Уj-parne в виде изолированного каменного столба. Раньше тут слышно было, как хозяин утеса бил в бубен. Ему три раза (в году) жертву приносили и обращались с просьбой: «Pxys'kyr ururungja'l — своим фартом сделай нам хорошо!»

Во время pila-dax (эпидемии оспы) больным дрова подносит, воду, но сами в дом не входят.

Когда узнают, что во всех селениях все окончилось (т.-е. прекратилась эпидемия), тогда покойников вынимают из могил и сжигают; боятся раньше сжигать, ибо считают, что дым разносит заразу. Единственное, что допускается, это курение багульником в юртах.

Женский характер. Пословицы.

1) Женский характер, как вихрь, ветру подобен. 2) Одной затяжкой перевернешь женский характер. 3) Женщина, что в чистом поле разведенный огонь: ветер подует — повалил.

Мерячение.

В Чарбахе болезнью мерячение страдают два человека — две женщины; болезнь передается наследственно по женской линии. Страдающие мерячением повторяют решительно все, даже на иностранном языке; повторяют даже действия. Припадки наступают во время испуга. Больная тогда в беспамятстве, но после она сознает. Если ее заставить много раз повторять что-нибудь, то она готова броситься с ножом. В молодости не мерячили.

Есть еще такие больные в Тымво и Пронге.

[T 322]

ОТДЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ САХАЛИНСКИХ ГИЛЯКОВ

I.

РЕЛИГИЯ.

Космогония и духи-хозяева. Все создал Kurn — хозяин вселенной; раньше все вода была; он «сделал землю, речку, дерево». «Работан» землю, Kurn потерял своего оленя, который обратился в Lavro-pal. Большие реки — это след его оленя, а маленькие речки (образовались) оттого, что он махнул своим кнутом на оленей — Hangi-z'ач:.

Небо — tly, как наша земля, но оно движется, поворачиваясь то одним концом, то другим. Когда небо с солнечным концом отойдет от нас, тогда наступает ночь.

Звезды самые большие величиною с юрту; они белые, и потому их не видать днем: при свете солнца они бледнеют.

Солнце ночью светит в Mlyvo (загробном мире).

Люди произошли от дерева: ороки от березы, гиляки от лиственницы, айну — от елки.

Хозяин гор и тайги, Pal' n'lgyvyn, похож на айну. Каждый род имеет своего Pal n'lgyvyn.

Гром зимою живет в воде, и Pal'-nivux его колет через воду в глаз; за это летом гром пытается отомстить. Так как Pal'-nivux имеет способность превращаться в самые миниатюрные существа, залезать под кожу (?)[1] человека, то гиляк, когда у него во время грозы свербит палец, немедленно пускает себе кровь, иначе гром убьет человека, чтобы убить забравшегося в палец Pal'-n'ivux'a (рассказ Гибельки, слышанный им в Н[illegible]дэ).

Бог ветра — Layzn (злой ветер — Lamangnd); ему чих-чugnd (жертвоприношения) не дают. В него стреляют из лука; из ружья не стреляют, боясь вызвать гром и бурю. Ветер происходит так: «Layzn все равно, как человек, изо рта дует».

Медведя, соболя, лисицу, выдру, белку создал Pal yz'n (хозяин гор).

Tuurmam — бог очага, хозяйка огня, старуха — один у всех сородичей. Голова у Tuurmam курчавая, морда красная, волосы короткие (косы нет), ростом с человека, одежда — рыбья кожа, живет в огне.

---

[1] Неразборчиво. *С. Ш.*

Tajrnanz: один посылает рыбу; он большой здоровый человек. У него собаки все белые. Ездит он в воздухе по млечному пути (Tairnanz: — tlf); там же и живет. Он же гром делает. Каждый k:xal имеет своего Pal-n'ivux'a, своего Tol-n'ivux'a, даже своих milk'ов, но Tairnanz: один. Tol-n'ivux'у (ставит) три дерева: пихту, рябину и тальник. На деревьях вырезаны полоски коры, а ветви перевязаны осокой. Один чхпај привязан саранкой.

Oskyz'n — хозяин зайца, большой, как корова, нос длинный. Голову зайца бросают, повязав пучкой. Tlangi-yz'n — хозяин оленя, похож на оленя. Mekvon'-gi — хозяин кабарги.

Злой дух — Ge-n'ivux. Его юрта — земляная насыпь близ Тэхрво. Он приходит к гиляку, отворяет окошко (kugutý), протягивает два пальца и просит чего-нибудь. Дадут ему что-нибудь, он уходит. Иной даст ему горячий уголь; он не знает, в чем дело, перебрасывает с руки на руку, говорит: «as' kavxaj, xavrxaj, avgujä», — «горячо, если нет (ничего), не давай!» Ge-n'ivux любит красть людей, особенно детей. Единственное средство — это нанести себе рану, ибо Ge-n'ivux боится крови. Брат Пумкина, карауля оленей, сидел в балагане и вдруг увидел двух ge-n'ivux'ов. Он стал кричать и нанес себе рану. Ge-n'ivux и нерпу бьет. Его видят далеко, но вблизи он исчезает. Болезни он не прогоняет. По виду „все равно гиляк".

Талисманы. Гибелька разбогател следующим образом: старший брат его Амгунка нашел в тайге под бревном лоскуток красной материи: с тех пор он стал богатеть. Гибелька украл у него этот талисман, а потом с неба упал чхпај, и он стал богатеть еще больше.

Tagn — талисман — предмет, который попадает счастливому человеку (kyz naria n'ivux) и увеличивает число имеющихся у него вещей (например, 2 шубы вместо одной); таковы: майский жук, кусок золота, лиственница с еловыми шишками, лазящая ящерица, червяк.

Алексей поймал гоя с тремя присосавшимися червями, и после этого был счастливый улов.

Конки-отец очень стар, уже ничего не помнит. Он по снам дает советы больным — делать чхпај, кормить их и уносить в тайгу.

В последнее время он не имеет видений и поэтому считает, что скоро умрет.

Шаманство. Kexn отвечает шаману на его вопросы о болезни и лекарстве, но никто не слышит его ответов. Самый сильный мастер — Tlykexn (дух неба). Он ходит пешком по небу и на веревке водит по воздуху шамана, куда ему хочется. В Mlyvo (загробный мир) шаман с собою kexn не берет. Kexn Койныта[1] является ему только во сне или во время сеанса. Он его командирует к разным богам с поручениями, напр., узнать, какое жертвоприношение сделать. У него пока только pal-n'igyvyn (kexn). Его kexn маленький, лицо человеческое, тело шерстью покрыто.

Чамх, отец Койныта, моего сказочника, был шаманом в Ады-Тыми. Он имел 4 души: одну от Pal'a, другую от Tol'a, третью от Tiy и четвертую от Mly-yz'n.

Шаманы делают чхnaj (деревянное изображение pal-n'igyvyn), внушенные во время сеанса, и кормят их. Кормление заключается в том, что дают сахар, саранку и т. п., но их съедает шаман; однако, только окружающим кажется, будто он съедает, а съедает сам kexn. Чхnaj надо кормить, а то он человека грызть будет.

Когда опасно больной, тогда юрта начинает шататься [illegible] делается сквозной, и через отверстия летят, как комары, множество kexn и кричат: «Мне верь, мне!» и тогда шаман, как пьяный, падает. Потом он ест багульник и пьет морскую воду — это он своим kexn дает. Он огонь глотает. Kexn любит песни.

Если человек при смерти и milk утащил его душу Mlyvo, то kexn его убивает, и шаман отправляется за его душой туда, и если ему удастся достать душу, больной будет жить. Kexn показывает шаману дорогу (в Mlyvo). Шаман через дырку попадает прямо в Mlyvo; там такая же земля, как здесь, такое же небо, много деревень. Если душа на дворе, можно ее достать; если в юрте — пропало: сам шаман, если войдет в юрту, умрет. Душа шамана делается в Mlyvo как птица и облетает подземный мир.

Parnxaslnd (орокское слово) делают только орныр — т. е ороки. Они спрашивают чхnaj, выздоровеет ли больной или нет. Если чхnaj качается, то выздоровеет, если нет — то умрет. Все это делается под дым багульника. Когда шаман барабанит, то kexn советует сделать чхnaj, и если чья-нибудь душа придет в него, тогда больной будет жить. Если живой будет, то чхnaj кормят; потом, когда по соображениям шамана пора его потерять, он приходит и устраивает так, чтобы milk от больного перешел в чхпај, и тогда больной выздоровеет (см. «Гаданье с камнем»).

---

[1] Сказочник автора — юноша, впоследствии шаман. *С. Ш.*

Когда шаманы воюют, то побеждает тот, кто имеет больше душ. Убийство шаманами друг друга сопровождается получением kexn противника. Душа шамана во время мнимой его смерти странствует по островам моря (tol). На этих островах, которые бывают разного цвета, живут в домах из камня tol-kexn. Иногда душа его уходит в горы, в жилище pal-kexn. Шаманский kexn боится только Pal milk'a, Tol milk'a, но не milk'a соболей, лисиц, выдры, крыс.[1] Среди kexn есть и сивучи разных цветов, и железные форели, и тигры.

Как шаман Чомх воскресил женщину (с. Рыковское).

Муж и жена рыбу ловили. Жена заболела и умерла к утру. Муж говорит: «Вы все шаманы обманываете. Вот жена умерла. Ну, сделай ее живой!» Рассердился шаман и говорит: «Ну, я пошаманю целую ночь; если к утру она пошевелит левым мизинцем, жива будет». Так оно и случилось.

Шаман сам себя колол, в рот стрелял, и «ничего».

Шаманка имеет больше духов, чем шаман. Она убивает своего соперника шамана, посылая своего kexn помазать глаза своего соперника менструальной кровью шанх-чох. Свойство этой крови: капля, попавшая в еду, заставляет человека сохнуть. Совокупление во время месячных приводит даже к сухотке.

Камлание шаманки, которая после рождения первой дочки была, по ее словам, milkiernd (с ума сошла). Сначала делала инау, потом натирала лицо, грудь и пр. багульником, зажгла его на очаге и грела бубен... Затем она повязала ноги и руки стружками и стружками опоясала себя. Зевает. Мерные удары... Звуки усиливаются. Громко вздыхает, шепчет. Начинает ходить. Села. Ослепла, не видит ничего. Milk пьет десять чашек с ужасной жидкостью. Чох! Чох! Залпом выпила... потом потребовала трубку и стала курить и дым выпускать через нос. Потом (сказала), „Kyrnďra'" — голодна! и стала кушать саранку, потом ей подали takr — багульник. „Тяжело!" (поднять бубен). Это milk сделал. Потребовала моей папиросы. „Дайте духу табаку" и велела раздать всем курить. Бьет себя в грудь, а девушка бьет в бубен. Потом сказала: „Огонь сделать!" Села, затем внезапно поднялась, пустилась в пляс и побежала в дверь, но ее поймали. Слова шаманки: «Люди собрались послушать. Никакой опасности нет. О разных вещах не могу говорить. Голые люди (т.-е. не звери), беда, ничего сказать не могут. Моря разговор слышу, горы разговор слышу, неба разговор слышу и морской рыбы разговор слышала. Со всех сторон рыбы разговор слышу. Меня только все слушайте: от Pal'a только все родилось, от средины существующих гор родилось. Зовут (меня) Протыст. Мужа имя Забрайн. Мужем данная фамилия — меня Вез'лык зовут. Я старуха. Табак кругом (все сидящие) по юрте курите! Малые, большие с[illegible] фартом все курите! Никакого чорта не боюсь![1] Я вам все[illegible]ща. Большой старик я один только (?). Желто-медная белка, на мою дорогу приди! К его травяному дому (когда поднимешься с моря) отдыхать (сядь). Оттуда, когда поднялся, людоеды перед 8 медвежьими клетками у края отверстия, сквозь которое просовывают корыто, находясь, отдыхают».

---

[1] См. о крысе главу VII „Разное". *С. Ш.*

Во время сеанса исцеления больного над его ложем привязывается свернутый кружочком ремень — tшyng, а на полу перед ним ставится котел (niч) с гвоздем (trofrvat). Этим ремнем kexn поймает и свяжет душу больного в Mlyvo, положит за пазуху, принесет в юрту, сунет в котел — иначе она через пол уйдет в Mlyvo-xuly — и проколет ее гвоздем. Гвоздь и ремень шаман забирает к себе.

Кепчх и шаманские фокусы.

Kenчх помогает шаману только при фокусах lernd, шаман колет себя ножиком в грудь, но на самом деле он колет kenчх (чekoxis' pes'pind). Шаману завязывают руки назад ремнем, а kenчх приходит и развязывает и свернутый ремень бросает гиляку-собственнику. Халат шамана, застегнутый на все пуговицы, сам сползает через голову шамана и летит (садится на нары).

Шаман надевает на шею петлю из тонкого ремня, и два человека с обеих сторон затягивают петлю в то время, как он продолжает песни петь. Наконец, голова шамана падает в одну сторону, а туловище в другую. Тогда гиляки начинают постукивать, а один бьет в бубен. И вот, наконец, слышится топот за дверью и входит ken'чх-yz'n в виде большой коровы. Он подходит к большому котлу, выпивает всю воду, съедает мясо шамана, и новое мясо и голова вырастают. Затем душа шамана взбирается на перекладины над очагом и начинает петь песни Kyu-kyu. Потом голова прирастает к телу, и шаман опять воскресает. В 1897 г.

---

[1] Тут, очевидно, пропуск в записи *С. Ш.*

было шаманов в Пылво — 1, в Техрво — 1, Тырмыч — 2, в Чайво — 2, Кэхрво — 2, в Орныр — одна шаманка-старуха. Самый большой шаман — старик Кумыск в Тырмыч.

Импровизация рассказчика-шамана.

Tyl'gund нельзя сочинять, грех. Это предание, правда.

N'as'tund может (рассказывать) n'as'tun'-n'ivux (рассказчик) или шаман, которому помогает особого рода kexn (mif-n'ivux-kexn), сидящий на языке говорящего. В момент расспроса о возможности импровизации Койныт (шаман) сказал «могу» и стал импровизировать.

Что это было вдохновение, я это видел воочию по обилию и неуловимой быстроте потока слов и силы речи. Тыурн слушал с восторгом и с интересом расспрашивал объяснения.

Перед этим и он пел песни. Мелодия песни совсем не та, что при n'as'-tund; в ней много грации и нежности.

Местами тихий тенор красиво вибрирует нотами виолончели, местами переливается в тончайшие пианиссимо, зато огромным диссонансом звучат выкрикивания, искусственные вибрации горлом. Поется вся песнь не переводя дыхания, и к концу строфы шаман заканчивает, порывисто обрывая словами „hand furu" — „так сказано." Часто кончает песню, обливаясь потом.

Декламация и пение при повествовании.

1. При nas'-tund: а) сначала гудение, б) далее — монотонное, вибрирующее, заунывное пение во весь дух, оканчивающееся, в) fortissimo с выпусканием дыхания.

2. При описаниях — однотонный речитатив.

3. Драматизм: артистическая передача разговоров ритмическим речитативом особенно хороша. Если привыкнуть, то очень мелодично.

4. Присутствующие поддерживают восклицаниями: „Ola! epoj, epoj!" и т. д.

Кепчх — птица, приходит по ветру. С kenчх ремнем тянутся во время песни. Два человека (один шаман) бросают веревку, kenчх ухватывается и перетягивает людей.

Похоронные обряды.

Закрыв глаза покойнику шапкой, его вытягивают, руки складывают на животе; волосы распускают себе (жена, мать) и покойнику. Голову стараются приподнять, подкладывают одежду, а у бедных — солому. Иногда жена или муж срезывают кусок косы. На грудь кладут табак и трубку, и гости поочередно подходят и курят из этой трубки ему в рот. Возле головы жена или другой близкий или, наконец, чужой старик или старуха ставят маленькую чашку с едой, водку, холодную воду; родственники время от времени подходят, съедают положенное и опять наполняют чашку.

Покойника нельзя одевать ни в рыбью, ни в кожаную одежду, ибо в огонь может попасть капля жиру, а это грех. Орнаментированных вещей также нельзя давать, ибо иначе покойник заблудится. Одежду для покойника шьют из дрели или шелка (pos') в кратном количестве, остальное в единственном числе. Для шитья одежды собираются все бабы. Шьют одежду «слегка», шить крепко грех — „uigyl". Обмывать покойника не надо.

Покойника обряжают в следующие одежды:

1. L'arx, рубашки, но непременно без ваты; пояса не надо; штанов стыдливости нет.

2. Pan' — наголенники.

3. Ki — сапоги из дрели, одинаковой формы для мужчин и для женщин; голенища короткие, подошвы тоже из дрели; надевают на голые ноги.

4. Hak: — шапка тоже из дрели, шапка наподобие детской, с капюшоном назад.

5. Vàmyx — рукавицы с одним пальцем, безразлично какого цвета; нарукавников не надо.

6. N'ax àir — очки, т.-е. завязки для глаз из дрели, в три пальца шириной. Сережки и браслеты снимают.

7. Vigvyr — пояс, кусок простой дрели белого цвета и к нему только 2 пары ножей (чek:oxal') из дрели (для мужчины) и одна сумочка (mly) для трута и кремня.

8. Hontx — кисет, тоже из дрели для мужчины, как и для женщины; в mly и hontx кладут табак.

Муж обряжает жену, жена мужа, родители детей и обратно. Вещей покойнику сверх перечисленного не дают никаких. Шаgund -- драгоценности — развешивают на дворе и в юрте.

До похорон каждый день угощают гостей с утра до вечера. У богатых вся деревня угощается, пьют водку и ставят водку перед покойником. Необходимо веселиться, но не пляшут.

Ни новостей, ни сказок, ни песен (не рассказывают — pirind).

На второй день мужчины идут рубить дрова для сожжения покойника. Рубят лиственницу и елку, а для маленьких — тальник; рубить елку и лиственницу для маленьких грех. Дерево нужно выбрать хорошее, иначе грех. Срубают одно или два дерева. Дрова раскалывают вдоль и рубят непременно определенной меры: у одних до сажени длиною (род Плетунки), у других в сажень без одной руки. Корня не трогают, ветки бросают. Поленья кладут в три ряда, вдоль и поперек.

Вторую ночь тоже не спят, все кормят покойника (mu n'igyvyn ачnind), но в рот ему ничего не кладут. На третий день чистят юрту — lav mund, подметают пол, потом чистят огонь — tugur mund, приготовляют мос', делают tugur arnind — „огонь кормят" (новый хозяин, сородич) — бросают мос' в огонь, разведенный из веток елки, но ничего не говорят.

Когда исполнены все приготовления, кушают, пьют водку и затем вносят нарту. Покойника укладывают на нарту, привязав ремнями, четыре человека поднимают нарту и на руках выносят до места сожжения. К месту, где спал хозяин, привязывают „pryski" (собаку). Три раза обходят с нартой с покойником вокруг будущего костра и три раза устраивают передышку. После этого собак с нартой отводят в сторону, а покойника укладывают на сложенные дрова — hap лицом на запад, руки складывают ладонями к груди, ноги согнуты коленями кверху (любимая поза на наре). Затем изготовляют деревянный прибор для добывания огня — чхач: tugur, именно: вертикальную палку lung (сверло); трут кладут посредине маленькой палки, огонь добывают трением lung об эту последнюю; и хозяин дома зажигает стружки.

Перед тем (как зажечь костер) взбираются на дрова и плачут над покойником. Начинают плакать женщины. Мужчине по покойнику грех плакать, исключая по жене. На hap холостого покойника входит плакать жена старшего брата, но не младшего.

Причитания над трупом мужа: «Моего мужа, о горе, веселый чорт (плача), веселые убили, поверх меня теперь ходят, другой человек теперь: (которые) беднее меня разбогатеют, богаче меня с этого времени (будут). Свои слезы только теперь кушать буду».

Когда костер разгорелся и огонь начинает подбираться к верхней половине тела, то берут из приготовленной кучи дров и бросают в огонь; даже маленький ребенок бросает какую-нибудь палочку; другие тычут длинными палками; это — выражение любви. Если у покойника под влиянием огня руки расправятся, это дурное предзнаменование скорой смерти кого-нибудь из близких, и палками придают рукам прежнее положение.

По окончании церемонии сожжения приносят в жертву собаку, голову которой при убиении наклоняют книзу и в сторону соответственного божества: Pal'y на восток, а Tol'y — в сторону моря. Шкуру собачью некоторые бросают (кладут в яму) вместе с мясом; другие мясо варят, для чего рядом с ħap раскладывают особый костер, и мясо частью съедают, частью разбрасывают. После этого отправляются в юрту покойника и вкушают по ложке угощения, покурят и расходятся.

Любимую собаку „pryski'" (каждый человек имеет свою pryski') приводят для присутствования при похоронной процедуре, а потом ее отводят в юрту, привязывают к месту, где спал покойник, и кормят из его чашки три года — если мужчина, и четыре года — если женщина. После этого ее продают или дарят, но себе оставить нельзя.

Сумасшедших после смерти, даже и там, где практикуется сжигание, хоронят прямо в земле.

В Ады-Тыми ночью на место сожжения, если подозревают, что человек умер от колдовства, отправляются с ружьями два человека караулить. Сначала птицы являются, потом зайцы, лисицы, затем ormi-milk, обмазанный глиной от стрел. Он приходит кушать человека, и если его не убить, то умрут и другие.

На другой день после сожжения, когда костер потух, на него наваливают дрова, доски и поверх сломанную нарочно нарту; иногда мелкие куски ее оставляют себе (напамять).

Там, где покойников хоронят, а не сжигают, их кладут в гроб. Гроб может делать всякий из досок или из лодки — два ящика. Выносят через дверь. Его ставят на нарту, которую и зимой и летом несут на руках. В гроб кладут необходимые вещи, некоторые в моделях. Провожающие не наряжаются в праздничное. Выкопанная яма должна вместить гроб до крышки. Оплакивания нет, целовать покойника грех. Не требуется, чтобы каждый насыпал земли в могилу. Никаких знаков не ставят. На могиле убивают собак, но их не кормят перед тем и не надевают на них инау. С убитых собак тут же снимают шкуры и вешают на палку, а мясо тут же варят, но едят его немногие, а прочие бросают. Над могилой ломают лодки и пр. Гиляк покойников не боится. Покойников кормят около полугода, когда «хорошая пища случается».

Быть сожженным лучше, чем быть похороненным.

Кто делает первое мос' по утопленнику, того не сжигают после смерти, а хоронят в земле.

Не сжигают утопленника, если он чужого рода, а обкладывают его палками.

Если покойник был убит, его в юрту не вносят, а кладут возле. Около места сожжения убитого ставят „vagn'" — дерево корнями вверх. Убитых с поля битвы обе стороны уносят к своим селениям.

Если человек умирает в балагане, то он там остается (до похорон).

Raf (надмогильный домик с дверцей) делают через месяц, два, три, четыре, когда есть время. Зимой ставить raf нельзя, весной тоже, ибо земля мерзлая; тоже и осенью. За это время покойника абсолютно не кормят. Raf изготовляют общими усилиями.

В день изготовления raf, как и в день сожжения, единородцам воспрещены всякие работы: нельзя ловить рыбы, итти на охоту, делать нарту, нельзя шить, ни даже «делать голову», т.-е. причесываться, но песни петь можно. Чужеродцам разрешается работать, если только они не глядели на работы по устройству raf'a, но единородцам того же xala, если они знают, что делается raf, хотя бы они жили в другом селении, работы воспрещены. Мастер, помогающий при постройке raf'a, вознаграждения не получает: это грех.

Стенки raf'a делаются из досок. Крыша делается как у настоящего дома. Посредине k:xak: двойная дощечка с затычкой, которой закрывают отверстие — kylmyz' (пуп). Острие затычки проходит через круглый кусок бересты, накладываемой на отверстие. В верхней части натыкают копье, стрелки, крючки, ножик. K:xak: заворачивают в кусок дрели в форме трапеции и укрепляют, привязав к пупу; верхняя часть k:xak: остается голой. Поверх этого спереди такой же формы передник, который обшивают орнаментом, мехом выдры и пр. К поясу из дрели привязывают honlx — кисею, mly (маленькая сумочка для кремния), нож с ножнами. Ставится посуда, кушанье и пр. В углу ставят изображение pyk (кукушки) на деревянной подставке и перед ним деревянную чашечку — nirng, в которую кладут рис. При постройке raf'a ломают всякие принадлежности, и все, что ломают, кладут в raf или возле него, если оно не помещается внутри: в raf можно класть и всякие орнаментированные вещи.

Raf, шитье и пр. изготовляют на месте. Раскладывают огонь и начинают готовить разные блюда и приносят водку. Сначала едят сами, а потом ставят пищу в raf mu nig:yvyn arind. Утром отвязывают pryski, приводят ее к raf'y и кормят, когда сами кушают. Кроме вареной пищи, в raf и по соседству сыплют еще рис, буду, горох, табак. На другой день надо притти и скушать остатки вареной пищи.

После этого mu n'igyvyn больше не кормит, но приходят посмотреть, покурить и часто водку пить. Это продолжается от двух дней до 2 3 месяцев. Потом pryski возвращают в первобытное состояние. Ее нельзя приносить в жертву, нельзя кушать, и нельзя из ее шкуры делать шубу ни родственникам, ни кому-либо из k:xal'a.

После смерти убийцы по его сожжении ставят laxч (см. ниже, стр. 332), а потом все же ral делают.

Душа и загробный мир Млыво.

Каждого человека убивает milk (злой дух), который уносит его душу. Душа боится и прячется у Pal-n'igyvyn или Tol-n'igyvyn, смотря по тому, какой milk убил человека. Максимум через 3 года душа вернется в Mlyvo. Если умер старик, он старым туда и придет, а если молодой, то молодым. После смерти в Mlyvo душа пойдет в другое Mlyvo, а душа женщины еще в третье Mlyvo, а потом родится вновь. Душа человека совсем похожа на человека.

Покойник отправляется в Mlyvo на нарте. Если у него нет в ухе дырки для сережки, то по дороге одна старуха осматривает и делает дырку, но если покойник не желает этого, у него отнимают душу. Сережки носят не для украшения, а ради дырок в ушах. Старуха, делающая дырки, называется чivxyty fi-mam, т. е. „посредине дороги находящаяся женщина".

До похорон душа или сидит или уходит в Mlyvo, и потом опять возвращается, но после сожжения она уже остается в Mlyvo. Покойники передают на том свете поклон от земных родных, о чем просят при оплакивании. Если женщина вторично выходит замуж, она с первым мужем уже не будет в Mlyvo: муж на том свете тоже берет себе жену. Хорошая баба (овдовев) не выходит замуж.

Мать Индына,[1] долго болевшая перед смертью, лежала на земле в своей маленькой юрточке, а вокруг очага сидели ее дочери, замужняя и маленькая, и (сыновья) Индын и Чурка. Мать с полузакрытыми глазами сказала: «Когда я помру, дети малые совсем пропадут, — ты будешь ходить гулять туда-сюда, а о них думать не будешь». Чурка смотрел вбок и только угрюмо промолвил: «Как можно, разве я им не брат, что ли?» и ушел. Потом (она обратилась) к Индыну: «Да, я умру, кто за тобой смотреть будет, кто платье починит, кто накормит? Ты замерзнуть можешь, утонуть. Гиляки тебя обижать будут, а за тебя кто слово скажет? Я помру, мои губы уже не будут защищать тебя». Потом речь начала путаться. Она посмотрела в отверстие крыши, уже звезды выступили. Она сказала: «Надо пойти, а то поздно будет». Сестра: «Куда пойдешь? Ведь ты совсем помираешь». — «Уже и знаю, я не умру, мне надо пойти». И с этими словами она скончалась. А Чурка в это время рыбу ловил.

---

[1] Младший брат проводника Штернберга, Чурки.

Покойники приходят во сне. Так, к Индыну мать приходила несколько раз. В последний раз она ему сказала: «Твой отец опять меня взял» и больше не являлась.

Большая душа живет по всему телу человека, а в голове этой большой души живут маленькие души — tarn. После смерти человека маленькая душа живет в его pryski' (собаке), которую привязывают к его нарс. Маленькие души похожи на яйца и белого цвета. Во время сна маленькая душа ходит всюду, говорит, видит и пр. Бедный человек «все-таки одну маленькую душонку имеет». Если человек умрет на чужбине или утонет, то душа его приходит в дом. Душа случайно умершей собаки бродит где попало.

Всякое тело имеет душу, и форма ее соответствует телу. Поэтому, если телу придать известную форму, то оно приобретет соответственную душу. А потому, если болит, например, горло, делают язычок, и душа его живет в этом язычке. Пойманную птичку, с которой дети играли, нельзя пустить, ибо она унесет душу.

Судьба души зависит от вида смерти.

1. Съеденный медведем живет до глубокой старости у Pal-n'igyvyn (хозяина леса), а утонувший у Tol-n'igyvyn, потом идут в Mlyvo.

2. Самоубийца (повесившийся) попадает прямо в Mlyvo.

3. Умершие от эпидемии (эпидемию причиняет кровь, пролитая во время войны японцев, китайцев и русских) идут тоже прямо в Mlyvo.

4. Умерший от раны (ножом, луком, ружьем) живет в воздухе, как птица. Души таких несчастных ночью кричат с деревьев.

5. Убитый человеком, пока не получен txusind (выкуп), будет тоже летать в небе. Если за убитого отомстят кровью, то оба пойдут вместе в Mlyvo.

Ночная птица taxч величиной с ворона и такая же черная но клюв красный. Если ночью услышать ее крик, ее по имени назвать нельзя, а надо сказать atk.

Когда убивают человека, то слетается в деревню много этих птиц.

Эта птица (душа убитого) вселяется в мстителя за убитого и внушает ему храбрость. Ее изображение (vagn, taxчynnga) делают из корня ольхи и ставят корнями вверх, недалеко от raf'a над могилой убитого. Из корня надо сделать чхпаj этой птицы и всадить ей в рот ножик.

Возрождение души.

Душа покойника иногда рождается вновь. Если родился мальчик с признаком, указывающим на происхождение его от умершего человека, то он еще до полной речи будет говорить слова, которые указывают на знание им прошлого. Когда он достигает уже до разумной речи, отец надевает ему шапку задом наперед и начинает спрашивать его про прошлое, потом тихонько говорит: «Ну, теперь довольно, забудь прошлое», и надевает ему шапку правильно. Тогда мальчик все забывает и будет долго жить. Если же отец этого не сделает, то мальчик умрет. Процедура с шапкой прогоняет milk'a.

II.

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО.

Жертвоприношения морю — Tol vyza:d (fynyз:).

1. Когда наступает зима, и на поверхности моря нет ни одной полыньи, мужчины только своего xal'a (женщины не участвуют) отправляются в темный вечер к морю, делают прорубь, и каждый бросает через нее морю зажженное трутом дерево — «деревянный огонь». Потом дома «кушают», т. е. пируют.

2. Летом отъезжающие от берега с лодки бросают хозяину моря — Tol yz'dox из чашки для морских жертвоприношений — tol n'iч:.

Tol'y жертвуют всегда белую собаку, белую елку, все гладкое, чистое. Pal'y и Mif'y, наоборот, все вычурное, Kur'y — красную собаку, красного петуха, светлую чашку, водку.

В день переезда в охотничий балаган, вечером Pal-n'igyvyn'y, хозяину гор, делают чих-чugynd (жертвоприношение), при чем хозяин говорит: „Az'myr sikrá, urgur n'un'ujá, munkjà" — „подарков нет больше, сделай, чтобы я не боялся, хорошо за нами смотри!" Чих-чugynd делают перед определенным деревом (uigчxar — табуированное и запретное дерево); потом только кормят огонь, говоря: „Urgur in'jà, hiulan tugur mujà, pal'ax pong argujà — хорошо ешь, горных людей заставь нас пожалеть!" Огонь не может делать чужой k:xal. Чистить огонь tugurmynd может только хозяин — Yz'ing; чистка производится осенью [illegible] зимнике, а весною в летнике; мусор кладут в одно место. Мос готовит огню тоже только yz'ing и его k:xal, но жертвоприношение может делать всякий. В первый же вечер дают жертвоприношение очагу: „Urgur in'jà pal'ax ponargjà nula n'ivux mungjà" — хорошенько ешь, сделай гору, чтобы пожалела меня, счастливым человеком стать!" Старые taxej (деревья с развилинами) складывают вместе и делают новые. Возле балагана есть uig-taxej, на которых вешают соболей, петли и пр. Слово ему: „Pal ponargjà n'ax hiulan — n'igyvyn mungjà!" — „гора, пожалей меня, меня удачливым в охоте на медведя сделай!"

Возле балагана есть uig-чхar, куда жертвоприношения бросают просто ложками — никаких чхпаj не делают. Кормят также kelnung an'x (в зад смотрящую суку) и Lymyz'n nam.

Пришедши с добычей, ее вешают на общий taxej, где она висит несколько часов, пока не подсохнет. Снимать шкуру может всякий, но из своего рода. Сваренную голову соболя украшают инау, кладут на переднюю часть очага, ближе к ponang (средняя нара), на палки, и через затылочное отверстие и ноздри напихивают рис, пучку, сарану, мось; потом всякий, кто хочет, ест и голову.

Когда сложили голову и кости в чумашки, делают жертвенные блюда и уносят кости в тайгу; там отыскивают дуплистое дерево, делают отверстие в дупле, кормят голову, и все кости и голову бросают туда.

Выдру кормят и хоронят точно так же, как соболя. Остальные звери uigynd kauk (т.-е. на них табу нет).

Когда находят в тайге пару рядом лежащих оленьих рогов взрослой особи, то обладание ими дает счастье гиляку.

Во время охоты с петлями (рочахir n'arxund) женщина не должна шить ничего нового, ни дать из своего дома что-нибудь другому, даже члену своего рода, если эта вещь ночевала в доме. Своего огня на улицу выносить нельзя. Нельзя пускать никого из гостей ночевать. В тайге можно в чужой балаган ходить, но не ночевать. Если соболь пойман в петле, чужой без позволения хозяина не может взять его руками, и вообще в период охоты не может дотронуться до пойманного соболя даже человек из своего рода, если он не участник охотничьей кампании; даже до убитого рябчика он не может дотронуться. Если кто-нибудь uigind — грех делает, ему не дают рыбу ловить, ни охотиться на речке, и не идут к нему на медвежий праздник.

Соболей при ловле не следует убивать собаками.

Поимка волка. В Ихдаме (северо-западный Сахалин) недалеко от юрты ставят дерево с развилкой с заостренными краями. Между развилкой и стволом привешивается юкола; волк вскакивает, чтобы ее схватить, засовывает лапу, которая ущемляется, и он не может ее освободить. Стрелять в волков грех.

Нерп ловят так: вокруг tos' (?) ставят сетку и сгоняют сп щих на песке нерп, тогда они попадают в сеть.

Два раза в год (летом после горбуши и осенью перед соболем) делают мось. Зимою нужно непременно самому убить много собак (минимум 4), много мось сделать, летом переловить много медведей (это будет pal n'ivux txusind). Вообще из-за txusind много чего делают.

Когда ставятся петли и ловушки, т.-е. в период narxund, а также во время медвежьего праздника, и когда умер человек, с бабой спать нельзя.

III.

ПОСТРОЙКА ДОМА И СВЯЗАННЫЕ С ДОМОМ ОБРЯДЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ.

Под столбом кладут кремень и шиповник. Шиповник караулит против milk'a, а кремень, чтобы в дереве не было дырки, и тогда mijk (злой дух) не пройдет. Дверь на восток.

Когда новую юрту кончают, устраивают праздник. На 4 вертикальных столбах (nas'ki xar) делают на каждом инау чхnaj (чхnaj ein (?) exlung; Ады-Тыми) в виде человеческого лица, для крепости дома, затем на поперечных стропилах (nas'ki) повязывают инау. Потом убивают собаку, привязав ее к крайнему к двери nas'ki xar'y, и кровью ее сердца мажут чхnaj. Мясо собаки варят. Делают мось и кормят чхnajinau, kelgeinan'x или (в Аркыво) lymyznmam и niч. Затем ставят три небольшие елочки в очаге и повязывают их двумя саранками — повязанными пучкой (axz); повизки эти называются почему-то «маленький медведь». После этого в трех местах кладут под землей инау, в которую завернуто мось. Ночью, когда все улягутся, надо сжечь елки и сказать молитву.

В огне ближе к входу находится tugur-mam, а за огнем старик tugur-учх. Всеми яствами кормят tugur — хозяина огня; бросают в огонь и говорят: „Urgur injá, uriantal mujá!" (т.-е. „хорошенько ешь, хорошим домом буды"). Потом кормят каждый угол, приговаривая: „Urlan tugur mujásik urlaf parkjá, hiulan taf mujá ta чos'xejá" — „хороший огонь будь, все хорошенько только делай, дающим удачу на охоте домом стань, не поломайся!" (подразумевается, что тут-то старуха огня — tugurmam живет). Потом 4 инау кормят. Далее в левом переднем углу очага копают ямку, кладут туда жертвоприношения, говоря: „Urgur n'irá, nexlang kun k:xolaf xavryr hunlvaguja" — „хорошо поевши, своих детей заставь без болезней жить", и после этих слов засыпают ямку. Наконец, кормят kel'nung anx — „в зал смотрящую суку". Ночью, когда все улягутся, надо елку сжечь и прочесть молитву.

Когда в зимнике возобновляют очаг, кладут небольшие инау с жертвоприношениями. С вечера ставят три елочки, перевязывают их саранкой и пучкой, и потом, когда все ложатся спать, бросают через трубу вверх жертвоприношения: одно бросают женщины, другое — мужчины. Перед началом праздника очаг очищают, посыпают свежей землей и зажигают родовым огнивом.

Духи, живущие в доме. Tav yzin — хозяин дома — 4 чхnaj, два мужских: два женских, все pila hejmar — старики. Tavyzing tugur yzing. Этот yzing раньше сородичем был. Его душа живет в юрте в tugur (огневище).

Когда юрта сломается, нельзя трогать tugur.

Если ломать tugur (ящик), то платят штраф.

Lymyz'n-mam — хозяйка порога. Она в рыбьей коже, горбатая, седая, убаюкивает плачущих детей. Она в углу у входа сидит возле чашек, которые ставятся по обе стороны порога, когда совершается церемония топтания порога при уходе женщины в чужой род.

IV.

ЖЕНЩИНА, РОДЫ И ДЕТИ.

Средство для любви. Есть лекарство, чтобы заставить другого полюбить себя. Мозг кукушки примешивают к табаку (тогда человек скоро помирает) или зашивают в платье перо кукушки. Девушка ходит тогда, как сумасшедшая.

В Тенги одна девушка ни за что не хотела выйти замуж за жениха, который ее еще в детстве сосватал, но когда сделали oxt, она пошла за него.

Если спать с чужой женой насильно, то за это колотят и отбирают собак.

Когда женщина беременна, то на ее следах нельзя рубить дров; нельзя бить ее по лицу, даже шутя. В langraf (шалаш для родов) нельзя делать чux-чugynd (жертвоприношение), и как только родится ребенок, женщина возвращается в юрту. С 7-го месяца беременности жены муж не может ходить на охоту или уходить далеко петли ставить, но в langraf он ходить может. Варева из юрты родильнице приносить нельзя, а когда она возвращается из langraf, то до отпадения у новорожденного пуповины (kyr) она не может есть приготовленное на общем огне, и ей делают огонь в углу. Когда (пуповина) отпадает, тогда кормят огонь — чuxчugn-tugur и устраивают пиршество. После этого она перестает быть нечистой — akilaf paч:kyt — и становится sik urland pornyng — чистой, и мужу ее уже можно по ее следу рубить дрова. Со дня рождения ребенка до отпадения пуповины — kyr vaxind — никто из живущих постоянно в юрте или даже ночующих гостей не может отлучаться из дому.

За месяц до родов нельзя туго вязать, чужому ничего нельзя починить. При трудных родах надо ящики отпереть, заплатку распороть, ружье развинтить.

Во время родов баба не должна кричать, иначе долго не родит. Если брюхо острое, выпуклое, то родится мальчик, если плоское — девочка. После 4 девочек непременно мальчик родится.[1]

Новорожденного умывают молоком матери 15 дней, потом моют холодной водой изо рта. Первый год моют все тело два раза в день, а потом только лицо.

Охрана ребенка. Палка, на которую вешают люльку, — exl-чugir: (?). Иногда вместо палки употребляют японскую саблю в бересте для отпугивания злых духов. Если ребенок умирает, то сохраняют все с амулетами до следующего ребенка, которому они опять служат; если не рождается другой ребенок, то хранят до старческого возраста.

Если ребенок умирает во время родов, то женщина целый год не должна ездить ни по речке, ни по морю: рыбы не будет. Над детской постелькой по обеим сторонам висят чxnaj — оружие топорик, нож, лук и стрелы. Над изголовьем девочки вешают кусок невода. Все это подвешивают при первой болезни ребенка.

---

[1] У ороков женщина только во время родов находится в балагане; затем 10 дней ей варят на отдельном огне; мужчины не едят (вместе с ней), боясь потерять силу.

Если женщина не имеет детей, жена брата мужа отдает ей свой пояс (чik) и тайком — кусочек пояса своего мужа.

Имена. Имена дают по дедушке, но если слишком много внуков, то придумывают другое имя. Из чужого xal'а нельзя брать имен, иначе надо тому и свои имена давать.

Близнецы. Близнецы — tongч: — exlang (tongч: означает и двойню и бога, который рождает двойню). Tongч: может быть от Pal-n'igyvyn, т.-е. хозяина леса и Tol-n'igyvyn — хозяина моря.

Когда рождается двойня, то надо Pal-n'ivux'у устроить чихчugynd: мось, саранку, пучку, рыбу редкую и т. д. в небольших количествах; сначала поставят, потом сами кушают.

Место, где делают чих-чugynd, называется чаuf. Если близнецы умирают маленькими, тогда делают чхnaj — два или один смотря по тому, сколько умерло. Под чхnal делают балаганчик. Здесь же делают чих-чugynd перед отправлением в дорогу или на охоту, также по возвращении и когда болеют дети.

Жена Гибельки родила двойню; один из близнецов — медведь.

Изображение двойни — tongч: ставят в маленьком амбарчике. Если один из близнецов умирает, то ставит один tongч:, а если умирают оба, то два, но сросшиеся боками. Им дают чих-чugynd при полнолунии и при рождении луны. Родные и чужие жертвуют до третьего колена.

Когда умирает близнец, он уходит к своему отцу Pal-n'igyvyn, который его родил, явившись матери во сне.

Умершего близнеца не сжигают, а усаживают по-турецки в специально изготовленном домике и вколачивают кол, который его поддерживает.

Одевают его в белую рубаху и штаны и обкладывают стружками — инау. Мать близнецов после смерти также не сжигают, а одевают в белое и хоронят и тоже обкладывают инау. Согласно Б. Пилсудскому, так же поступают и с отцом близнецов.

Tongч: помогает ловить медве[illegible] и вообще на охоте. В случае болезни, особенно чахотки, tongч: кормят (Сляво).

Детоубийство. Детоубийство совершается иногда тайком или даже по приказанию отца малолетнего мужа женщины.

Женщину, обвиненную шаманом в отравлении мальчика, сына другой жены, били, срезали ей косу и бросили в погребальный костер.

Болезнь. Болезнь посылает или Pal-n'igyvyn или Tol-n'igyvyn, но каждый из них берет milk'а не из своего царства.

Milk бывает разной формы, часто красный, как кровь, и твердый, как камень, а когда входит в человека, то делается живой; «как-будто ходит».

Буйного сумасшедшего сажают в клетку (летом) и кормят; убивать нельзя.

Kxmàs'ind — болеть оттого, что не получил того, что видел и чего хотелось. Болеет или сам видевший или его семья. Тогда необходимо достать хоть крошку виденного, хоть мазок, и человек выздоровеет.

Гиляк Чурка[1] рассказал: «Когда я был маленький, я увидел собаку и очень хотелось ее иметь, но не посмел. Заболел (под мышкой). Мне снилось, что эта собака укусила меня в это самое место, где болело. Я совсем мертвый лежал. Тогда отец купил сейчас собаку — нужно было торопиться — и сейчас зажарил кусочек, и я стал поправляться».

Все подтвердили этот факт. Муж его нынешней жены тоже умер от kxmàs'ind.

V.

СПАСАНИЕ УТОПАЮЩЕГО.

Услышав крик утопающего, приходят к нему на помощь, давят на живот, чтобы вода вышла, стружками очищают ему рот и вставляют в рот палку. Потом завертывают его в шубы, крепко завязывают лицо (если он посмотрит на огонь, то умрет). Когда ун становится теплым, ему открывают лицо. Он даст чихчugynd Tol'y, потом совершает процедуру, называемую шavynd.

Гиляк утопал под разбившимся льдом. Его спасли и привели в юрту, где спаситель-хозяин и спасенный уселись друг против друга; перед каждым из них поставили по чашке с сараной и пучкой по обе стороны, и около каждого по белой собаке. Они уцепились крючками, которые держали в руке (имитация спасения) и тянули друг друга, говоря: «Ты доживешь до старости, я доживу». Потом, при уходе, спасенный ступил ногой в чашку хозяина и в свою, и они обменялись чашками. После обмена спасенный говорит: „Nixxaxrá — спасибо!" Если не обменяются, то один из них утонет. После этого делаются приятелями. И чужой xal надо спасать и даже хороших русских (не бродяг), но утопленника чужого рода не сжигают, а обкладывают палками.

После спасения и процедуры шavynd шаман должен проделать свою процедуру: он посылает своего духа kexn к Tol'y за маленькой душой, которая лежит там на постельке.

---

[1] Проводник Л. Я. Штернберга по Сахалину.

Когда утопавший возвращается в лодке, спасшись от смерти, он должен с женой старую чумашку сломать и сделать новую. Если не сломать, то муж и жена умрут.

Утопленник или съеденный медведем будут богами.

Утонувшего кладут в лодку; родные садятся в другую лодку и плывут не гребя; первую лодку с покойником пускают вперед, и куда ее снесет на берег, там и сжигают покойника. Вытаскивают тело на берег крючками. Близ места сожжения ставят инау. Когда тымовские гиляки едут в Тро, они, увидев инау, бросают в речку чux-чugynd (жертвоприношения).

Спасенный от смерти от медведя приносит Pal-n'lvux'y в жертву собаку и делает чux-чugynd.

VI.

ИГРЫ.

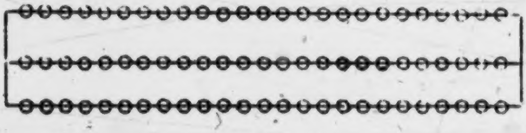
1. Игра в мяч — poj. Мяч — pulk — величиною меньше кулака и обшит рыбьей кожей. Играющие разбиваются на две партии. Начинается с того, что мяч подбрасывают кверху и потом его палкой отбрасывают по направлению к противникам. Те должны назад отбросить и не дать мячу далеко залететь. Если же мячу удалось миновать противника, тогда они передвигаются дальше, а за ними и другая партия. Когда мяч прикатится или прилетит, то каждый с палкой в руке старается отбросить его.

2. Pytyzand. Играющий несколько раз хлопает в ладоши и ударяет два раза нижними частями ладоней в нижнюю часть подбородка; при этом зубы щелкают ритмически. Потом ладонями бьют по щекам, слегка надутым, губы издают форцен — звук — и зубы щелкают. Затем бьют по вискам, по голове, по коленям.

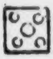
Все это проделывается с такой головокружительной быстротой, что оно приводит в возбужденное состояние как исполнителя, так и зрителя.

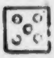
3. Ter:nund — скакание на одной ноге.
4. Nastumarnd — прыгание через ремень.
5. Tigrkyr — прыгание опираясь о палку.
6. Tykyryd (амурское tykyryз:) — разновидность № 2.
7. Varnd (амурское varnз:) — гонка на лодках.

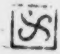
8. **Чоng-король.** Узкая длинная доска имеет 3 параллельных ряда гнезд (ямочек) — до 83 — k:aryn"учх (см. рис.). В одном

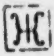


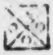
из крайних рядов вставлено в каждое гнездо по «солдату», т. е. по отвесной круглой палочке; в противоположном крайнем ряду соответственно вставлено во все гнезда тоже по одному солдату — круглой палочке, но уплощающейся в верхней половине в виде . Гнезда среднего ряда — боевой линии — пустые. Играют четырьмя кубиками, каждая сторона которых имеет свой знак и свое название, а именно:

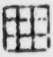
1) **Чоng** — 1 большая ямка в центре и 4 маленьких по углам. 

2) **Куr** — 5 ямочек, расположенных так же, но все одинаковой величины. 

3) **Коr** со знаком, напоминающим свастику. 

4) **Тvуr** — рисунок, похожий на русское Ж. 

5) **Тоn'з:á** — две пересекающиеся диагонали, и в каждом из образующихся треугольников по ямочке одинаковой величины. 

6) **Мrа** — квадрат с взаимно пересекающимися 2-мя продольными и 2-мя поперечными волнистыми линиями. 

Начинающий игру подбрасывает горстью все 4 кубика и смотрит, не выпал ли чоng. Пока не выпадет чоng, т. е. пока кубик не стал стороной чоng кверху, игрок не может делать ходов.

Сторона № 1 кубика дает право на один ход, № 2 — на два и т. д., сторона № 6 дает право на шесть ходов.

Если чоng выпал, то король со средней линии меняется своим местом с ближайшим своим же солдатом; если еще один чоng, то меняется со следующим на один ход; по остальным фигурам движется солдат, занявший место короля на средней линии. Раз уже был чоng, то в следующий раз, во всяком случае, можно уже двигаться. Король только после первых чоng делает ходы, потом он дает ходить солдатам. Если солдат делает несколько шагов по средней линии и встречает солдата другого лагеря, он через него перескакивает, но не снимает, и только если тот стоит на месте назначения другого, он снимается. Нужно соображать, с какой фигуры делать ход, чтобы удалось снять противника.

При чоng король, делая ход, считает только занятые места; пустые не в счет. Короля бить нельзя; если солдат дошел до него, он ложится и ждет другого хода. Чоng вообще солдата не снимает, исключая только на двух последних гнездах. Король только при чоng может ходить, в других случаях он ходит лишь тогда, когда у него один солдат остается. Снимают неприятеля только, когда он на месте назначения.

Во время игры надо громко выкрикивать то, что хочется: kу mrа и т. п. Если королю уже не с кем меняться из своих солдат, то первый чоng остается недействительным, но следующий дает королю право делать ход; за него может и солдат делать ход. Иной раз нужно комбинировать, чтобы перескочить через неприятельского солдата.

Основные правила игры. Солдаты переходят сначала на среднюю линию, потом подвигаются вперед в неприятельский лагерь, но назад не возвращаются. Когда на чьей-нибудь боевой линии (основной) уже нет солдат, то король может делать ходы, подобно солдатам, т. е. по любому числу.

По мере выбытия из строя солдат или перемещения на среднюю линию, король при чоng имеет право меняться со своим солдатом, не стесняясь расстоянием, но, конечно, не на средней линии. В начале игры короли стоят на средней линии у краев. Если король сделал обратные шаги, то его уже бить можно. Игра продолжается и после того, как король снят. Если старик тронулся уже назад, то солдат может бить чоng'ом; если два чоng под ряд, то король может итти назад.[1]

VII.

РАЗНОЕ.

Эксплоатация туземцев Сахалина русскими (рассказ Гибельки).

Купец Иванов сильно обижал гиляков, айнов, орочонов, амурских гиляков; он разорил тымовских гиляков и других. Он насильно навязывал пачки табаку, а потом брал за пачку 2—3 со-

---

[1] Привожу вариант игры, записанный мною со слов амурского гиляка Млалзян, студента Института Народов Севера в Ленинграде.

Начинающий играть, после того как выпал чоng, по числу выпавших болей. Долги взыскивал он насильно, вламываясь в амбары, ломая сундуки, держа в одной руке револьвер и кинжал. Женщинам он давал какое-то oxt (см. выше стр. 335 «Женщина, роды и дети»), и они с ним спали. Потом он стал богат.

Но бог не забыл всех его дел. Однажды сын его поехал кататься по Амуру и утонул. Гиляки в Пронге узнали выброшенное тело и дали знать матери. Но когда она приехала, тела не оказалось; она увидела одни медвежьи следы. По этим следам добралась до места, где медведь расправился со своей добычей. На месте пиршества осталось одно золотое кольцо. Мать плакала, плакала и вернулась назад. Сам Иванов, еще не старый человек, стал чахнуть, худеть; никакие лекарства не помогали. Наконец, он умер. Якут Семенчук был один из тех, которые копали ему могилу на кладбищенской горке. Но ямка наполнилась водой и сколько ни черпали, вода все прибывала. Это были слезы тех людей, которых он обижал. Эти слезы не пропадают. Рядом копали могилу другому, бедному человеку, и она оказалась без воды.

Хороший отец учит своего сына никого не обижать, ни над кем не смеяться.

Рабы — krygrys (1894).

В Куклях (?) krygrys, отданный за бабу. В Вайдах — krygrys Хюмик, хромая женщина; ее били, били, всякий ею помыкал, „времени не имела кушать“; спать с ней нельзя, ибо никто не хочет иметь детей krygrys. Были krygrys еще в Тонгах, Тэвлх, Кутр. Atk (см. стр. 148, IV) Гибельки имел krygrys.

У гиляков тымовских и охотских один язык.

ходов (по верхним поверхностям кубиков), переставляет, начиная справа, через соответственное число гнезд своего солдата на среднюю линию гнезд. Потом то же с своей стороны проделывает партнер, и когда его солдату приходится стать на место стоящего уже солдата партнера, он его снимает.

После того как один из партнеров продвинулся до конца боевой линии, он при дальнейших ходах переходит на линию неприятеля (партнера) и там сбивает его солдат, и когда доходит до конца этой линии, он считается выигравшим.

Несмотря на то, что приведенное описание расходится с описанием сахалинской игры чong у Штернберга, мы его помещаем, ибо оно может облегчить понимание вышеприведенного варианта игры, хотя тот во многом отличается от описанного Младзяном *С. Ш.*

Легенда о трех братьях-скалах в Александровском на Сахалине.

Три брата Heng пошли с медведем смотреть выброшенного кита (kern) и потом все обратились в камни. Два зубца — мать и дочь смотрят за ними.

Крысу нельзя убивать топором: нужно палкой. Жена Нахвун умирает от того, что ее отец убил крысу топором; поэтому же у него умер сын, а теперь дочь умирает.

Отношение к кровосмесительству у собак.

У собак, по словам гиляков, брат и сестра не совокупляются; исключения редки и приписываются milk'у. Собак за это убивают, в противном случае этот большой грех падает на хозяина; он будет наказан болезнью и пр. Отец и дочь у собак часто имеют сношения, но за это их не убивают.

Волосы можно бросать в любое место.

Спасенный от смерти от медведя приносит Pal-n'igyvyn'y чих-чигynd—в жертву собаку. На раненного медведем нельзя никому смотреть; только один старик или старуха ему раны перевязывают. Постель его завешивается парусом.

Дохлого медведя иногда кушают в нужде и поступают (с ним) как с убитым. Когда идут куда-нибудь (на охоту) и вообще по важному делу, берут всегда с собою предпочтительно ymgi (зятя).

В Мильково у одного гиляка было две бабы. Однажды к нему в гости пришла дочь с внучатами. Она пошла ягоды собирать, а мужчины ушли на нерпу. Тогда бабы сварили внучат, съели их, убежали в тайгу и исчезли.

Чпуг-чхпај. Если случилась пропажа, делают чпуг-чхпај, изображение из травы, и бьют его (молотят); если чхпај хороший, то на другой день потерянное найдут. Чпуг-чхпај вешают над нарами и кормят, если неизвестно, какой milk причинил вред.

За кражу медвежьего мяса или удочки искривляется лицо.

Клептомания. Есть воры-клептоманы, например, Сэнтух из Ады-Тымь. Вследствие угрозы братьев убить его, он убежал в

Лунгво. Там он и жена продолжали то же. В нем одна душа — крыса, сидящая в брюхе. Соблазняющие его вещи светят ему в темноте. Гиляки ограничиваются отбиранием вещей.

Отец шамана Койныта из Тро заметил, что у него пропали штаны. Он стал шаманить, нашел у бабы в брюхе крысу, убил ее, а на другой день и баба умерла.

За оскорбление нужно драться на палках (чxarkirvand) или платить txusind, либо насильно взять вещь. Часто даже убивают за оскорбление.

Гаданье с камнем parnxasind с котлом. Parnxasind отвечает благодаря чехп. Если котел качается прямо, то попал, если в сторону — не попал. Если попал, надо сделать деревянное чxnaj, повесить на шею и кормить его.

VIII.

ФОЛЬКЛОР.[1]

Сказка № 1. Два брата, ни матери, ни сестры, никого не было; сами живут себе помаленьку; жили-были. Весной пошли мишку ловить, один на одну сторону, другой на другую. Старший брат сел с—ть (за большой нуждой), и с неба удочка поймала (его) и взяла на небо. Младший брат искал и не нашел брата. Он вернулся домой один. Ночью, когда он спал, ему снилось (tyjnd), что пришел гиляк и сказал, что брат взят на небо «Ты будь осторожен, тебя тоже возьмут на небо». Проснулся, стал искать гиляка, нету!

Он взял длинную кожаную веревку и шест и сделал большой навес. Утром пошел с—ть, удочки спустились, подцепили и подняли его. Цепь оборвалась и упала. Он посмотрел, цепь совсем золотая. С цепью было 4 колокольчика (k:ongx): три больших, один маленький. Гиляк не тронул ничего. Целая куча цепей.

На другую ночь он спал, — кто-то цепь и колокольчик достает, и колокольчик звенит. Утром он не нашел, смотрел в амбаре — медвежьи головы. Он пошел рыбу ловить и поймал целую лодку мелкой, мелкой рыбы. Одна маленькая красивая рыбка незнакомая попалась; он ее положил в нос лодки. Подойдя к нерпе, он видит дым из юрты. Он думает: «Откуда это, не горим ли». Еще сидит на берегу и думает так.

---

[1] Помещаемые ниже 2 сказки найдены в архиве Штернберга без гиляцкого текста. Весь остальной фольклорный материал, не вошедший в I том его „Материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора", предполагается издать особо. *С. Ш.*

В это время какой-то мальчик бежит к нему. Он поймал красивенькую рыбку и убежал домой. Он стал думать, что это за мальчик, надо посмотреть, узнать. Он пошел в юрту, посмотрел: две бабы, его старший брат, мальчик. Обе бабы — дочери Tly икTol-n'ivux'а, взяты на небо Tly-n'ivux'ом.

Старшая дочь сильно любит сахалинских гиляков, пустила удочку и вытащила гиляка. Потом младшая сестра пустила удочку и оборвалось. Младшая имела сына от одного из Tly-n'ivux'ов; она его не захотела, удочкой нельзя было достать; они спустились вниз.

Потерять колокольчик — значит потерять ум. Когда они взяли колокольчики, опять как будто ум пришел. Младший брат взял младшую сестру, и мальчик стал сыном этого брата. Жена стала рыбу чистить.

Старший брат сказал младшей. «Вот это твой муж, вот эта рыба твоя будет, иди, очисти и суши». Она взяла нож и пошла. Ее муж думает: «мало-мало покурю и потом пойду рыбу сушить». Он окончил курить, пошел на двор, и его рыба уже готова. Потом жили богато-богато. Колокольчик с вещами положили, и у них (все) есть.

Сказка № 2. Тылгунд (от Обона).

Первый гиляк родился в Александровске. Рыбу ловил, поймал Tarmyk-чо, и ему нельзя убить ее, потому что это umgu, и опять ее живой бросил в море; на другой день опять поймал, — «море бросай, никому не скажи». Много раз это сделал. Летом рыба родила мальчика, бросила на берег, человек увидел: «Кто мальчик?» Если отец есть, так придет и возьмет. Отец узнал, взял мальчика, на берегу балаган сделал; рядом с мальчиком большой кинжал, который отец его взял с собой. Гиляк собрал траву (konxong), постель сделал, и они поселились, никто не знал. Спит, и ему снится, (что) рыба ему говорит: «Это твой мальчик, гляди, чтоб никто не узнал. Хорошо корми. Если другой гиляк посмотрит, то мальчик помрет. Рыбы тебе много будет, на охоте тебе много соболя, медведя». Много дней прошло, рыбы много было. Осенью пошел ставить петли, 50 соболей бог дал; медведя искал в хребтах, убил 3 медведей. Еще год дожидался, мальчик живо подрастает, мальчик стал кинжал с собой таскать, — ytk (отец) уже стар стал, — и бог мальчику много рыбы дал, тогда на медведя ходил, кинжалом много убил, никакого оружия, кроме кинжала; 30 медведей убил. Раз самый большой медведь пришел. Медведь хотел его скушать, он его кинжалом в голову, медведь живой убежал; опять мальчик домой пошел и лег спать. Опять ему uyngid. Pal-n'ivux пришел, в голове дыра и кровь и говорит: „T'arty! ты нам постоянно голову рубишь кинжалом; если ты сильный, я тебя не убью, если я сильный, я тебя убью. Теперь вам будет uxmund". Мальчик опять пошел мишку ловить. Сам й большой медведь пришел; медведь сразу вцепился в кинжал, висевший на теле, и мальчику нельзя было достать его. Тогда они вступили в единоборство, долго-долго боролись, и оба упали мертвые.

Медведь спорил с бурундуком: «Я только собак боюсь». А бурундук сказал: «А я собак вовсе не боюсь». Первый: «Я стрелки боюсь», второй: «А я стрелки не боюсь». Медведь рассердился и царапнул лапой бурундука. Отсюда 5 пятен (? — неразборчиво. *С. Ш.)* на спине бурундука.

Петля сказала ловушке: «Лови себе сама, а я ловить не буду». Ловушка сказала: «Лови себе сама» и т. д. Поэтому ничего и не поймали.

Гиляки целую черемуху рубят ради ягод, но если «кровь пойдет» (красный сок), — бросают.

САХАЛИНСКИЕ ГИЛЯКИ[1]

I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГИЛЯКОВ И ЧЕРТЫ ИХ ВНЕШНЕГО БЫТА.

Подобно айносам, на языке которых слово «айнос» означает «человек», и сахалинские гиляки зовут себя «нивух», что значит: человек, хозяин, гиляк.[2] Обычное их название «гиляки» образовалось, как мне думается, от искажения путешественниками слова «килэ», означающего «тунгус» на языке амурских гиляков, с которыми путешественники впервые столкнулись. И такое искажение могло явиться весьма легко благодаря тому, что гиляки нижнего течения Амура говорят тем же языком, что и тунгусы, которые, по их преданиям, составляют один «народ» с гиляками, гольдами и орочонами. Весьма возможно также, что, благодаря общности языка амурских гиляков и тунгусов, господствовавшие прежде в Амурском крае манджуры называли гиляков и тунгусов одним общим именем «килэ». Но любопытно и вместе с тем характерно, как легко возникает даже между первобытными народами национальная рознь: тунгусы с негодованием и гордым презрением отвергают свое родство не только с гиляками, но и с орочонами, говоря: «мы люди государские, крещеные, а гиляки и орочоны собаку кушают!»

Гиляки сами причисляют себя к монголо-манджурскому племени, утверждая, что гиляки и манджуры — «халь-няхр» («халь» — род, народ, племя, «няхр» — один). Народами родственными гиляки считают также китайцев и японцев, говоря, что манджур — «ытк-утгу» (отец, родоначальник, мужчина), а японец — «ытк-умгу» (родоначальница, женщина), — утверждение, которое станет ясно из дальнейшего изложения. Сахалинские гиляки говорят языком, общим с языком гиляков, живущих у устья Амура и по материковому побережью Татарского пролива, но совершенно отличным от языка нижнеамурских гиляков и тунгусов.

---

[1] Настоящая статья была напечатана в „Этнографическом обозрении" за 1893 год, № 2. В свое время на нее откликнулся Фр. Энгельс статьей в „Die Neue Zeit". *Ред.*

[2] Амурские гиляки зовут себя „явесе".

Что касается вопроса о появлении гиляков на Сахалине, то не подлежит никакому сомнению, что они — пришельцы с материка. Материалы переписи 1891 г., наблюдения и беседы с гиляками одинаково подтверждают в этом случае заключение, которое можно было бы сделать a priori. Перепись прежде всего доказала, что заселение острова гиляками шло от севера к югу. Предки гиляков сел. Тыки, напр., пришли из сел. Ныур, самого северного селения западного берега Сахалина. Из двух главенствующих родов в сел. Аркыйво один происходит из сел. Няниво (на севере Сахалина), другой из сел. Танги, жители которого, в свою очередь, принадлежат к старинному роду сел. Чомы (на материке) и т. д. Перепись далее доказала, что каждый род сахалинских гиляков — только ветвь рода, живущего по материковому побережью. Наконец, язык, религиозные представления, обычаи и нравы сахалинских гиляков тождественны с таковыми же у гиляков материкового побережья.

Даже самую форму переселения не трудно воссоздать себе воображением. Еще и до сих пор амурские гиляки имеют обыкновение отправляться каждую осень на своих тяжелоходных лодках на Сахалин с целью промышлять соболя. Одни идут в Агнево, другие в Мауко, третьи еще далее на юг. На их родине соболь несравненно лучше сахалинского, но он так редок, а охотников на него так много, что гиляки предпочитают покидать свои родные очаги на целых полгода и подвергаться всем опасностям 1000-верстного морского путешествия, стремясь к тем соблазнительным уголкам, где населения мало, а соболей можно бить сотнями. Ранней весной, нагруженные богатой добычей, они возвращаются к своим далеким очагам. Эти экскурсии на юг Сахалина сравнительно недавнего происхождения. Еще сто лет тому назад предки нынешних искателей соболя не ходили дальше Дуэ и речки Тыми, и самым северным пунктом их промыслов была в то время речка Вааз. И нет никакого сомнения, что раньше экскурсии за соболем направлялись еще дальше к северу. Должна же была существовать причина, которая заставила амурских гиляков удаляться все дальше от своей родины и передвинуть, наконец, арену своих промыслов на самый юг Сахалина, где соболь совсем плохой и где предки их вынуждены были купить у аинов те охотнические территории, которыми они ныне пользуются. Этому причиной послужило постепенное заселение северного Сахалина гиляками с материкового побережья. Первоначально предки нынешних сахалинских гиляков отправлялись компаниями сородичей на Сахалин, подобно амурским гилякам в настоящее время, только на сезон для ловли соболей. Здесь они делали свои многочисленные западни по берегам какой-нибудь речки и ставили свои петли по натуральным запрудам, служившим переходами для соболей с одного берега речки на другой. Нет ничего удивительного, что в конце концов ежегодное хождение в один и тот же пункт на охоту заканчивалось переселением навсегда на богатый соболем остров.

Северный Сахалин (замечательно, что только северную часть острова гиляк зовет Сахалином, что опять-таки служит доказательством, откуда и по какому направлению шло заселение Сахалина) был особенно благоприятен для переселения. Прежде всего это были ближайшие к материку пункты: полдня-день переезда между обоими берегами пролива. Далее гиляки материкового побережья нашли на северном Сахалине, сверх обилия соболя, все прочие условия жизни, совершенно тождественные с таковыми же на материке: то же обилие и богатство пород рыбы (кета, калуга, сиг, сазан и проч.), обилие нерп и дельфинов. Только гилякам амурским не было расчета покинуть берега незаменимого для них Амура. Они не могут решиться на это даже и теперь, теснимые русскими поселенцами в их рыбных и лесных угодьях, вынужденные выносить на своих плечах всю тягость безвозмездной подводной повинности по Амуру. Конечно, были еще и другие причины, которые побуждали материковых гиляков выселяться на Сахалин, как теснота народонаселения, столкновения между родами и пр. Одной из этих причин могло служить манджурское господство с обязательной ежегодной данью, в виде соболя с души (нужно принять во внимание, что прежде соболь вообще был в 3-4 раза дороже нынешнего, а амурский соболь и теперь крайне дорог; один сорт, напр., ангунский, стоит 25—30 руб.). Интересны предания самих гиляков об отношениях их к манджурам в прежнее время: «мы были поселены», — говорили мне амурские гиляки, — «на берегах Амура манджурами, как *вольные* люди со званием «охотников», и мы были обязаны платить им ежегодно по соболю с человека. Сверх того, всякий раз, как гиляк приезжал в китайский город Сунгари (Сайсинг), он обязан был платить соболя, а старосты селений по 3 соболя. В таком же положении были и орочоны. Манджурские чиновники вели списки населения и ежегодно летом они приезжали собирать соболиную дань. Сахалинские гиляки были свободны от этой дани, но манджуры проникли, наконец, и к ним, назначили им выборных старост. Такой староста был, напр., в Тангах. От манджуров именно гиляки получили все те предметы, которых сами производить не умели.

Не буду входить пока в разрешение вопроса о давности пребывания гиляков на острове, скажу только, что в момент их появления они обязательно должны были обладать всем тем хозяйственным инвентарем, каким они обладают в настоящее время (исключая, конечно, огнестрельного оружия). Ясно без комментариев, что без нарты и лодки, без прирученных нартовых собак, без железных орудий и пр. гиляк не мог существовать на Сахалине. Свои первые культурные произведения он мог сделать в местах особенно благоприятных, по крайней мере, в рыболовном отношении. Быть может, такою колыбелью и была река Амур.

Сахалинские гиляки, как их собратья на материке, многое и весьма существенное переняли у своих цивилизованных собратьев. Они заменили лук ружьем, свою деревянную и берестовую посуду — металлическими котлами. Они куют железо, искусно работают плотничными и столярными инструментами. Они строят юрты по манджурскому типу, делают печи и огромные трубы из камня. Они владеют японскими саблями и хранят дорогие копья, украшенные серебряной резьбой. Они носят халаты и рубашки из китайской и русской материи. Они пьют чай и варят рис и буду (особый сорт крупы). Они, наконец, уже стали сажать картофель. В недалеком будущем, быть может, они совершенно усвоят культуру своих цивилизованных соседей. Но на чем они остановились в своем самостоятельном культурном развитии?

Из всех заимствований, сделанных гиляками, самое серьезное и самое давнее, повидимому, есть употребление железа. И тем не менее, вследствие отдаленности их от центров цивилизации, оно привилось у них в очень ограниченной форме. Они не только не умеют обрабатывать руды, но не умеют выделывать даже инструментов. Самое железо у них еще недавно было крайне дорого. В их лодке и нарте нет ни одного железного гвоздя, хотя сами гиляки объясняют это другой причиной, чем недостатком железа. Еще поколение тому назад огниво было драгоценностью, и целый род, случалось, владел одним общим родовым огнивом. Еще и до сих пор самым священным способом добывания огня считается трение дерева о дерево, — способ, употребляемый при сожжении покойников. Все прочие заимствования в такой же мере можно поставить гиляку в заслугу, как турку дальнобойное английское ружье, но по своим последствиям эти заимствования неразрывно связали гиляка с культурой... Но вернемся к тому, на чем остановилась их цивилизация.

Еще и до сих пор основной пищей гиляка служат готовые продукты природы — рыба, дичь, ягоды, коренья; он еще не умеет приспособлять природу и споспешествовать ей в создании пищевых веществ. Он не садит и не сеет, не разводит домашних животных для мяса. Это — основная черта «дикого» состояния. Далее, традиции гиляков о том, что были времена, когда воду кипятили в корытах посредством раскаленных камней, воспоминания о деревянной посуде, обмазанной глиной, и отсутствие всяких воспоминаний о глиняной посуде убеждают нас в том, что гиляки никогда и не были знакомы с гончарным искусством даже в элементарной форме. Это опять-таки — черта состояния «дикарей». На ряду с этим имеем другой факт — приручение собак для нартовой езды, — черта, которая поднимает их на одну ступень, на первую ступень варваризма (употребляя терминологию авторитетного писателя Моргана). Но самым характерным фактом в вопросе о культурном уровне самостоятельного развития гиляков, фактом, решающим и дающим возможность для широких этнографических сближений, служат их семейно-родовые учреждения, детально мною изученные.

II.

СЕМЕЙНО-РОДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Наблюдая семью у гиляков, мы сначала не замечаем в ней ничего особенного. Как у многих других инородцев наших, гиляки покупают себе одну, две, ранее три жены, которые являются общественно-признанными его женами, равно как и дети его, работающие вместе с ним, содержимые им и к которым переходит имущество его после смерти. Супружеская верность жены охраняется, как это увидим ниже, вооруженной рукой. Словом, форма брака совершенно, повидимому, индивидуальная. Но при ближайшем знакомстве с внутренним строем жизни гиляков мы натыкаемся на целый ряд явлений, которые стоят в противоречии с этой формой брака. Прежде всего бросается в глаза, что гиляк зовет отцом (ытк) не только своего общественно-признанного отца (родного), но и всех братьев своего отца, не только родных, т. е. 1-й степени родства, но и всех самых отдаленных степеней, а жен этих братьев своего отца он зовет, как и свою родимую мать — матерями (ымк). Равным образом гиляк зовет матерью (ымк) всех сестер своей матери, а их мужей — отцами (ытк). Дети братьев, равно как и дети сестер, всех степеней родства, зовут друг друга «руер» (= брат и также соответствует немецкому слову Geschwister = братья и сестры). Таким образом получается странное на наш взгляд явление, что человек может иметь огромное число отцов и матерей, уж не говоря о братьях и сестрах, и часто такие отцы и матери бывают моложе своих детей. Но в то же время сестер своего отца и братьев своей матери гиляк уж не зовет «ытк» и «ымк», а «эдр» и «апп».

Для других форм родственных отношений у гиляков существует целая серия названий, доказывающая, что не бедность языка послужила причиной странной для нас родственной терминологии. Такая же терминология существует у ирокезов и других индейских племен Северной Америки, равно как и у некоторых племен в Индии, но у них она давно уже не соответствует действительности; у гиляков же эта терминология хотя и не вполне уже соответствует действительности, но только не вполне. И теперь каждый гиляк имеет супружеские права (не считается грехом) на жен своих братьев всех степеней родства и на сестер своей жены. Этого права лишен только старший брат относительно жен своих младших братьев. Это ограничение — новейшего происхождения, и самое существование его как бы подчеркивает законность коллективных супружеских прав младших братьев на жен своих старших братьев и на всех сестер своей жены. Этими правами не всегда уже и теперь пользуются гиляки, и не без неудовольствия и даже насильственных протестов смотрят во многих случаях на отправление этих прав заинтересованные лица, как это увидим впоследствии; но юридически, так сказать, они существуют, отправление этих прав не считается прелюбодеянием, ненаказуемо, даже совершается часто открыто с согласия братьев и мужей сестер жены. Таким образом современная индивидуальная форма брака у гиляков является новообразованием, и крупные переживания старого строя родового брака, сохранившиеся до сих пор, сближают ее и с знаменитой, так называемой «Punalua-family», существовавшей еще в первой половине нашего столетия на Сандвичевых островах (Гаваи), где такие же, как у гиляков, взаимные права на жен своих братьев и сестер своей жены существовали без ограничения. И что еще более удивительно: точно так же, как в Punalua-family мужья сестер и жены братьев называли друг друга punalua (компанион, половинщик, товарищ, друг) — слово, давшее название самому учреждению, так и у гиляков эти категории лиц называют друг друга «навх» (слово, означающее буквально то же, что у сандвичан punalua). До такой степени поразительно сходны бывают даже до мелочей первобытные учреждения народов, живущих в разных частях света, отделенных друг от друга океанами.

Эта форма семейно-родственных отношений лежит в основании общественной организации гиляков, в основании их родового устройства («халь» — род, также сородичи).

Из того, что говорилось о первобытной семье гиляков, само собою вытекает, из кого составляется их род. Все братья (всех степеней родства) отца какого-нибудь гиляка NN — суть его отцы (ытк), их отцы — его деды (ате), их дети — его братья (руэр), их внуки — его дети (ола) и взаимно. Вот эта-то огромная семья дедов, отцов, детей, братьев и сестер и составляет род гиляка. Понятно, что таким образом составляющийся род может насчитывать в своей среде огромное число человек. В одном роде, живущем на северном Сахалине, я насчитал 150 человек, а между тем он — только ветвь рода, живущего на материке.

Но род гиляков организуется на мужском начале. Хотя дети сестры жены NN — его дети (ола) и они считаются братьями его собственных детей, но если эти сестры жены замужем за гиляками другого халя, то они, т. е. дети этих сестер, будут чужие по отношению к роду NN. Равным образом только жены сородичей и их незамужние дочери принадлежат к роду, и, наоборот, вышедши замуж, женщина переходит в род мужа, хотя расторжение брака приводит ее опять в род отца. Вот начала, которыми регулируется жизнь рода:

1. В роде есть только четыре степени родства: дед и бабка (атк и ытик), отцы и матери (ытк и ымк) братья и сестры (руэр) и дети (ола). Сородичи зовут друг друга, в отличие от чужеродных, «халь». Для отличия родных братьев от родных 1-й степени родства прибавляют слово *халь*, так что братья по роду —

халь-руэр, родовые отцы — халь-ытк и т. д. Старший в роде, о роли которого буду говорить ниже, называется «халь-геймар». Сородичи в качестве общественной единицы, судящей и действующей, носят название «халь-нивух».

2. Брак внутри рода безусловно запрещен. Это — основной и ненарушимый принцип рода. Как ни широки супружеские права гиляков на женщин упомянутых категорий, как ни широки взгляды гиляков на отношения мужчин к женщинам вообще («любовь все прощает»), но *внутри рода* не только брак, но и прелюбодеяние не встречается даже по исключению.

3. Жена умершего гиляка переходит по решению рода к одному из руэров покойного, обыкновенно младших его; если даже она достанется руэру, который старше покойного, то он обязан содержать ее, хотя не может жить с ней, как с женой. Но никаким образом жена умершего гиляка не может переходить к лицам восходящих и нисходящих линий родства с покойным, т. е. к его халь-ытк'ам, атк'ам, оля'м. И вообще, как общее правило, всякая женщина, жившая в качестве жены (фактически) с кем-нибудь, ни при каких условиях не может принадлежать кому-нибудь из восходящих и нисходящих линий родства с первым ее мужем. И это правило соблюдается так же строго, как и запрещение внутреннего брака. Понятно, поэтому, что на многие браки, заключенные у нас между близкими родственниками, гиляк смотрит, как на кровосмешение. Отсюда вытекает крайняя необходимость для гиляка знать всех своих сородичей, которые часто бывают очень многочисленны и, вдобавок, разбросаны в самых отдаленных пунктах гиляцкой оседлости. Это-то знание своего рода составляет один из элементов умственного воспитания гиляка. От отца к сыну переходит это знание, оно обновляется жизнью и составляет достояние всего рода. В сомнительных случаях родства вопросы решаются старшими в роде.

4. Халь содержит всех стариков, больных, неспособных к труду и прочих беспомощных лиц. Обыкновенно это выполняется ближайшими родственниками, но, за неимением таковых, содержит такое лицо та юрта халя, где лицо это желает поселиться. «У нас нет нищих», — говорил мне один гиляк: «если кто беден, кормит его халь».

5. Члены рода связаны общими жертвоприношениями и празднествами. Всем известный «праздник медведя» совершается не отдельным селением, а родом, хотя к участию в нем при-

глашаются гости из других родов. Покупает медведя кто-нибудь один из рода, но все расходы по празднику покрываются сородичами. А расходы эти доходят иногда до нескольких сот рублей. Съезжаются со всех сторон сородичи и масса специально приглашенных гостей чужеродных, которых надо угощать и кормить в течение многих дней, и не только их самих, но и их многочисленных собак, пожирающих за время праздника много тысяч корму. Совершенно неосновательно мнение, что праздник медведя носит религиозный характер, или что медведь считается гиляками божественным или духом. Праздник медведя — чисто родовой. Естественно, что были времена, когда удачное нападение на медведя, — нападение, совершавшееся по тем временам коллективно, целым родом, — бывало истинным торжеством для рода, который за общей трапезой пожирал огромного зверя. Так как нападения на медведя удобнее всего было делать зимою, когда спящего зверя захватывали в его берлоге, то увековечился обычай справлять этот праздник зимою. Практика столетий выработала целый ритуал праздника, который, как все старое, принимает в глазах варвара характер чего-то священного и ненарушимого. Все жертвоприношения на празднике относятся не к медведю, а к богу тайги, хозяину медведя — «Паль-нивух'у». Понятно также, что и сам медведь получил почетное значение: его мясо не может быть брошено собакам, его нельзя есть с приправами и т. д. Сам Паль-нивух отомстит за такие оскорбления, приказав другим медведям кусаться особенно больно. Итак, праздник медведя — праздник родовой, и на этом основании женщины, как переменный элемент рода, не присутствуют при убиении медведя, хотя участвуют в поедании его. Огонь в той печке, в которой варится мясо медведя, разводится не иначе, как родовым огнивом. С этим огнивом у гиляков связан трогательный обычай. Когда род разделяется и часть его выселяется в другое место, старший в роде (халь-геймар) отламывает половину огнива и вручает старейшему из отъезжающих. Этим огнивом переселенцы зажгут на новом очаге огонь на празднике медведя; оно же будет передаваться из рода в род для той же цели. Отсюда выражение «ломать огонь» стало означать расселение рода. Этот обычай напоминает нам Грецию, где покидавшие родину для основания новых колоний имели обыкновение брать с собою священный огонь родового алтаря.

Другой родовой праздник совершается весной перед ловлей нерпы. И на этот раз расходы на угощение принимает на себя род. С наступлением вечера, с восходом луны, все мужское население рода (и в этом случае женщины исключаются) выходит на берег моря. Сюда выносят в длинных корытах все те изысканные яства, которые, тщательно приготовленные, оставались нетронутыми до момента жертвоприношения. Тогда все присутствующие садятся на корточки и бросают в море, как жертву божеству, по пригоршне из каждого корыта, произнося при этом обычную формулу молитвы: «Кур ніонгу-хіа!» («Боже, пожалуйста!»), затем собираются в одну юрту, где начинается угощение, в котором принимают участие и женщины.

6. Халь гарантирует жизнь и безопасность каждого из своих членов от покушения на него лиц другого халя. Средством служит родовая месть.

Водворение русских в крае, правда, значительно ослабило действие этого института, но не уничтожило его. Всякое убийство, намеренное или не намеренное, влечет за собой родовую месть. Ближайший сородич убитого, — отец, сын или брат его, а за неимением их другие сородичи, — должен, употребляя образное выражение гиляков, «поднять родные кости» (ниньво йозынедж), т.-е. убить убийцу или, по крайней мере, кого-нибудь из его халя мужского пола. И ярость мести так велика, что не щадятся даже новорожденные дети. Мне приходилось слышать, что несчастные матери таких детей из страха пред мстителем не отступают ни перед какими средствами, чтобы замаскировать пол новорожденного. Из действия мести исключаются только женщины. Понятно, что с первого же момента убийства начинается мучительная, тягостная пора для обоих родов. Род убийцы живет под настоящим дамокловым мечом, ожидая удара из-за всякого угла, во всякое время и на всяком месте. Род убитого лихорадочно выслеживает свою жертву, которая насторожe и, во всяком случае, не намерена дешево отдать свою жизнь. В то же время с первых же моментов после рокового убийства род убийцы посылает какое-нибудь лицо нейтрального халя (непременно нейтрального: сородича убьют) к роду убитого с извинениями и предложением выкупа. Но не всегда и, во всяком случае, не скоро получается согласие; иногда проходят годы, пока, утомившись безуспешным преследованием, род мстителя соглашается на примирение.

Опишу один из многих вариантов процедуры примирения и выкупа. Каждый из враждующих родов выбирает себе из какого-нибудь нейтрального халя умного и красноречивого человека («хлай-нивух'а» — буквально: оратора, — от глагола «хлайндж» — говорить и существительного «нивух» — человека). Эти последние будут посредниками между сторонами. Каждый род снабжает своего хлай-нивуха шелковым халатом, такой же шапкой, луком, стрелами, копьем, иногда и японской саблей. Это официальная, так сказать, форма посредников. И вот в один прекрасный день вооруженная депутация халь-нивухов (сородичей), с мстителем и хлай-нивухом во главе, появляется вблизи враждующего селения. Тут, где-нибудь в ближайшей тайге или на берегу речки пришельцы разложат огонь, располагаясь, так сказать, лагерем. Отсюда-то и отправляется хлай-нивух мстителей в селение убийцы, где в одной из юрт собравшиеся сородичи его (халь-нивухи), со своим оратором во главе, ожидают посла. Последний, усевшись и закурив трубку (непременно своим собственным огнем), начинает излагать требования выкупа. Роль хлай-нивуха в том и состоит, чтобы выговорить как можно больше. Сородичи убийцы отвечают извинениями и просьбой об уменьшении условий выкупа. Но хлай-нивух мстителей, упорно стоя на своем, гневно удаляется. Вслед за ним идет хлай-нивух убийцы, пытаясь вступить в переговоры со своим собратом по оружию. Не раз оба дипломата усаживаются на землю, закуривают свои трубки каждый своим огнивом, пока, наконец, не достигают лагеря мстителей, где переговоры продолжаются. Случается, что в течение 2—3 дней хлай-нивухи снуют таким образом из одного лагеря в другой. Наконец, соглашение достигнуто. Вот компания мстителей начинает приближаться к селению, а им навстречу идут сородичи убийцы, и обе стороны, наконец, останавливаются друг перед другом на расстоянии выстрела из лука. Впереди, с одной стороны, сопровождаемый своим хлай-нивухом в парадной форме, выступает мститель с копьем и натянутым луком, с другой — убийца тоже с натянутым луком, рядом со своим хлай-нивухом. Лук каждого противника направлен прямо в сердце врага... Секундная вспышка — и кровь может пролиться. Но хлай-нивухи строго удерживают противников, твердя им про мир и забвение. И это не обряд только, ибо бывали случаи, когда в эту минуту мститель закипал гневом и убивал противника на месте. Тогда противники одновременно бросают оружие, бегут друг другу навстречу и кидаются в объятия. Примирение состоялось, и сородичи мстителя вместе с последним мирно входят в юрту убийцы, где перед нарами расставлены договоренные вещи выкупа и где приготовлено приличное угощение. По другому варианту, мститель и убийца становятся близко друг против друга, упираясь каждый своим копьем в грудь другого, и в то время как хлай-нивухи призывают их к примирению, сородичи каждой стороны проводят между ними по собаке и затем убивают этих животных копьями (кровь за кровь).

Весьма естественно, что выкуп платится соразмерно состоянию убитого и богатству рода убийцы. Это объясняет нам происхождение старинных наказаний за убийство у народов германского и славянского племени, у которых штраф (вира) за убийство платился неравномерно, смотря по званию и состоянию убитого. Естественно также, что ненамеренное убийство влечет за собою гораздо меньше выкупа, чем намеренное. В платеже участвует весь халь убийцы, каждый по состоянию. Убийство внутри рода находит себе мстителей в ближайших родных убитого и брате его матери (т. е. лице чужого рода, и этот последний получает половину выкупа). Ненамеренное убийство внутри рода у амурских гиляков остается без последствий.

Хлай-нивухи получают в вознаграждение за свои труды свой парадный костюм, вооружение и собаку. В заключение о мести должно сказать, что месть у гиляков является обязательно-священным долгом. И в жизни приходится быть снисходительным к явлениям этого рода. Гиляки мстят часто, не имея к этому никакого расположения, по обязанности. Месть распространяется и на случаи доведения кого-нибудь до самоубийства, но в этом случае дело кончается выкупом или нанесением имущественного вреда виновному.

Одним из видов родовой мести является война. Войны между родами, с появлением русских, прекратились; но воспоминание о них живет в народной памяти, о них рассказывают в сказках, поют в песнях. Поводами к войне чаще всего служили женщины. Похитит гиляк женщину, потом попадется в руки сородичам похищенной, его убьют, — и повод к войне готов. И вообще обиды, нанесенные целым родом, кончались войной. Объявление войны не предшествовало. Раз род нанес кровную обиду другому роду, он уже ждал нападения во что бы то ни стало. И, действительно, в один прекрасный день все взрослое население обиженного рода, вооруженное луками, копьями и ножами, отправлялось в поход, смотря по времени года, на лодках или на нартах. Нападение обыкновенно совершалось ночью. В ожидании его все взрослое мужское население, вооруженное, собиралось в одну юрту. Женщины и дети оставались одни в других юртах, так как, по международному праву гиляков, женщины, дети, а также имущество врага считались неприкосновенными во время войны. В каждой юрте имелся тайный выход на случай неожиданного нападения. При первой тревоге воины выходили потайным ходом и делали где-нибудь за юртами засаду. Бой продолжался, по одному варианту, ночь, по другим — дольше, но несомненно, что существовал обычный срок для побоища. По миновании положенного срока, неприятель удалялся, а подвергшиеся нападению начинали считать убитых. Если с их стороны пало меньше, чем у нападавшей стороны, то дело оставалось без последствий; в противном случае, для них являлась обязанность ответить войной за нападение. Нападавшая же сторона, во всяком случае, должна была себя считать удовлетворенной. На случай столкновения на море с лодкой воюющей стороны, которая могла пожелать обменяться стрелами, на лодках имелся в носовой части подъемный бруствер для защиты от неприятельских стрел.

О прежних воинственных наклонностях гиляков красноречиво свидетельствуют хранимые ныне, как драгоценность, тяжелые копья с серебряной резьбой, копья, которые еще очень недавно служили не для одного только украшения.

7. Род в некоторых случаях, впрочем, весьма редких, усыновляет лиц чужого рода. Роду всегда было выгодно иметь как можно больше членов в своей среде. С другой стороны, существование личности вне рода или во вражде со своим собственным родом было вещью весьма тяжелою. Во время переписи приходилось встречать нескольких человек, которые заявляли, что весь их род вымер. В таких и подобных случаях на помощь приходит чужой род с правом адоптирования. Без сомнения, во время войн, когда случалось, что все мужское взрослое население падало в битве, женщины брались в род победителей в качестве жен, а дети мужского пола адоптировались en masse. Адоптированное лицо принимается в одну какую-нибудь семью в качестве сына или брата и этим самым зачисляется и в род. В одном селении на севере Сахалина мне пришлось встретить одно благоденствующее и многочисленное семейство, которое много лет тому назад было адоптировано главенствующим родом селения. Явилось оно с охотского берега, бедное и голодное, и просило о принятии в род селения, что означало, вместе с тем, кормить его и поддержать до лучших времен. В настоящее

время это семейство составляет гордость усыновившего его рода. Но вообще случаи адоптирования редки, особенно семьями, ибо этим ограничивается для рода число женщин, с которыми вступление в брак дозволительно (внутри рода брак запрещен, как сказано выше).

8. Род составляет юридическую единицу по отношению к долгам сородичей. В случае несостоятельности сородича и его ближайших родных, род обязан принять на себя долг несостоятельного.

9. По общему правилу имущество не должно выходить из рода умершего. О наследовании в частности будем говорить особо. Пока скажем только, что у гиляков в этом отношении действует буквально известное правило XII таблиц: «Si suos heredes non habet, gentiles familiam habento» (за неимением близких родственников, род является наследником).

10. Халь регулирует дела общины. Мы уже видели роль его в делах родовой мести. Когда умирает гиляк, халь-нивухи решают вопрос, к кому из «фузров» покойного должны перейти его вдова и дети. Перед собранием сородичей умирающий гиляк изъявляет свою последнюю волю.

Вообще, никакое чрезвычайное событие не обходится без участия рода. Споры между сородичами решаются не всеми сородичами, а общепризнанными в роде за уважаемых, красноречивых и умных людей (хлай-нивух). В случае спора между лицами разных халей, смешанное собрание хлай-нивухов решает дело. Так, напр., решаются дела о кражах у амурских гиляков, у которых такое смешанное собрание налагает в таких случаях больший или меньший штраф. Старший в роде (халь-геймар) сравнительно еще недавно (одно, два поколения тому назад) был общественным главой, старостой рода. Его преемником являлся следующий за ним по летам халь-геймар. Вмешательство манджуров и появление русских на острове вызвало исчезновение этого института. Но халь-геймары никогда не играли роли патриархов с неограниченной и наследственной властью. Такой власти у гиляков не имеют даже отцы над сыновьями. В настоящее время роль старейших в роде сводится только к руководительству религиозными обрядами, решающему мнению в вопросе о старшинстве в линии родства и т. п. вопросах, где годы играют особенную роль для компетентности суждения.

11. Роды бывают часто рассеяны в очень отдаленных друг от друга пунктах. Но, разделившись, сородичи продолжают

помнить друг друга, ездят друг к другу в гости, оказывают друг другу помощь и покровительство. Скрывающийся от преследования мстителя гиляк найдет безопасность и вооруженную защиту в отдаленном селении сородичей. Обеднеет гиляк или год выпадет неудачный, он переезжает на время для поправки к сородичам. На западном берегу Сахалина редко найти селение, в котором бы все население принадлежало к одному роду: таких селений всего 5—6 (Пиново, Танги, Тык и еще два — три незначительных селения). По большей части в селении 2—3 рода. Происходит это отчасти оттого, что гиляк часто бывает вынужден покидать свой род и переселяться, ища для себя более благоприятных мест в рыболовном отношении, а переселение не представляет никаких затруднений, ибо гиляки радушно принимают переселенцев из чужого рода. А далее обычай многих зятьев переселяться в род жены не мало содействовал перемещению родов. Последний обычай, быть может, остаток архаического родового быта, основанного на женском начале, по которому мужья шли в род жены, а не наоборот, как это делается теперь; часто, по особому договору с тестем, зять переселяется в род первого для совместной работы с ним (подробнее об этом ниже).

12. Халь имеет общее кладбище, недоступное для чужеродных. Всем известно, что сахалинские гиляки имеют обыкновение сжигать своих покойников. Ко дню сожжения рассылаются приглашения ко всем сородичам умершего, и только чрезвычайное препятствие удержит гиляка от исполнения последнего долга пред сородичем. Когда «живой» огонь, добываемый в этом торжественном случае посредством трения, уничтожил останки покойного, над местом, где остался пепел и мелкие косточки трупа, делают низенький, закрытый со всех сторон навес, а рядом с ним, в некотором расстоянии, делают крошечную юрту, лучше сказать, деревянный ящик в квадратный аршин, с крышей. В этот ящик помещают чашку и блюдечко покойного, трубку его, деревянную куклу, украшения (если это была женщина) и прочие мелочи. Таким образом является целый ряд юрт — гробниц рода. Когда род живет в разных селениях, умершего хоронят в его селении. Но где бы ни умер гиляк, его прах должен покоиться рядом с его сородичами. Если человек умирает на чужбине, сейчас же извещают об этом сородичей, которые приезжают и увозят тело для сожжения на родину. Если дело происходит летом, труп сохраняют в холодном месте до зимы, когда на нартах его перевезут на родину. Но если даже

гиляку приходится быть сожжену на чужбине, все-таки одну косточку бережно поднимают, привязывают к куску дерева и отсылают на родину. Там над ней сделают навес и рядом построят юрту. Смерть сородича вызывает траур. Мужчины и женщины распускают косу на более или менее продолжительное время, смотря по близости родства и любви к покойному. Некоторые носят траур пожизненно.

Таким образом, родственные и общественные узы привязывают гиляка к своему роду. Без особенной нужды гиляк не покинет селения своих сородичей, гробниц своего рода. Где бы гиляк ни разбогател, он в конце концов вернется на родину. Пишущему эти строки приходилось видеть гиляков, совершенно обрусевших, выросших на службе у русских, но которые, женившись, обзаведясь хозяйством, возвращались в селение своего рода. И это так легко сделать. Гиляку нет надобности непременно строить юрту, так как в любой юрте его рода найдется на нарах 2—3 кв. аршина для семьи сородича. Ему нет надобности даже в лодке и сетке: всегда он найдет владельцев таковых, с которыми он будет ловить рыбу на равных правах. Неизбежная принадлежность каждого гиляка к большому родовому союзу наложила неизгладимый отпечаток на весь духовный склад его, на характер, нравы и умственное развитие. Эта привычка все обсуждать сообща, эта необходимость входить в интересы своих сородичей, эта круговая порука в делах мести, эти общие праздники и жертвоприношения, эта братская связь многочисленных отцов, братьев и детей, наконец, эта необходимость и обыкновение жить в больших юртах в сожительстве с десятками себе подобных, — необходимость, заставляющая гиляка постоянно жить на глазах других, — все это должно было выработать характер социальный, общительный, разговорчивый, серьезный и чувствительный в делах чести.

Войдите в одну из тех больших зимних юрт, которые так часты на севере, войдите в один из таких муравейников в зимний вечер, и вы будете приятно изумлены. Громадная юрта озаряется только пламенем печей, в отдаленных углах совершенно темно, но вы услышите солидный говор стариков, громкие разговоры пожилых, веселый смех, шутки и музыку молодежи. Здесь не скучают...

Попробуйте вступить с кем-нибудь в разговор об их жизни, нравах и проч. — вас окружит вся юрта. С серьезным интересом взрослые слушают и отвечают. Взгляды детей не отрываются от вас. Глаза горят огнем ума и увлечения. Вам отвечают серьезно и сознательно; только внушите им доверие к себе. Вы почувствуете расположение к этим варварам... И никогда не застаивается, так сказать, здесь жизнь, потому что каждый день приносит какое-нибудь маленькое или большое событие в жизни селения, каждый день приносит, наконец, новых гостей с новыми темами для разговора. В каждой юрте вы найдете много таких гостей, которые часто гостят по неделям, и хозяева за все это время кормят их и их собак.

Гиляки очень гостеприимны, любят ездить в гости и принимать гостей. Приезжают не только сородичи и родственники жены, но и посторонние, просто друзья. В юрте часто живут люди разных родов, к которым съезжаются гости и сородичи со всех мест гиляцкой оседлости. Представьте, сколько новостей приносит каждый зимний день. Зима — любимая пора для разъездов. Этот благородный обычай гостеприимства имеет еще и другую хорошую сторону. В черный год, когда нехватает пищи у гиляка ни для себя, ни для собак и купить не на что, гиляк не должен протягивать руки благодетелю; он спокойно отправляется в гости, зная очень хорошо, что со временем ему отплатят тем же. Много гостей встретите и летом. И в это время года гиляк редко живет один в юрте; всегда с ним одна, две семьи его братьев или других сородичей. Несмотря на долгое подчинение окитаившимся манджурам, несмотря на губительное влияние проходимческого населения Амурского края, гиляки и в нравственном отношении сохраняют много добродетелей первобытных племен. Но участь их строя жизни решена бесповоротно. Еще одно-два поколения, и гиляк материка совершенно обрусеет и, вместе с выгодами культуры, он усвоит и все ее пороки. Нужно отдать справедливость гилякам: они не легко отрекаются от родных традиций, но они поневоле поддаются. Они сначала негодовали и недоумевали, встречая кругом обманы и эксплоатацию, но постепенно кончат тем, что возьмутся за то же оружие. Дольше всех имеют шансы сохраниться сахалинские гиляки, как наиболее удаленные от центров оседлости. Но и на них русское влияние оказывает свое действие. Со всех селений ходят на заработки и ездят за покупками в Николаевск, и всякий гиляк, возвращающийся с заработков в родное селение, приносит такую же атмосферу, какую приносит в русское село парень, вернувшийся с заработков в больших городах. Кроме того, заработки в городах с их переменным счастьем все больше и больше уничтожают то первобытное равенство, которое составляет преобладающую черту несложной экономической жизни таких народов, как гиляки. Вместе с богатством, нажитым среди новой среды, люди вносят и экономические обычаи этой среды. Но не будем пока заглядывать в новые явления жизни гиляков; вернемся теперь к их еще нерасшатанным пока устоям.

III.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ.

В многобожии гиляков господствующей чертой является антропоморфизм, но в основании его лежит боготворение силы природы. Так, огонь является у них божеством, правда, только «мало-мало божеством», но все-таки таковым. На вопрос. «почему?» гиляк отвечает: «а без огня как жить?» Считается грехом потушить огонь на очаге, даже повредить ограду очага — грех. В сезон ловли нерпы, или когда в юрте есть новорожденный, и во многих других случаях считается грехом выносить огонь из юрты. Огню, как элементу божественному, гиляк поручает тела умерших. Но в градации божеств огонь занимает далеко не первое место. Тот факт, что добывание огня во власти человека, значительно умаляет в глазах гиляка его величие. Наконец, градация божеств основана на количестве благодеяний, получаемых человеком от каждого из них, а море, тайга дают гиляку больше, чем огонь. Представляя себе стихии и силы природы божественными, называя их часто прямо божествами, гиляк, вместе с тем, верит, что каждая стихия имеет своего хозяина — *нивух'а*, который и есть бог — «кур». Эти нивухи не только по образу и подобию своему, но даже по одеянию — настоящие гиляки (припомним, что «нивух» значит также «гиляк»). Это — не плод воображения, «их можно видеть». «Один человек, — рассказывал мне серьезно знакомый гиляк, — однажды встретил хозяина неба («кур»). Он ездил на нарте, везомой волками, но при встрече с гиляком волки повернули вверх и исчезли вместе со своим седоком под небесами». О многих нивухах вы можете слышать, что еще недавно гиляк такого-то селения видел «его» в том или другом месте. Подобно гиляку, нивухи имеют детей, быть может, их существуют целые роды («халь»), и, подобно гиляку, наконец, они смертны. Бог тайги и гор, хозяин и отец всех зверей лесных, называется «Пал-нивух» («пал — гора, тайга). К нему относятся все жертвоприношения на праздниках Медведя. Это он прикажет медведям кусаться «шибко, больно» в случае нарушения обрядов праздника. Бог моря, отец и хозяин всего живущего в нем, называется «Толлес», «Толль-нивух» и есть едва ли не могущественнейшее божество гиляка; он же посылает болезни и исцеление. Солнце, луна, звезды — все это божества гиляка, и первые два — супруги: солнце — жена, луна — муж, и, само собою разумеется, на этих светилах небесных есть боги — хозяева. «Разве ты не видел», уверенно говорил мне гиляк, «нивуха на луне, когда она бывает большая? Он совсем гиляк!»

Есть у них представление о чем-то в роде чертей («учхаруш»). Это — целый халь, обитающий в море и опасный для гиляков во время ловли нерпы. Они разъезжают на лодках, и когда завидят лодку с гиляками, бьющими нерпу, то громко вопрошают: «что вы тут делаете?» Горе, если гиляки ответят, что бьют нерпу: лодка в таком случае погибла; но если в ответ гиляки показывают заячий хвост, чорт без дальнейших рассуждений удаляется во-свояси.

Ясно, в каких отношениях стоит гиляк ко всем своим богам — нивухам. Это они дают ему соболей, лисиц, медведей, рыбу, и нерп и пр. Соболи или медведи — это такая же собственность Паль-нивуха, как рыба и нерпа собственность Толль-нивуха, или нартовые собаки собственность гиляка. Из этой своей собственности боги специально уделяют пай человеку. Не даром рыба является с такою удивительною правильностью в соответственные сезоны, не даром соболь одевается в дорогую шубу в сезон охоты, не даром лебеди, гуси, утки теряют летом перо и становятся легкой добычей гиляка. Все это боги делают для человека; дарами богов только и живет он. Понятно, что гиляки не должны оставаться в долгу перед своими благодетелями. И вот они дают пай богам всем тем, чем они сами пользуются: саранкой, кореньями, табаком, сахаром и пр. Когда я выразил однажды желание участвовать в жертвоприношении Толль-нивуху в начале сезона нерпы, меня спросили: «а ты дашь богу хлеба, картошки и пр.?» Жертвоприношения — это обмен паями с нивухами. Вот почему никогда жертва не может состоять из тех же самых предметов, за которые жертва приносится; напр. среди блюд, приносимых в благодарность за нерпу, последняя не фигурирует, хотя она составляет непременное блюдо самих гиляков в вечер жертвоприношения. Таким образом, медведь на известном празднике — совсем не жертва, как некоторые думают, ибо ни один кусок его мяса не уделяется богу, а гиляк не понимает аллегории: приносить жертву — значит давать богу нечто реальное. И, действительно, на этом празднике хозяину медведя, Паль-ывуху, дают жертву саранкой, «моссом», юколой и проч. яствами. Не противоречит принципу обмена в жертвоприношениях тот факт, что гиляки дают «хозяину моря» кости рыбы, голову, глаза нерпы. Дело объясняется очень просто: мясо бог даст человеку, а кости возвращаются, как творческий элемент будущих рыб и нерп. На том же основании гиляк бережно закапывает в прибрежном песке глаза и недозрелый плод, найденный в чреве нерпы. Для гиляка жертвоприношение — не обряд, не рутина, а серьезное дело, от которого зависит его благополучие. Кроме торжественного жертвоприношения по случаю открытия сезона нерпы, гиляк с особенною торжественностью дарит своего бога в начале сезона соболем. Эту жертву он приносит среди тайги один, у того самого балаганчика, который служит ему ночлегом все время, пока он караулит свои петли и западни. Кроме обычных своих даров в этом случае он иногда приносит в жертву собаку. Поразив жертвенное животное в сердце, он кровь отдает богу, а мясо съест за торжественной трапезой с родными. А вообще он дарит своих богов часто, хотя и понемножку, рассчитывая, что для бога так же мало значит сотня рыбы, как для него пригоршни рису или саранки. Трогательны бывают жертвоприношения в дороге. Помню, во время путешествия на север Сахалина мы однажды как-то незаметным образом поднялись на вершину хребта, и вдруг перед нами раскрылась волшебная панорама гор. «Голова земли» величественно высилась перед нами. Мои спутники гиляки были растроганы. Один из них достал из нарты заветный мешочек с саранкой, табаком, сладкими кореньями и проч., отошел от нас шагов на 30 вправо, присел на корточки, закопал в снег по пригоршне и долго повторял свою молитву. Поднявшись, он отошел на столько же шагов влево и проделал то же самое. Потом, с умиленным лицом, он вернулся к нам и роздал остатки жертвоприношения. Это он молился о ниспослании нам счастливого пути. И он мог потом хвалиться, что его молитвы были услышаны... Есть огромное различие между религиозным настроением гиляка и религиозным настроением не только христианина, еврея, мусульманина, но и буддиста. «Сокрушение сердца», стремление души к божеству в нашем смысле — все это для гиляка непонятные, кажется, вещи. Для него в религии все просто и ясно: ни сомнений, ни страданий. Ему непонятен религиозный экстаз. Шаманизм с его экстазами, мне кажется, заимствованное явление. Он не вяжется с религиозным складом гиляка. Правда, он верит шаману, поручает ему лечение своих больных, питает к нему суеверный страх, верит в его предсказания, в силу его колдовства, верит, напр., что шаман может убить любого человека, как бы далеко последний ни находился от него (таким образом, будто бы рыковский шаман убил николаевского, подстрелив вместо него пролетевшую мимо птицу); но не шаманизмом характеризуются религиозные воззрения гиляка. Будет, быть может, уместно мимоходом заметить, что шаманы приносят много вреда своим поклонникам. При неудачных исходах их лечений они часто сваливают вину на ни в чем неповинных людей, на которых, в случае смерти пациента, обрушиваются насилия и жестокие преследования. Равным образом, внушая своим пациентам, что их болезни происходят от вселения в них беса, они прививают здоровым в нервном отношении людям серьезные психические болезни. Характерны молитвы гиляков, простые, ясные, как и их верования. «Кур, пионгухиа!» (О, боже, пожалуйста!) — вот чем ограничивается гиляк, обращаясь за чем-нибудь к своему богу.

Есть у гиляков смутное представление, скорее ощущение, о верховном едином божестве, отце всех людей и всего существующего, но оно для него именно смутное ощущение, которого он и не формулирует. Боги имеют отношение не только к материальной жизни человека, но и к нравственной. Нравственные принципы общежития, помощь ближним, уважение к жизни и имуществу другого пользуются божественной санкцией. Нарушение их влечет за собою наказание в этой жизни (болезни, преждевременная смерть) и в будущей. Пришлось мне слышать от одного гиляка такое утверждение: «если богатый обидит бедного, это большой грех; но если бедный обидит (в смысле материальном: возьмет и не отдаст, обманет его и т. п.), это не грех!» Такое утверждение тем более странно мне было слышать, что передавший мне это гиляк сам очень богатый человек и большой кулак, не отступающий ни перед какими насилиями над бедными. Не берусь судить, насколько такое более чем альтруистическое воззрение есть действительное воззрение гиляков, или оно навеяно влиянием русских, или просто лицемерием. Во всяком случае это характерно. Есть, таким образом, у гиляков ясное представление о грехе («умгыш»). Само-собою разумеется, что такие вещи, как кража, убийство — грех, но, конечно, есть много поступков, с нашей точки зрения совершенно безразличных, которые считаются гиляками за грехи, напр.: топить нерпичий жир на огне, а не на солнце — грех, и вообще, отступление от старых приемов является грехом. Любопытно, что во многих случаях грех, даже когда он состоит в оскорблении божества, искупляется штрафом, уплачиваемым тому или другому лицу; напр.: за малейшее повреждение ограды очага причинивший его должен уплатить хозяину юрты собаку, чашку и блюдечко и еще кой-какие мелочи; в противном же случае один из двух заболевает. Даже в этом маленьком факте видна идея необходимости искупления греха. Выкуп, уплачиваемый за убийство, дается родом убийцы не только по необходимости (эта необходимость не всегда существует), но и как искупление греха перед разгневанным божеством. С другой стороны, боги не оставляют без наказания соделанного людьми зла (греха). Они посылают бураны и дожди, скупы на рыбу и дичь, ниспосылают болезни и разные другие бедствия. С появлением русских участились, по мнению гиляков, явления грома и молнии: это бог сердится за грехи русских.

Представляя себе богов смертными, гиляк этим выражает только свое чересчур антропоморфическое представление о них. На самом деле и человеческое бытие, по его воззрению, не прекращается с этой жизнью. Там, за пламенем костра, есть другой свет, другая земля, где гиляк вновь живет с теми же потребностями, с теми же представлениями; только бедный человек будет там богат, а богач — беден. После смерти гиляк получает другое имя, и грех называть покойника старым именем. Есть также представление у них о переселении душ, именно, о многократном рождении. Так, существует легенда, гласящая, что после смерти одного гиляка, имевшего на лице характерные шрамы от ран, полученных в борьбе с медведем, у другого гиляка родился мальчик с такими же шрамами на лице, как у покойного. Известно, что сахалинские гиляки сжигают своих покойников. Есть, однако, один случай, когда этот обряд не исполняется, именно, когда человек пал жертвой медведя. Существует целый ритуал для подобных случаев. Буду краток. Немедленно по получении известия о несчастии с гиляком отправляются по свежим следам на поиски за медведем. Нашедши и убив медведя, усаживают убитого верхом на него, затем торжественно привозят в селение убитого зверя вместе с несчастным всадником. Немедленно приступают к устройству обширного балагана, в котором помещают медведя со всадником. Балаган кругом заколочен; оставляют только небольшие отверстия, куда вставляются небольшие корытца с жертвоприношениями, которые сначала возобновляются очень часто, потом все реже (через год). В третьем поколении только эта эпопея завершается окончательным приношением в жертву нескольких собак у верховья местной речки, в присутствии сородичей убитого. Смысл всей этой процедуры, по-моему, таков. Медведя убивают по принципу мести (надо поднять родные кости). Символом торжества мести является поза убитого (верхом на медведе). Оставление убитого в позе всадника и чествование памяти его в течение поколений, вытекает из желания венчать ореолом славы храбрых своего рода. Быть может, это все делается в назидание молодежи. Жертвоприношения в этом случае приносятся Паль-нивуху в виде умилостивления его, чтобы на будущее время такие несчастия не повторялись. Между прочим и из этого примера видно, что гиляки очень далеки от того, чтобы смотреть на медведя, как на бога. Особенной процедурой сопровождается также отдание последнего долга утопленнику. Правда, его сжигают, но непременно на берегу моря. Лодку, в которой он утонул, оставляют без употребления. В присутствии всего рода устраивается богатое жертвоприношение Толль-нивуху на берегу моря. Устраивается новая юрта, в которой поселяются родители покойного, либо один из его братьев. Опять-таки и в этом случае процедура имеет в виду поощрять презрение к опасностям, с другой стороны — умилостивить капризного бога моря.

Не могу не сказать в заключение несколько слов относительно распространения христианства среди гиляков. По всему западному берегу я встретил только двух крещеных гиляков, которые приняли «святое» крещение исключительно для получения свидетельства о вступлении в законный брак с гилячкой такой-то, свидетельства, дающего право и возможность пользоваться содействием властей для возвращения жены на случай похищения ее. Далее я встретил много крещеных гиляков с материка и из бесед с ними я убедился, что они не имеют никакого представления даже об обрядовой стороне христианства, уж не говоря о сущности его. Между тем гиляк способен воспринять идею единого бога с атрибутами его по учению христианства. Многое мог бы я сказать о тех способах, которые употребляются на Амуре для обращения инородцев в христианство, но не здесь для этого место. Что же касается сахалинских гиляков, то, быть может, особенно талантливый миссионер и сделал бы кой-какие успехи; но много поколений должно пройти, пока гиляк порвет свои связи с божествами, доставляющими ему рыбу, нерпу и соболя. Крещеные гольды и амурские гиляки решительные скептики теперь по отношению к религии вообще, но жертвоприношения продолжают приносить попрежнему. Прибавлю еще, что сахалинские гиляки не имеют идолов.

IV.

ЮРИДИЧЕСКИЙ БЫТ.

Брак.

Несмотря на все остатки и переживания старого строя жизни, о которых я говорил, современный брак у гиляков является уже с юридической точки зрения в совершенно индивидуалистической форме. Ее нельзя назвать в строгом смысле слова ни моногамией, ни полигамией, но нельзя считать и коммунальной.

Перед глазами света каждая замужняя женщина есть жена данного лица, и ее дети суть дети этого лица. Нарушения верности со стороны жены вызывают кровавую расправу со стороны мужа. Гиляк, захвативший свою жену in flagrante delicto с посторонним, убивает соблазнителя, а жену избивает до полусмерти. Даже руэра своего в подобном случае он не отпустит без чувствительного напутствия, а у амурских гиляков даже руэр не находит пощады. Но кровавое возмездие требуется непременно только тогда, когда соблазнитель был застигнут in flagrante delicto. Страх перед русским правосудием ослабил действие этого кровавого обычая, и часто в таких случаях все ограничивается одним избиением. Современный способ приобретения жен выработался постепенно из старых родовых порядков, из коллективного и индивидуального похищения женщин чужого рода и последующего примирения в виде выкупа, преобразовавшегося с течением времени в современный калым. Но еще и теперь обычай похищения женщин существует у гиляков как сахалинских, так и материковых. Отчасти он является коррективом против насилования чувств женщины в современной форме брака, отчасти — реакцией против покупки жен, не всякому гиляку доступной. Когда гиляку понравится женщина, девушка или замужняя, а в то же время приобресть ее мирным путем оказывается невозможным по тем или другим причинам, он сговаривается с компанией своих сородичей, и в один прекрасный день (обыкновенно летом), когда мужчины вне юрты, лодка похитителя приближается к селению и, улучив время, когда мужчины в отсутствии, увозит искомую женщину. Бывают похищения по предварительному согласию последней, бывают и без ее согласия, или даже против ее воли. Похищения, конечно, вызывают контр-похищения, даже вооруженной рукой (мне известен случай, когда в юрту старосты одного селения ворвалось ночью 14 чел., вооруженных копьями и ружьями, и увели женщину), но в случае неудачи все кончается примирением и уплатой калыма. Нередко похищение совершается самим отцом женщины или по его наущению в том случае, когда зять не выполнил всех условий калыма и в то же время не возвращает добровольно купленной им женщины. Еще и до сих пор обычай похищения считается у гиляков явлением нормальным, никого не удивляет и никем не порицается, и это именно доказывает, насколько он был распространен, даже всеобщ, во времена очень недавние. Войны, о которых нам рассказывают гиляцкие предания, велись главным образом по поводу похищения женщин, и они-то выработали практику примирения в виде выкупа. Водворение русских в Амурском крае значительно повлияло на уменьшение случаев похищения. Какими бы усилиями ни сопровождалось похищение женщины, но предъявление бумаги русского надела влечет за собою беспрекословное возвращение похищенной. Таким образом, господствующим способом приобретения жен стала покупка. Цена, уплачиваемая за женщину, известна у русских под именем калыма. Калым обыкновенно выплачивается вещами, деньгами и трудом. В виде калыма дают лодки, котлы, ружья, копья, шубы, куски шелковой материи, собак и, наконец, деньги. Величина калыма пропорциональна богатству обеих сторон, возрасту невесты и хозяйственным талантам ее. Женщиной в полном смысле слова, «accomplished woman», у гиляков считается та, которая хорошо понимает кулинарное искусство, хорошо шьет платье и обувь, трудолюбива и кротка. В общем покупка жены обходится не дешево. Вот пример не очень значительного калыма. Один гиляк из Китнидво заплатил за жену 2 японских котла (один большой, стоящий 60 руб.), одно копье с серебряной резьбой, лисью шубу, 10 собак и, сверх того, срубил тестю летнюю юрту, а в заключение жена была похищена безвозвратно. Весьма характерен способ приобретения женщин посредством труда, способ, напоминающий библейскую историю о службе Иакова у Лавана. Послужит какой-нибудь безродный гиляк в семье несколько лет и в награду получает сестру или дочь хозяина. Когда глава семьи — человек пожилой и сыновей не имеет, он берет к себе зятя, соглашающегося, взамен калыма, делить с ним все хозяйственные труды в течение известного времени или в течение всей жизни тестя. Зять, обыкновенно человек совершенно неимущий, ловит рыбу, бьет нерп, и все это составляет общее достояние всей семьи; но личные денежные заработки зятя, равно как соболя и лисицы, доставшиеся ему его усилиями и искусством, остаются в его распоряжении, что дает зятю возможность со временем составить себе независимое положение. Но вообще уплата калыма трудом встречается не часто, ибо продажа женщины слишком соблазнительная вещь для ее родных и, кроме того, гиляки еще не привыкли особенно нуждаться в чужом труде. Калым выплачивается отцу невесты, за неимением его — братьям ее, если они взрослые; в противном случае — их опекуну, т. е. тому сородичу-руэру, к которому они перешли вместе с их матерью; за неимением братьев невесты — тому самому руэру, о котором сейчас говорилось, т. е. тому, к которому перешла мать невесты; за неимением такового — братьям отца, затем сородичам — руэрам отдаленным, вообще сородичам мужского пола. Первоначально калым всегда давался не отдельному лицу, а халю (роду). Еще и теперь у единоплеменных гилякам тунгусов калым платится «наслегу», т. е. роду. И это совершенно естественно, так как первоначально калым являлся выкупом перед целым родом, мстившим за похищение женщины. Этот первоначальный смысл калыма отражается в обычае, по которому жена умершего гиляка всегда остается в роде мужа и переходит по решению рода к одному из братьев (руэров) покойного (младших только братьев, впрочем), и только в случае несогласия руэров жениться на вдове, дети ее остаются в роде мужа, а она возвращается в род отца. Обязанность сородичей-руэров по отношению ко вдовам своих покойных руэров напоминает нам библейскую историю Вооза и Руфи. Калым выплачивается либо вперед сполна, либо частью вперед, частью спустя некоторое время после переселения невесты в дом жениха.

Бывают случаи запродажи детей женского пола. Гиляк покупает для себя или для малолетнего сына малолетнюю девочку, которая остается до соответственного возраста в доме своих родителей для обучения всем женским наукам и искусствам; при этом часть калыма уплачивается при заключении договора. Ежегодно затем жених делает подарки будущему тестю, а остальную часть калыма доплачивает при переходе невесты в дом ее будущего мужа. Если в промежутке между заключением договора и переселением в дом мужа «запроданная» умирает, калым возвращается. Обыкновенно малолетние девочки немедленно переселяются к жениху, который часто бывает в несколько раз старше невесты и покупает таковую, имея уже одну, две жены, с единственной целью иметь молодую работницу, когда первые жены состарятся. Если жених тоже малолетка, будущие супруги воспитываются вместе, становятся друзьями с детства и привязываются друг к другу на всю жизнь; но эта хорошая сторона покупки малолетних далеко не искупает других сторон обычая, основанного единственно на расчете купить женщину подешевле. Обычай покупки жен для малолетних детей, быть может, послужил одной из причин упомянутого выше запрещения старшему брату отправлять супружеские права по отношению к женам младших братьев, а отсюда уже пошел обычай, запрещающий старшему брату жениться даже на вдове умершего младшего брата. До такой степени гиляк гонится за дешевизной при покупке жены, что нередко отец покупает для малолетнего сына невесту, которая вдвое-втрое старше его, если только она по случаю досталась ему дешево. Уплата большого калыма дает мужу право получить часть его обратно, в случае если жена умерла вскоре после вступления в брак, а иногда и на часть наследства после тестя. Но рядом с платой за невесту существует у гиляков другой институт — приданое. Перед отъездом к жениху невесту одевают в праздничное платье и снабжают ее, смотря по состоянию родителей, дорогими шубами, платьями и украшениями. Это приданое принадлежит невесте, которая, в случае расторжения брака, увозит его обратно. Оно неотчуждаемо при жизни жены и обыкновенно сожигается вместе с нею на погребальном костре. Такая форма приданого подтверждает взгляд Зибера на приданое в первобытных обществах, как на дар невесте.

Брак совершается у гиляков без всяких формальностей. Устраивается, конечно, угощение при отъезде невесты и при приезде ее в дом жениха, но ничего больше. Расторгается брак так же легко, как и заключается. Муж, разочаровавшийся в жене, увозит ее обратно к отцу и получает назад калым. Равным образом отец, недовольный положением дочери в новой семье или неаккуратным выполнением условий платежа со стороны зятя, отбирает дочь, возвращая калым. В общем способ мирного приобретения жены у гиляков совершенно подходит под договор «купли-продажи», с его спутником «очисткой» и проч. Мне пришлось видеть, как один пожилой гиляк, не имевший чем прокормить жену, продал ее (с ее согласия, впрочем) другому гиляку за небольшое вознаграждение.

Но, несмотря на такой характер приобретения жены, несмотря на то, что согласие женщины не только не требуется, но и не спрашивается, положение женщины во всяком случае не так дурно в общем, как это может казаться. От нее требуется, чтобы она была трудолюбива и хозяйственна. Требуется от нее, действительно, многое. Это она чистит и сушит то неимоверное количество рыбы, которое употребляется для годового прокормления семьи и собак. Она треплет дикую коноплю, прядя ее в тройную нить, и вяжет потом по месяцам огромные сети, пользуясь для этого всякой свободной минутой. Она обшивает всю семью, и на ней лежит вся тягость гиляцкой кухни и кормлении собак. Это она собирает по целым дням сарану, ягоды и коренья, составляющие повседневное кушанье гиляка в течение зимы. Она, наконец, несет всю тягость и хлопоты по угощению многочисленных гостей, наезжающих и живущих по неделям, в то время как муж разъезжает в гости и предается зимнему отдыху. Но заваленная работой, подчас глубоко несчастная, с мужем престарелым и слепым, покупаемая и продаваемая, она все-таки не рабыня. Она не заперта, как на Востоке; она ест за одним столом с мужем и детьми; она принимает участие в разговоре; с ней обращаются с уважением, как с женой и матерью. Дети относятся к ней почтительно. За нее будут мстить. Когда она умрет, ее сожгут с такою же торжественностью, как и ее мужа; в знак траура распустят по ней косу, нередко пожизненно, а иной безутешный муж, с горя по жене, наложит на себя руки. Замужем она не разрывает связей с своей прежней семьей и родом. Часто ездит она туда в гости с мужем и детьми, а в черный год ее муж и дети и сама она найдут там помощь и радушный прием. Когда муж будет напрасно обижать ее, она найдет защиту в семье своего отца и защиту действительную: возвратят калым и отвезут ее обратно.

Многоженство распространено в ограниченных размерах. Причины многоженства отчасти кроются в упомянутых супружеских правах братьев. Не даром так много холостых у гиляков, часто без особенных причин, как бедность и пр. А затем бесплодие жены, равно как и желание иметь молодую, здоровую работницу на старости, побуждают гиляка обзаводиться 2—3 женами, которых он приобретает постепенно. Замечательно, что в ближайших к посту Александровскому селениях, даже в таком большом селении, как Аркыйво, я не встретил ни одного случая многоженства.

Это объясняется, конечно, влиянием русских. Многоженство часто вызывает ссоры между женами, и муж принимает, конечно, чаще всего сторону наиболее любимой жены, но, все-таки, у гиляков нет того разделения на жен законных и конкубин, как в восточных гаремах.

Два слова о половой нравственности. На словах гиляки очень небезукоризненны. Молодые девушки позволяют себе произносить слова и выражения, которые не допускаются кодексом цивилизации. На деле гиляки не менее фривольны с нашей точки зрения. Несмотря на мстительную ревность мужей, грехи любви не вызывают ни порицания, ни презрения со стороны общественного мнения, а тем более не считается ненормальным сожительство (правда, не открытое) с лицами тех категорий, о которых я говорил выше. Но внутри рода, как я уже сказал, прелюбодеяние не встречается даже по исключению. Прибавлю еще, что у гиляцкой молодежи есть рыцарски-романтические наклонности, не только побуждающие молодых людей совершать долгие путешествия для свидания с возлюбленной, но и часто толкающие их на безрассудные предприятия в роде похищения женщины вооруженной рукой.

Строй гиляцкой семьи.

Часто можно встретить большие сложные семьи, в которых старик отец живет общим хозяйством со всеми своими сыновьями и их детьми. В состав семейства входят часто братья хозяина, либо неспособные к труду, либо не имеющие собственного инвентаря. Нередко семья принимает к себе сирот своих сородичей, особенно сирот, оставленных в раннем возрасте без матери. Бывает иногда, что теща живет вместе с зятем и зятья с тещами, особенно когда последние не имеют сыновей. С другими особенностями состава семьи мы еще встретимся ниже; пока скажем, что нормальный состав семьи, остов ее — родители, сыновья и незамужние дочери (замужние переходят в род мужа). В отношениях членов семьи между собою нет ничего подобного патриархальным отношениям, напр., старой семьи римской; сыновья относятся почтительно к отцу, но последний не имеет над ними той власти, которая известна под именем patria potestas. Взрослые сыновья могут свободно отделиться от семьи отца и жить особым хозяйством. Живя с отцом, сын может приобретать для себя особое имущество. Старший сын не имеет никаких преимуществ над своими братьями и, наоборот, самые младшие сыновья, как жившие с отцом до смерти, пользуются при наследовании особыми преимуществами. Только по отношению к дочерям отец пользуется властью деспотическою, рассматривая их, как вещи, которые следует сбыть подороже, хотя на практике эта власть значительно смягчается естественною привязанностью отца к детям. Значительная независимость сыновей обусловливается формами добывания средств к существованию. Для рыбной ловли при тех небольших неводах, которые употребляются гиляками, требуется только сотрудничество двух человек, следовательно, в этом отношении существование больших семейств-хозяйств не вызывается необходимостью. Охотничьи промыслы гиляков тоже не требуют в настоящее время коллективности, а для весеннего и осеннего сезонов ловли нерп гиляки соединяются во временные артели, состав которых совершенно случайный. Хождение на заработки в Николаевск, без сомнения, не мало содействовало разложению большой семьи, хотя у гиляков, как и у наших крестьян, хождение на заработки одного из них является часто одним из видов разделения труда среди семьи. На заработки ходят либо холостые, либо члены большой семьи, оставляющие дома своего отца и братьев, приготовляющих рыбу на зиму. Во всяком случае отделение взрослых, женатых сыновей от семьи отца составляет, особенно на севере Сахалина, далеко не преобладающее явление. По всему видно, что оно новейшего происхождения. Но в то же время разделение взрослых братьев после смерти отца составляет явление обыкновенное, хотя не нужно рисовать себе этого явления в нашем смысле. Братья продолжают жить в одной юрте, пользуются часто одним инвентарем, но столуются розно; это часто единственный признак разделенности хозяйства.

Об экономических отношениях членов семьи еще будем говорить ниже.

Уместно указать, что взаимопомощь, равно как и вообще чувства родства и привязанности между членами семьи, во многих отношениях шире и постояннее у этих варваров, чем в семье цивилизованной.

Собственность. У гиляков существуют представления о недвижимой собственности, хотя не в таком строго индивидуалистическом смысле, как у цивилизованных народов. Территорией селения являются обычные места рыбной ловли, также речки с их берегами, по которым происходит ловля соболей. Но гиляки никогда не заявляют претензий на близлежащие территории, которыми они сами не пользуются. Пользование есть неограниченный элемент собственности. Признавая за собою права на речки и ближайшую тайгу, в которой они ставят свои западни, гиляки свободно допустили перешедших с материка тунгусов охотиться за соболем и оленями в нескольких десятках верст от их селений, хотя легко можно было предвидеть, что это приведет к полному исчезновению соболя на собственных территориях гиляков. Но зато крайне строги они в своих правах на те речки, по которым они ставят свои петли и ловушки. Все речки территории селения распределены раз навсегда между семьями того рода, который впервые поселился близ этих речек и пользовался ими, и эти речки, их притоки и отдельные протяжения их переходят по наследству и распределяются между сыновьями на таких же строгих началах, как у нас любимая недвижимая собственность. При этом, если нескольким братьям достанется в удел одна речка, то ею пользуются сонаследники поочередно, через год. Замечательно, что, несмотря на то, что речки, распределенные между братьями и сородичами, обладают весьма различною ценностью по отношению и удобствам промысла, они не переделяются, а остаются в постоянном пользовании одних и тех же лиц. Быть может, причина этого явления кроется в том, что младшие сыновья в известных случаях пользуются преимуществами в наследовании. Зато рыбные ловли не находятся в таком ограниченном владении. Там, где бог щедр, гиляк не считает себя вправе загородить его щедроты исключительно для себя. Гиляк не имеет обыкновения сам лежать на сене, не есть и другим не давать. Сплошь и рядом гиляки переселяются из одного селения в другое или наезжают на известные сезоны для рыбной ловли или для нерпичьего промысла, и коренные жители селений и не думают считать это за нарушение каких бы то ни было их прав. Не спросясь ничьего позволения, переселенец построит себе юрту, будет ловить рыбу, бить нерп, охотиться за дичью и проч.; одни только речки остаются для него запретными для расставления петель на соболя.

Гиляк только по исключению разве живет один со своей семьей в юрте. Обыкновенно он живет с братьями и сородичами, иногда с зятем, реже с чужеродными. Зимние юрты на северном Сахалине бывают часто громадные, вмещающие в себе с полсотни душ, часто одних сородичей. Экономическая выгода таких общих помещений состоит в том, что отопление, поглощающее у гиляков, вследствие несовершенного устройства печей, огромное количество дров, не так обременительно для каждого лица в отдельности. А далее такие помещения гарантируют безопасность женщин от похищения. Летние юрты строятся поменьше и заключают обыкновенно от одного до трех семейств. Зимние юрты строятся общими усилиями нескольких братьев или сородичей, летние — часто одним лицом. Но все живущие в юрте, временные, или постоянные жильцы, сородичи или чужеродные, не принимавшие никакого участия в постройке, все живут в юрте без всякого вознаграждения строившим ее и вряд ли последние пользуются какими-нибудь привилегиями по доставке дров. Если юрта становится тесна, всегда находится пара других лиц, по собственной инициативе предпринимающих постройку новой юрты, в которую строители переселяются сами и охотно принимают к себе сожителей. Таким образом жилища гиляков являются, правда, общей собственностью нескольких семейств, участвовавших в постройке, но в то же время они составляют предмет безвозмездного пользования со стороны сородичей и вообще всякого, просящего об этом. Это остаток того времени, когда жилища строились общими усилиями рода и составляли предмет коллективной собственности.

Вполне ясны и строго определены понятия гиляков о движимой собственности. Обыкновенными предметами движимой собственности у них являются лодки, сетки, котлы, оружие, собаки, нарты, запасы сушеной рыбы и т. п. Часто бывает, что лодка, сетка, собаки — составляют общую собственность двух, трех сородичей даже и в этом случае, когда семьи столуются отдельно. И, наоборот, бывает, что в больших семьях, ведущих общее хозяйство, столующихся вместе, отдельные члены, как, напр., неотделенные сыновья, являются самостоятельными собственниками собак, лодок и пр. движимого имущества. Сыновья, таким образом, живя при отце, заблаговременно приобретают себе имущество для будущей независимости или для покупки жены на собственные средства. Такое самостоятельное имущество неотделенных сыновей является либо следствием дарений отца, приумноженных усилиями детей, либо плодом удач в охотничьих промыслах, либо результатом заработков в городе. Если неотделенный сын убьет медведя, мясо пойдет на общее употребление, но шкура достается ему. Если он продаст своих лисиц и соболей, он накупит разных товаров для семьи, но непременно что-нибудь приобретает для себя специально. То же и с заработками. Но никогда сын не выделяет себе особой доли из рыбных промыслов, где обыкновенно искусство отдельного лица не играет никакой роли. В таких же экономических отношениях находится и зять к своему тестю, с которым ведет общее хозяйство (заработки и пушнина составляют индивидуальное приобретение). Есть разряд предметов sui generis, которые составляют исключительную индивидуальную собственность гиляка. Это его «богатства». Гиляк сахалинский, по крайней мере, не хранит и не копит денег. Зато он копит дорогие шубы, лисьи и собольи, дорогие китайские шелковые материи в кусках, копья с серебряной резьбой, шелковые халаты, японские сабли и пр. Эти богатства переходят из поколения в поколение, от отца к сыну, и только в высоко важные моменты жизни они достаются из амбара. Когда надобно купить жену для сына, когда требуется наделить подарками дочь, отъезжающую в род мужа, когда род общими усилиями заключает мир с родом мстителя, когда умирает он сам или кто-нибудь из дорогих ему людей, которых он хочет видеть на погребальном костре во всей пышности собольих шуб и китайских шелков, — тогда достаются заветные вещи из амбара. Интересно отношение гиляка к богачам. Гиляк смотрит на своего богатого собрата с чувством, странным для людей первобытного образа жизни. В этом чувстве есть и страх, и уважение, и даже благоговение. Что богатый человек может внушить страх и уважение, это еще вещь легко объяснимая; но чувство благоговения некоторого рода имеет своеобразный источник, впрочем, не совсем чуждый и нашим понятиям. В первобытном обществе богатый человек обыкновенно обязан своему личному таланту своими материальными успехами, — отсюда уважение к нему. Но так как в то же время все удачи человека суть дары богов, то богач оказывается любимцем их, избранником. Насколько склонны гиляки приписывать богатству сверхъестественное происхождение, можно видеть из распространенной у них легенды о ныне живущем еще тунгусе, нажившем свое богатство бессовестной эксплоатацией и грабежами, легенды, утверждающей, что этот добродетельный муж разбогател благодаря золотому дождю, посыпавшемуся на него однажды, когда он охотился в тайге. А этот золотой дождь, конечно, милость бога к своему любимцу.

Раз существуют у гиляков представления о собственности, естественно имеют место у них и договоры купли-продажи, мены, займа и пр., но чаще всего, разумеется, эти договоры являются меновыми.

Два слова о долговых обязательствах. Сахалинский гиляк не занимает денег; долги его образуются преимущественно из невыполнения одной стороной имущественных обязательств договора. Никаких процентов за ожидание уплаты не полагается. С процентами знакомы только амурские гиляки, заимствовавшие их у манджуров; но даже у амурских гиляков проценты взимаются только при займе денег или соболей, но никогда за ссуды другого рода. Особенность долговых обязательств у сахалинских гиляков та, что, во-первых, по ним не существует никакой давности (жалобы о взыскании долгов, сделанных 30—40 лет тому назад, попадались нередко); затем, во-вторых, в случае несостоятельности должника и его ближайших родственников или за смертью этих лиц, отвечает за долги род, в лице сородичей. Фондом, из которого возмещаются долги, в случае неисполнения условий договора, являются те заветные драгоценности, которые обыкновенно лежат неприкосновенными в амбаре обладателя. На эти-то вещи налагает свою руку кредитор в тех редких случаях, когда он вынужден бывает насильственно получить свой долг. Явное или тайное отпряжение собаки из нарты должника является также одним из способов взыскания долга. Но что более всего любопытно, что говорит в пользу правдивости гиляков и крайне важно при разборе их тяжб, — это то, что ни один должник не отречется от своего долга, хотя бы самого давнего, самого неприятного для него. Гиляк крайне удивляется, когда вы его спрашиваете, имеет ли он свидетелей своего долга. «Спроси его (должника)!» отвечает кредитор недоумевая.

Говоря об экономических и юридических отношениях, нельзя не упомянуть о роли труда в этих отношениях. Капитал, как основание для вознаграждения, не играет еще почти никакой роли. На общей охоте, например, при ловле нерп, дельфинов, когда с этой целью гиляки собираются по нескольку человек на одной лодке, добыча делится поровну между всеми участвующими. Хозяин лодки получает наравне с подростком, сидящим на гребках. Даже искусство метальщика копья или стрелы не составляет основания для особого вознаграждения. И мало того, при далеких экспедициях, напр., с Амура на юг Сахалина, сверх равного пая добычи получает не собственник лодки, а тот, который в пути исполняет хлопотливые обязанности по приготовлению пищи и доставлению дров. При совместной рыбной ловле хозяин лодки и сетки получает равную долю со своим неимущим компанионом («навх»). Правда, я видел пример, когда хозяин лодки и сетки получил $^{2}/_{3}$ улова, а его неимущий товарищ — только $^{1}/_{3}$; но на мой вопрос о причине неравномерности, мне ответили: «А зачем ему больше? Он холост, один; ему больше не нужно». Положение, напоминающее несколько положение работника, я встретил всего раза 2—3, но и в этих редких случаях положение работника не напоминает наших обычаев. Хозяин поможет своему работнику купить жену, сделает его участником при наследовании после своей смерти.

Наследование.

Строй современной семьи гиляков естественно вызывает желание отца передать свое имущество детям. С другой стороны, родовая организация требует, во всяком случае, чтобы имущество не выходило за пределы рода. Из взаимодействия этих начал вытекает то, что после отца наследуют дети, и только за отсутствием их — братья покойного и далее сородичи его, но в то же время женщины не только в обыкновенных и восходящих линиях родства, но и в нисходящих исключаются из права наследования, как лица, назначение которых — выступать из рода отца и переходить в род мужа. Таков принцип. Практика, правда, смягчает его; так, напр., дочери получают из наследственного имущества приданое, а иногда и замужние дочери, особенно когда нет наследников мужского пола или когда мужья купили их за большую цену, принимают участие в наследовании; но такие случаи — не общепринятые смягчения принципа, и обыкновенно они осуществляются путем завещания. Перед смертью гиляк созывает своих сородичей и изъявляет им свою волю. Такие предсмертные распоряжения дают возможность гиляку делать своими наследниками не только дочерей, но и лиц чужого рода, напр., зятьев или работников. Если же он умирает без предсмертного распоряжения, то, конечно, вступает в действие указанный принцип наследования. Но детали лучше всего разъяснят суть этого принципа.

Если гиляк умирает, не оставляя ни жены, ни детей, наследуют братья; за неимением их — сородичи-руэры, в порядке близости родства. Если он оставляет вдову нестарую и детей, то вдова по решению рода переходит к одному из братьев или руэров покойного, который является с правами и обязанностями отца по отношению к детям и опекуном их наследственного имущества до достижения ими зрелого возраста. Девочки получают приданое, а взрослые сыновья, отделенные или желающие отделиться, получают свою долю наследства немедленно. Если же вдова стара и в числе детей есть хоть один сын-подросток или взрослый, то семья продолжает жить, как жила при отце. Взрослый сын будет кормильцем и работником семьи. Вопрос о разделе наследства возникает только, когда подросшие дети пожелают впоследствии разделиться. Если гиляк умирает, не оставляя детей или оставляет лишь детей женского пола, то имущество переходит к тому брату покойного, который женится на вдове; если при этом наследство большое, то остальные братья и дочери покойного, даже замужние, привлекаются к участию в наследовании. Бездетная вдова-старуха переходит на иждивение братьев покойного, которые разделяют между собою наследство. Необходимо заметить, что бездетный или не имеющий сыновей гиляк заблаговременно принимает меры, чтобы у него был наследник мужского пола, что всегда совпадает с необходимостью иметь помощника-работника в хозяйстве и кормильца на старости. С этой целью гиляк принимает к себе сына одного из своих руэров или бедного сородича-руэра, которые работают вместе с ним и являются его наследниками. Замечательно, что при наличности даже детей, лицо, работавшее долгое время в семье, получает долю наследства. Зятья, работавшие с тестем до его смерти, без сомнения, являются наследниками по воле завещателя. Наследники мужского пола получают равные доли наследства. В том только случае, когда младший сын жил с отцом до самой смерти его, в то время как другие сыновья отделились, он получает несколько больше остальных братьев.

Юридическая нравственность.

Среди сахалинских гиляков почти совсем не встречается преступлений корыстного характера. Свои драгоценности гиляк хранит в амбаре, который никогда не запирается. Среди тайги, в дороге, в необитаемом летнем помещении гиляк спокойно оставляет дорогие вещи, не опасаясь за их целость. При мне гиляк оставил в тайге, в двух шагах от дороги, кусок шелковой материи и дорогое копье. «Никто не возьмет!» сказал он спокойно.

Если гиляк иногда и соблазняется чужою собственностью, то это всегда бывает в области лакомств и съестного, и на такие прегрешения гиляки, как и все почти варвары, смотрят снисходительно. Во время своего путешествия на север Сахалина я имел возможность наблюдать эту черту гиляка. У меня брали без позволения или выпрашивали сухари, сахар, табак, но ни разу не было покушения на вещи гораздо более ценные. Кража у гиля[illegible] грех, и совершивший ее покрывается позором. А позор и есть великое наказание для гиляка. Уличенный в совершении чего-либо постыдного, гиляк уходит в тайгу и налагает на себя руки (вешается). Никогда гиляк не совершает самоубийства из страха перед бедностью, которая, при обычной взаимопомощи, никому не страшна. Его не побудят к такому шагу никакие физические страдания, но перед стыдом или сильным личным горем он сдается и жертвует жизнью.

Убийства у гиляков очень редки и никогда не носят корыстного характера. Убийства совершаются преимущественно в запальчивости и часто при самой наивной обстановке. Так, гиляки имеют обыкновение бороться и вот во время борьбы противники приходят в такой азарт, что хватаются за ножи. Вообще гиляк хватается за нож при первом раздражении, но он далеко не так скоро прибегает к своему оружию, как южанин. Страх перед русским правосудием благотворно действует на него в этом отношении. Гиляцкие юноши перед вступлением в борьбу стали бросать от себя ножи, боясь увлечения. Но русская водка сделала нередкими у гиляков амурских убийства в состоянии опьянения. Я не буду распространяться об убийствах, совершаемых сознательно, по требованиям родовой мести или супружеской чести. Такие убийства рассматриваются гиляками как правомерные, хотя с водворением русских они начинают исчезать.

Обиды действием или словами тоже не частое явление у гиляков и кончаются либо примирением, либо дуэлью. В первом случае, обидевшая сторона, сознавая свою вину, искупает ее, добровольно одарив обиженного собаками, халатом и прочими вещами. Во втором случае противники дерутся на палках до тех пор, пока одна сторона не признает себя побежденной. А фехтовать палками гиляки большие мастера. Этому искусству гиляки обучаются с детства, и дети даже при лунном свете в морозные зимние ночи со страстью предаются этому благородному упражнению. В гражданских своих отношениях гиляк, по общему правилу, проявляет правдивость, верность слову и добросовестность. К сожалению, губительное влияние проходимческого населения Амурского края стало проникать и в самые отдаленные селения гиляков. Достаточно нескольких человек, поучившихся мудрости в Николаевске, чтобы опутать обманом целые селения, породить подражателей и целую массу нескончаемых тяжб. Суд и посредничество сородичей, еще авторитетные внутри рода, становятся бессильными, если спор ведется между членами разных родов. У гиляков есть обыкновение обращаться к смешанному собранию из «хлай-нивухов» разных родов для разрешения взаимных споров. Но в настоящее время этот институт теряет свою силу, так как обрусевшие гиляки, которые являются вместе с тем самыми главными виновниками раздоров и тяжб, отказывают ему в уважении и компетентности. Русской администрации предстоит придать авторитетность этому суду «мудрых» и уважаемых, утверждая по выбору «хлай-нивухов», регулируя время их собраний, компетенцию и пр. И первое условие, чтобы «хлай-нивухи» были из разных родов. Наблюдения показали, что гиляки способны толково выбирать людей и ценить значение выборного суда, утвержденного русской администрацией.

V.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ.

В заключение, чтобы дать некоторое понятие о количестве сахалинских гиляков и реальнее представить их экономическое положение, считаем не лишним привести некоторые числовые данные по этим вопросам, добытые нами во время подробной переписи 1891 года. При этом мы считаем более удобным рассмотреть отдельно: а) западный берег, между постом Александровским и мысом Марии (самой северной оконечностью западного берега) и б) восточный берег с бассейном р. Тыми, между м. Де-ла-Кройера и м. Левенштерна (северною оконечностью восточного берега).

а) Западный берег. Всех зимних гиляцких селений между п. Александровским и м. Марии 25. Они расположены в следующем порядке: Аркыйво, Ямл, Мангивай, Танге, Хоэ (Хои), Виахту, Тыки, Вааз, Ныйдэ,[1] Поксы, Тырки, Тенги, Тальвотигрво,[2] Марилво, Пиниво, Марво, Васхонхво, Котпилво,

---

[1] Прежде на месте этого поселения жили тунгусы, от которых сохранились на низком песчаном берегу пролива надгробные памятники в виде ящиков, увенчанных крестами.

[2] Отсюда дорога на материк, к селению [illegible]

Тамлыво, Лиркрыво, Вискво, Помр,[1] Нильво, Туми и Ныур. Значащееся на карте еще севернее Ныура селение Конбыгрво теперь не существует. В перечисленных селениях всего 78 юрт, а в них 245 семейств-хозяйств.[2] Всего населения 1041 чел., а по полам: 561 муж., 480 жен.; из них взрослых (считая и подростков) 678 чел.; женатых и вдовцов 278, многоженцев 32 (четыре человека имеют по 3 жены, остальные по 2); на одного многоженца приходится 9 человек, имеющих по одной жене.[3] Детей выживших 515, умерших 247, так что процент детской смертности minimum 33%;[4] процент плодовитости — 2,7%, хотя эта цифра ниже действительной, так как в число женатых включены, с одной стороны, малолетние, для которых родители купили жен-малолеток, с другой — взрослые обладатели малолетних жен. На одну юрту средним числом приходится 12 человек, хотя есть не мало юрт со многими десятками обитателей; например, одна юрта в сел. Нянгво вмещает в себе 42 человека одного и того же рода.

Что касается величины зимних селений, то самые большие из них следующие: Тамлыво и Лиркрыво (по 144 чел.), Вискво (116 чел.), Ныур (103 чел.), Аркыйво (87 чел.), Тальвотигрво и Тенги (по 64 чел.), Китнидво и Помр (по 59 чел.), Нянгво (58 чел.); самые меньшие: Ямы (4 чел.), Вааз (8 чел.), Ноксы (9 чел.). Летом самое многолюдное сел. Тамлыво.

Нерп убито во всех селениях в последний сезон 1026; соболей убито в ближайших к п. Александровскому селениях 258.[5]

---

[1] Отсюда дорога на охотский берег, к сел. Кехрво (1—2 суток).

[2] Под «семейством» разумеем, во-первых, всякую супружескую чету, как взрослых, так и малолетних, как отделенных от родителей, так и неотделенных, и поэтому «хозяйства» сочтены отдельно; во-вторых, вдовых и их детей, а также сирот (братьев и сестер), живущих общим хозяйством.

[3] В рубрику «женатых» вошли и вдовые, так как для процентного вычисления числа холостых и многоженцев вдовые должны считаться в общем числе женатых. Термины «многоженец» и «двоеженец» употребляем безразлично на том основании, что на охотском берегу не встретилось ни одного случая, где бы инородец имел более 2-х жен, хотя и не существует никакого запрещения в этом смысле; на западном берегу и на Амуре многие гиляки имеют по 3-4 жены.

[4] Число детей, за неимением лучшего способа, определялось так, что каждому женатому были предлагаемы вопросы: 1) сколько детей у него в наличности (при чем призывались и записывались поименно, каждый в отдельности) и сколько в отсутствии; 2) сколько дочерей замужем; 3) сколько умерло у него детей со вступления в брак по день переписи. Таким образом получалось точное число детей в данной семье, живых и умерших. Отсюда уже легко определялся процент смертности.

[5] Цифры убитой пушнины и пр. за последний сезон приводится по по-

Ружей имеется всего 143, лодок 201 (1 лодка на 5 чел.), собак 100. На заработки ходят в Николаевск 115 чел., т. е. $^1/_8$ часть взрослых. Самые богатые нерпой и дельфинами селения: Тамлыво, Вискво, Помр, Танги; последнее также богаче других соболями. В двух селениях — Хоэ и Танги — гиляки разводят картофель. В сел. Тыки заявлена просьба гиляков о поселении среди них хоть одного русского, с помощью которого они могли бы разводить картофель. Селение Тыки следует отметить еще в некоторых отношениях. Во первых, начиная с этого пункта, гиляки перестают промышлять соболей вследствие подавляющей конкуренции тунгусов, истребивших соболя поблизости селений и гоняющихся за ним на олене. До появления тунгусов гиляки успешно промышляли диких оленей и соболей. Во-вторых, начиная с этого селения, можно наблюдать прогресс в постройке зимних юрт. В Тыках землянка уже несколько поднялась над землей, явились окна из рыбьей кожи, а в одной юрте даже из стекла; вместо дымного очага — посредине юрты явилась каминообразная печь с трубою. Еще дальше, начиная с селения Тенги, мы уже встречаем громадные юрты с полудюжиною больших окон и с довольно сложною системой отопления, напоминающей наше паровое. Горизонтальные каменные трубы, проведенные из печей и тянущиеся вдоль стен под нарами, служат главным образом для нагревания последних; дым же подземным ходом выходит в высокую вертикальную трубу, которую заменяет соответственным образом обделанный ствол дуплистого дерева. Такая же система отопления применяется у амурских гиляков и в фанзах манджуров, от которых, быть может, она и заимствована.

Что касается характера местности, то приморские части западного берега большею частью тундрообразные, с мелкой порослью. Дорога идет частью морем, частью тайгой, редко хребтами. С приближением к сел. Помр берег становится более возвышенным, а начиная с летнего селения Музьво, поразительно напоминает берег между постом Дуэ (Александровским) и сел. Танги, только живописнее, и оканчивается близ последнего селения Ныур великолепным мысом Марии, называемым гиляками «Миф-Чонгр» (голова змеи) и напоминающим симмет-

---

казаниям самих гиляков. Эти цифры, по всей вероятности, несколько ниже действительных. В селении Китнидво, например, староста селения [illegible] убеждал своих не сообщать правды русским, которые, мол, придут и [illegible]мут набитое...

ричный ему мыс Жонкиер, только выше и живописнее, особенно зимою, когда многочисленные конусообразные вершины его, покрытые снегом, кажутся гигантскими шатрами огромного лагеря. Даже минеральные породы, кажется, те же, только характернее. Растительность берега богаче и свежее, чем близ п. Александровского. Береза, тальник, осина, не говоря уже о высокорослых хвойных деревьях, невредимо примкнули к самому берегу. Ветры здесь никогда не бывают так опустошительны и продолжительны, как на «нашем» берегу. Помрская бухта вполне защищена от ветров и, по словам жителей, вполне доступна для больших судов. В 30 верстах от сел. Помр находится керосиновое озеро. Дорога к нему тайгой и тундрой.

б) **Восточный берег и бассейн Тыми.** 1) Между мыс Де-ла-Кройера и м. Вирста лежат гиляцкие селения: Мосьбво, Уськво, Сливо, Адытымь,[1] Хомрво, Плюво, Периво. 2) На охотском берегу селение Ныйво, а к югу от него селения: Милькво, Набильво, Чохэлво, Лунгво, Хонги, Пильнги, Чамрво, Нгамбово (далее к югу населенных мест нет); к северу от Ныйво гиляцкие селения: Тэярво, Тырмыц, Ларво, Вангрво, Чайво, Чоньх Ыгво, Ашво, Кехрво.

Итак, на этом берегу всех гиляцких селений 25,[2] со 109 юртами. Населения в них всего 703 чел. (по р. Тыми 197, по охотскому берегу 506): мужч. 416, жен. 287; они составляют 169 семейств, 133 хозяйства; взрослых 483, женатых 175, многоженов 9, средняя плодовитость — 3; детей переживших 332, умерших — 169. Ружей — 64 (из них 30 на охотском берегу, остальные на Тыми), сетей 121, лодок 122, собак 1480. Нерп убито в последний сезон 688, соболей 586, лисиц 134, выдр 43, медведей 63.

Из этого можно сделать следующие выводы: на 1 юрту здесь приходится средним числом 6 чел.; средняя семья состоит из

---

[1] В окрестностях этого селения растет дикая конопля, из которой гиляки делают свои сети, приезжая даже из отдаленных селений.

[2] В рукописи 24. Может быть автор не включил в число селений селения Мосьбво, на берегу р. Тыми, в 7 верст. от сел. Рыковского. По поводу этого селения Мосьбво автор дает следующее замечание: «Обитаемо только осенью и зимою. Весну и лето жители проводят на западном берегу, преимущественно в сел. Аркыво, где ранней весною промышляют тюленей, а в течение лета ловят рыбу, которой в это время года в Тыми не бывает. К началу августа, ко времени хода кеты, население водворяется в своих зимних жилищах». *Ред.* Журнал „Этногр. обозр".

4—5 членов; 1 холостой[1] приходится на 11 женатых, 1 двоеженец на 19 женатых. Отношение между числом мужчин и женщин (416 : 287) таково, что на 1000 муж. приходится 694 жен., в то время как в России вообще на 1000 муж. — 1023 жен., а в Азии на 1000 м. — 960 жен. Смертность детей 33,7%. На каждого гиляка приходится по 2 собаки, на взрослого — по 3. Принадлежностей охоты, особенно ружей, в общем очень мало.

Тымовские и охотские гиляки принадлежат к 18 родам, из которых особенно многочисленны роды: Чуй-гуй в сел Чайво (114 чел.), Ады-Тымовский (156 чел.), Мымызи в Ныйво (94 чел.), Урландж в Чайво (55 чел.). Наиболее замечательны по населенности селения: Чайво (151 чел.), Кехрво (90 чел.), Ныйво (116 чел.), Тэхрво (51 чел.), а по Тыми — тройное сел. Ады-Тымово с соседними Хомрво и Плюво (106 чел.), не считая пришлого населения с западного берега, Мозьбво (Рыковское, 56 чел.) и др. Первые два из этих селений, Чайво и Кехрво, имеют между собою очень трудное сообщение; помимо мелководья, переезд затрудняется тем, что в нескольких местах приходится перетаскивать лодку на себе по суше на довольно большие расстояния. Из сел. Кехрво, как выше сказано, сообщение с западным берегом к сел. Помр.

К северу от Кехрво берег не населен, и летнее путешествие на север крайне затруднительно, а берегом совсем невозможно за неимением перевозочных средств через широкие устья многочисленных заливов. Остается единственный способ передвижения — на оленях тайгою и хребтами. Если прибавить к этому, что вьючный олень с крайним трудом пробирается в летнее время, то станет вполне понятным, насколько затруднительно и медленно подобное путешествие.

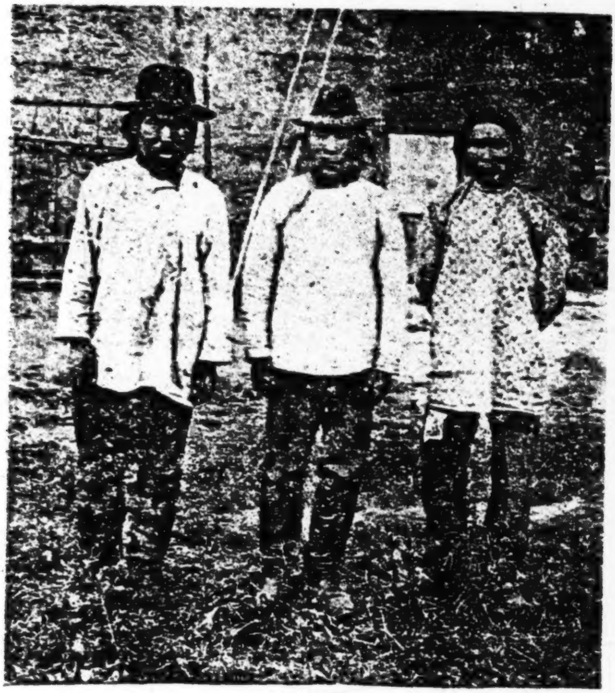
По словам жителей Кехрво, на крайнем севере, выше м. Левенштерна, находится, на берегу моря, еще крошечное селение орочонов — Тронд (2 юрты с 6 мужч. и 3 женщ.). Сообщение оно имеет с западным берегом — в сел. Помр (сутки езды на оленях, а от Кехрво в летнее время требуется не менее 10—15 дней). Остальные сахалинские селения орочонов, а равно поселения тунгусов, также детально описаны во время переписи. Но подробностей об этих народностях мы не включаем в настоящую статью, посвященную специально гилякам.

---

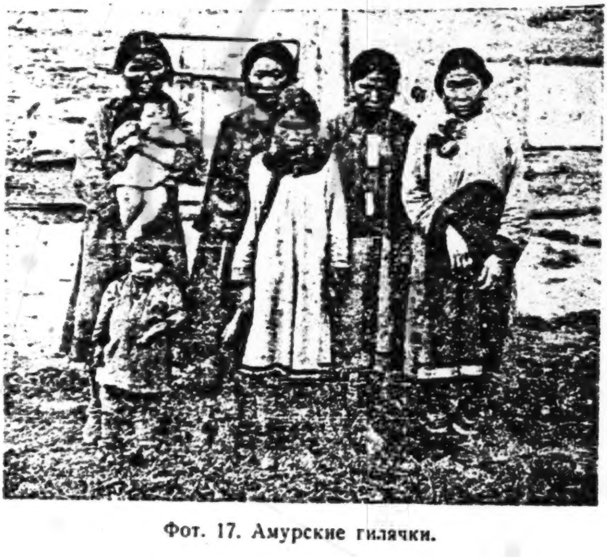
[1] Под холостыми понимаются исключительно старые, так сказать, безнадежные холостяки.

[2] Принадлежность каждого к тому или другому роду зарегистрирована, отсюда выводы о численности родов и т. д.

[End Plate 1, following P.388]



Фот. 16. Амурские гиляки.



Фот. 17. Амурские гилячки.

Фот. 18. Амурский гиляк.

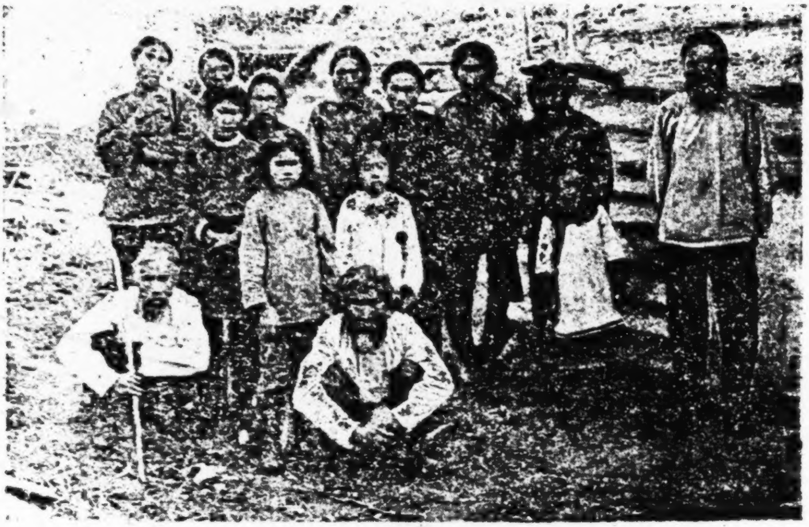
Фот. 19. Гилячка сахалинская.

Фот. 20. Гиляк амурский.

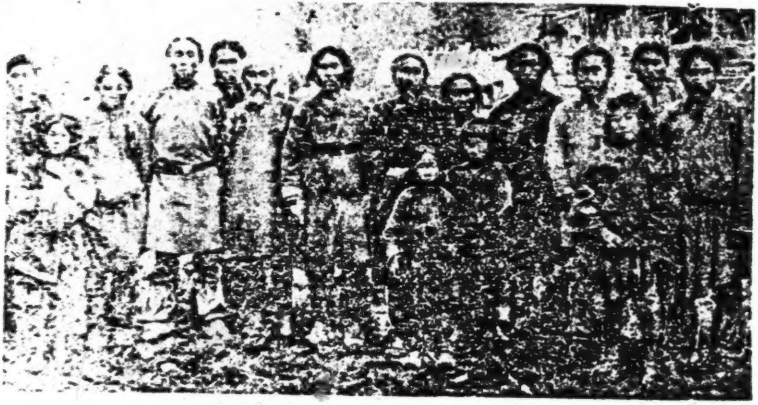
Фот. 21. Амурские гиляки.

[End plate 2, following p. 388]

[End Plate 3, following p. 388]



Фот. 22. Амурские гиляки.



Фот. 23. Сахалинские гиляки.

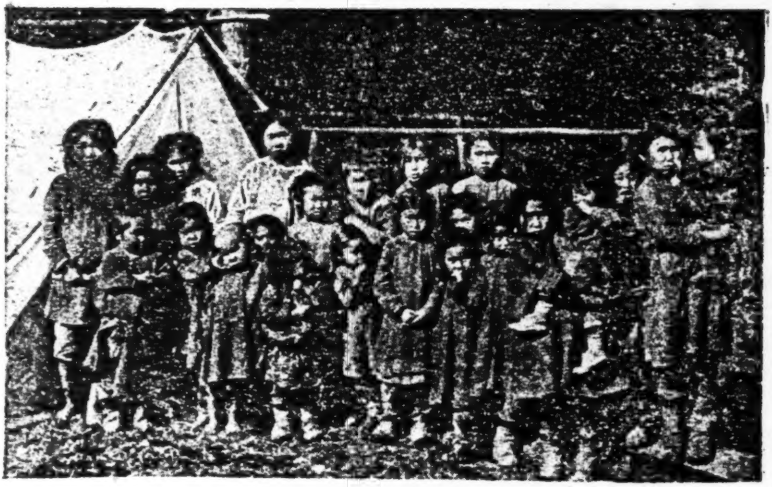
1:Shternberg RX2 Gilyak

[End Plate 4, following P. 388]

Фот. 24. Сахалинские гиляки.

Фот. 25. Сахалинские гилячки.

[End Plate 5, following p. 388]



Фот. 26. Сахалинские гиляки. Группа детей.

[P. 738]

ВАЖНЕЙШИЕ ИЗ ЗАМЕЧЕННЫХ ОПЕЧАТОК

[PP. 389–737 not Processed]

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
18	5 снизу	в с. Танках	в с. Танги
37	10 "	браком	бракам
45	15 "	Sathpuras	Satpûras
45	16 "	Song и Bygar	Gond (гонды)
48	16 "	cox	йох
50	19 сверху	живое	живые
56	12 "	1891	1894
65	5 "	перение	передние
87	7 снизу	и хозяину	к хозяину
120	9 сверху	либо проникнуть	проникнуть
130	9 "	либо проникнуть	проникнуть
133	7 снизу	akyn, axun	akun, axyn
134	12 "	заимствованны	заимствованы
135	16 сверху	ut-gu	ut-ku
135	21 "	аж	nv
136	2 "	ut-gu	ut-ku
139	12 снизу	n'ytxyn	n'ytxun
145	15 "	n'bilan	n'vilan
145	14 "	n'bila n'emka	n'vila n'ymka
145	4 "	ytkyntox	ytkuntox
145	2 "	pytkyn lo pymkayn	pytkun lo pymkaun
146	13 "	ymg:a kyn	ymg:i kun
146	3 сверху	множествениое	множественное
157	16 снизу	следовательное	следовательно
159	11 сверху	жена которого	у которых жена
163	5 "	an'g:e	an'g:ej
164	17 "	plandyn	plandfux
166	20 "	религиозного	религиозного.
167	5 снизу	Арково	Аркыво
172	11 сверху	Аркайво	Аркыво
174	4 снизу (сноска)	их как tuvn,	б, как tuvn,
176	9 сверху	одни.	одни
179	5 "	чашки	чашки шесть их
182	подстрочное примечание	p. 15	p. 811 Table IV
200	1 снизу	Nilavo	Pilavo
222	2 "	byger	bygar
229	7 "	женщин	двух женщин

1: Shternberg RX2 Gilyak

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
230	15 снизу	разделяется	разделяется в свою очередь
230	18 „	виде:	виде: I деление $(A^1+b^2)+(A^2+b^3)+(A^3+b^4)+(B^1+a^2)+(B^2+a^3)+(B^3+a^4)$ и т. д. II деление.
231	2 сверху	на сестрах	на сестрах друг друга
243	5-6 „	II деление: и т. д.	II деление: $(B^1+a^3)+(B^2+a^4)+(B^3+a^5)+(B^4+a^6)+(B^5+a^7)+(B^6+a^8)$
244	1 „	у группы IV	у группы IV и дает своих женщин группе III,
245	5 „	время то	время то
252	20 „	о колени	о колене
258	16-21 „	n anygind	nanygind
259	1 „	sanx	sanx
261	10 „	menin	menyn
265	8 снизу	pandlos'	pandos'
269	21-23 сверху (подзаголовок)	Неортодоксальные формы заключении	Неортодоксальные формы заключения брака
275	7 снизу	jas'ing	azmynd
276	18 сверху	это дары	эти дары
278	1 снизу	Kys'oxti	Kys'oxty
286	2 сверху	пермской	Пермской
286	11 „	Конма;	Конма
289	11 снизу	их	и т
[illegible]	13 „	„номирай"	„ломирай", т. е. погибает
[illegible]	11 „	бидь	шаль
300	2 сверху	его (foz'd')	его
301	13 „	приданнос	приданое
301	14 „	конкеl	конке
318	13 „	мана	мана),
[illegible]	16 снизу	Mlyvo	и Млыво
328	19 сверху	напамять	на память
331	8 „	[illegible]	[illegible]
337	14 „	чхнай	чхнаj
341	8 „	k	kyr
391	14 „	[illegible]	[illegible]
401	29 „	Та-ма	Тама
405	19 снизу	и Хи	и Хи —
405	18 „	[illegible]	Naman —
410	9 „	[illegible]	[illegible] рытье
430	14 сверху	[illegible]	[illegible]
449	23 „ (1 колонка)	d нщи	dan-щи

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
449	23 сверху (1 колонка)	nungun-d'a	n'ungun-d'a
637	16 снизу	двух	трех
637	13 „	два	три
637	8 „	по ряду	к ряду
637	3 „	июль 1932	июнь 1933
638	16 сверху	русскими антропологами	антропологами
640	12 снизу	теоретическая	прежняя
640	11 „	прикладная	умозрительная
642	2 „	интересные	новые

В разделе „Сахалинские гиляки" стр. 35[illegible] необходимо читать везде вместо слова „ruer" — „ruvn".

Техреды - Н. Пантелеева, Л. Калашникова и [illegible] Иванов.

Облит № 361. Сдано в набор 25/XII 19[illegible] г. Последний лист подписан к печати 10/XII—1933 г. Тираж 2000. Объем [illegible] п. л. Бумага 7[illegible] 105/[illegible]. Колич. знаков в 1 п. л. 12 [illegible] Заказ тип. № 163.

Типо-литография им. Волина. Владивосток, Ленинская 13